

СВЕТОВОЙ ГОД

литературный альманах из Нижнего Тагила

120

КНИГА
ВТОРАЯ

*Данное издание осуществлено на средства гранта
Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества.*

АВТОРЫ

Андросенко Анна, Васюнов Максим, Еникеева Эльвира, Захарова Анна, Исупова Оксана, Киселькова Елена, Лебедев Алексей, Малышев Владислав, Мальцева Ольга, Марочкина Оксана, Миронов Алексей, Новгородцева Светлана, Печальник Николай, Печенежский Эдуард, Прямова Екатерина, Разливинский Ян, Рид Екатерина, Скорняков Никита, Соловьева Екатерина, Сорочкина Екатерина, Ставцев Евгений, Судьина Юлия, Табатчикова Елизавета, Телков Борис, Узкова Наталья, Хомякова Елена Черемных Марина, Эрц Аля.

ХУДОЖНИКИ

Аганичева Ольга, Головина Анна, Ветошкина Наталья, Дубовицкая Римма, Завьялова Ольга, Иконников Сергей, Ильина Марина, Кизилов Владимир, Кипарис Елизавета, Корнев Михаил, Мамонов Николай, Маевский Юрий, Павленко Вероника, Пинтелин Анатолий, Платошкин Николай, Руднева Анастасия, Симбирская Ада, Смирнова Елизавета, Стасова Анна, Табатчикова Елизавета, Трухин Сергей, Хабиров Риф, Шаяхматова Анастасия, Шипошина Татьяна.

С24

Световой год: Литературный альманах из Нижнего Тагила. – Нижний Тагил: Объединение «Союз», 2020. – 236 с.: илл.

Второй выпуск альманаха «Световой год» представляет новые произведения тагильских авторов.

Тексты публикуются в авторской редакции.

Обложка: Елизавета Табатчикова.

Литературная студия «ВМесто тысячи слов» выражает глубокую благодарность Центральной городской библиотеке г. Нижний Тагил (директор Наталья Петровна Якимова) и МОО «Клуб любителей книги города Нижнего Тагила» (руководитель Марина Леонидовна Попова) за неоценимую помощь в появлении на свет этой книги.

РЕАЛИЗМ ФАНТАЗИИ

1.

НА ОБЛОЖКЕ не случайно свился кольцом дракон: в книге, которую вы раскрыли, немало произведений, написанных в жанре нереальной прозы. Какие-то истории откровенно фантастические, какие-то приправлены мистикой, третьи лишь допускают нечто «не от мира сего»... Удивительного в этом мало: авторы альманаха молодцы и им интересно это погружение в необычность, в которой они сами создают свои миры, являются их полноправными властителями.

Уверен, что во времена, которые не застали даже их родители, авторов дружно обвинили бы в отрыве от реальности, навесив кучу всяческих ярлыков, вплоть до политических. Что ж, тогдашний принцип «социалистического реализма» предполагал лишь один метод показа действительности – в отличие от наших времен...

Действительности? Да, я не оговорился. Несмотря на всю фантастичность сюжетов, наши авторы пишут именно о действительности, о том, что их окружает, что волнует.

Не помню, кто сказал о творчестве Станислава Лема: он наряжает земные проблемы в космические одежды. Думаю, эти слова можно с полным правом отнести ко многим произведениям альманаха: в них отражаются проблемы нашего с вами мира.

Вот рассказ студента Эдуарда Печенежского «Дуэль». Мы видим общество недалекого будущего, жестокого... к творцам. Творчество под запретом, все подчиняется инструкциям и правилам. Фантастика, очередная антиутопия? Разумеется. Но что стоит за этим? Размышления о нашей реальности.

Давайте вспомним... Писатели XIX века, с легкой руки Пушкина, – это «властители дум». Писатели XX века – по словам Сталина – «инженеры человеческих душ». В обоих случаях мы видим особую оценку литературного труда, ответ-

ственность писателя за сказанное. И, собственно, так и было: в дореволюционной России, не избалованной всеобщей грамотностью, в советской стране 20-50 годов... К печатному слову прислушивались, писатели были избранными... Но чем выше поднимался уровень образования, тем понятнее становилось, что писательство – отнюдь не стезя одиночек. Всеобщее среднее образование постепенно усреднило и профессию писателя, сделав ее массовой. Понятно, что в издательства пробиваются единицы, но и остальные не остаются в забвении, как прежде. Ведь есть интернет! С его приходом в нашу жизнь на Человека Читающего обрушился целый потоп текстов, словно каждый второй решил стать писателем. А почему бы и нет, если барьеры в виде редакторов, критиков и рецензентов уже не влияют на качество текста? На сайте Библиотеки Мошкова, одном из старейших литературных в Сети, сейчас выставлено более двухсот тысяч рассказов, свыше 21 тысячи романов и столько же повестей, количество стихотворений давно перевалило за полмиллиона... Хорошие тексты просто тонут в трясине графоманской халтуры... И это только ОДИН сайт...

Э. Печенежский видит эту ситуацию и гипертрофированно отображает ее: Музы мстят тем, кто бесталанно хватается за сочинительство, и теперь взяться за перо – это все равно что выйти на дуэль...

А молодой специалист Екатерина Прямова в небольшом рассказе «Застряла» поднимает проблему людского отчуждения. Тысячи лет назад, чтобы выжить, люди сбивались в стаи, племена, образовывали роды, союзы, государства. Но чем дальше шагал прогресс, тем больше человек отделялся от человека. Уже не было необходимости объединяться, чтобы защитить себя. И в итоге мы пришли к тому, что видим сейчас: одиночество и разобщенность в жизни, приправленные бурным общением в виртуальном пространстве. Сотни «друзей» в сетях, тысячи комментариев, лайков создают иллюзию общения, нужности... Но стоит исчезнуть связи и человек остается один на один со своей бедой...

Есть ли надежда, спросите вы. Или все, по мнению молодых авторов, так плохо?

Надежда есть, и она в нас, в людях.

Она приходит в рассказе школьницы Елизаветы Табатчиковой «Желтые жизни», истории Евгения Ставцева «Гербарий»... Да и в миниатюре той же Е. Прямковой «Огоньки», мы видим, как расцветает сердце, когда оно перестает быть одиноким.

Ныне одним из противовесов разобщенности становятся объединения людей по интересам – как это произошло со многими людьми, подружившимися на различных творческих площадках в рамках проекта «Вместо», как случилось с теми, кто пришел в нашу студию «ВМесто тысячи слов».

Студии, действующей под крышей городской библиотеки Нижнего Тагила, всего полтора года, даже меньше. Но за это время сформировалась группа единомышленников, для которых литература, работа со словом стали частью жизни. Как и прежде, работа ведется в двух направлениях: очно со школьниками и студентами, заочно – с работающей молодежью и служащими. Мы собираемся в стенах библиотеки, активно общаемся в сетях, принимали участие в литературных мероприятиях, конкурсах. Произведения членов студии уже публиковались в местной периодике. Уверен, что наше сотрудничество будет продолжаться и дальше – ведь даже уходящий год, практически полностью прошедший под знаком «ковида», не смог оборвать нашего общения. У нас есть и новые планы, и потенциал для их выполнения.

2.

ТЕ, КТО читал первый выпуск альманаха, сразу обратят внимание на внутренние изменения: книга стала более структурной. Задачей первого выпуска было собрать ядро из прозаиков, поэтов и художников, привлечь как можно больше авторов – и это нам удалось. Поэтому второй выпуск решено сделать уже по принципу, по которому формируются «солидные» издания

подобного рода: мы усложняем структуру, показывая, насколько многообразно творчество тагильчан. Если в первой книге деление шло на поэзию и прозу, то сейчас появились новые рубрики.

Открывает книгу раздел повестей. Я знаю, что в запасниках некоторых авторов имеются и рукописи романов, но и повести говорят о том, что тагильчанам по плечу работа с большими формами. Характерно то, что, несмотря на разность приемов и форм, действие всех повестей происходит в наше время, в современном антураже.

Произведениям малого жанра отведен раздел «Рассказы».

Новым, и отчасти неожиданным для меня самого, стало появление раздела «Пьесы». Оказалось, что у нас в городе есть немало людей, пробующих себя в этом жанре.

А вот раздел «Детям» был вполне ожидаем. Во-первых, среди авторов альманаха много школьников, для которых детство – это буквально вчерашний день, и писать о нем легко. Да и среди авторов постарше оказалось немало тех, кто не прочь написать для детей и о детях.

Завершает альманах раздел с необычным названием «Не». Это НЕпроза, НЕпоэзия. Это раздел, в котором будет место интересным краеведческим очеркам, литературоведческим или критическим материалам, путевым заметкам, написанным увлекательно и свежо. Это тоже часть литературы, это тоже наши авторы и их творческие поиски в разных направлениях. И еще это НЕскучно.

*Ян Разливинский,
руководитель литературной студии
«ВМесто тысячи слов»,
редактор-составитель.*

MOBILITY

ЕКАТЕРИНА СОЛОВЬЕВА

БЫНЯ

СЕМЁН Вихарев шёл в школу, как на каторгу. Школа – это нечто неизбежное, как дождь осенью, это то, что надо просто пережить. Осталось каких-то четыре года. А там можно махнуть в центр учиться на геолога. Везде путешествовать, минералы новые открывать.

Отпινывая с тропинки пожухшие осиновые листья, Семён думал о том, как быстро Палтус с друзьями его вычислит. Вообще-то сейчас начало сентября, эти придурки могут пока затихариться. Но расслабляться не стоит. В прошлом году это стоило разодранного рюкзака и рассечённой брови. До сих пор шрам остался.

А ещё Семён думал о школьном завтраке. Наверное, каша рисовая, горячая, ароматная, а в придачу белый хлеб с маслом. Или омлет – ещё лучше. Почти как у баб Гали в деревне... Дома мать позавтракать не дала: только он полез в холодильник, чтобы сделать бутеров, как она зашипела: «Батона мало осталось! Оставь Боре! Он только батон ест!» Семён плюнул, почистил зубы и вышел. Борькой звали его отчима, коротконового типа с бульдожьей челюстью. Как и зачем с таким мать стала жить, он понял позднее: Борька «держал» пару автомастерских. А так как своего отца Семён никогда не видел (мать сказала, что тот сбежал ещё до Сёмкиного рождения), раньше жили они небогато. На одежду, лекарства и еду хватало, конечно, но без всяких плазменных теликов во всю стену и айфонов. Холодильник, конечно, новый в кредит взяли, ноутбук старенький тётка отдала. Но матери уж очень хотелось на курорт, и «нормальный шмот прикупить». Борька ей, конечно же, всё это предоставил. Но только ей. Семён остался за бортом: в Турцию мать с отчимом летали вдвоём каждое лето, а его отправляли к старенькой баб Гале в деревню. Семён был не против, с бабулей они ладили, жили дружно. Вместе картоху садили, вместе кино вечерами смотрели. Семён чебаков наловит, а баб Галя запечёт так, что пальчики оближешь. А к отчиму взаимная неприязнь возникла не из зависти к богатой жизни. Просто Борька при знакомстве церемонить-

ся не стал: «Буду тебя воспитывать. Чтоб от рук не отбился. А если пальцы гнуть будешь...», — он выразительно поводит перед носом Семёна волосатым кулаком.

Но это всё ерунда. Обычные вещи. Семён шёл по тропинке, вдыхая осенний воздух, сладковатый от опавших листьев, и радовался, что погода стоит тёплая. Во-первых, можно побольше поболтать на улице подальше от «родителей», а во-вторых, не схватывает в груди так, что ни вдохнуть. Проклятая астма скручивала в любое холодное утро. Сальбутамол, конечно, помогал, но не сразу. А потом ещё часа два будто бетонная плита на груди лежит. Во всём, конечно, есть плюсы, и в астме тоже. Например, на забег на скорость по физкультуре можно не сдавать. И забыть про лыжи...

В КЛАССЕ Семён сидел на самом скучном месте: за четвёртой партой третьего ряда, рядом со стеной, обклеенной таблицей Менделеева. Сидел он один. Так сложилось, что за школьные годы он сдружился с Тимкой Матюхиным и Лёвкой Аверченко. Через год Тимка срочно переехал куда-то с отцом, а Лёвка перевёлся в какой-то крутой колледж в спальном районе и дружба постепенно сошла на нет: другие интересы, другие приятели. А с одноклассниками дружбы не сложилось. Как-то так получилось, что в классе ценили статус, а не тебя самого. Как, например, Влада Ждановских — сына директора местного завода, блогера с модельной укладкой и новым айфоном в руках. Вот перед ним все ходили на задних лапках: отличница Снегирёва давала списать на контрольной, а отморозки Корчагин и Гребень за халявные сигареты служили негласной охраной. У Семёна не было ни статуса, ни денег. Поэтому в глазах класса он был, как бы сказал географ Григорий Петрович — нерентабельным.

На втором уроке Семён так увлёкся рисованием ленты Мёбиуса в тетрадке по истории, что сначала даже внимания не обратил на то, что ста-

ло тихо. Подняв голову, он заметил перед доской классную, которая держала за плечо спортивного пацана. Рядом с ним стояла девчонка, и из слов классной стало ясно, что это сестра новенького. Девчонка была такая, что Семён глядел во все глаза. Она не походила на одноклассниц, которые все как одна: тощие, костлявые, длинноногие, каждая с длинной копной за спиной (про себя Семён называл их русалками — такие же хищные и холодные, сожрут и не подавятся). А у новенькой сиял румянец на круглых щеках, ясные серые глаза под шапочкой волос короткой стрижки смотрели прямо, бесстрашно.

— Данил и Света Савельевы.

Семён даже испугался, что новенькую посадят рядом с ним.

«Вот бы чего не ляпнуть, чтобы за дурака не посчитала! А если она такая же, как и все одноклассницы?»

Но он ошибся. Света села у окна рядом с отличницей Снегирёвой. А к нему сел её брат, Данил. Выложил учебник и протянул руку:

— Ну что, будем знакомы?

К АЖДЫЙ вечер после уроков Семён поднимался на пятый этаж к Ярославцевым. У них было трое маленьких детей и большой сенбернар. Дети постоянно болели, а сенбернара надо было выгуливать. Отец Ярославцевых работал где-то на севере, приезжал раз в полгода. Поэтому мама Ярославцевых однажды встретила Семёна в подъезде и попросила:

— Слушай, Сём, сбегай в аптеку, пожалуйста, вот рецепт, а вот зарплата, — и сунула сотню.

С тех пор так и повелось. Собаку, лохматого Боцмана он выводил каждый вечер. А в выходные — ещё и утром. Иногда бегал за лекарствами, за хлебом. Года два назад он покупал батон и пакет молока для старухи Коржиковой с первого этажа. Но потом та начала ругаться и кричать, что Семён её обокрал. И тот стал помогать только Ярославцевым.

Они с Боцманом отпирали старую железную калитку у торца дома и уходили по тропинке в тополиную рощицу, которая уводила к обрыву над речкой. Здесь всегда было темно, свет уличных фонарей не достигал тени деревьев. Только жёлтые квадраты света из окон падали на усыпанную листьями землю.

С Боцманом Семён никого не боялся, даже Палтуса. Боцман – единственный, кому можно было всё рассказать. Пёс, старый и мудрый, шёл рядом и внимательно слушал, высунув широкий розовый язык. Он уже знал про то, что из всего богатства у Семёна – древний ноутбук и коллекция редких минералов, которую он собирал пять лет. В ней были даже переливт, белая слюда и пещерный оникс из сталагмита. И теперь слушал про новенькую Свету и её брата, который не струсил сесть к Семёну за парту соседом.

– Как думаешь, – спросил Семён, – этот Данил, нормальный? Ну... в смысле, общаться, там, дружить с ним... Стоит его прокатить на «восьмёрке»?

Его вопрос оборвал отчаянный крик «Отпустите!». Кричали из глубины рощицы. Голос показался Семёну знакомым. Они с Боцманом перегнулись и зашагали на звук.

Глумливые смешки Семён узнал сразу. На поляне среди старых тополей четверо старшеклассников во главе с Палтусом (Людьков, Зорик и Кривой) стояли кругом. И кого-то толкали друг к другу, будто играли в «горячую картошку». Внутри чёрного круга теней мелькал розовый шарфик и светлые пряди.

Хуже ситуации и представить нельзя. Потому что это Палтус. А связываться с Палтусом – всё равно, что могилу себе копать. Семён почти развернулся. Но ноги назад не несли. Он будто врос в землю, понимая одно: просто так уйти не сможет. Не в этот раз. Не сможет потом спать спокойно.

«А вдруг она такая же, как и все одноклассницы? – трусливо заканючил внутренний голос. – Обсмеёт только!»

– Вот и увидим, – ответил Семён. Он сглотнул

и отцепил поводок от ошейника. Боцман встряхнул огромной головой и осуждающе фыркнул.

– Эй вы! Уроды! – Семён старался вложить в крик угрозу, но голос с непривычки дрогнул. – Отвалите от неё!

Отморозки замерли, трусливо заоборачивались. Палтус держал Свету за капюшон, а она пыталась пнуть его, чтобы вырваться. Он узнал Семёна сразу и издевательски подразнил:

– А не то что? Умолять будешь? Давай, зареви, Выхухоль!

– Я предупреждал. Боцман, фас!

Пёс прыгнул на Палтуса, повалив на землю, и тот отпустил Свету. Она пнула Людькова, врезала Зорику и рванула к Семёну.

– Убери! – истерично орал Палтус. – Убери свою псину!

Семён испуганно потянул Боцмана за ошейник, хотя тот не делал никаких попыток укусить хулигана, только стоял широкими лапами на его груди. Освободившись, Палтус обернулся и понял, что все его дружки слиняли. Убегая в темноту, он прошипел:

– Я тебе этого не забуду, Выхухоль! Земля крутая, ещё встретимся!

Семён только вздохнул, пристёгивая Боцмана к ошейнику. Тот неодобрительно сказал «вуф» в сторону хулигана и копнул задними лапами пару раз землю, пояснив своё отношение к Палтусу.

– Спасибо, – Света впервые улыбнулась, и Семён сразу думать забыл о том, что будет, когда эти отморозки задумают отомстить. – Твоя собака?

– Нет, соседская. Мне нельзя заводить: у мамы аллергия. А ты чего тут делала так поздно?

Света вздохнула.

– Преподаватель по музыке сказала, что я должна лучше чувствовать музыку природы. Так и сказала: слушай природу. Я и слушала...

На ней был розовый шарф со звёздами, такой пушистый, что Семёну захотелось его погладить.

– Пойдём, – он протянул руку и Света вложила в неё свою. – Провожу тебя.

– Видимо, мы ещё и соседи, – рассмеялась она. – Расскажу брату – не поверит!

Когда они вышли на тропинку, Семёну казалось, её глаза сияли: в них отражался свет фонарей и вечерних звёзд. Он подумал, что в жизни ничего красивее не видел.

«Светлана – это звёздный свет...»

– Слушай, я знаю одно красивое место, – слова сами вырвались, не успел он их даже обдумать. – Там точно можно услышать твоё вдохновение. Вот бы щас рвануть туда...

– Не, – Света покачала головой, – поздно уже. Вот завтра после музыкалки... поехали на великах!

– Нету у меня больше велика... – Семён хмуро опустил голову. Велик отобрал поганый Палтус. Наверняка, продал кому-нибудь. – А я о нём так мечтал. Брат двоюродный отдал.

Света промолчала, а потом вдруг сказала:

– Ты когда-нибудь слышал про Быню?

– Чего? Про Быню?

Она смутилась и заторопилась:

– Ладно, мне домой надо. До завтра.

– погоди! – Семён вытащил мобильник. – Давай хоть номерами обменяемся! И это... я тебя сфоткать хотел, чтобы на вызов поставить...

Вообще школа № 38 считалась хорошей. Одна из самых новых в городе, большая, из белого кирпича. По обеим сторонам от школьных дверей росли ряды боярышника. Ягоды с нижних веток за сентябрь обдирали школьники, а верхние, никем ещё не сорванные, нетронутые дроздами и свиристелями, осыпались на тропинки.

Но ценили школу № 38 в основном из-за сильных учителей. Сюда переводились все способные дети. Да и после началки отсеялись все беспризорники, дети алкоголиков и уголовников. Вот только Палтус остался. Он учился на два класса старше Семёна, и в принципе можно было даже подождать, пока он выпустится, и жить себе спокойно, но... Всегда есть одно «но». В глубине души Семён знал, что Палтус навсегда останется здесь, рядом, в этом городе. Потому что его отец – боль-

шая шишка в полиции, а в других местах Палтусу ловить нечего. Именно поэтому все заявления, которые Семён по наивности относил дежурному в полицию, исчезали. Поэтому на плачущих школьников, которых избил или ограбил Палтус, все смотрели сквозь пальцы. Это всё ерунда. Обычные вещи.

Поэтому когда Семён после уроков в рекреации наткнулся на Палтуса с друзьями, он уже знал, что будет. Они догнали его у забора, почти у самой калитки. Семён попробовал вскочить на забор, но его сдёрнули вниз. Он упал спиной на рюкзак, тяжело дыша и заранее закрыв руками голову.

Палтус пнул его, поворачивая на бок и лениво процедил:

– Хелло, герой. Или не-е-е-ет, погодите-ка! Никакой ты не герой без своей шавки! Здорово, Выхухоль!

Друзки Палтуса – Людьков, Зорик и Кривой загыгыкали. По привычке обступили кругом.

А Семёну было не до них. Приступ астмы сдавил горло, не давая сделать ни единого вдоха. Где-то вверху качалось белое небо, перекрещенное ветками боярышника, и вдохнуть его никак не удавалось. Семён стащил рюкзак и достал ингалятор, но Палтус наступил ему на руку.

– Лежи смирно, Выхухоль. Придуриваться дома будешь.

Семён хватал воздух, как рыба, выброшенная на берег. В глаза темнело, когда он услышал чей-то знакомый голос:

– Эй, вы! А ну хватит! Что это он такого вам сделал, что вы его вчетвером бьёте?

– Шёл бы ты дальше, – процедил Кривой, – или проблем захотел?

– Проблема – это вы, – громко заявил голос, в котором Семён узнал соседа по парте. – Человека отпустите.

– Хочешь, чтобы мы Выхухоля отпустили? – Палтус сощурил свои рыбьи глаза. – Давай. Встань на колени. Извинись. Скажи, «я прошу прощения, я – твой раб и буду делать всё, что ты скажешь».

Данила рассмеялся.

– Ты, правда, думаешь, что я буду это делать?

– Конечно, будешь, ты же хочешь своего друга к спаси.

– А ты, Палтус, видимо, в царя поиграть хочешь? – в голосе Данилы зазвенел смех, когда Семён нащупал в траве ингалятор и крепко сжал в кулаке. – Ладно!

Семён повернул голову и увидел, как Данил весело глядит на Палтуса снизу вверх – он уже почти согнул колени, чтобы встать на них – но вдруг резко выпрыгнул из приседа. Палтус взвыл, облизывая разбитую губу, и освободившийся Семён откатился в сторону.

– Гадёныш! – заорал Палтус и рванул за Данилом. Людьков, Зорик и Кривой кинулись следом.

Семён потряс баллончик в ингаляторе, нажал и вдохнул. Ещё. И ещё раз. Голова кружилась. В груди свистело. Какая-то часть внутри него бежала следом за бандой Палтуса и спасала от них Данила. Эта часть заставила выругать в который раз астму и поковылять подалее от школы. Он побрёл мимо стадиона к дырке в заборе, а потом сквозь неё – вдоль гаражей и автомойки, к трамвайной остановке.

Семён дёрнулся, когда по плечу кто-то хлопнул. Обернулся – Данил. Он пошёл рядом, тяжело дыша от быстрого бега.

– Спасибо, конечно... – протянул Семён. – Зачем ты за меня вступился?

– Как зачем? – удивился Данил. – Ты мой сосед, руку мне жал. Сестру мою вчера спас. А они на тебя одного вчетвером.

– Это же Палтус... Он со всеми так.

Данил возмутился:

– И что, ты стоял перед ним на коленях?

– Да. Я же хочу доучиться живым.

Они встретились взглядами. В глазах Семёна плескался страх, и Данил отвернулся.

– Это ты – бегун, – с завистью бросил Семён. – Спортивный вон какой. А мне с астмой только лежать да пинки терпеть.

– Да почему ты вообще его терпишь?! Он что, местный царь?

Семён хмыкнул и рассказал всё о Палтусе. Данила молчал. Сопел, сжимая кулаки.

Что-нибудь придумаем. Пошли Светку встречать, у неё уроки в музыкалке кончились. Две головы хорошо, а три – ещё лучше.

Музыкалка с белыми колоннами была рядом с остановкой – когда-то красная, а теперь розовая от постоянных дождей. Из открытых окон слышались нестройные звуки пианино и скрипки.

– Здорово, оболтусы! – Света неожиданно подошла сзади и по-приятельски потёрла каждого по макушке. – Где вы так долго? Нас пораньше отпустили.

– Да так... – замаялся Семён. Рассказывать про Палтуса было стыдно. Света стояла вся облитая солнечным светом, за спиной – школьный рюкзак, а в руках – футляр, похоже, от скрипки.

– Вчерашняя вражина нам дорожку перешла, – спокойно ответил Данил. – Силы много, а ума мало.

– Это надо использовать! – Света вытащила из кармана леденцы и раздала парням. – До дома пешком прогуляемся?

– Поехали на трамвае, – хитро подмигнул Семён. – Кое-что вам покажу. Вам понравится.

Брат с сестрой хотели уехать на «тройке», но Семён их остановил. Дождлся, пока подойдёт «восьмёрка» и потянул их за собой внутрь салона:

– «Тройка» всегда ходит по кругу. От Выи до Красного Камня. А «восьмёрка» с Вагонки до Приречки. Там разворачивается на кольцо – и в депо... Но не всегда...

Внутри они уселись на самые обыкновенные сиденья и стали глядеть в окно, на пейзажи города. Света попросила:

– Сеня, расскажи дальше.

– «Восьмёрка», – Семён подышал на стекло и вывел цифру «8», – это знак бесконечности. Лента Мёбиуса. Первый круг она делает в нашем мире, а потом стрелки переводятся. Там есть одна остановка...

– Слушай, – Данил постоянно вертелся и оглядывался. – А почему мы тут одни? И вообще, где кондуктор?

– Нету, – Семён засмеялся. – А за проезд надо положить «десятку» вон в ту коробку, рядом с дверью водителя.

– Остановка «кинотеатр «Красногвардеец», – сообщил мужской голос из динамика. – Следующая остановка – «Приречный район».

Семён встал и бросил в деревянную коробку монету десять рублей. Света бросила две «пятёрки». Данил хмурился и смотрел на коробку.

– Всё это странно. А если я зайцем поеду?

– Смотри, лучше заплатить, – Семён покачал головой. – А то «восьмёрка» сама у тебя плату за билет возьмёт!

– Как это? – лицо Данила от удивления вытянулось. – Врёшь!

– А ты проверь! – засмеялся Семён.

Двери закрылись, и ребята снова сели рядом. Десятка выпала из кармана Даниловой куртки и покатилась по полу.

– Ой! Где она? – Данил хлопнул по карману и вскочил, пытаясь увидеть монету. Только её нигде не было. – Как так? Где она? Под сиденье, что ли, закатилась? Светка! Помогай искать! А ты чего сидишь?

Растерянный вид Данила рассмешил Семёна и он помотал головой:

– Бесполезно! Пожалел денег на билет – «восьмёрка» сама возьмёт!

– Ерунда какая-то! А зачем трамваю деньги?

– Я думаю, восьмёрка живая. И она стареет. Ржавеет от времени. А деньги отдаёт каким-нибудь ремонтникам, которые её чинят.

Трамвай поехал по кругу, огибая остановку с цветочным киоском. Его начало трясти, колёса тяжело загрохотали по рельсам.

– Остановка «Приречный район», – сообщил голос. – Следующая остановка... ш-ш...

Света приникла к окну: контуры двух соседних супермаркетов за ним расплывались, таяли, как в тумане. Исчезли машины и клумбы с пожухлыми цветами. А вместо них показалась опушка густого леса; сквозь мохнатые ветки елей пробивались лучи мягкого света. Мимо по воздуху плыла стая огромных белых медуз, трое

из них гонялись друг за другом, будто играли в догонялки.

Трамвай остановился медленно, будто заснул. Двери распахнулись, и ребята выбрались наружу. Прямо перед ними расстелилась широкая жёлтая поляна, усыпанная листьями. Венчала её круглая башня из белых кирпичей, которая упиралась в небо. Рядом раскинулась старая дикая яблоня, в её толстых ветвях прятался грубо сколоченный деревянный домик. Не все листья опали, поэтому надпись над входом было не разобрать.

– Я почти никого сюда не приводил, – тихо проговорил Семён. – Потому что это место открывается не всем. Тимку Матюхина «восьмёрка» пропустила. А Лёвку Аверченко – нет. Так и доехали до следующей остановки. «Восьмёрка» знает, кого можно пускать, а кого – нет. Может, она знала, что мы с Лёвкой и дружить-то толком не будем... Так что если вас пустили, значит, вы хорошие, значит...

Светка вдруг кинулась его обнимать, и Семён растерянно замолчал. Данил засмеялся и обнял их обоих. А потом закричал:

– Чур, я первый! – и полез на яблоню, цепляясь за вбитые в ствол дощечки.

Внутри дом почему-то казался больше, чем снаружи. В центре на круглом столике лежала незнакомая карта из старой и толстой бумаги. Единственное, что на ней казалось знакомым – круглая башня и дерево рядом. Дальше шёл лес и какие-то непонятные значки, не то заборы, не то колодцы. Остальное, и надписи в том числе, было невозможно рассмотреть из-за того, что они стёрлись от времени.

– Карты здесь раньше не было, – Семён повертел её, перевернул. – Зуб даю – не было! Может, это Депо знак подаёт?

– Депо? – переспросила Света. – Почему «депо»?

– Да... Я случайно на него наткнулся. В тот день Палтус с друзьями в первый раз отобрали деньги на обеды. Я ехал в «восьмёрке» и радовался, что никто не видит, как я реву... я назвал это

место Депо. Место, куда приходит трамвай. Туда, куда не всем можно.

В тишине вдруг громко заурчал живот у Данила. Он высунулся в окно домика и сорвал горсть мелких диких яблок.

– Интересно, они съедобные?

– Эх вы, оболтусы, – вздохнула Света, выкладывая из рюкзака на стол бутерброды, завернутые в пищевую плёнку. – Лопайте, добытчики!

– Шош ты, хофяюшка, нам попить не фэхватила? – передразнил Данил, прикончив еду в мгновение ока.

Светлана упёрла руки в боки, намереваясь отчитать брата, но Семён её остановил:

– Здесь и вода есть! Пошли!

Они спустились и обнаружили за башней родник. Он бодро звенел, утекая куда-то в темноту леса. Рядом на тонкой берёзе висел серебристый ковш. Вода была такой вкусной и холодной, что заломило зубы.

Данил задрал голову, шурясь от клочьев тумана.

– Эй, смотрите!

Высоко в небе летел корабль с белоснежными парусами. Из-за борта высунулась чья-то лохматая голова, какой-то пассажир помахал им рукой. Данил помахал им в ответ:

– Э-э-эй! На борту!

Света восхищённо выдохнула:

– Летучий корабль! Что это за волшебное Депо такое?

– Тут иногда и не такое бывает... – пожал плечами Семён.

Данил махнул рукой в сторону яблони:

– Это ты построил домик на дереве?

Семён криво улыбнулся:

– Мы с Тимкой. Не успели достроить как надо. Не получилось. Тимкин отец себе новую жену нашёл, они в другой город куда-то уехали. Тим писал, что у него теперь сводная сестра, а потом совсем пропал, все письма назад вернулись...

Света смотрела вслед летучему кораблю и о чём-то размышляла. Она задумчиво достала из футляра скрипку и смычок, приложила инстру-

мент к плечу. Долго настраивалась, чиркала по струнам. А потом... Семён даже не сразу поверил, что обычная скрипка может издавать такие звуки. Дома у него классическую музыку презирали, считали скучным нытьём для очкастых ботанов. Но эта летящая мелодия не была скучной. Она жила. Дышала. Плакала и смеялась. Вилась вокруг закрывшей глаза Светланы.

Туман раздвинулся, как жемчужный занавес, и лучи солнца раскрасили всё вокруг в яркие, радостные оттенки. В подлеске запела какая-то птица, к ней присоединилась другая; непонятно, соловьи это или нет, но трели играли, перекатывались, как вода в роднике. Семён понял, что улыбается: это же настоящее чудо!

Воздух засиял, будто снег под светом фонаря. И вдруг с неба опустились качели – широкая доска на двух толстенных канатах, уходящих ввысь так далеко, что не было видно конца и края. А потом ещё одни. И ещё.

– Вот это да! – закричал Данил. – Этих качелей раньше не было! Светка, это ты их наколдывала?

Он немедленно оседлал их и оттолкнулся от земли:

– И-ха-а-а-а!

Семён повернулся к Свете и показал большой палец.

– Круто играешь! Я думал, для этого надо долго учиться...

– Я и училась. Просто в музыкалке у меня получается не очень, а здесь... Волшебное депо какое-то!

– Слушай, Свет, а кто такой этот Быня? Ну ты вчера сама спросила, знаю ли я...

Она вздохнула и убрала скрипку в футляр.

– Ты так переживал, что у тебя велика нету... вот я и вспомнила про Быню... Знаешь, мама мне рассказывала вместо сказок разные истории. В одной истории девочка освободила детей, которых похищал Хозяин, чтобы красть их сны. А в другой истории было про Быню.

– И что там про Быню?

– В общем, жил такой мальчик в советской се-

мье. И родители хотели, чтобы он вырос нежадным. Поэтому они отдавали все его игрушки другим детям. И детям друзей и родственников, которые приходили к ним в гости. Приходит мальчик домой, а его любимой машинки нет. Он плачет, а мама ему говорит: что тебе, машинку, что ли, для Васи жалко? Ты что, жадина-говядина?» И вот однажды этот мальчик пропал. Говорят, он потом начал появляться в зеркале. Но только детям, не взрослым. Появится и говорит: хочешь новую куклу? Хочешь суперкрутого робота? А ребёнок, конечно, хочет. И утром под подушкой находит. Вот только Быня потом у тебя самую дорогую вещь забирает. В обмен.

У Семёна загорелись глаза:

– Вот это да! А как так он появляется в зеркале? Просто сам кого-то выбирает? Или его как-то вызывать надо?

Света нахмурилась:

– Не знаю... ну, вроде там сказать надо: «Быня-Быня! Поменяй, то, что надо, мне отдай»...

 НИ ТЕПЕРЬ каждый день после уроков бежали с Данилом встречать Свету из музыкалки, а потом – на остановку. «Восьмёрка» приезжала не всегда, но пару раз в неделю – точно. В депо они пытались штурмовать неприступную Белую Башню (всякий раз безуспешно), раскачивались на качелях до самого неба, ломали голову над странной картой. Кто нарисовал её? И почему оставил в домике? Данил предлагал собраться в экспедицию и побродить по лесу, чтобы всё разузнать. Он сфоткал карту на телефон и постоянно пытался расшифровать названия на ней. Но как назло в школе завалили рефератами и всякими исследовательскими проектами, поэтому поход всё время откладывался. Это было только их место, где не было никакого Палтуса и других неприятностей. Нетронутый уголок счастья.

Семён обожал гостить у новых друзей. Правда, какое-то время привыкал к тому, что они обращаются с ним, как с человеком, а не как с нище-

бродом, у которого нет даже последнего айфона и модных «скетчерсов». У них у каждого была своя комната и классные родители, которые оказались не против гостей. Он даже созвонился с баб Галей насчёт того, чтобы приехать в деревню втроём на летние каникулы. Там, под крышей бани, скрытой густыми ветвями черёмухи, Семён присмотрел отличную берлогу: приберёг удлинитель, сколотил нехитрые лежанки из старых досок. Наташил хороших приключенческих книжек, старую лампу и флягу для воды. Ведь в деревне не было «восьмёрки», чтобы увезти в волшебное депо.

– Приезжайте, Сеня, всей компанией, – поразовалась баб Галя. – Пирожков с рисом напеку, твоих любимых! На речке новый плотик поставить обещают, а в июле за черникой пойдём!

Иногда ребята всей компанией заваливались к Семёну, когда его матери и отчима не было дома. Делали домашку и грызли солёные крекеры с чаем. Света рассказывала, как лучше написать сочинение, а Данил объяснял решение мозголомных задач. Потом они смотрели на старом ноутбуке «Индиана Джонса» и травили анекдоты. А когда гуляли по берегу со старым Боцманом, смеялись над Палтусом и его шайкой, но ничего толком против них придумать не могли. Данил предлагал выложить всю эту историю в сеть, мол, такая волна поднимется, не смогут больше молчать и прикрывать этих гадов. А Боцман слушал и одобрительно качал головой.

Через месяц Семён застрял на контрольной с особо упоротой задачей. Света давно вышла из класса со скрипкой, а спустя минут двадцать и Данил, показав ему большой палец, мол, держись! Когда Семён наконец нашёл решение и сдал работу, понял, что ребят нигде нет. Ни в рекреации, ни в туалете, ни на крыльце. И хуже всего то, что на звонки не отвечали. Предчувствие беды накрыло разом.

– Это ты, Вихарев? – его за рукав потянул какой-то младшеклассник. – Тебя там за складом ждут.

Семён зашагал, стараясь контролировать дыхание, чтобы не спровоцировать приступ. Не-

большое здание склада с метлами и лопатами белело за рощей боярышника. В голове всё отчётливей стучало «это ловушка», и когда он завернул за угол в тень деревьев, понял: попался.

Палтус дымил сигаретой и периодически сплёвывал. Со спины зашли Зорик и Людьков, ковыряли клумбу носками кроссовок, закрывая пути отхода. Да и какой отход с астмой...

Семён с ненавистью смотрел на Палтуса. Кажется, он ещё никогда так никого не ненавидел.

– Где они?

– А ты их набери и узнаешь.

Семён сбросил рюкзак и вытащил мобильник. В тот же момент Палтус выхватил его и с силой толкнул Семёна в лоб.

Семён отчаянно запрыгал вокруг Палтуса, пытаясь отнять телефон.

– Отдай! Отдай! Отдай, Палтус!

– Ну не, Выхухоль. Таких, как ты, учить надо. Я тебе что сказал сделать? На колени встать. А ты меня не послушал. А вот это всё – плата. Так что продам-ка я твою древнюю звонилку...

– Отдай! Я тебе деньги за обеды отдам! Там тысяча!

– Отдашь, – лениво протянул Палтус, листая фото в мобильнике. – О, вот и подружка тут твоя...

Семён в прыжке повалил Палтуса и намертво вцепился в его руку.

Удар в лицо ослепил, оглушил его. Поднявшись, Семён покачнулся. Левая сторона лица пылала от боли. Покосившись, он понял, что это Зорик ему ногой зарядил.

– Ой, плак-плак... – прохныкал Палтус. – Я же тебе главный сюрприз не вручил. У меня твои друзьяшки, Выхухоль. Хочешь их увидеть?

Семён обмер. Не мог же Палтус пойти на похищение?

– Так я не слышу, друзьяшек своих хочешь ещё увидеть?

– Да!

– Ну вот и ладненько. Тогда укради золотую побрякушку из Пассажа.

Семён побледнел. В Пассаже камеры со всех сторон, даже на эскалаторе. Охрана как в боеви-

ках – все в костюмах и рацией в ухе. Попытка украсть что-то оттуда – прямая дорога на учёт в полицию. Но вот дома просто размажут. Отчим убьёт. А мать... она и так в последнее время не особо разговаривает... в детдом сразу отправит. Но хуже всего то, что украсть – всё равно, что стать такими же, как палтусовская шайка. Да и отвратно это... Но как ещё спасти ребят?

– Не хочешь? – Палтус притворно поцокал. – Так попрощайся со своими друзьями-долбоклоями. Больше их никто и никогда не увидит.

– Врёшь! – заорал Семён. – Врёшь, Палтус! Не сойдёт тебе с рук похищение!

Палтус склонился и окатил его взглядом, холодным взглядом рыбьих глаз.

– А ты вспомни, сколько ты своих писулек в полицию таскал? И сработала ли хоть одна? А? Не слышу! – и выпустил в него струю вонючего дыма.

«Не будет. Ничего ему и никогда не будет, – понял Семён. – А Светка и Данил погибнут».

Он всхлипнул.

– Пойдёшь сегодня, – Палтус сплюнул и бросил окурочек. – Вон, Колян тебя подстрахует, если что. Завтра после уроков принесёшь на стадион. Тогда и друзьяшек твоих отпустим.

СЕМЁН бродил по Пассажу и периодически нервно поддёргивал ремни ранца. Вокруг гремела музыка, сильно пахло духами от киоска с туалетной водой. Из кинотеатра до тошноты сладко несло попкорном. Бегали малыши с воздушными шариками, скакали аниматоры, разодетые в дешёвые костюмы.

Камеры смотрели со всех сторон. На покупателей, на продавцов, на ярко освещённые витрины с кольцами и серьгами. Семён смотрел на всё это богатство с шестизначными ценниками – и не видел. Думал, куда могли закрыть Светку с Данилом.

«И почему они не звонят? Нет, не ему, конеч-

но, а хотя бы своим родителям? Их ведь просто где-то держат, правда? Они ведь ещё живы? И не стоворились с Палтусом, чтобы над ним посмеяться? Не может быть, нет. Их же «восьмёрка» пропустила»...

Неизвестность мучила. Выматывала. Да ещё и этот урод Людков по пятам идёт. То из-за колонны выглянет, то с эскалатора помашет. Ещё и лыбится...

«Мать просто убьёт, если узнает про телефон. Старенький, конечно, но на новый денег точно не даст. Да будь ты проклят, Палтус!»

На втором часу Семён понял, что не сможет. И дело не в камерах и не в детском доме. Так нельзя. Нельзя становиться таким же скотом, как Палтус и компания. Нельзя делать то, что они велят. Нельзя подчиняться скотам. Пора действовать. Спасать ребят для начала. И чем быстрее, тем лучше.

От Коляна Людкова Семён оторвался быстро. В супермаркете завернул за полки с хлебом, прошёл на корточках за грудой тележек и – бегом к выходу. Вскочил в первую же маршрутку и низко склонил голову, чтобы не было видно из окна. Пятнадцать минут, чтобы доехать до дома. Пятнадцать минут, чтобы всё обдумать. В такой ситуации может помочь только чудо. Настоящее чудо...

На часах ещё не было шести, дома – никого. Но это и к лучшему. Семён знал, взрослые здесь не помогут. Как не помогли и раньше.

Он бросился к тайнику на антресолях, достал из-за ящика с точильными камнями деревянную коробку и в последний раз обнял её. Достать редкие минералы было очень сложно; он помнил радость от каждого камня – как заполучил, как подписывал и сверял со справочником. Какое-то время Семён даже считал, что камни лучше людей: не обижают, не причиняют боль. До тех пор, пока не встретил друзей. Настоящих... Которые сейчас чёрте где.

Он нервно сглотнул. Встал перед зеркалом во весь рост в коридоре. На всякий случай выключил свет, впуская в квартиру серый сумрак. Протянул руки с коробкой и проговорил:

– Быня, Быня, поменяй, то, что надо, мне отдай!

Минуты текли, но ничего не происходило. Слышно было, как настенные часы в кухне отстукивают десятки секунд. Семён вдруг почувствовал себя идиотом.

«Что я делаю? А вдруг нет никакого Быни?»

– Послушай, Быня, – он заговорил сбивчиво, удерживая в скользких от пота пальцах коробку. – Помоги мне. Пожалуйста. Кроме тебя никто не сможет. Вот, Быня, возьми у меня самое дорогое. Это коллекция минералов. – Семён невольно погладил бок деревянного короба. – Только верни моих друзей!

Тик-так. Тик-так. Тик...

Семён моргнул. По ту сторону зеркала был не он, а какая-то маленькая фигура, подсвеченная сзади, будто источник света находился за спиной. Семён прищурился и разглядел силуэт мальчика лет пяти. Весь угольно-чёрный, будто вырезанный из чёрной бумаги. И только глаза светились белым.

Быня молча смотрел на него, будто что-то решал, раздумывая. Потом достал из-за спины источник света – старый фонарь в железной оправе. И отвернулся.

– Быня, не уходи! – заорал Семён и бросился к зеркалу.

Он был готов встретить ладонью холодное стекло, но неожиданно провалился внутрь. Вокруг повисла темнота. В тишине улавливался какой-то звук, тоскливый, будто на одной ноте ныл ветер в степи.

Семён поднял фонарь и огляделся. Луч света вырвал из тьмы центр громадного зала, по углам которого высились горы разной рухляди. Там были и куклы, и мячики, детский стульчик, ржавые качели и даже клетка с дохлым кроликом. Коробка с коллекцией минералов стояла там же. Теперь её место здесь, теперь она сама – часть коллекции.

Быня стоял рядом. Весь чёрный в своих детских сандаликах и дурацкой стрижке «под горшок». Семён понял, что боится смотреть в его глаза.

– Света говорила, что надо просто попросить... и всё появится. Почему ты провёл меня сюда?

Быня долго молчал, будто вспоминал, как говорить. Ответил сухим, шелестящим голосом:

– Обычно все просят, но ничего не дают взамен. А ты подарок сразу принёс. И не для себя просишь, а для других.

– Быня... Как я друзей-то своих найду?!

– Теперь ты можешь найти что угодно. Тебе надо представить место, куда ты хочешь попасть, – Быня постучал двумя пальцами по виску. – Главное всегда брать фонарь. И никуда не сворачивать.

– Быня... я не знаю, где эти придурки их заперли! Так Светку с Данилом не найти!

И вдруг тоскливый звук разорвал другой – резкий звонок телефона. Дребезжащий такой, как в старых фильмах. Семён схватился за карман, но с горечью вспомнил, что мобильника больше нет. Быня молча протянул руку, указывая на вещи, сваленные как попало. Семён встал на колени, он убрал в сторону альбом с фотографиями и ... И замер. Потому что звонил красный игрушечный телефон. Он был сделан под старый, дисковый. И Семён как во сне поднял пластиковую трубку, которая подпрыгивала от нетерпения. Это было странно, но на том конце провода кто-то плакал.

– Света? Светка, это ты?!

– Сенька? Даня, это Семён! – закричала она. – Сеня, помоги! Они нас закрыли!

– Как... как ты это делаешь? – забормотал Данил. А потом завопил: – Они у нас мобилки забрали!

– Стойте! – Семён зажмурился. – Можете рассказать, что там внутри? Всё, что видите?

Из трубки слышался шум, шебуршание и сдавленная ругань.

– Тут метёлки старые... из веток... этот брелок не светит нифига!

– Вёдра какие-то! А стены белые! Побелка! Извёстка!

– Тряпками старыми воняет!

Семён зажмурился и изо всех сил представил всё, о чём рассказывали друзья. Чулан про-

рисовался в воображении хорошо, мутно-белый и пыльный, только размер постоянно плавал: углы то приближались, то расходились. Вёдра. Метёлки в углу. Земляной пол. Толстая деревянная дверь. Грязно-белые стены, опутанные тенётами, которые треплет сквозняк.

Семён открыл глаза; фонарь освещал узкий путь к дощатой двери, из щелей которой мелькал слабенький лучик света.

Он шагнул к двери, подняв фонарь над головой, и обернулся. На мгновение кольнула жалость к Быне.

– Если мы вдруг ещё увидимся, что тебе принести?

Уголки губ мальчика дёрнулись, но улыбнуться он не смог. Может, просто забыл, как это делается.

– То, что мне нужно, нельзя принести. И того, у кого это есть, давно уже нет...

Жуткая догадка озарила Семёна. Любовь нельзя принести. А родители Быни давно умерли. Он хотел сказать что-нибудь утешительное, но Быня указал ему на дверь:

– Иди. Здесь долго быть нельзя.

Семён распахнул дверь и вошёл в чулан, освещив зарёванную Свету и Данила.

– Там Кривой и Зорик снаружи сторожат! – зашептал Данил. – Нам не выйти!

– Звони в полицию! – просила Света. – У нас родители в командировке!

Семён приложил палец к губам, призывая к молчанию, и зажмурился. Он представил себе входную дверь Савельевых, гладкую и металлическую, с круглой ручкой (с изображением цветка) и цифрой «8» (она не в центре, а чуть левее). Открыл глаза и... да! Вот она, прямо в стене!

– Ключи! – скомандовал он ребятам, которые обалдело таращились на дверь. – Давайте быстрее!

– Э, вы! – проорал снаружи Кривой. Он несколько раз ударил в дверь чулана. – Чё там затихарились?

Он забрякал ключом в замке чулана, и в этот момент дверь квартиры Савельевых закрылась,

надёжно отрезав их от холодной тюрьмы. Кривой просветил фонариком с мобильного каждый угол и даже потолок, и всё равно никого не увидел. Он выматерился и поднёс к уху телефон:

– Палтус, они сбежали.

УТРОМ на первой перемене они сидели у окна и перешёптывались. Хотя даже если бы кричали, их бы вряд ли услышали: «русалки» во весь голос обсуждали новый «лук» Влада Ждановских и чью-то форму бровей. Оседлав парты, они хихикали, делали губы уточкой и сэлфились, сэлфились, сэлфились...

Данил негромко рассказывал:

– Кривой этот вчера мне сказал, что Светку бьют у музыкалки. Я и рванул туда. А они меня по башке и затолкали в какую-то будку. Светка уже там была... Мы орала, Сеня, прикинь? А там стены бетонные и окон нету. Как в каменном колодце... А эти твари ещё и мобильники забрали. Ворьё! Если бы не Светкины бутеры... Блин... Я так и не понял, как ты нас вывел?

– Быня.

– Да быть такого не может... Правда?

– Ага.

Света опустила глаза:

– А если Быня заберёт у тебя волшебное депо?

– Не-а, не заберёт. Нельзя забрать то, что мне не принадлежит. «Депо» не только моё. Оно наше. Да и отдал я за вас свои минералы.

Она погладила его по плечу.

– Жалко твою коллекцию. Один раз всего и посмотрели.

– И мне жалко... Но я прикинул: камни мёртвые, а вы живые. Ну и раз я теперь проводник, могу пойти куда хочу. И коллекцию снова собрать.

– Народ... Так больше нельзя, – Данил опустил голову и накрыл её ладонями. – Надо пойти в полицию. И телефоны вернуть.

– Не, – Семён покачал головой. – Я ходил. Много раз. Оттуда помощи не дождёшься. Они не на нашей стороне.

– И что делать? – раздражённо бросил Данил. – На коленях перед Палтусом ползать? «Отдай, хозяин, наши телефончики, ну, пожалуйста»?

– Нет. Палтус уже два года меня достаёт. До вас добрался... Вчера заставлял меня украсть. В следующий раз заставит кого-нибудь избить... пора с этим завязывать.

– У тебя что, даже план есть?

Семён хмыкнул.

– Типа того. Только вы должны мне помочь. Вас надо спрятать, чтобы Палтус больше не мог меня вами шантажировать.

Света округлила глаза от предвкушения:

– Ты снова нас проведёшь через заколдованные двери?!

А Данил упрекнул:

– Ты так и не сказал, как ты это делаешь!

– Это не я, – Семён закатал рукав рубашки: на левом предплечье белыми линиями был татуирован старинный фонарь. Точь-в-точь такой же, каким Семён вчера освещал чулан и путь домой. – Он показывает дорогу, мне только надо представить, куда идти.

ОДИННАДЦАТИКЛАССНИКИ учились в левом крыле, на верхних этажах школы. Это знали все, с кого тряс деньги на обеды Палтус. Семён знал, что рано или поздно они снова встретятся и лучше рано, чем поздно. Судя по расписанию, у Палтуса и компании сейчас перемена перед английским. Это совсем рядом с Тайным местом: за кабинетом физики: его когда-то соорудили из гипсокартона, и за одной из его стен можно было побеседовать с глазу на глаз, так, чтобы учителя не сразу засекли. Уголок, где можно по-быстрому передать деньги, шпаргалки или любовные записки, о которых крое адресата никто не должен знать.

Семён столкнулся с ними в коридоре. Пока не прошёл приступ храбрости, бросил:

– Поговорить надо. Жду в Тайном месте.

Хотя сейчас стоило опасаться другого: что эти трое струсят и не придут. Поэтому он выдохнул с облегчением, когда компашка отморожков нарисовалась за кабинетом физики. Семён с трудом удержал злорадную улыбку, потому что ясно стало как день: Палтус боится. И боится, потому что просто не понимает, как его пленники выбрались. И поэтому злятся. Судя по тому, как низко на лица были опущены капюшоны толстовок у Кривого и Зорика, Палтус выместил свою злобу на них. Чтобы фингалы не так сильно бросались в глаза.

Первым молчание нарушил Палтус. Он выплюнул жвачку и лениво протянул:

– Даже если кто-то из вас проболтается, где были, никто не поверит. Надеюсь, своими куриными мозгами вы это понимаете.

– Да, – кивнул Семён, – нам никто не поверит. Потому что твой отец тебе всё разрешает.

– Ну и чё те надо тогда? – Палтус поморщился и сплюнул прямо ему под ноги.

– Хочу предложить тебе выгодную сделку.

– Да что ты можешь предложить, Выхухоль? – Палтус хрюкнул и шумно высморкался.

– То, что тебе могу предложить только я. Правду. Но только в обмен на то, что ты никого из нас больше не тронешь. И отдашь наши мобилки. Все.

Палтус заржал, в поисках поддержки оглядываясь на Кривого и Зорика. Но те его не поддерживали, видимо, он перестарался, когда подправил им физиономию.

– И что за правда такая, которая столько стоит?

– То, как я спас моих друзей. Тебе ведь интересно?

Ржач Палтуса оборвался. Он нервно облизнулся.

– С чего ты взял, Выхухоль, что я сдержу своё слово?

Семён улыбнулся:

– Я тебе кое-что покажу.

Он встряхнул левую руку, и в ней тут же очутился железный фонарь – большой и тяжёлый.

Семён резко завернул за угол, распахнул дверь кабинета физики и шагнул туда. Палтус рванул следом, даже не заметив, как захлопнулась за ним дверь. И замер. Потому что там теперь вместо школы они очутились в каком-то зале с кучей зеркал; они бликовали от паркета и казалось, будто сам воздух светится. Будто и нет никакой школы и Зорика с Кривым.

– Если ты не сдержишь своё слово, я затащу тебя в такое место, где ты останешься навсегда, – Семён весь закаменел на мгновение: до ужаса хотелось сделать это прямо сейчас, достаточно же просто выйти и хлопнуть дверью, никто и не узнает. Сколько этот гад его бил, унижал, грабил, а тут такой шанс...

– Ладно, – Палтус закусил губу. – Колись, как ты это делаешь.

– Сначала мобилки, – Семён протянул руку с открытой ладонью.

– Они у Кривого, – заюлил Палтус.

– Да кому ты врёшь? – Семён поморщился. – Любой первоклассник знает, что ты их продаёшь!

Палтус ещё покривлялся для вида, но потом достал из кармана три телефона и швырнул – Семён едва успел подхватить два, третий подобрал с пола.

– Ну! – Палтус нервно дёрнул плечом. Кажется, до него только сейчас дошло, что он один на один со своим врагом неизвестно где. И только от этого самого врага зависит, вернётся ли Палтус домой. – Обещаю тебе всё, что ты там просил! Давай уже, говори свой секрет!

Семён пристально глянул на него и монотонно заговорил:

– Вечером, когда останешься один, подойди к зеркалу и скажи: «Быня-Быня, поменяй, то, что надо, мне отдай!» Он даст тебе всё. Всё, что попросишь. Только взамен возьмёт то, что тебе дорого.

– Да ты гонишь! Ты больной, Выхухоль! – заорал Палтус, злясь на то, что его обманули. – Всегда знал, что ты больной!

– Это ты всем вечно врёшь, не я. Так что думай, что хочешь, – Семёну вдруг стало так спо-

койно, что даже удивительно. – Сделка есть сделка. Нарушишь, знаешь, что тебя ждёт. Пошли.

Он вытянул руку с фонарём вперёд и открыл дверь. Школа встретила оглушительно-низким дребезжанием звонка на урок. Мимо неслись школьники, толкали, задевали сумками и рюкзаками. За спиной что-то орал Палтус, но Семён не слушал. Орёт – значит, вышел из бального зала Юсуповского дворца в Питере. Что ему сделается...

Он спускался вниз по лестнице и понимал, что дрожит. Коленки подгибались, будто пробегал стометровку. Стало обидно, ведь казалось, страх перед Палтусом был побеждён.

УТРОМ Семён не смог подняться с кровати. Противный писк будильника впивался в уши раскалённым гвоздём, голова раскалывалась, всё тело ломило. Горло будто нагёрлки наждачкой. Кое-как он добрался до аптечки и сунул градусник подмышку. Перед глазами всё плыло, кое-как разглядел: «тридцать восемь и пять»... Вот почему вчера подгибались коленки, а не от страха!

Он набросил футболку, кое-как влез в джинсы и умылся. Руки дрожали. В кухне мать суетилась у плиты, наверное, кофе своему Боре варила. Отчим дрых в спальне, его храп разносился на всю квартиру.

– Мам... – Семён тронул её за плечо, – мам! Я заболел. Напиши класснухе. Надо врача вызвать... Я позвоню...

Мать развернулась и сразу состроила недовольное лицо. Из-за температуры оно казалось Семёну багровым, как её халат.

– Что ты как обкуренный?! Какой тебе врач? – сердилась она. – В школу давай иди! Хватит мне тут придуливаться! Совсем ненормальный стал, как связался со своими Савельевыми!

Семён задохнулся об обиду. В момент боль в душе перекрыла ломоту от температуры. Он развернулся к матери.

– Придуливаться? – голос дрогнул от сухих рыданий. – Думаешь, я придуливаюсь?

– А ну не хами матери! – она нахмурилась, но тон сбавила.

Семён на автомате обулся, влез в куртку, чувствуя, как чернеет, как умирает что-то внутри. Доказывать ей что-то? Бесплезно! И это осознание вместе со злостью закручивалось вокруг тёмным смерчем.

– Иди-иди! Я ещё Боре расскажу! – мстительно пообещала мать из-за спины. – Вечером он с тобой поговорит!

Семён вышел на лестничную клетку и хлопнул дверью. Взмахнул левой рукой и, ощутив тяжесть фонаря, брызнувшего светом по стенам подъезда, широко шагнул с лестницы вниз. Позади остались запахи курева и сгоревшего кофе.

Сквозь шум в ушах слышался знакомый неприятный гул. Семён брёл по тёмному коридору где-то между мирами. И с каждым шагом свет гас. Казалось, фонарь больше не разгоняет тьму, и даже руки почернели от горя. Где-то он читал, что от температуры начинаются глюки. Может, это всё только кажется? Последний луч погас, и Семён остановился. В темноте гул стал чётче, оказалось, это голоса:

– Останься. Здесь хорошо...

– Никогда не будет больно...

– Никогда...

«А что если, и правда, остаться? Никто не орёт, не обижает. Не плюёт в душу. Тихо, спокойно...»

Фонарь замигал. Он вспыхивал цветными картинками, и с каждой вспышкой становился ярче.

Перед Семёном появился Данил. Он протянул руку:

– Ну что, будем знакомы?

Светка в розовом звёздном шарфике вдруг кинулась его обнимать. А потом распахнула бездонные глаза:

– Сеня, расскажи про «волшебное депо»!

Баб Галя с улыбкой повязывала голубой фартук:

– Приезжайте, Сеня, всей компанией. Пирожков с рисом напеку, твоих любимых!

– Эй, вы! – кричал Данил Палтусовой компании. – А ну хватит! Что это он такого вам сделал, что вы его вчетвером бьёте?

Семён шёл вперёд, на свет, повторяя еле слышно: «Данил, Света, бабушка... Данил... Света... бабушка...»

А перед глазами плыла, двоилась картинка школьной раздевалки. Кое-как Семён скинул куртку, поменял обувь. Снова взмахнул рукой, вызывая фонарь. Распахнул скрипучую дверь кабинета литературы. Шагнул за порог. И упал, окончательно провалившись во тьму.

 ЧНУЛСЯ он в непривычной тишине. Белый потолок с трещиной, зелёные стены. Запах хлорки и овсяной каши. Две пустые кровати с панцирными сетками. Слабость... Значит, больница.

Семён вдруг подумал о том, что подвёл Светку и Данила. Если Палтус не сдержит слово, в таком состоянии ничем он им не поможет. А потом решил, это ведь Палтус его вчера заразил. Значит, есть шанс, что Палтус сейчас валяется точно так же, только дома. Может, он и Кривого с Зориком заразил, тогда вообще улёт.

Спустя какое-то время пришла медсестра и воткнула капельницу. Велела из палаты не выходить, в инфекционной больнице еду прямо в палаты развозят.

Когда температура спала, Семён немного пришёл в себя. После обеда звонила мать. Кричала, что он её на весь город опозорил. «Что теперь люди скажут? Не мог, что ли, до дома дойти, обязательно в школу надо!» Семён ждал, что она скажет, когда придёт. Принесёт щётку, мыло. Она бросила трубку.

Ближе к вечеру позвонили ребята. Света всё спрашивала, как самочувствие. Данил ругался, что они ходили к Семёну домой, чтобы привезти вещи в больницу, а его мать их не пусти-

ла. Они положили в пакет вещи Данила и просили передать через приёмный покой. Сказали, чтоб обязательно выздоравливал, в школе всё спокойно, пока шайки Палтуса не видать. Пакет оказался здоровенный. Чего там только не было: новая щётка и паста, зарядник, мыло, носки, тапки, баночка с витаминками, кроссворды. Семён переоделся: штаны пришлось закатать, футболка тоже почти болталась. Смснул: «спасибо!»

Ночью было тихо, только где-то в конце коридора хныкал маленький ребёнок. Свет из коридора вползал в палату, но не шёл дальше порога, будто понимая своё бессилие перед мраком в душе. Семён лежал, завернувшись в коллючее казённое одеяло, и думал о Быне. О том, что Быня был таким же мальчиком, который зашёл в такой же чёрный коридор печали. Только у него не было с собой ни капли света – ни друзей, ни бабушки. Так он там и остался. И сам Семён тоже мог...

Семён вытащил телефон из-под подушки. Для звонка было позднее время, поэтому он написал сообщение: «Привет, бабуля. Я в больнице. Люблю тебя. Спасибо за всё!»

 СЕННЯЯ слякоть наконец застыла. Чистый белый снег выравнивал вчерашнюю «кашу», заштриховывал её, выкладывая декабрьский орнамент узорчатыми снежинками. Ранним утром под светом желтоглазых фонарей они блестели, как россыпи огранённого горного хрусталя и цитрина. До Нового года оставался ещё целый месяц, но настроение у Семёна было праздничное. Втроём со Светой и Данилом они шли в школу по тропинке и бурно обсуждали план покорения волшебного депо. Данил все уши прожужжал о том, что расшифровал одну из надписей на старой карте – «Серебряный город», и ему не терпелось проверить свою догадку.

– Я считаю, родителям говорить не надо, – решительно рубил он и косился на Семёна. – И твоей бабушке тоже, Сеня. Во-первых, не отпустят. А во-вторых...

– А во-вторых, будешь на домашнем обучении месяц, если они узнают, – парировала Света. – Они будут переживать.

– О-о... опять... – Данил закатил глаза. – Ты думаешь, они не будут переживать, если мы скажем, что идём исследовать волшебный лес? Да что нам там грозит? Палтуса с его придурками там точно не будет!.. Круто ты его, Сеня, тогда подловил!

– Подловил? – не понял Семён.

– Ну, помнишь, перед тем, как ты с вирусом свалился, ты ему про Быню рассказал. А через неделю он на «Майбахе» в школу приехал! – Данил хохотнул. – Его вместе со всей компашкой тем же вечером и взяли. Быня же забрал у него самое дорогое: папашу, который его прикрывал.

– Да... помню.

Света сердито добавила:

– Эти придурки пьяные в автобус въехали. Ладно хоть обошлось, у пассажиров только синяки да шишки, а эти трое в гипсе. Я слышала, суд будет со дня на день.

– А так им и надо! – подытожил Данил. – Им дорога в колонию, а нам – в Волшебное депо. И если что там случится, Семён нас вытащит со своим волшебным фонарём! Правда, Сеня?

Семён кивнул, расправляя ремни рюкзака.

– Да... Я тоже хочу увидеть Серебряный город. Только я всё-таки бабушке скажу. Не могу я её обманывать. Она меня к себе жить взяла... А про поход обдумать всё надо. Я денег подкопил, пока Боцмана выгуливал. Надо компас взять, GPS-трекер.

– Я добавлю, – сказал Данил. – У меня осталось кое-что от весенних сборов.

– А я из копилки достану, – сказала Света. Она вздохнула. – Надо побольше тёплых вещей взять. Вдруг там тоже снег выпал? А ты бы что ещё взял, Сеня?

– Твои бутерброды, – он мечтательно улыбнулся и покраснел, когда Данил прыснул от смеха.

Максим Васюнов

НОВОСТИ

Человек имеет власть быть и богом, и Ангелом, и сыном Божиим, ибо он мало чем умален от Ангела, только смертью и то на малое время.

Св. Иоанн Златоуст

Посвящается телекомпании «Телекон»

Читайте сегодня:

- Что делать, если тебе подписан смертный приговор?
- Мозговой штурм. Что это такое?
- Какое слово ищут писатели?
- Кто и зачем бьёт в голову?
- Новости. Люди, которые их делают. Люди, которые их смотрят.

....

- В заброшенном кессоне на окраине города найден труп трёхлетнего ребёнка.
- Бюджет города на следующий год принят с пятимиллиардным профицитом.
- Страна отметила День матери.
- Сорок лет назад наш город с рабочим визитом посетил секретарь ЦК.
- Жители улицы Брауна вторую неделю живут без холодной воды.
- Инспекторам ГИБДД с 1 января повысят зарплату.

Э АРПЛАТА, деньги, власть, дети, криминал, деньги, деньги, дети, криминал – все новости об одном и том же. Всё одинаковое. На первой кнопке, на второй, на двадцать второй. Всё о деньгах.

Примета телевидения: если в выпуске новостей нет ничего про нехватку денег, или нет на картинке трупа, – ведущий выходит в эфир с заранее недовольной гримасой. Зато, если ведущий улыбается – сегодня новости удались. Будут трупы, будет про власть и про деньги. Зрелище! Зрелище! Только сегодня! На нашем канале! Не пропустите!

Я знаю о новостях всё. Как они готовятся, как подаются. Кто, когда и как лагает. Сколько стоит эксклюзив... Я каждый вечер смотрю все новости на местных каналах. Это моя работа. Я за это получаю деньги.

Я пришёл по объявлению на канал «Твой город».

– Вы любите смотреть новости?

- Обожаю!
- Что вы ещё можете рассказать о себе?
- Мне осталось жить пару лет.
- Вы нам подходите.

И так было везде. Так было на телеканалах, в кабинетах строго улыбающихся дам и серьёзных мужиков. Так было в следственном комитете – там попросили отмечать все новости, где хоть раз промелькнёт словосочетание «следственный комитет». Так было в городском УВД. Так было в станции «Скорой помощи» и даже в клубе натуралистов.

Есть такая работа – смотреть телевизор.

Это новое веяние. Мне сказали, это называется «мониторить». Моя задача – смотреть все выпуски новостей и отмечать кратко, о чём они были. Потом «сливать» эту информацию на другие каналы. И каждый из них платит мне по три тысячи в месяц. По две тысячи платят структуры – там проще, все новости выписывать не надо, только о деятельности организации. Сколько раз было в эфире. Негативная подача или позитивная. На кого из структуры была ссылка... чиновникам из пресс-служб для отчёта этого хватает.

Моя задача смотреть только итоговые новости – они начинаются с восьми вечера

- – На проспекте Мира напали на инкассаторов.
- – Заседание городской думы отложено на пять дней.
- – В городском суде слушается дело о враче-коррупционере.
- – Эльза Иванова вырастила на своём участке десятый плод арбуза.
- – Наши спортсмены привезли две золотые медали с Чемпионата мира. Далее – новости спорта.

КОГДА мой мозг отказывается воспринимать все эти новости, я ставлю на запись и иду пить чай. Врач сказал не перегружать свою нервную систему. А то та бляха в голове в любой день может расшириться, и тогда мне

крышка. Так сказал врач. Она не знает, как я зарабатываю на жизнь.

Мало кто знает об этом. Мало кто знает обо мне.

Я в этом городе новенький. Меня зовут – какое бы придумать себе имя? Чтоб запомнилось, м-м-м, пусть будет Эдуард, нет? Нет! Нет, ладно, назовусь Анатолием. Так звали мою детскую игрушку – льва. Лев Толик – может быть, Лев? – нет, Толик, так Толик!

Итак. Меня зовут Толик, я из деревни на краю области. Я оттуда, где приходит на ум мысль учиться на журналиста. Врач мне говорила – всё образуется, вы ещё будете работать на телевидении. Надо только подождать. Года два. Я-то знаю, что будет через два года. Меня не будет. Представляешь, – рассказывал я другу с диагнозом олигофрения, – я жил, мечтал, окончил с красным дипломом вуз, и уже устроился в новости, делать новости, понимаешь, и тут мне врач говорит – всё, завязывайте с работой, иначе я за последствия не ручаюсь.

– Капец, – сказал мне на это друг.

- – Напавших в центре города на инкассаторов задержали в пригороде.
- – Возбуждено уголовное дело против чиновника городской администрации.
- – Завтра в нашем городе состоится концерт Филиппа Киркорова.

МОЖЕТ БЫТЬ, я просто не смог отказаться от мечты? Объявление в газете: для мониторинга новостей требуется ответственный человек. Я же знаю что такое новости, а врач сказала – из дома выходи как можно реже. Работа для тех, кто вынужден давить диван.

– Здравствуйте, я журналист, мне жить осталось пару лет.

– Да, да, вы нам подходите. Заполните анкету.

В редакции «Вечерних новостей» со мной разговаривал мой преподаватель по профессиональной этике.

– Чем больше вы покажете смертей и людей,

тем чаще на вас будут ссылаться – говорил он студентам. – Ссылка – вот чем сегодня измеряется популярность информационного агентства, газеты или телеканала.

Если ты раньше других раскопаешь новость и сделаешь её доступной – не пройдёт и часа, как все напишут, как все скажут «по сообщению агентства....», или «по информации канала....» – в зависимости от того, где ты работаешь.

Ты в своём сообщении тоже обязан сделать ссылку – на правоохранительный орган, например. Лучше – на кого-то конкретно. Тогда новость получает лицо – за это больше платят.

Врач мне иногда говорит: «Только не вздумай смотреть новости – от этого твой мозг взорвётся быстрее, я за последствия не ручаюсь».

Все начали жить по ссылке. На телевидении. В газете. В больнице, в магазине, – везде нужна ссылка.

– Здравствуйте, Анна Григорьевна сказала, что к вам можно обратиться.

– Ах, Анна Григорьевна, да, конечно, проходите, чем могу помочь?

Лечащего врача мне посоветовал преподаватель по профессиональной этике. Я пришёл, сослался на него. Врач сказала: «Вообще-то я журналистов не люблю. Но тебе уже без разницы....».

■ – *Сегодня на семьдесят втором году жизни скончался выдающийся актёр Владимир Абиулин.*

■ – *Выдающийся актёр Владимир Абиулин скончался сегодня от сердечного приступа.*

■ – *Весь город скорбит по поводу смерти....*

 ДНА и та же новость на разных каналах должна подаваться по-разному. Иначе сильно попадёт выпускающему редактору.

– Наши новости должны отличаться от конкурентов, – слышат каждый день журналисты и придумывают всё новые речевые обороты. Не дай Бог на утро в мониторинговом листе окажется одина-

ковая подача. Автора могут уволить. Жестокое телевидение.

Эти мониторинговые листы составляю я. Я знаю, что они значат на телевидении. Для каждого конкретного журналиста. Поэтому свою работу я называю творческой.

Врач говорит:

– Займись творчеством, рисуй, сочиняй, только не переутомляйся.

Творчество – вот за что я люблю свою работу.

Хотите чистосердечное признание – новости на самом деле делаю я.

...

В НАШЕМ университете была команда КВН. Название звонкое, известное – я вам не скажу. Декан говорит первокурсникам:

– Если хотите чтоб ваш ум был острее лезвия ножа, если хотите чтобы вас обожали девчонки, если хотите знать, что такое настоящий юмор – записывайтесь в клуб весёлых и находчивых. Особенно если вы учитесь на факультете журналистики, или хотя бы на философском.

Декан знал что говорить – он сам бывший автор и актёр университетской команды.

На собрание КВН мы пришли всей группой. Нам устроили кастинг. Это была игра в «кродила». Нас разделили на две команды. Руководители игры – опытные и знаменитые квнщики – по очереди вызывали по одному человеку от каждой команды. И на ухо шептали ему какое-то слово. Ты должен был мимикой и жестами изобразить это слово. Если получалось смешно и загаданное слово отгадывали – ты проходил первый тур кастинга. Мне загадали слово «новости». Попробуйте изобразить. Хотя бы перед зеркалом. Смешно? Вы и не представляете, какое это смешное слово – «новости». Меня пригласили в команду КВН. Меня и ещё двух сокурсников. Остальным посоветовали писать стихи, пойти в клуб любителей рока, или записаться в легкоатлетическую секцию.

На следующий день мы пришли на репетицию. В малый актовый зал университета.

Первое, что нам сказали опытные КВНщики в клетчатых шарфиках, – сменить гардероб. «Одеваться нужно интересно, вкусно, с изюминкой. Чтоб быть узнаваемым».

Второе, что нам сказали опытные КВНщики в клетчатых шарфиках: «Если кто-то будет «звездить», тот пусть идёт в зад, среди нас звёзд нет».

Третье, что сказали нам опытные КВНщики в клетчатых шарфиках: «Вам придётся часто забывать про учёбу, отсюда будут долги, хвосты, проблемы, но париться не надо – КВНщиков любят все, и всё прощают, главное, не наглотать».

Четвёртое, что сказали опытные КВНщики в клетчатых шарфиках: «Вы должны всегда присматриваться к людям вокруг вас, запоминать типаж, ярких и интересных человек; вы должны всегда знать что происходит, чтоб ваш юмор был актуальным; вы должны круглосуточно сочинять шутки и миниатюры, перебирать в мозгу фразы, составлять каламбуры, придумывать невероятные ситуации. Ваш мозг всегда должен штурмить».

И пятое, что сказали нам клетчатые шарфики: «Понятно?»

– Конечно, – сказали мы.

– Тогда начнём. Начнём мозговой штурм.

«Мозговой штурм» – это словосочетание известно каждому КВНщику, главное слово здесь – мозг... и штурм. Он бывает разный. Бывает команда садится в круг, засекается время, и каждый участник должен писать на листе бумаги «подачи» – это первая фраза шутки, её половинка, или начало диалога, или что-то в этом роде. По истечении времени участники меняются листочками, и задача каждого «добить» чужую подачу. То есть смешно её закончить.

Подача:

«На первое апреля гопники криминального района...»

Добивка:

«...подкалывали друг друга, а некоторые даже подстреливали».

Ни один новичок команды КВН с первого

раза никогда не добьёт подачу. Да и нормальную подачу никогда не напишет. Подачи новеньких почти всегда про секс, наркотики, или поповых звёзд:

«Сергею Звереву надоело носить женские трусики».

«Наркотики довели до слёз воспитанников детского садика».

«Борис Моисеев любит, когда сбоку».

Такие подачи часто называют «неберучки». Остроумно закончить их практически невозможно. Это знает каждый, кто имеет отношение к клубу весёлых и находчивых.

Надо, как минимум, год штурмить по 24 часа в сутки, чтобы писать интересные подачи, и смешно добивать другие.

На первых занятиях по журналистике декан нам говорит:

«Какие бы вы гениальные ни писали статьи, надо, как минимум, год отработать в газете или на ТВ, чтобы научиться писать действительно стоящие вещи».

Дальше декан достаёт из кожаного портфеля листки с мозгового штурма начинающих квнщиков и читает вслух.

«Сергею Звереву надоело носить женские трусики».

«Наркотики довели до слёз воспитанников детского садика».

«Борис Моисеев любит, когда сбоку».

Потом декан многозначительно молчит. Когда смешки в аудитории умолкают, он говорит:

– Именно так звучат все новости в сегодняшних СМИ.

Дальше все слушают декана. Он бывший квнщик. Что такое новости – он будет рассказывать ещё пять лет.

Врач на втором приёме призналась:

– Я люблю КВН. Хожу с мужем на студенческую лигу. Я тебя помню. Ты играл за университетскую сборную. Вы такие смешные были. Смешнее, чем на Первом. Жаль, что ты больше не сможешь играть в КВН.

– Да ничего страшного, зато я пишу шутки.

У врача закатываются глаза, набухают виски.

– Ты должен прекратить это дело. Твой мозг не должен перенапрягаться. Иначе за последствия я не ручаюсь.

Врач прицепляет к моей голове какой-то новый прибор. Похожий на робота – у него пять пар рук, вместо кисти-присоски. Присоски сейчас прицеплены к моей голове. И я чувствую, как они массируют мой мозг.

– Будет неприятно. Но ты потерпи. – Говорит мне врач и идёт к компьютеру, – кстати, у тебя есть билеты на полуфинал?

– Нет, но я могу провести.

Ещё штурмить можно по ситуациям. Сейчас так многие пишут миниатюры. Говорят, так сочиняют резиденты «Камеди». А в популярном шоу «Убойная лига» есть даже такой конкурс. Когда зрители из зала выкрикивают какие-то слова, имена, профессии, места, а ведущий соединяет их в ситуацию. И вот уже участникам нужно придумать миниатюру на тему «Инспектор ГАИ в бане». Или: «Пингвины в Африке». Или «Президенты играют в боулинг»...

Декан нам говорит:

– Ребята, когда вы станете журналистами, вы будете попадать в такие ситуации, в которые ни один обыватель не попадёт никогда в жизни. И вам нужно будет выкручиваться, искать выход, напрягать мозг. Иначе вы никогда не добудете сенсаций. Друзья мои, почаще устраивайте своему мозгу штурм. Я вас умоляю.

В университетской общаге, попивая пиво и поедая сосиски, мы часто придумывали себе ситуации. И все вместе старались смешно и остроумно довести их до финала. Много потом из этого становилось миниатюрами для университетской сборной.

Когда заканчиваются последние итоговые новости, мой телефон начинает разрываться. У меня на звонке мелодия из кинофильма «Игрушка» с Пьером Ришаром. Звонят одноклассники, многие из них работают в новостях. Они не знают, что я слежу за каждым их сюжетом. Они не знают, что их новости делаю я.

Одноклассница Маша, с которой мы раньше встречались, пишит в трубку:

– Слушай, ты не поверишь, помнишь, у вас миниатюра была про кассиршу с супермаркета, ну, когда кассирша собирала чеки, и потом шла с ними в другой супермаркет с таким же названием. И там набирала продукты, которые были пробиты в чеке, ну, помнишь, помнишь, – Маша практически задыхается, – так прикинь, сегодня была задержана такая же кассирша. Толик, ты меня слышишь, приколы, да?

Я знал, что Маша мне сегодня позвонит. Эту не очень смешную миниатюру мы с ней придумали вдвоём, когда ходили в супермаркет покупать реквизит для Новогоднего корпоратива. Там была очень забавная кассирша; чеки, которые покупатели, как правило, не берут, она зачем-то аккуратно стопочкой складывала под маленькую фигурку Деда Мороза.

Эту кассиршу звали Светлана. Уже когда я знал, что жить мне осталось не больше двух лет, я снова встретил эту даму в супермаркете. Только в этот раз её допрашивали охранники, они были уверены, что женщина своровала печенье и бутылку мартини. Но воровка им предъявила чек.

– Прикинь Толик, я сама в шоке до сих пор, вот мошенница, да? – спрашивала меня Маша.

– Да уж, – ответил я.

Новость про кассиршу-мошенницу сегодня рассказали сразу три канала. Новости, где работала Маша, даже начали с них выпуск. Топ-лайн был такой:

«Предъявите чек. В супермаркете задержана кассирша-мошенница».

«Топ-лайн – это первая фраза в подводке ведущего, она же бывает в анонсах, это фраза, которая должна заинтриговать зрителя», – так говорил нам преподаватель по новостной журналистике.

Другие начинали эту новость так же. Отличались только «Вечерние новости».

«Не оставляйте в магазинах чек. Им могут воспользоваться кассиры. Кассир-мошенница задержана сегодня...».

За эту сенсацию с каждого канала я получил по тысяче рублей. Как за лучшую новость дня. Но сначала я позвонил в службу безопасности сети супермаркетов, в которой трудилась находчивая кассир. В службе безопасности мне сказали «спасибо».

....

В ДЕРЕВЕНСКОЙ школе в классах было по восемь-десять человек. В моём классе было шестеро. Из них пять девчонок. На все старшие классы школы парней было тоже пятеро. И этой пятёрке всегда приходилось отдуваться за всех девчонок. Провести концерт, съездить на слёт активистов, написать заметку в районную многотиражку. Даже если от рождения Бог вам не дал таланта и острого находчивого ума, то к одиннадцатому классу в деревенской школе вы будете вынуждены стать гением. Даже если вам этого не надо. Все пять старшеклассников, получив аттестат, уехали поступать в вузы. Поступили все. Димка, который умел играть на гитаре, окончил медицинскую академию. Васька, который курил коноплю всегда и везде, даже в школе, – с красным дипломом окончил академию МВД. Гоша, умеющий двумя пальцами доить корову и умеющий пародировать всех звёзд и политиков, – стал дипломированным инженером. Педагогический университет окончили Макс и Вовка, я закончил журфак.

– Я закончил журфак, жить мне осталось два года, лучше меня вы никого не найдёте. – Эти слова в клубе натуралистов прозвучали, как голос снежного человека в устье южной реки.

– Но мы можем вам предложить не больше тысячи рублей. В месяц.

– Я согласен.

– Понимаете, – не унималась толстая женщина, чей край рукава был измазан птичьим помётом, – нам сверху спустили, что мы должны как-то себя в средствах массовой информации, это, ну сяс, – женщина с куриным помётом на рукаве долго перебирает бумажки на столе, – ах, вот

нашла, мы должны себя позиционировать, короче, это наше дело, в ваши обязанности входит следить, сколько раз про нас расскажут в СМИ, вы должны, ммм, как же это, – птичий помёт на рукаве женщины снова трётся о бумагу...

– Мониторить, – подсказываю я.

– О, точно. А что у вас какая-то серьёзная болезнь?

– Не ваше дело. Ваше дело позиционировать, моё – мониторить.

■ – *Двести пятьдесят тысяч рублей не досчитались в этом месяце проверяющие в Пенсионном фонде. Возбуждено уголовное дело.*

■ – *Три года воспитатель детского дома издевалась над детьми.*

■ – *У семидесятилетней пенсионерки кошка родила 12 котят.*

■ – *Завтра в нашем городе обещают дождь – далее прогноз погоды.*

К ОГДА ВЫ смотрите новости, вы не можете точно сказать – зачем вам это. Если вам задать вопрос – зачем вы смотрите новости, то вы наверняка ответите сходу – чтобы знать, что происходит в мире, в стране, в городе. И всё! Это так банально, согласитесь. А я смотрю новости – потому что это моя работа. Оригинально?

– И за это у вас в городе платят деньги? – разинул рот и зрачки мой сосед в родной деревне дядя Валя, когда я в очередной раз приехал сюда на похороны очередного родственника.

– Да, дядя Валя, платят и не плохо. – Старик выпил стопку самогона и пошёл в баню. Я пошёл с ним.

В бане, глядя на тощее тело старика, на его провалившиеся глаза; глядя на то, с каким остервенением он хлещет меня по животу веником; глядя на его мерзкие рыжие волосы, меня вдруг осенило.

Я понял, почему все новости такое дерьмо.

Декан в университете как-то сказал:

– Друзья, придёт время, и вы сами поймё-

те, почему современные новости такие скучные и одинаковые, главное, чтоб вы поняли это не слишком поздно.

Декан – он бывший КВНщик, он знал, как делать настоящие новости. Он любил повторять:

– Запомните, ребята, сенсация не в том, что гаишник берёт взятку, сенсация будет, если гаишник начнёт раздавать деньги водителям.

Популярный способ мозгового штурма – подать и добить невероятную ситуацию.

– Эх, дядя Валя, дядя Валя, если б я работал на телеке, то все бы новости я делал бы только для тебя.

– Спасибо, конечно, но да фиг с ними, с твоими новостями, давай лучше употребим с жару. – Офигенный старик.

Я вышел из бани и набрал своего работодателя – главного редактора телеканала «Твой город».

– У меня есть для вас интересная новость,

– Да ты что? И какая же?

– На колготной фабрике работает замечательная женщина, она умеет... впрочем, сами позвоните на фабрику и попросите рассказать вам про замечательную женщину, которая там работает, – про ту, про которую вам расскажут в первую очередь – снимайте сюжет.

– А это точно будет интересно зрителю? – с сомнением спросила главный редактор.

– Я зритель. Мне будет интересно, – уверенно сказал я.

В тот вечер я обзвонил все каналы, на которые работаю, я всем им рассказал про замечательных людей с хлебозавода, из средней школы номер 56, из магазина «Семена» на улице Попова...

– Сотрудница колготной фабрики Елизавета Петрова каждый день попадает в рай. Раем женщина называет свой огород. Где уже пятый год выращивает пальмы, абрикосы и редкие южные растения.

– Учительница математики из обычной средней школы вывела формулу счастья. Вместо «двоек» своим ученикам она ставит горчишки.

– На хлебозаводе испекли пирог высотой с двухэтажный дом. Такое кулинарное чудо пекари приготовили специально ко Дню рождения старейшей сотрудницы Маргариты Макаровой.

– Продавец магазина семян с помощью водяного пистолета задержала грабителей.

НОВОСТЬ о позитивном явлении, об интересном человеке, о необычном факте называется на телевидении «бантиком». Если «бантик» получается удачным – он запоминается, и о нём на следующее утро говорят горожане. «Бантики» очень любят писать репортёры, хотя получаются они только у единиц.

– Сделать хороший «бантик» может только творческий человек. Скучный журналист, который ничем никогда не увлекался, никогда не делает «бантик». – Так говорили нам в университете.

– «Бантик» – это жемчужина любых новостей и украшение репортёра, – так тоже говорили в университете.

– На журналистские конкурсы всегда отправляйте удачные «бантики», процентов семьдесят, что на вас обратят внимание, – говорили в университете.

Когда я встретил после выпускного своего декана, пьяного, сидящего в кафе на проспекте Ленина, он поцеловал меня в щёку и расплакался.

Он сказал:

– Мне стыдно, что мои выпускники работают в новостях. – Он сказал это и подарил мне бантик. – Я всем своим выпускникам дарю бантики, чтоб не забывали про них. – Я тогда помог декану дойти до дома. Уже в дверях своей однокомнатной квартирki он снова меня поцеловал. «Знаешь, почему умирают новости? Потому что умирает КВН. А не наоборот». Декан знал о новостях всё. Декан бывший КВНщик.

– В подъезде дома на улице Перова уже десять лет не было ремонта.

– Подозреваемая в убийстве своей дочери уже как два года лишена родительских прав.

– Русская модель стала женой американского олигарха.

– В деревне Вязовка собрали рекордный урожай капусты.

ОТСОЕДИНЯЯ присоски, врач сказала мне: «У тебя остался месяц».

– А как же два года? Вы обещали два года?

– Я ошибалась. Я ни за что не ручалась. Скажи честно, ты продолжаешь писать шутки?

– Нет, я иногда сочиняю новости, – сказал я честно.

– Сам виноват, – сказала врач.

...

БЫВАЮТ в жизни современного человека огорчения. Но это не тогда, когда вам говорят, что жить осталось месяц. Огорчение современного человека – это когда по телевизору нечего смотреть. Когда новости на всех каналах одни и те же. Когда подаются они неинтересно. Скупое. Бесчеловечное.

Каждый четверг я хожу в литературную гостиную. В доме некогда известного писателя собираются современные поэты, прозаики и бездарь. В доме писателя по четвергам собираются – двое зрелых мужиков. Они члены Союза писателей. Оба – почти что карлики. Один – чёрненький с бородкой. Другой – рыжий с бородой. Собирается несколько молодых женщин. Одна из них – местная знаменитость. Черноволосая, чернобровая. То, что брови чёрные, бросается всем в глаза сразу, как только кто-то начинает читать стихи. В этот момент чёрные брови писательницы начинают изгибаться, как изгибаются брови у недовольных людей. Ничьи стихи ей никогда не нравились, но она многих хвалила. Других молодых писательниц описать невозможно. Нет у них выдающихся черт лица, да и произведения их никому не выдаются, хоть и издаются в местных альманахах. Бывает, заходят в литературную гостиную школьницы. Они все хотят повеситься. О чём и пишут. Девственницы.

А ещё по четвергам в дом бывшего писателя прихожу я. И понимаю, что про тех, кто здесь собирается, рано или поздно тоже скажут «бывший».

Наверное, про меня тоже.

Врач говорит на прощание:

– Я же тебе не зря советовала заняться творчеством. Творчество успокаивает. Если к нему серьёзно не относиться. А ты взялся за старое. Сам виноват. Позови следующего, карточку сдай в регистратуру.

Любой врач вам расскажет о творчестве больше, чем писатель или журналист. Это проверенный факт. Можете распространять его со ссылкой на меня.

Когда я смотрю новости или читаю современную литературу, я предполагаю, что все писатели и журналисты общались с врачом. Каждому из них врач сказал: – Жить вам осталось недолго, – и через паузу, – займитесь творчеством. Только серьёзно к нему не относитесь. Не напрягайтесь. А то за последствия я не ручаюсь.

– В Металлургическом районе найден труп повешенной восьмиклассницы.

– Зарплаты в следующем году возрастут на двадцать процентов.

– Два человека погибли сегодня в ДТП на пригородной трассе.

ЧЛЕНЫ Союза писателей очень хорошие люди. И по четвергам они говорят очень хорошие вещи.

Члены Союза писателей очень хорошие люди. И по четвергам они говорят очень хорошие вещи.

Слово берёт чёрненький с бородкой:

– Когда я начинаю писать стихотворение или рассказ, я не знаю, чем он кончится. Главное для меня – это первая строчка. Если она будет живой, то стих получится, также и заголовок в рассказе. От него всё зависит, нельзя писать рассказ, если ты не придумал заголовок. Если ты не придумал СЛОВА. Слово – это самое самое самое главное. Но слово должно звучать по-новому. Иначе ты

ничем не будешь отличаться от Пушкина, Ахматовой.

Бровь у чернобровой писательницы отреагировала.

Слово берёт рыжий с бородой:

— Здесь я с коллегой согласен, бляха муха. Творчество — ведь это создание нового. Зачем писать десятую вариацию на тему «Капдошки» или «Частей речи», бляха муха. Нужно создавать что-то своё, ребятушки. Необычное. Вот ведь Бродский не зря говорил — когда сочиняешь стихи, на ум лезут такие мысли, которые простому обывателю в голову никогда не придут. И это хорошо, бляха муха. И этого не надо бояться. Не надо всё упрощать, подделываться под обывателя. Обывателя надо воспитывать.

Девственницы дёргают коленками.

Чёрненький с бородкой снова говорит:

— Проведите такой эксперимент. Возьмите любой предмет и постарайтесь придумать к нему сто эпитетов. Потом зачеркните первые девяносто девять. Оставшееся слово и будет вашим новым словом. Оно наверняка окажется неологизмом, или словом-слэнгом. Но для вас оно будет родным, вымученным.

Рыжий с бородой тоже говорит:

— Я к чему сегодня разоряюсь, я к тому, что и темы ваших произведений должны быть новые, бляха муха. Но темы вам близкие. Вы должны писать о том, что вам близко. В чём вы варитесь или варились, бляха муха. Что интересно вам, тогда и читателю, бляха муха, это будет интересно.

Когда рыжий с бородой начинал нервничать, он всё чаще повторял «бляха муха».

Чёрненький с бородкой продолжает:

— Самое замечательное стихотворение, которое я где-либо слышал, — это частушка в одной деревне, кажется, она так звучала:

Тётя Вера, Тётя Вера,
Тётя Вера — карандаш,
Неужели тетя Вера
Нам по рюмке не подашь!
Рыжий с бородой говорит:
— Потрясающе, бляха муха.

Я любил слушать, что говорили писатели по четвергам. Каждый член Союза писателей был ещё и членом Союза журналистов.

Когда время подходит к восьми вечера, я тихо встаю и иду посмотреть новости. Хотя я заранее знаю, о чём они будут. Ни о чём. И всё-таки я жду новое слово. Слово под номером сто. Но его нет. Да и ладно. Я смотрю новости. Мне за это платят деньги. И жить мне осталось не больше месяца.

....

■ — По улицам ходить всё опаснее. Число разбоев, по сравнению с прошлым годом, увеличилось почти в два раза, — отмечают в городском УВД.

■ — Платить за отопление в следующем году мы будем больше.

■ — На металлургическом комбинате запущена новая домна.

ПО ВЫХОДНЫМ мне звонит мой бывший сокурсник Саня. Саня знает, чем я зарабатываю на смерть.

— С такой работой, как у нас с тобой, зарабатывать можно только на смерть, — всегда говорит Саня.

— Фиговые у вас на этой неделе были новости, — говорю я Сане.

— Зачем ты мне высаживаешь, ты думаешь, я это не знаю, или это не знают наши реды? Все это знают, только никто не хочет ничего делать. Никто не хочет исправляться. — Саня — журналист и футбольный хулиган. Саня часто ходит с синяками. Саня — самый счастливый человек на городском телевидении. У Сани есть своя тема, у Сани есть в чём вариться. Он об этом пишет рассказы, а новости для него — попытка заработать деньги. И Саня это признаёт. А другие нет.

Неделю назад Саня позвал на футбол меня. Мне нечего терять — я пошёл на матч с футбольным хулиганом.

— Главное, постарайся не драться, — говорила мне врач, когда мне жить оставалось два года. —

Любой стук по башке может стать для тебя последним. Твой мозг этого не выдержит.

Врач сказала:

– Не дерись. А то за последствия я не ручаюсь.

Санька был любимчиком у нашего декана. У того, который знал о новостях всё.

Декан говорил:

– Посмотрите на Александра, он уже не раз получал по голове. Настоящий журналист должен хоть раз получить по голове.

■ – На центральном стадионе состоится очередная матч первенства России по футболу.

■ – Перед очередным матчем первенства России главный тренер городской команды поделился планами на игру.

■ – На центральном стадионе ожидаются беспорядки футбольных болельщиков. Там пройдёт очередная матч первенства России по футболу.

СТАДИОН начал заполняться за час до игры. На фанатских секторах появились баннеры с названием команды и с призывом идти вперед. Миновав тройной шмон тех, кто носит милицейскую форму, мы, наконец, присоединяемся к представителям хулс. Среди них, к моему удивлению, я не вижу гоповатого вида парней и развязных девиц. Здесь много представителей так называемого среднего класса. Парень в голубых джинсах и в рубашке «Том Тэйлор» – студент философского факультета моего университета; бырышня с повязанным шарфом от «Бёрбари» (Саня утверждает – она занимает хорошую должность в городской администрации); мужчина лет тридцати пяти – сисадмин в крупной фирме, группа парней, что закрывают лица банданой с имперской расцветкой, – менеджеры среднего звена, две девицы – по виду ещё школьницы, но мой друг клянётся – они одни из лидеров женской группировки футбольных хулиганов. Всего на фансекторе к началу матча я насчитал около ста пятидесяти человек.

Саня показывает на фанатский сектор и говорит:

– За воротами собираются те, кто должен становиться героями новостей. И необязательно в рубрике «Криминал»

Матч начался. Через три минуты первый гол. В наши ворота. На противоположном от нас секторе фанаты приезжей команды зажигают пиротехнический факел, его называют файером. Файер горит зелёным огнём, к гостям тут же направляются человек десять омоновцев. Вообще-то никому не выгодно, чтобы кого-то из гостей повязали. Их и так приехало полсотни, а впереди ещё ожидается махач. Фанаты играющих на поле команд – враги.

После недолгой перепалки милиционеры всё-таки выдёргивают из толпы одного человека, начинается потасовка, кто-то выдёргивает кресло и бросает его в ОМОН. Один из омоновцев срывается к тому, кто бросил, но по пути его сбивают с ног. Дальше не видно, фанаты зажигают дымовую шашку. Игра на поле продолжается.

Наша команда забивает ответный гол.

С противоположных секторов слышны скандирования – значит, повязали не всех. Когда дым рассеялся – оппонентов на секторе остаётся около сорока.

Саня потирает левый кулак об ладошку, подпрыгивает на месте и говорит:

– Быстрее бы конец матча, я бы их вкатал за милу душу.

Последняя драка закончилось полным провалом для Сани и его друзей.

Реванша не то, что все жаждали, – им грезили, Саня говорит:

– Я уже две ночи не сплю, кулаки чешутся.

В перерыве, идя за пивом, на трибунах обычных болельщиков я замечаю декана. Он машет мне рукой и показывает большой палец – старик игрой доволен.

– Вы должны играть, – повторяет декан своим студентам. – И не только потому, что так интересней жить. Ваша прямая обязанность – играть. Играть. Со словом. Играть с картинкой. Играть способами добычи информации. (Декан говорил «дОбычи»). Только так вы станете профи. Вы, как

футболисты, должны получать удовольствие от игры. Хорошие деньги вам будут платить, только если вы научитесь хорошо играть. – Слова декана понимаешь только спустя время.

Второй тайм прошёл без эксцессов. Лидеры хулиганов созвонились с оппонентами, решили драться через двадцать минут в лесном массиве недалеко от стадиона. Договорились, что с каждой стороны будет по тридцать человек.

Бойцов отобрали довольно быстро. Чтобы попасть в их число, мне пришлось долго уговаривать Саню и лидеров хулиганского движения. Кто они такие и как их зовут, мне так и не удалось выяснить, но одно я понял – им плевать на футбол: если бы сегодня не намечался мордобой, смотреть матч они пошли бы в бар.

За сто метров до лесной полосы бойцы начинают вставать в строй. От того, каким будет этой строй, во многом зависит исход драки. Решено сделать пять рядов по шесть человек. В первые ряды становятся те, кто покрепче, и поопытнее. Опытные становятся по бокам и сзади – их задача держать строй. Чтоб его не продавил соперник. И по возможности, конечно, рассылать удары по головам врагов. Все остальные – умещаются в середину, в тактику им вникать необязательно, главное – свалить соперника, не дать ему встать, драться до последнего. До тех пор, пока кто-нибудь не закричит «хватит».

Соперник выбирает ту же тактику. Оппоненты сближаются. Мы скандируем имя своего славного города. Соперник – название команды.

– Погнали, – вдруг слышу я с первых рядов и чувствую, что кто-то сзади зажёл файер, красные горячие брызги упали мне на голову, факел полетел в соперника.

Саня мне рассказывал:

– Если бросят в нас файер, не отбегай ни в коем случае.

Ещё Саня, потягивая пиво перед матчем, говорил:

– Раньше файера бросали рядом со строем соперника, но потом кто-то удумал кидать в соперника, тогда все начинают разбегаться, строй

рушится, сопернику остаётся только прыгнуть. Прыгнуть и победить.

В нашу сторону тоже летит факел, но никто не расходится, я не успеваю набрать воздух в грудь, как получаю первый удар по шам, отмахиваюсь – заряжаю оппоненту кулаком чуть выше висок.

КОГДА на первом курсе университета нас посвящали в студенты, «старшки» нас предупредили:

– Время от времени вам придётся бить морды и самим получать по мозгам от студентов соседнего института. Это наши давние враги. Они будут везде – в ночном клубе, в студенческих кафе, в парках, ваши кулаки должны быть готовы всегда.

«Бейте в голову!» – сказал нам тогда преподаватель профэтики. И закусил лимоном разбавленный в Соса-Cole коньяк.

С институтской шаболдой я дрался три раза. Два из них меня вальнули не по-детски. Но в третий раз я отыгрался за всё. Это было уже на пятом курсе.

Строй вскоре всё-таки сломался. Каждый разобрал себе по сопернику. Мне достался качок лет тридцати. По его глазам я видел – качок настроен со мной разделаться быстро. «Но, чувак, – подумал я, – у меня остался месяц, а ты ещё будешь жить. Так что поживи пару недель с синяками».

Когда перед тобой более сильный соперник, главное – быстро собраться. Когда начинаются новости, главное переключить канал. Если не успел – извини.

– В наш город едет премьер-министр.

Удар в голову.

– К десяти годам приговорён цыган-наркоторговец.

Удар в голову.

– В школах собираются внедрять инновационные технологии.

Удар в голову.

– Депутаты спорят – нужно ли вводить смертную казнь.

Удар в голову.

– В городском зоопарке пополнение. Родила шимпанзе.

Удар в голову.

Когда ты собрался, у тебя есть два варианта развития событий:

– ты сходу прыгаешь на соперника и, не давая ему опомниться, наносишь удары по голове, по туловищу, по ногам, пока тот не падает.

– ты защищаешься. Выматываешь соперника, ждёшь, и когда понимаешь, что уже пора, – действуешь по первому варианту развития событий.

Когда ты включаешь телевизор и попадаешь на новости – у тебя нет никаких вариантов.

– ...

Удар.

– ...

Удар.

– ...

Удар.

Мой оппонент падает, я сажусь на него, чтобы добить, – он не должен встать.

У чувака подо мной выбит зуб и сломан нос. Лицо покрыто красным месивом. Он стонет: «Хватит». Для него это значит – всё.

Встаю с «убитого», справа получаю удар с ноги. В голову. Падаю. Для меня это тоже – всё. Все новости.

И это все, о чём мы хотели рассказать сегодня.

... Береги голову...

... Настоящий журналист должен получить по голове...

...

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ, отцепляя присоски, врач сказала:

– Ну вот, теперь ты готов работать в новостях. Твои мозги на месте.

Врач заполняет какой-то бланк, подает его мне, улыбается, говорит:

– Передай привет декану и преподу по профэтике.

Я беру бланк, подхожу к дверям, врач кричит:

– Эй!

Поворачиваюсь. Врач говорит:

– Я за последствия не ручаюсь.

Ян Разливинский

НЕМНОГО
ЗОЛОТА,
НЕМНОГО
СЕРЕБРА...

1.

СИБИРЬ ела всё, что ей давали: крестьян, казаков... Дали декабристов – сжевала. Ермака – на один зуб. Атласова, Хабарова, Черского – кого саблей, кого болельню – всех свела в могилу. Понравилось, как Беринг почесал за ушком – хрюкнула от удовольствия и прихлопнула Командорскими островами. А скольких неименитых уложила во мхи свои – и не сосчитать...

Распласталась от Урала до Камчатки – огромная, шершавая от несдираемой вековой таёжной коросты, и в принципе, добрая. Позволяла раскольникам и странным людям жить в своей густой шерсти, как блохам на собаке. Питаться дарами, радоваться солнышку. Но если что – не обессудьте, чешется... Сожрет, мирно улыбнётся и продолжит дремать себе...

В ТАЙГЕ можно за один день обогатиться и за один миг сгинути. Мы предпочитали первый вариант, поэтому с нами был Степан – москвич с десятилетним стажем и сибиряк со стажем тридцатилетним. Кряжистый-коряжистый, с круглым загорелым ликом и вечным прищуром тёмных глаз, Степан холил аккуратную шкиперскую бородку, скрывавшую длинный тонкий шрам у виска. С одеждой такой фокус не прокатывал: чтобы он ни надел, бугры мускулов выпирали, как надувные.

Заблудись мы в тайге летом – могли бы протянуть там месяц, а то и полтора. Со Степаном протянули бы примерно столько же. Но зимой. Чуете разницу?

Только зимой мы туда и не совались. Зимой местообитанием нашей компании были архивы и библиотеки. Там велась тихая охота – под шелест страниц старых книг и газет, атласов и карт. Стороннему человеку это показалось бы пустой тратой времени – как порой кажется глупым многочасовое блуждание грибника, ищущего не абы что в сковороду, а обязательно «белые», да отборные чтоб...

А вот когда в тайге отцветал сиреневый кандык и озёра нехотя освобождались ото льда, мы дружно брали отпуска и отправлялись на восток, за Иркутск, в края, где слова «офшор», «инвестиции», «лизинг» – не более чем непонятные и, быть может, даже матерные выражения.

Потрепанный, но работающий как часы, «джип» Степана вёз нас по составленному заранее маршруту – от деревни к деревне, от одной точки на карте до другой, от одного разочарования – к новому. Хотя, конечно, вру. Если бы вояжи наши состояли из сплошных разочарований, мы бы не мотались по глухomanям с упорством, достойным Жана-Батиста Гренуя.

После каждой поездки багажник «джипа» наполнился аккуратно упакованными иконами и всевозможной утварью. Но всё это было, как говорил Степан, «побочный продукт жизнедеятельности». Основной же занимал гораздо меньше места, иногда вообще умещаясь в карманах выгвазданных комбинезонов. Мы искали клады.

Копами занимаются многие. Купить металлоискатель и выйти в поле – дело одного часа. Но это только в мультике про Простоквашино можно отправиться за околицу и, ткнув лопату в землю, тут же услышать стук о крышку сундука. В реальности этот трюк не прокатывает, и к нескольким месяцам аналитической работы добавляются полтора летних, полевых, когда мы с металлоискателями наперевес на местах забытых деревень ищем то, что скрыли когда-то от нас природа и человек.

2.

МАШИНУ тряхнуло так, что Митя клацнул зубами и охнул – а не разевай рот!

Потом тряхнуло ещё и ещё. Я подался вперёд, стараясь через плечо Степана получше рассмотреть дорогу. Но этого не понадобилось. Степан надавил тормоз, «джип» облегчённо качнулся и замер.

– Перекур, – объявил Степан.

– Вот раньше бы, – заметил Митя, потирая челюсть. Митю нам подогнал Роман Борисович, наш четвёртый. Он ещё в прошлый сезон стал жаловаться на здоровье, а в нынешний, хоть и отси-дел своё в библиотечных недрах, в поля решил не ехать.

– Ну его... всех сокровищ не нароешь...

Что с ним, он не распространялся, но осунувшееся тёмное лицо говорило само за себя. Митю он предложил как замену. Рыжий, конопатый, остроносый Митька приходился ему близким родственником.

– Не впишется – гоните, – по-родственному напутствовал он нас.

В принципе, Митька вписался. Был он малость суетлив, что-то делал невпопад и неправильно, но огрехи свои покрывал жилистостью и неприхотливостью. Ну а характер... У кого он золотой? Некоторая жадность за Митькой наблюдалась, но исходила она, скорее, от молодости, которая, в принципе жадна до всего.

Я выбрался из «джипа» и с удовольствием потянулся. По привычке вынул из кармана телефон. Связь, разумеется, не ловила. Последний раз я разговаривал со Светкой вчера днём, когда мы кометой пролетели Никитск, мелькнувший широкой россыпью частных домов, несколькими центральными улицами с трёх- и пятиэтажными халупами советской постройки и сине-золотыми маковками церкви над рекой. После этого были две деревни с небогатым уловом выкупленного старья и ночевка у костра.

Сзади засопело. Конечно, это был Артемон, то бишь Артём. Он спит всё время, пока его везут и жалуется, что привык к этому благодаря российским дорогам – трясёт так, что не считаешь и шумит так, что не поговоришь...

– Приехали?

– Заблудились...

– А..., – Артемон был невозмутим: заблудились, так заблудились – эка невидаль?.. Он немного уступал Степану в росте, но был так же крепок и жилист. Обряди Артемона в смокинг, и пред нами предстал бы русский вариант Джеймса Бон-

да – не столь импозантный, но вполне добротный: правильные черты чуть располневшего загоревшего лица, римский нос, благородная седина на висках. Даже в экспедициях Артём каждое утро брился. Артемон в смокинге никто бы не повесил, что он работает простым слесарем на автобазе. Впрочем, и мне в камуфляже никто не приписал бы звание кандидата исторических наук, без пяти минут доктора – скорее, определили бы в прорабы или бригадиры.

Артемон прихлопнул на лбу агрессивно настроенного комара, всмотрелся в красное пятнышко на ладони и спросил у окружающей среды:

– Вот когда нас не было, вы кого ели?

– Медведей, – ответил за окружающую среду я.

Степан развернул на горячем капоте карту. Она была неплохой, масштаба 1:200 000, но довольно свежая, поэтому ряд названий был вписан в неё от руки и обозначен приблизительно. К одной такой приблизительной точке мы и держали курс – деревня Щеглово. Щеглово убрали с карт в 90-е, когда похоронили местный колхоз, и дальняя деревня с её выпасами оказалась не нужна: зачем они, если коров порезали на мясо? Но, по непроверенным данным, кой-какой народ там всё ещё обитал и мог быть нам полезен.

Солнце стояло высоко и грело на загляденье. По земле скользили лёгкие тени от редких облачков. Но в тени сосен стоял вечный сумрак и всё ещё лежали плотные потемневшие линзы снега. А если пойти вглубь, то можно напороться на низинку и вообще провалиться по пояс в зернистую, как крупа, грязную холодную кашу.

Где-то там, за стеной оранжево-коричневых стволов, тихо шумел ручей. Степан его тоже слышал, поэтому чертил пальцем круги на карте, пытаясь обнаружить на ней хоть что-то похожее.

– Ручей тут обозначен, но далеко в стороне. Вот, видишь? Дальше впадает в Таюру. Но мы-то должны сейчас быть где-то вот тут, – он ткнул в пустой зелёный квадрат. – Никаких ориентиров.

– Это – что? – влез Митька. В руке он сжи-

мал веточку сиреневых цветов. Из-за них трава на поляне казалась густо выпачканной бледно-фиолетовой краской.

– Это багульник, – ответил, не глядя, Степан.

– Как в песне? «Где-то багульник на сопках цветёт...»

– Как в тайге. Пройди-ка до ручья, посмотри, широкий ли. И в каком направлении течёт. Только осторожнее.

– Медведи... – со знанием дела кивнул Митька.

– Сугробы, – краткость всегда была родной сестрой нашего Степана.

– Сугробы обходи, можешь провалиться вот так, – я показал по пояс, потом передумал и поднёс ладонь к горлу. Митя прочувствовал.

– Ну что, орлы, может, вернуться? – Артём неодобрительно рассматривал окружающую нас красоту – из-за неё его разбудили... – Сколько от дороги прошли?

– Вернуться успеем. Я же по просёлку шёл почти всё время, – Степан снова повёл палец по карте. – Вот, километров семь-восемь и Щеглово.

– А дороги-то и нет, – констатировал, закончив неодобрительный осмотр, Артём.

Тут он был прав. Дорога, если и была, то кончилась намного раньше. Сейчас «джип» стоял на заметно заросшей просеке – да и та могла в любой момент сказать нам «До свидания!» и нырнуть в заросли.

Вернулся Митька – точнее, прилетел, выпучив глазищи – чисто рыжий кот, которому прищемили хвост...

– Мужики, там... лось! Вот такой! – размах рук соответствовал мамонту средних размеров.

– Молодец, – скупой похвалил Степан – то ли его, то ли непомерно крупного лося. – Что там с ручьём, добрался?

Ручей тёк в направлении нашего движения и был довольно широк: Митька утверждал, что метра три-четыре – покуда было видно.

– А на карте его нет. Спасибо, друзья топографы... – констатировал Степан. – Давайте так.

Проедем ещё километров семь, и если Щеглово не объявится – вернёмся на дорогу.

– А что потом? – это, конечно, Митя.

– Будем искать снова.

Щеглово – деревня старая, оттого и ценная. Скорее всего, там доживали свой век десятка два стариков, не слишком цепляющихся за культурные ценности, доставшиеся им в наследство. Для них важнее другие, более материальные составляющие: крупа, патроны, иногда – деньги. А значит, можно договариваться. В этой ситуации роли распределялись так: Степан, хорошо знавший местные обычаи, оставался держать ситуацию, а за руль садился Артём. Список с необходимым сунили бы Митьке – пусть побегает по магазинам. Я в это время обычно занимался копом – бродил с металлоискателем по округе. Это только кажется, что всё ценное сосредоточено под крышей, на самом деле в земле-матушке бывает намного больше и ценней.

Мы снова заняли места «согласно штатному расписанию». «Джип» тронулся, оставляя в траве широкую колею с редкими осколочками выпившей из земли воды – лето стояло влажное, почва так и исходила соком, от которого зелень, обездумев, рвалась вверх.

В кабине стало заметно сумрачнее – сосны обступили просеку плотно, словно любопытные оранжевые жирафы. Только бы не перекрыли нам путь, длинношее...

– А вот лось! Только другой... – вдруг возбужденно крикнул Митька, как всегда пялившийся в окно с открытым ртом – снова ведь прихлопнет кочкой ему забрало, как пить дать, прихлопнет...

– Ч-чёрт, – пробормотал вынырнувший из дрёмы Артём.

Я посмотрел, куда указывал Митька и тоже сказал: «Чёрт!»

Лось был не один.

Справа от просеки, в зарослях невысокого молодого осинника, топтались два создания. Огромный лось приманил, отбил от стада самочку и теперь обхаживал её. Лосиха увертывалась, всё время стараясь оставаться к ухаже-

ру мордой. Издалека это походило на некий ритуальный танец.

Шум мотора отвлёк самца от брачной хореографии. Вряд ли сюда заезжали машины, поэтому вид «джипа» не напугал и не впечатлил великана. Он остановился, уставившись влажными затуманившимися глазами на неожиданного соперника. Из набухшего горячей кровью горла вырвался жалобный рёв.

– Стёпа, гони, – рывкнул я, хотя он и так всё понял, без реплики.

Мотор взревел и машину кинуло, как из катапульты. Вовремя! Самец покинул свою подругу и затрусил наперерез, покачивая рогами, которые, видимо, могли вскрыть чудо техники, как банку с бычками...

Мы разминулись, словно неточно выпущенная торпеда и корабль. Но – торпеда самонаводящаяся: я оглянулся – лось бежал за нами...

Наша предполагаемая дорога разделилась и Степан инстинктивно выбрал ту, что пошире.

Лось тоже скорректировал курс. Белый свет уже смеркался, но я почему-то очень ясно рассмотрел, что один из отростков его костяной короны обломан. Это свидетельствовало: на счету догоняющего уже имелись поединки и он был явно не прочь продолжить сей список...

Гонка продолжалась считанные минуты, но адреналина в кабину забросило столько, что время растянулось, будто резиновое... Наконец, Митька отвернулся от заднего стекла:

– Отстаёт... вроде... останавливается...

Отгнав трусливого соперника, лось тяжело затормозил, замер, гордо вскинул голову и сквозь шум мотора мы снова услышали короткий победный рёв.

Мы проехали ещё метров двести-триста, прежде чем Степан остановился. По спидометру мы отпахали не восемь, а все десять километров, только заметно отклонились к востоку.

– Перекурим и возвращаемся. До развилки, – коротко определил задачу Степан.

Митька не курил. Он потоптался рядом, но потом любопытство взяло верх и он побрёл вперёд.

– Может, вообще вернуться в Никитск? – спросил Артём. – Разузнать всё подробнее, а?

– Успеем.

Степана можно было понять: возвращаться в Никитск – точно терять полдня. А деревня была где-то рядом. Нужно было просто немного подождать: лосиха наверняка уведёт ухажера дальше, и тогда можно будет спокойно доехать до развилки. Вот только уже смеркалось...

– Мужики! – к нам бежал, спотыкаясь, Митька, и глазищи у него были как у рыжего кота, которому прищемили хвост.

– Да чтоб тебя!.. – бросил окурок Артём.

– Мужики, там деревня!

3.

В ТАКИХ деревнях живут и работают, поэтому площадей тут нет, какие к бесу общие сборы?.. Да и сама деревня оказалась невеликой – в одну широкую улицу. Чего уж удивляться, что даже на подробной карте ей не нашлось места.

Машину мы оставили у импровизированного въезда – навечно распахнутых ворот из длинного дрына. Нижний край ворот накрепко врос в землю. Вот и всё, что осталось от околицы – границы, очерчивавшей когда-то деревню, ограждавшей её от болезней, злых сил и не менее злых существ. Ещё в XX веке в некоторых деревнях Белоруссии по традиции ежегодно опахивали околицу плугами. Ну, это во мне историк свои кладези знаний демонстрирует, ничего не поделаешь...

Солнце сползло за зелёный частокол, который разом потемнел, но закатного зарева, залившего полнеба, вполне хватало, чтобы прекрасно рассмотреть крепкие избы без палисадников, выстроившиеся вдоль заросшей травой улицы.

Стояла умиротворяющая вечерняя тишина, которую не нарушали ни птицы, ни беспардонная насекомая мелюзга, начинающая как назло стрекотать и цвиркать в темноте.

Лёгкая сыроватая прохлада растекалась из тайги.

Наше появление прошло незамеченным. Окна домов оставались чёрными, собаки не лаяли, женщины не бросали в воздух чепчики. Мы переглянулись.

– Постучимся, – пожал плечами Степан.

Мы направились к ближайшему дому, но тут в конце улицы кто-то замаячил.

– О, абориген, – негромко сказал Митька.

Навстречу нам, немного припадая на левую ногу, шагал старичок. Был он невелик ростом и сух, но тёмный пиджачишко всё равно оказался меньше нужного – будто снят был со старшеклассника: худые руки с большими корявыми ладонями-лопатами торчали из коротких рукавов смешно и странно. Затёртая кепка с лаковым козырьком и пятном от кокарды скрывала, скорее всего, лысину. Зато борода была основательная – седая, по грудь.

– Здорово, отец! – переговоры по традиции вёл Степан. В эти минуты он словно преображался, превращаясь из замкнутого молчуна в рубаху-парня.

Дед подслеповато щурился белёсыми катаркными глазёнками, потом скупой улыбнулся и кивнул. Морщины на сухонькой мордашке переплелись, как корни. Он ждал продолжения.

– Это же Щеглово? Еле вас нашли...

Сухие губы снова треснули, разойдясь в улыбке:

– Да чудо, что нашли, браток. Только это не Щеглово, умахаловские мы.

Мы переглянулись. «Да ё моё...» – не скрывая разочарования пропел Митька.

– Промахнулись, значит, – как ни в чём не было улынулся Степан. – А до Щеглово далеко ли?

– Ну, как сказать... Напрямую, через тайгу, так вёрст десять, а как по дороге, так не скажу, никто там не ходит... – он махнул в ту сторону, откуда мы приехали.

– Тихо у вас тут, – с одобрением отметил Степан.

– А кому шуметь? Я один тут.

– Да ладно, отец! Один на весь колхоз? А народ где?

Дед хихикнул.

– В тайге народ, – и снова махнул, теперь себе за спину.

В тайге... Похоже мы набрали на деревушку золотодобытчиков – за кедровым орехом уходили много позже, в сентябре-октябре и тогда деревни тоже пустели на какое-то время. А золотодобытчики, взяв лотки, кайло и припасы, разлетаются по всей округе уже в середине мая. Кто дружнее – те группками, артелью, кто жаднее – в одиночку. Митька бы точно в одиночку золото мыл...

Степан, видимо, решил так же, но уточнять у деда не стал. 191-ю статью никто не отменял, зачем местных в подозрение вводить?..

– А заночевать-то где можно?

– Рад бы, – хихикнул старичок, – да некуда, тесно мне.

Он смотрел на Степана снизу вверх, добро, по-отечески...

– Ну, некуда, так некуда. Мы палаточку тут поставим, не против?

– Да ставьте, ставьте, земли, что ли, жалко? Вон там ставьте, – кривой палец показал чуть в сторону от крайней избы. – Там и костерок можно запалить, ежели что. Постреляли уток-то?

– Да мы, отец, не охотники...

– Да все мы не охотники, а жить-то надо... – улыбнулся старичок. – Располагайтесь, я опосля приду...

Мне он нравился – оптимистичный такой, не городской: «Развороваали страну, теперь сюда понаехали!» Сразу видно, что в интернете не сидит. Хотя какой тут интернет – столбов даже не видно.

– Ну, бог в помощь, отец! – напутствовал Степан.

Старичок улыбнулся.

4.

В МЕСТЕ, что указал дед, оказалась широкая овальная проплешина, вытоптанная до асфальтовой твёрдости. Не удивлюсь,

если во времена, когда старик был молодым, тут устраивали танцульки и он, в кепке с ещё не треснутым козырьком, вытягивал в круг визжащих девок.

Мы споро разбили палатку, а вскоре и костер затрещал свежими дровами – лазить за сухостоем по темноте мы не стали, обошлись тем, что срубили молодую ёлочку за оковицей. Костер дымил так, словно сигнализировал другим цивилизациям, но ветра не было, и столб сизого дыма отправлялся прямоком к седьмому небу, минуя наши лёгкие.

Степан подогнал «джип» поближе. Митька включил было музыку, но тут же получил по рукам, и снова воцарилась тишина. Как-то не вязался Лепс с окружившей нас патриархальностью. Митька какое-то время бурчал себе под нос, что он счастливый, как никто, но потом и его, видимо, проняло – замолчал, пялясь на огненные ладошки костра.

Ужинали по-походному. Разогрели тушёнку, бросили на газету горсть сухарей и несколько ранних огурцов, купленных на выезде из Никитска. В довершение Степан молча водрузил в центр натюрморта фляжку. Это означало, что в новоявленной деревеньке мы остаемся как минимум на пару дней.

Верите или нет, но иногда мне кажется, что вот такие минуты в вечерней густой тишине – это как раз то, за чем я еду каждый год в тайгу...

Артём разломил огурец – словно открыл флакон духов: запахло сильно и будоражаще. Митька тут же потянулся за фляжкой...

– Чтoб тебя... – фляжка осталась нетронутой: из темноты вдруг вынырнул-выплыл дедок-сторож. Я понадеялся, что Митьку он не услышал.

– Садись, отец!

– Да что ты, браток, постою... С моей-то оглоблей... потом не встану.

– Так угостился бы.

Блёклые глазки старика блеснули в свете костра жадной чернотой, но он смиренно прикрыл их веками:

– Да недосуг мне. Спросить дошёл: хорошо ли устроились?

– Как в гостинице, – развел руками Степан и хохотнул. – Ты, вот, возьми, потом поешь. Автолавки-то, поди, не часто к вам заруливают, – Степан, не вставая, протянул деду одну из банок. Я думал, что дедок опять начнет ломаться, но ладонь-лопата проворно перехватила дар...

– Благодарствую.

– Стара у вас деревушка-то?

– Да стара, только кто её годам счёт ведёт? – охотно ответил дедушка. – Говорят, ещё при цареватюшке Петре тут от сибирского князя Гагарина мужички прятались. Ну а потом и того... официально проживать стали. Кержак тут обитал известный, Махал, от него и деревню прозвали: у Махала да у Махала...

– А чем жили, дедушка?

– А чего тайга давала, браток.

– Так много чего даёт, были б руки...

– И то верно. В основном-то золотишко мыли, да промышляли – зверья-то видимо-невидимо.

Волшебное слово было сказано, и сказано не нами.

– Это точно, – подал голос Митька. – Мы тут лося встретили. Вот такого! – теперь сохатый в Митькином изображении обретал размеры дракона.

– Далеко ходили-то за золотишком? Не секрет если...

– Да какой секрет, – хихикнул, отмахнувшись, дедок. – Тут всё было рядышком, как на ладошке. Там вон три ручья, на них и мыли. Небедно жили, да... С граммофонами!.. А как революция пришла, значит, так и похуже сделалось. В свой карман уже не положишь – карман вместе с боком оторвут... Знаешь, браток, сколько в ту пору золотишка позакапывали? В земле столько не было. Хоронили, кто где. Думали, Колчак придёт – сно-ва всё утрясется.

– Не утряслось...

– Где там! Кто бежал, кого постреляли... При Сталине потом здорово причесали, да... Хотя Сталин тем, кто золото копал, волю-то давал: льготу

там, продухтами помогали, премии товаром выписывали... Это «кукурузник» потом прикрыл вольную лавочку. Ну а то, что в Гражданскую заховали... мужики иной раз кульки-то находили. Начнёшь огородик там копать, или погреб – и нате. Где свёрточек, где пузырёк, где коробочка. Атеисты, и те крестились: спасибо, дедушки-бабушки за подарочек нечаянный, – дед хихикнул. – Но не всё нашли, не всё... Вон, под церковью, говорят, хороший кулёк спрятан был – да не нашли до сей поры.

– Да искали плохо, – делано-равнодушно констатировал Степан, откидываясь на траву. – Мы бы нашли.

– Ну так ройте, – улыбнулся дедушка. – Вона церковь, на том конце, не обойдёте.

– А местные не зашумят?

Дедок лишь рукой махнул: побойтесь, дескать, бога...

Всё это время мы сидели, как собаки в ожидании команды, боясь пропустить хотя бы слово. Впервые на моём веку человек тыкал нам пальцем в сторону клада и говорил: берите!

– А сами-то чего? – на всякий случай поинтересовался Артём.

– Да искали же, говорю. Без толку.

– Может, и нет его, клада этого?

– Что сам слышал, то тебе, браток, говорю. Сам не выдумываю... Ну ладно, почивайте. Пойду я.

Карманы у пиджака были, но он продолжал держать банку в руке, обхватив длинными паучьими пальцами, словно боялся потерять. Так и пошёл, прижимая гостинец к впалой груди.

Едва силуэт старика растаял в темноте, Степан рывком сел.

– Ну что, орлы, с утра покопаем гвоздей?

– Да-а... – подал голос Митька. – Клад – это круто... Я бы сразу дом купил...

– Цыц! – прикрикнул Артём. – Услышит Земляной Дедушка, фигу тебе покажет, вот такую! – не довольствуясь одной, Артём сложил две и сунул под веснушчатый нос Митьки. Но это того не остановило:

– Слууушайте, а, может, машину туда подгоним, фары включим и сейчас покопаем? Вдруг этот завтра передумает?

– Значит, не будем копать, – спокойно сказал Степан.

Но я-то его знал. Будем, точно будем.

5.

УТРЕННИЙ туман – явление приятное на картинах Моне. В жизни же вылезать без нужды в это промозглое белесое месиво совсем не хочется. Солнце ещё только всходило, и всевышний словно бы поубавил контрастность изображения: избы, медленно проявляясь из тумана, казались огромными гнилыми гробами с криво прилаженными крышками. Цвет травы и листьев был скорее сизым и серым, чем зелёным. И ещё эта тишина... В фильмах из такого тумана обязательно выходят мертвецы и зомби... Или это одно и то же?

Сзади негромко хлопнула дверца – Степан всегда спал в машине, на правах хозяина. Неловко ступая (он говорил: по-индейски), подошёл, встал рядом, протянул фляжку. Я отрицательно мотнул головой:

– Это Митьке надо будет. Кто вчера вперёд всех рвался, сегодня позже всех встанет...

Степан хмыкнул.

Мы стояли молча, глядя в дальний край улицы, всё ещё плотно скрытый туманом.

– Церковь вчера мы не видели, – сказал, наконец, Степан.

Я не успел ответить. Из палатки выглянула кудлатая оранжевая голова:

– Что, идём?

– ЕдИм. Буди Артемона.

6.

ПОНЯТНО, почему мы не увидели церковь. Она сгорела, и сгорела, видимо, в незапамятные времена. Остались груды обгоревших брёвен и почему-то часть сте-

ны со стороны алтаря. Да и тайга не стояла на месте – все эти годы подползала, обвивала руины зелёными щупальцами, обступала кольцом сосен, молодой порослью. Только фундамент, сложенный из крупных камней, очерчивал прежний периметр церкви. Может, когда-то руины и служили неплохим плацдармом для поисков, но сейчас всё густо заросло кустарником и травой.

– Знать бы, когда она сгорела... – проворчал Степан. По словам старика, клад зарыли в двадцатые годы. Если церковь в то время была ещё цела, его нужно было искать снаружи периметра. Если нет – то придётся, возможно, продираться и сквозь джунгли внутри прямоугольника. А там ещё пол обвалился напроц...

– Давайте исходить из логики, – предложил, доставая топоры, Артём. – Пока что. Вряд ли её раскурочили сразу, как пришли большевики. Люди-то ещё все были поголовно верующие, красной краской не замазанные. Значит, какое-то время храм был под надзором, батюшка имелся. Если при кипише кто решил золотишко спрятать, прятал снаружи – кто бы его внутрь пустил? Я бы начал как раз с той, алтарной стороны, подальше от деревни. Да и не у дверей же он копал.

Когда Артём закончил свои рассуждения, Степан указал на сосну, что проросла сквозь проломленный пол церкви:

– Посмотрите, метров двадцать вымахала. А на это ей времечка потребовалось больше, чем дед живёт – годков восемьдесят точно. Так что, погорела церковь не позже начала 30-х, а тогда её точно уже некому было восстанавливать.

Мы разделились. Через минуту раздался недружный перестук топоров, завизжал электролобзик Степана.

Дедок наш, или в силу возрастной глухоты не слышал этого концерта, или спал после ночного обхода. Скажу честно: мне стало бы уютнее, если б он проявился – было ощущение, что мы делаем что-то за спиной у местных. Но дед не шёл, а мы пахали, как негры в сельве, и через три часа вокруг фундамента была вычищена полоса в метр с лишним шириной.

Дальше за дело взялся я. Так сложилось, что с металлоискателями работали все, но лучше это дело шло у меня. «Рука легкая», – говорил Степан, словно ставил в пример иным, тяжелоруким... Но тут, наверное, не в везенье дело. Слух у меня хоть и не музыкальный, но тонкий, а при работе это немаловажно: сигнал может быть очень и очень слабым.

Собирать металлоискатель – не сложнее, чем «Калашников». Главное, не торопиться и делать всё аккуратно – в тайге, если что, запчастей не сыщешь.

Отладив его, я махнул пару раз, как косой, пробуя, удобно ли лежит в руке. Так в рыцарские времена, наверное, проверяли меч перед поединком.

Детектор у меня был цифровой, что позволяло настроить его максимально точно.

Митька внимательно наблюдал, как я шамаю, делая балансировку детектора – эта процедура уменьшает влияние минерализации грунта. Митьке мы металлоискатель ещё ни разу не доверяли.

Я покачивал агрегатом вверх-вниз и датчик то начинал тонко пищать, то замолкал. Некоторые модели детекторов производят балансировку автоматически – но не мой.

Я поднес металлоискатель к небольшому холмику, из которого торчала горелая доска и тотчас услышал сигнал. Звук «плыл», словно детектор был в недоумении, какой сигнал выдать: на цветной металл, или на обычное железо. Скорее всего, в земле гнило несколько гвоздей – это ржавчина заставляла моего знатока сомневаться в выборе. Учитывая, что мы не в Кижях, писку тут будет немало. Так что полагаться придётся не только на электронику, но и на свой опыт и здравый смысл.

Степан протянул сапёрную лопатку. Я поддел кусок дёрна и положил в ямку «двугривенник» конца 20-х годов, ещё только с шестью лентами на снопах – это был подарок Земляному Дедушке, чтобы поиск увенчался успехом. Считается, что дар не должен быть совсем пустяковым, иначе и находки окажутся такими же. 20-тикопее-

чная монетка шла рублём за сто, вполне достойная, но не обременительная для кармана «жертва». Ямку я прикопал: Земляной Дедушка ценит аккуратность.

– С богом, – хлопнул по спине Степан.

Хлопок словно выключил меня, отгородив от всего мира. Теперь были только я и земля-матушка, которая зачем-то пыталась скрыть от меня то, что требовалось отыскать. Я пошёл, неторопливо, осторожно, индейским шагом – с носка на пятку – плавно двигая металлоискатель из стороны в сторону. Во время поисков между катушкой и землёй должно быть примерно равное расстояние, поэтому нам и пришлось «выбрить» пространство вокруг фундамента. Детектор почти сразу запел свою песню, и мне оставалось лишь слушать её, выискивая нужные ноты. Несколько раз я останавливался и ко мне тут же подбегал кто-нибудь из ребят. Я переводил детектор в статический режим и «уточнял» местоположение предмета, а потом шёл дальше, не оглядываясь: если вдруг удастся отыскать что-то стоящее, я услышал бы и так...

Тем не менее, минут через двадцать Митька счёл нужным догнать меня и продемонстрировать пять потемневших монеток разной величины. Это были обычные «потеряшки», выпавшие из карманов ротозеев лет сто назад, а то и больше: на всех кружках расшиперивал свои крылья двуглавый орел.

– Там ещё шмурдяк есть! – с гордостью объявил Митька. Так у нас именуют всякую ненужную дрянь – гвозди, металлические пробки, обрывки проводов. Артём, видимо, и монетки записал в «шмурдяк», а Митька по незнанию подхватил. Шмурдяка тут должно быть много, но я считал, что лучше перебдеть, и откопать ломаную подкову, чем недобдеть и пропустить что-то по-настоящему редкое.

До угла церкви осталась ещё пара метров, когда детектор отчетливо пискнул «цветом». На этот раз я не пошёл дальше: слишком призывным был сигнал. Артём – на этот раз был он – подцепил широкий пласт прошитой корешками земли, с на-

тугой откинул его. Я прозондировал кусок дёрна, потом – ямку. Сигнал всё ещё шёл из неё. Это точно была не «потеряшка», на такой-то глубине... Артём снова вогнал лопату в землю, крикнул. Вместе с комом земли на свет божий выдрался клочок истлевшей холстины, из которой редким дождиком посыпались монетки.

Артём аккуратно разорвал ком на части, освобождая свёрток. По развернутой гнилой холстине растеклась лужица монет – больше сургучового цвета, но были среди них и тускло-белые. Под ними лежал массивный нателный крест и пара женских серёжек с крупными красными камнями.

Степан присел на корточки, разглядывая находку.

– Нашли чего? – раздалось у меня над ухом.

– Ох, чёрт... – Митька даже подскочил от неожиданности – так тихонько подошёл к нам дедуся.

Степан молча кивнул на тряпицу.

Дед внимательно осмотрел найденное. Протянул было костистую лапу, но ничего брать не стал. Странно, но мы словно ожидали его реакции...

– Не, это не то, – сказал он, наконец. – Это разве кулёк? Так, сморкнуться раз. Мужики не это искали.

Он тут же утратил интерес к находке и, прихрамывая побрёл в деревню. Солнце уходило на запад, густели тени, краски в проёме, не закрытым деревьями, наливались соком.

– Ну а чё, серебряных много, и эти тоже дорогие, наверное, Артём? – Митька уже копался в мелочи. – И вот – рубины может?

– Изумруды яхонотовые, – классифицировал Степан. – Давайте дальше. Митька, убери это в машину.

Свежий ветерок ещё очень осторожно, почти незаметно нагонял под кроны сосен сумерки. Сколько нам оставалось работать? Часа два от силы.

Передвигаясь медленными шажками, я обошёл задний угол бывшей церкви и тут детектор снова пропел отчетливо и победно.

На этот раз подошли все.

– Ну, Митька, готовь копилку, – обнадёжил Артём, вгоняя лопату в землю. Штык тут же тюкнулся обо что-то твёрдое: надо цеплять немного в стороне от сигнала, чтобы не повредить находку, но Артём на этот раз, видимо, поторопился.

– Ай ам сорри... – он, уже осторожно, соскребнул кусок дёрна и в ямке тускло блеснул металл.

Это была массивная прямоугольная шкатулка из чёрного чугуна, с грубоватым цветочным орнаментом на стенках и трубящим ангелом на крышке. Я почему-то оглянулся: показалось, что вот сейчас, как из-под земли снова вынырнет дед со своим «Нашли чего?» – но никого не было.

Крышка не поддавалась, и Артём подцепил её услужливо подсунутым ножом.

Щёлк!

– Бумажки, – разочарованно сказал Митька, капитан Очевидность.

Точнее, это были письма: толстенькая пачка, перетянутая крест-накрест бурой тесёмочкой. Листки плотной бумаги стали твёрдыми и хрупкими, как слюдяные пластинки, и на них чётко различались тёмно-синие строки непонятных, словно бы врачом написанных, строк. Это был то ли английский то ли немецкий язык – какие-то буквы узнавались, но почерк...

Артём отложил письма на траву. Под ними скрывался почтовый конверт с пачкой ассигнаций – я не слишком хорошо разбирался в радуге всех этих фантиков, но когда Артём веером развернул плотные, почти не тёртые листы, невольно присвистнул. Здесь было несколько синеньких, три розовых и один белый. Номинал их вызвал бы улыбку даже у не избалованных деньгами младшеклассников: 5, 10 и 25 рублей. Но вот даты выпуска звучали для таких, как мы, сладчайшим призывом «Сезам, отворись!»: 1818 и 1825 года... Наверное, все мы в этот момент, кроме Митьки, лихорадочно вспоминали, по какой цене идут сейчас эти «фантики»... Я вот не мог... Кажется, за удовлетворительно пожатканную пятирублевку можно было выручить около тысячи «гринов», а что касается остального... Да я и подумать не мог,

что когда-нибудь буду держать в руках 25-рублевую ассигнацию 1825 года!

– Вот, братки, и кулёк, – вибрирующим голосом выдавил из себя Степан.

– Это не всё, там ещё что-то.

То, что я в сумраке принял за дно, оказалось обрезком тёмно-красного бархата, этаким кусочек алых парусов мечты... Артём развернул его...

– Да ладно...

Дно шкатулки было выложено массивными бледно-жёлтыми кругляшами. Артём вынул один, повертел в пальцах и с недоуменно-ошарашенным видом передал Степану.

Можно было ожидать чего угодно: золотую десятирублевку 1906 года, империал 1895-го, 50 копеек 1889 года, что шли на рынке по 300-500 тысяч «деревянных». Да что там! Я бы меньше удивился, если б все монеты оказались золотыми червонцами Петра I, каждый из которых тянул на миллион!

Но с чеканных кружков куда-то в сторону откровенно смотрел, демонстрируя ещё не оплывший точёный профиль, Наполеон Бонапарт, первый консул Республики...

7.

– МУЖИКИ... – Артём оглянулся, и я понял, что он тоже непроизвольно ждёт явления вездесущего деда. – Валить надо. Оперативно. Если местные прознают...

Говоря это, он автоматически складывал всё обратно – ассигнации, письма... Глухо хлопнула крышка.

– Утром тронемся, – согласился Степан.

Заметать следы нам не пришлось – если ты не дикий копатель, то и так всё делаешь по фэн-шую. Выкопал ямку, забрал вещь – положи пласт дерна обратно, притопчи. Как будто тебя тут и не было. Земля отдала – будь добр сказать ей спасибо, не оставляй дыру в её шкуре.

Артём притоптал шов и с облегчением вздохнул.

Шкатулку мы завернули в брезент и отнесли

в машину. Митька твердил, что нужно покопать ещё, пока светло, но Степан пресёк самостоятельность: сумрак вышел из тайги, к тому же с запада напоздали тяжёлые фиолетовые тучи, грозя скорым дождём.

Было около девяти вечера, но едва мы зажгли костер, как темнота тут же прыгнула к огню, плотной стеной обступила светлый пятачок.

Не знаю, как остальные, а я всё ещё был ошарашенным. И не только потому, что это была первая фантастически-щедрая находка за семь полевых сезонов, но и от невероятности самой находки. Откуда тут, за семь тысяч километров от Парижа, нет... не французские франки, бог с ними, если б они, а наполеондоры, которые Бонапарт стал штамповать ещё будучи первым консулом Республики. Ох, как чесались у меня руки залезть в интернет и поискать там инфу – даже не о стоимости (и так понятно, что была она немалой), а о том, как монеты могли оказаться тут, в тайге.

Думали об этом и остальные.

– Мог привезти какой-нибудь участник Отечественной войны, – здраво предположил Артём. – Наши казаки по Елисейским полям погарцевали изрядно.

– Резонно, – согласился Степан. – Только вот суммы немалые нагарцевал наш «казачок», не находишь? И, притом, эти письма...

– А что письма? Их могла какая-нибудь мадам уазель написать, с разбитым сердцем и слезой в глазу. «Мон шер Стэпан, же не манж па сис жур...»

– Про то, что началась война, в Иркутске узнали только 9 августа, когда французы уже подходили к Бородино. А что вы хотите, други, «велика Россия...», почта же и в ту пору не работала блестяще. Но ладно Иркутск, – в империи были и такие уголки, где про войну ничего ещё не знали, а Москва уже горела...

– Я что-то читал про сибиряков под Бородино... – напряг память Артём. – Как же они туда успели?

– Сибирские полки были перебросены в Белоруссию за несколько лет до Отечественной вой-

ны, – спокойно, словно читая лекцию, продолжал Степан. Память у него, не в пример Артёмовой, была прекрасная, в чём я убеждался неоднократно. – Так что в боевых действиях они принимали самое непосредственное участие. И бились блестяще. Я читал, что когда сибирская дивизия генерала Лихачёва почти полностью полегла под Бородино, Лихачёв, потрясённый мужеством своих бойцов, обнажил грудь и сам ринулся в атаку. Был ранен и взят в плен – от смерти его спасло только то, что французы увидели генеральские эполеты. Он, кстати, оказался единственным нашим генералом, пленённым в том сражении. Когда Наполеону доложили об отважном предводителе сибиряков, он решил возвратить генеральскую шпагу, изымаемую по традиции. И знаете, мужики, что ответил Лихачёв?

– Послал его?

– Ну, почти. По-аристократически. Эту шпагу вручил мне государь мой, из рук его и приму снова! А, каков? Скончался от ран через полгода, уже будучи освобождённым из плена... В общем, сибиряки французов били, и в Париже были... Так что, может, ты и прав...

– А почему вы не берёте в расчёт самих французов? – не удержался от дискуссии и я. Круг моих интересов в истории лежал в другом временном диапазоне, но кое-что я помнил. – По сути вся Великая армия Наполеона растворилась в России, как крупинка соли в бочке воды. Бульк – и нету. Двести тысяч были взяты в плен или дезертировали. Двести тысяч! Если покопаться, то у каждого третьего или пятого окажется связь с французскими корнями.

– У меня Ришаров точно нет, – тут же объявил Митька.

– Ришаров нет, а каких-нибудь Решалкиных навалом... Официальной политики на этот счёт не было, но сама жизнь заставляла: иностранцы меняли фамилии, подстраивали их под наш язык. Это ещё со времён Петра I пошло. Немцы, голландцы, англичане, потом вот французы. У меня есть приятель Аржанов, так он точно выяснил, что предком его был француз Аржан, объявив-

шийся в России в начале XIX века – может, как раз и с армией Наполеона. Они же на всю жизнь тут оставались, зачем нужно было подчёркивать свою инородность? Понятно, что в центральной России французов было очень много, но и в Сибири их хватало. В Томске были, в Тюмени, Иркутске опять-таки. Не помню точно в каком из этих городов, но там до сих пор есть Французская слобода, или Парижская, что ли... В общем, названная так оттого, что в том районе жили пленные французы.

– И что, ты думаешь, что клад мог закопать кто-то из пленных? – спросил Степан.

– А почему бы и нет? Понятно, что это был не простой солдат – откуда у него взялось бы столько денег? А вот кто-нибудь из офицеров – вполне...

– Офицер вполне мог бы жить и в Иркутске, зачем ему забиваться в этот медвежий...

– Доброго вечерочка! – раздалось из темноты. – Отдыхаете?

– И вам доброго!.. – недружно ответили мы, гадая, долго ли дедок оставался невидимым.

– А мы тут дискутируем, дедушка.

– Чего делаете?

– Спорим. Места вот у вас интересные, исторические...

– Да историй особо не случалось. Мы же тихо жили.

– Нет, я о другом. Старое у вас село...

– А-а, ты про это, браток... То верно. Сколько поколений тут сменилось... Собери всех, в избы не поместятся, хоть друг на дружку ложи, как в гроб, – согласился, улыбаясь, дедушка.

– Перекусывайте с нами, – предложил Степан и, вновь получив отрицательный ответ, протянул деду банку тушёнки. – Не побрезгуйте, чем богаты... Мы ж тут по-походному...

– Благодарю... И как поход ваш? Нашли чего?

Мы насторожились. Тут главное – не сболтнуть лишнего, а лучше – правильно промолчать.

– Немного есть, – кивнул Степан. – Уже не зря приехали. Завтра ещё поищем. Конечно, с народом бы пообщаться. Иной раз по чердакам да сараям такие чудеса валяются...

– Да не в наших краях, – дед неловко махнул зажатой в кулаке банкой. – Ну, дискутируйте, а я пойду...

– А вы где живёте, если что? – видимо, Степан решил уточнить, насколько близко базируются неуютные нам глаза.

– Да я там, за церковью, не мешаю, – снова махнул банкой дед и канул в темноту.

Какое-то время мы ещё сидели молча, вслушиваясь в тишину – но ходил старик тихо... Прерванный разговор почему-то не хотелось продолжать, словно оборвалась ниточка беседы. Только костёр, не разделяя общего состояния, продолжал оживлённо потрескивать.

– Ладно, – хлопнул ладонью по траве Степан. – Поели, попили – давайте спать!

8.

В СЁ-ТАКИ СОВЕСТЬ – мерзкая штука: не достала днём – пришла ночью. Мне снилась деревня – чёрная, мёртвая, и туман напал из тайги. А вместе с туманом выплывали со всех сторон её обитатели – серые, усталые... Лето кончилось и они возвращались из тайги... Я стоял в центре деревни в ожидании чего-то, словно приклеенный, и мне было жутко, невероятно жутко, потому что я утратил понимание того, что это сон. Но они не видели меня и проходили мимо к своим избам. Их было слишком много, этих людей, я понимал, что семьи не могут быть такими большими, но они шли и шли, одинаково сгибаясь в невысоких дверных проёмах и исчезая в дегтярно-чёрном мраке за ними.

И когда улица, наконец, опустела, я – почему, зачем? – двинулся к ближайшей избе. Я не хотел, но ноги несли сами, и мне оставалось только с ужасом смотреть, как растёт, приближаясь, угольно-чёрный провал входа.

Тьма не рассеялась, но – так бывает во снах – я вдруг ясно увидел, что там, за дверью: люди входили и ложились на струганный пол, в ряд. Шедшие следом ложились на них поперёк, и так ряд

за рядом – человеческая поленица... Вошедший последним неторопливо взобрался по людям, как по ступеням, и лёг, оставив только одно свободное место, с края.

И в тот миг, когда тьма была готова поглотить меня, я проснулся...

9.

С НОВА напал туман, но уже редкий, прибитый к влажной траве утренними лучами.

Пока мы торопливо сворачивали палатку, Степан немного прошёлся по улице. Но дед, к счастью, спал.

Притоптали тёплую золу, при каждом ударе щерившуюся десятками злобных искорок и забились в «джип».

Всё делали молча и с какой-то виноватой оглядкой.

«Джип» выехал за околицу, тайга тут же свела колючие ладони, оградив узкий коридор дороги – и мы попрыгали по нему, собирая все сибирские кочки и колдобины. Миновали развилку, но Степан даже не взглянул в сторону Щеглово.

Мне было жалко деда. Может, сейчас он шёл к нам, не за тушёнкой шёл, а так, просто: увидеть людей, поболтать за жизнь, похихикать, глядя на «городских» подслеповатыми глазёнками...

Прежним маршрутом мы вернулись на хорошо видимый проселок, потом – на засыпанную гравием шоссейку.

Только там Степан остановил машину, и мы вылезли размять ноги.

10.

Н А КОПЕ мы действуем сообща, но когда заканчиваем – каждый сразу получает свою долю, не дожидаясь возвращения в столицу. Степан как-то рассказывал, что этому его научил давний случай, когда в самом начале 90-х он жил в Туле и «занимался бизнесом». Тогда он, вместе с пятью-шестью такими же «бизнесмена-

ми», еженедельно арендовал «Икарус», и закупаясь на московских складах обувью, книгами, косметикой, набивал его в буквальном смысле, как мешок, чтобы только наверху, под крышей, оставалось пространство разместиться лёжа. Окна зашторивались, и ковчег отправлялся обратно в город мастеров, чтобы там растрястись по торговым точкам и складам. В одну из таких поездок, уже на полдороге к Туле, автобус вдруг задержали на посту ГАИ. Понятно, что этот «вдруг» висел над гоп-компанией изначально, но все были молоды, наглы и думали, что пронесёт, как проносило не однажды. И тут такое... То ли рейд какой был, то ли смена принципиальная оказалась, то ли ещё что. Составили какой-то протокол и помахали ручкой: езжайте, братия, дальше, только теперь на электричке, благо станция в пределах видимости, а вот автобус вместе со всем содержимым у нас останется... До выяснения откуда, куда и почему в столь крупных размерах... Поскольку документов на товар было ноль целых ноль десятых, все «бизнесмены» в шоке, но незамедлительно, покинули место конфискации, дабы и самим не оказаться в числе конфискованного. А учитывая, что у каждого в товар была вложена недельная выручка до последнего рубля, настроение «бизнесменов» находилось на уровне наличия документов... Можно, наверное, было попрощаться с товаром навсегда, но Степан уже наутро вернулся на пост. Чего ему стоили те три дня, пока он договаривался, Степан никому не рассказывал, но утром четвёртого он обзвонил всех «бизнесменов»: приезжайте ко мне, забирайте. С той поры Степан решил отвечать только за своё и принцип этот сразу же перенёс на наши экспедиции. Закончили, поделили, а уж что случится дальше – личное дело каждого.

До Умахалова мы успели побывать только в одной деревне, да ещё в три рамки поработать на месте заброшенного посёлка. Поэтому количественно улов был невелик: все находки поместились на куске брезента, который мы расстелили у подножия старого кедра.

Меня эти минуты всегда будоражили, хотя

вида не подавал: было в этом действе нечто из давнего детства, когда ты мечтал отыскать «самый всамделишный» клад, этакий заржавевший сундук, распахнув который обнаруживал груды монет, золотых украшений, драгоценных камней... Мне рядом с сундуком ещё почему-то обязательно виделся скелет в фашистской каске и с автоматом на костяной груди. И вот всё повторялось наяву: монеты, камни, украшения... Только огнестрельного оружие мы никогда не брали – ни откопанного, ни того, что предлагали купить – ещё одно принципиальное условие нашего совместного существования.

Вначале Степан рассортировал всю предыдущую добычу. Я не удивлюсь, если выяснится, что в голове у нашего предводителя кроме основного мозга есть ещё и вспомогательный, как у динозавров. Только у них он отвечал за движение, а у Степана – за оценку. Понятно, что это не компьютер, но цены Степа, тем не менее, знал отлично, а каталог монет держал в голове на видном месте. Ну и реальный ноутбук тоже помогал, когда сеть была. Сейчас была. Мы курили, а Степан колдовал над кучей, время от времени выстукивая по клавишам ноута.

– Первым делом в столовку, потом – отсыпаться, – объявил свои планы Артём. – Мне эта тушёнка уже поперёк горла стоит. Тушёнка и «дошик», «дошик» и тушёнка. «Русские и китайцы – братья навеки»...

В это время из моего кармана неожиданно раздался писклявый голосок: «Ээээто твой телефончик звонииит...»

– Дебильный у тебя рингтон, – тут же переключился на меня Артём. – Детский сад с продлёнкой. Хотя, какой телефон, такой и рингтон.

Я соорудил ему рожу, соответствующую реплике. Сам знаю, что давно надо бы поменять «Моторолу» на третий «Айфон», какой купил прошлой осенью Светке, но всё как-то не соберусь. Вот появится возможность разговаривать и видеть абонента – сразу же куплю... А так... Что в одну трубку говоришь, что в другую – какая разница?

– Светик? Светлая, привет! – как же замечательно было вновь оказаться в сетях цивилизованного мира, где человека, находящегося в тысячах километрах от тебя, можно услышать, лишь нажав кнопку.

Светка тоже обрадовалась. Она собиралась ехать встречать своего отчима и уже несколько раз безрезультатно пыталась меня набрать. Я регулярно питался и не смел худеть, погода в Москве стояла солнечная до безобразия, Димочка Билан стал лучшим на премии «Муз-ТВ»... В общем, мы болтали, пока Степан не позвал всех «к столу». Я торопливо попрощался, пообещав перезвонить, когда будем в городе.

На брезенте лежали четыре кучки. Были они разного размера, но я не сомневался, что в рублевом эквиваленте их стоимость различалась незначительно – не зря у нас Степан был за старшего.

Чтобы не было разногласий, Артемон стал спиной к брезенту, а Степан ткнул пальцем в первую кучку:

– Кому?

– Мишане, – не раздумывая выдал Артём.

– А эту?..

– Мне.

«Колесо фортуны» прокрутилось в три секунды, одарив всех золотом и серебром.

На брезенте осталась лишь чугунная шкатулка.

Письма Степан взял себе, а монеты и ассигнации поделил.

Митька тут же сгрёб свою кучку.

– Офигеть, – восторженно пробормотал он и осёкся. Мордочка его возмущённо побледнела.

– А почему шесть? Мы же поровну...

У меня тоже было шесть. И у Артемона. Ага...

– Потому что двадцать шесть на четыре не делится, – сообщил я возмущённому. – И потому что Степан у нас старший. Достаточно аргументов?

– Ну и что... – веснушки Мити можно было пересчитать, как звёзды в ясную ночь. – Приедем в Москву, продадим. Деньги-то делятся поровну...

– Ну ты малёк... Тебе бы ещё в рыбопитомнике плавать... Хочешь, чтобы Бабай за тобой пришёл?

– Чего?! – Митька возмутился ещё больше – из-за того, что с ним разговаривают, как с младенцем.

– Бабай, – терпеливо пояснил я. – Найденное золото нельзя продавать. Менять можно, оставлять можно. А продавать – ни-ни. Иначе придет Бабай – хранитель кладов. Придёт и выпотрошит тебя, как консерву...

– Ты его не слушай, – скупно улыбнулся Степан. – Это он на ходу выдумывает. Нету Бабаев. Земляному Дедушке поклон делаем – и то это традиция. Так что делай, что хочешь, и с монетами, и с бумагами. Заработал честно.

– Там бумажек – на три рубля, – со знанием дела сказал Митька.

– Ну, кому как, – не стал спорить Степан. Но тут подал голос Артём:

– А Митька-то прав, Степан. Почему не подождать до Москвы? Продадим излишек, поделим поровну.

– Я уже поделил, – взгляд Степана мгновенно остыл.

– Не, погоди! Это вот ты если копеечку лишнюю не додашь – промолчать можно. А тут у нас иной расклад, на сотни тысяч.

– Да ладно... – свистнул Митька.

– А ты думал... Давай, Стёпа, по-чесноку делить.

– Как всегда делали, так и сейчас. В чём проблема?

– В том, что ты всегда делишь. В прошлом сезоне мне крестик за десять тысяч засчитал, а я его за пять продал.

– Ты его за пять продал, потому что в карты проигрался.

– А ты в мой карман не заглядывай! Ты чего в монеты вцепился, как будто мы твоё требуем, а? Это общая добыча, все вместе взяли. Поровну давай!

– Да, давайте поровну! – снова встрял Митька, новоявленный шакалёнок Табаки.

Круглое лицо Степана побагровело. Он устал на Артемона так, словно одним взглядом намеревался размазать по стволу кедра. Артём тоже не сидел расслабившись, он напрягся, готовый в любую секунду вскочить и накинуться, а бычок он был – будь здоров...

Несколько долгих секунд длилась эта дуэль. Потом Степан шумно выдохнул. Я решил, что он предложит вернуться в Москву и там уже устроить делёж «поровну» – всё-таки столица давала больше возможностей для быстрого превращения предметов в деньги. Но вместо этого он молча взял из своей кучки два наполеондора и положил Артёму и Митьке.

– В расчёте? До города довезу, дальше сами.

И только тут до него дошло, что за всё время спора я не проронил ни слова. Он недоуменно уставился на меня. Ладонь потянулась к кучке, но я покачал головой.

– Всё, – сказал Степан. – Закончили привал.

Через два часа гнетущего молчания мы въехали в Никитск.

11.

НИКИТСК – милый сибирский городок. Такие городки напоминают мне обычные большие деревни, в которые торопливо накидали блочные трёх- и пятиэтажки, закатали центральные улицы в асфальт, а для изюминки, чтобы один не походил на другой, добавили несколько достопримечательностей, тут же объявив всё городом, хотя само название продолжает кричать о крестьянском своём происхождении. Ведь наверняка же относительно недавно именовалось это как Никитское, а потом название подрезали, облагородив для городского уха. Жить в таких местах – нужно иметь привычку, а вот прогуляться по тихим зелёным улочкам, встречая в меру любопытных жителей и дружелюбных собак – это с превеликим удовольствием. Когда у нас случается свободное время, я всегда совершаю променады, знакомясь с этими самыми изюминками. С лица уходит сосредоточенная озабоченность, ты

расслабляешься, уже не придерживаешь шаг, готовый по привычке сорваться на полубег, а диафрагма раскрывается шире обычного, принимая повышенную дозу чистого воздуха. Такие городки – островки патриархальной чистоты, не разрушенной вконец 90-ми годами...

Жаль, что никитские достопримечательности останутся без моего осмотра – не было на то ни настроения, ни времени...

– Можно, конечно, отправиться восвояси, – сказал Степан, когда мы грызли недожаренный шашлык в местной забегаловке. – Но вот что я подумал... Места тут некопаные, может, стоит задержаться? Французик не один ведь ссылку тянул, а скорее всего «со товарищи». Это раз. И не мог он закопать всё, что имел, а потом сидеть и с голоду помирать; значит, и на жизнь себе оставил. Да и сама деревня, видимо, из зажиточных была: помнишь, какие там избы стояли? – Я кивнул: тоже обратил внимание, что все сплошь были добротными пятистенками. – Так что есть резон порасспрашивать местных на предмет истории – давней и не очень.

Ну как тут не согласиться... И мы подняли кружки с тёмным нефilterованным. А про деньги и мужиков он ни разу не обмолвился – ни тогда, ни позже. Как вычеркнул.

12.

КРАЕВЕДЧЕСКОГО музея в Никитском не оказалось и мы со Степаном поехали в библиотеку. Все чудики, помешанные на родном крае, обычно кучкуются в таких местах.

Где-то пыльный воздух уже сушил листву, а тут клёны, когда-то заботливо высаженные вдоль главных улиц, радостно сияли свежей зеленью. Одна из таких улиц привела нас в центр, где по логике обычно сосредотачиваются все культурные учреждения сих мест. Обширный, построенный в 70-е годы «на вырост» Дворец культуры дал приют и библиотеке: широкие стеклянные двери вели непосредственно в «очаг», а скромные ме-

таллические рядом с ними – к источникам знаний, о чём и свидетельствовала голубая табличка над входом. На общем бетонном крыльце сидели два пацанёнка и листали только что взятую книжку. Нарисованная от руки афиша (боже, какая милая редкость!) приглашала на премьеру «Принца Персии». Мы со Светкой сходили на него в конце мая, и теперь я мог сказать, что странное создание с двумя кухонными ножами в гипертрофированно накаченных руках даже близко не походило на Джейка Джилленхолла...

В библиотеке было прохладно и пусто, как на площади перед ДК. Сухонькая дамочка неопределённого возраста с надеждой посмотрела поверх очков – вдруг мы пришли записываться? Хотя наш походный вид в первый же миг мог разрушить самые стойкие иллюзии.

– Здравствуйте, – тут же показал, кто в нашем тандеме главный, Степан и доходчиво объяснил, что ищем мы мудрого человека, знающего про эти края всё и вся. Ну, или книжки какие.

– Паспорта у вас с собой, молодые люди?

Степан словно жил в предвкушении этого вопроса и немедленно хлопнул о стол краснокожей папортиной. Библиотекарша выжидающе уставилась на меня. Я, словно под гипнозом, положил рядом свой.

Дамочка достала формуляры, аккуратно заполнила их – учитеесь, доктора! – и дала расписаться.

Когда ритуал был завершён, она воткнула листки в общий строй уже приобретённых душ.

– Да какие тут книги, – сказала дамочка, снимая очки. Бледно-голубые глаза в частой сеточке морщин были добрые и умные. Лет 60–65 – определил я. – Это же Сибирь. Тут не про все города книги написаны, а мы – Никитск. Нам статус города при Хрущёве дали, когда колхозы укрупнять стали.

Степан кивнул, будто был в теме. А может, и был.

– Жалко, конечно, – продолжала библиотекарша. – История у наших мест богатая... И с декабристами связь есть, и поляки, после восстания

1830 года тут на каторге были... Я ведь в этот город по распределению приехала. Думала, как все, на пару лет – отработаю и снова «туда, где море огней...» А оказалось, навсегда. Так что теперь говорю «наших».

Точно, лет шестьдесят пять, подумал я.

– А краеведы у вас есть? – перевёл разговор в более информативное русло Степан.

– Были два. Дружили сильно. Михаил Афанасьевич больше по церковным делам был («Церковь!» – тут же мысленно поставил «галочку» я), а Иван Иванович – в целом. Глобально, так сказать.

– Были – это как?

– Как обычно, молодые люди, как обычно... Старенькие были... Иван Иванович – в прошлом году ушёл...

Степану такая ситуация с разбазариванием кадров не очень понравилась.

– А молодые есть? Кружок там при школе... Нам по истории проконсультироваться.

– Да какой кружок... Кружок... Что там интересного, в этом кружке? «Знаменитые люди нашего района». А какие у нас знаменитости? Ветераны войны, знатные колхозники... Я ставила вопрос о музее – но где деньги взять? У нас на библиотеку средства сокращают каждый год. Знаете, сколько в этом году выписали периодики?

Вряд ли Степан хотел обогатиться такой информацией, но всё равно заинтересованно спросил:

– Сколько?

– Двадцать четыре единицы!

– Это мало?

Дамочка возмущенно фыркнула и голубые глаза метнули сердитые молнии:

– Это город, молодые люди! Двадцать четыре единицы на город! Как вы думаете?

– Безобразное отношение, – посочувствовал Степан и посмотрел на меня. Я торопливо закивал, разделяя общее возмущение.

– А архивы этих ваших... Ивана Ивановича и...

– Михаил Афанасьевич. Про него точно не знаю, он особо не делился. В газету писал, но печатали его редко, потому что всё про церковь да про то, как попов притесняли, – библиотекарь поджала губы. Наверное, в юности она была секретарем комсомольской организации... Хотя, не факт: у некоторых «бывших», что кляли «поповщину», сейчас в кабинетах иконы висят в красном углу... – А вот у Ивана Ивановича архив был. Небольшой, но был. Муж он мне... был...

Библиотекарь вздохнула. Следующая реплика с нашей стороны была очевидна, но Степан сделал тактичную паузу, тихонько кашлянул: «Соборезную...» – и только потом мягко поинтересовался:

– А можно ли увидеть архивы?

– Вам что-то конкретное интересно, или в целом? – странно, что она до сих пор не спросила, зачем краеведение мужикам в грязных комбинезонах и с московской пропиской в паспортах. С другой стороны – это провинция. Тётяшка будет рада, что кого-то заинтересует наследие её благоверного.

– Нас – конкретное, – не стал темнить Степан, видимо так же, как и я, оценивший ситуацию. – Деревенька одна, километров полста от вас, – он вытянул из-за пазухи карту, раскрыл её и, поколебавшись, ткнул пальцем куда-то в переплетение зелёных пятен.

Библиотекарьша вновь надела очки, развернула карту к себе и долго изучала отметку, сделанную ногтем. Степан решил не подсказывать.

– А, – наконец сказала она, снова оживляясь. – Это, видимо, Умахалово, других там нет. А что там интересного? Ни кола, ни двора. Хотя раньше – да, раньше знатное было село, это мой Иван Иванович говорил, – она почему-то именно так, подчёркнуто уважительно именовала супруга. – Но это давно было, ещё до войны. Там мужики местные золото добывали, артель была крепкая. Вы слышали, наверное: на местных речках золото долго находили, но не в промышленных масштабах, ничего серьёзного – а вот местным хватало, жили этим, неплохо жили, сдавали в золо-

топриёмные кассы. Они в войну на золото добытое даже два танка купили. Один называли «Сталинский боец», второй – «За родину, за Умахалово!». Но им тогдашний секретарь райкома партии запретил: все за Сталина, а они – за деревню. Переименовали: «Смерть фашистам!».

– А потом?

– После войны лет десять опять неплохо жили. Но потом золота стало всё меньше и меньше, к тому же при Хрущёве отношение к свободной добыче поменялось. Мужики по привычке уходили в тайгу, что-то накапывали, но уже не так – колхозники за трудодни больше получали. Когда я приехала, Умахалово уже не было, расселили деревню, как неперспективную. Так что теперь там одни пеньки да печки остались. Туда и дороги нет – не к кому ездить... Вы не представляете, сколько деревень за эти годы умерло!..

Тут я непроизвольно решил выйти из роли статиста, но не успел и рта открыть, как получил ботинком в лодыжку и на время заинтересовался болезненными ощущениями в организме.

– А вот из давней истории что-то есть, не помните? Начало XIX века, к примеру?

Библиотекарь задумалась.

– Архивы местные разграбили ещё в Гражданскую войну, что осталось – какое-то время было у нас, а потом, кажется, когда ещё был Киренский уезд, туда и отправили, в Киренск. А дальше – кто его знает... может, и там что осело из бумаг, может, в Иркутск перевезли. Поэтому Иван Иванович больше по рассказам старожилов ориентировался. А у нас, молодые люди, по полтора года лет никто не живёт пока... Так что у него больше про Великую Отечественную, да про Гражданскую...

– А просто про Отечественную? Была же тут деревня тогда.

– А как же. Тут что появилось – всё с XVII и XVIII веков, когда русский народ в эти края пошёл. Никитск наш – с 1749 года. А чем дальше на восток, тем моложе поселения.

– Ну и воевал кто-нибудь в Отечественную? Или, может, пленные французы тут были? Их же по всей России развозили.

– Может, и воевал кто, может, и французы были... Сибирь, молодые люди, ела всё, что ей давали: путешественников и казаков, дворян и крестьян, благородных и проходимцев... – философски проговорила библиотекарь. – И французов ваших сжевать могла, почему бы и нет? Иван Иванович точно бы заинтересовался... Хотя... А почему именно французы?

– Родня у него во Франции, – кивнул на меня Степан. – Ищут корни. Говорят, что из этих мест они.

– Интересно... – библиотекарь с теплым блеском в глазах воззрилась на меня, как на зримое олицетворение родины Алена Делона и Бельмондо, – знаете, как я хотела побывать во Франции?

– Да какие ваши годы! – улыбнулся, вставая, Степан.

Мы остановились на бетонном крыльце. Степан закурил.

– Короче, не знает ничего бабка, – вынес он вердикт, выпуская из ноздрей клубы дыма в сторону «Принца Персии». Вот за такие фокусы и отнесли табачище к дьявольским кунштюкам. Я курил не в пример интеллигентнее. – Давай так: переночуем тут, а с утра двинем обратно. Ты со мной?

– Натюрлих, – сказал я и в это время ожил телефон. «Светка звонит», – подумал я, вытягивая мобилу. Но номер оказался незнакомый.

– Алло... – голос тоже был незнакомый, и только когда он второй раз повторил «алло», я, по каким-то искаженным расстоянием и горем интонациям, узнал его – это был Светкин отчим. – Миша? Миша, Светочка наша разбилась...

13.

ОБЪЯВЛЕНИЕ о продаже одной ассигнации я разместил ещё в Никитске. И когда мы подъезжали к Иркутску, у меня в почте было уже три письма с предложениями. Созванивался, договаривался и уточнял детали уже Степан. Сам я плохо помню эти несколько дней: меня словно вывернули наизнанку и реальный мир

превратился в долгий мутный сон, в котором я ходил, разговаривал, отвечал, и вроде бы правильно, но что и как – вспомнить невозможно, словно все вокруг, и я в том числе, разговаривали предлогами или междометиями. А реальностью стала тесная чёрная комнатка, в которой с ритмом сердца пульсировало без конца одно и то же, одно и то же: Света, Света...

Из аэропорта я сразу помчался в клинику... Белый сон длился, хоть бейся лбом о стену: я почти бежал по белым коридорам, на меня набрасывали белый халат, я смотрел на белую гипсовую маску родного лица с плотно закрытыми глазами, говорил с седым доктором... А комнатка внутри меня была чёрной, чёрной, чёрной...

С покупателем мы встретились вечером. В его глазах радость мешалась с недоверием – я продавал ассигнацию за полцены... Отчего подрагивали его руки, когда он дважды пересчитывал заранее заготовленную пачку денег, мне было неважно – ну, пусть от жадности, что ли...

И всё равно денег было много. Тогда я потратил из них чуть больше половины. Этой суммы хватило и на оплату лечения Светы, и на её похороны. Она умерла через две недели, так и не выйдя из комы. И я остался в своём сне.

А проснулся я странно. Выносил мусор, пукатый пакет не влезал в жерло мусоропровода, но я с упорством зомби толкал его, впихивал, вбивал, пока он, лопнув, с шорохом и стуком, не обрушился вниз, в подвал, на груды точно таких же чёрных вонючих мешков. Я почему-то очень отчётливо увидел всё это. Чёрная комнатка лопнула, как этот пакет, выпуская меня – и я проснулся.

За пыльным окном лестничной площадки догорало лето.

14.

СВОЙ «ДЖИП» Степан оставлял в гараже у какого-то дальнего родственника в Иркутске.

Наш самолёт прилетел туда в шесть утра. Маленькое здание аэропорта больше походило на

старый железнодорожный вокзал. Степан вроде бы говорил как-то, что построен он был ещё до войны – в принципе, на это недвусмысленно намекали и узнаваемые элементы архитектуры сталинской эпохи: приземистые, массивные.

Родственник зевал у «джи́па», в лёгкой куртке нараспашку. Мы ёжились на свежем ветерке...

Аэропорт расположен на восточной окраине Иркутска и мы, минуя центр, по Голоустненскому тракту вскоре вылетели за черту города. Замелькали одна за другой прижавшиеся к городу деревни: Пивовариха, Багульник, Худякова. Я запомнил их названия ещё в первые поездки – это были буйки, заплыв за которые мы ныряли в таёжный океан, где на каждого человека приходится по пятьдесят-сто квадратных километров тайги.

Впрочем, и редкие островки цивилизации не баловали нас многолюдностью. Тот же Никитск встретил нас апокалиптически пустыми улицами, засыпанными алой и жёлтой листвой, невероятно красивой и чистой, словно и не топтаной ногами прохожих. За деревянными частоколами старых палисадников цвёл фантастический калейдоскоп астр и георгинов. Все были при делах, и только пенсионеры да редкие мамочки с колясками равнодушно провожали взглядами машину с неизвестными номерами.

В библиотеке было всё так же тихо, пусто и холодно – отопление ещё не дали, а лимит сибирского лета был уже исчерпан основательно. За столиком с формулярами, кутаясь в пушистую ярко-голубую кофту, сидела девчонка лет восемнадцати: короткая стрижка-каре, наушник в ухе, отрешённый взгляд.

– Здравствуй, красавица. А где у вас хозяйка? – переговоры, по традиции, вёл Степан.

– Вам записаться? Паспорт с собой?

– Не, мы уже записаны. Тут женщина работала, пожилая... – я тоже не смог вспомнить, как её зовут; а может, мы и не спросили тот раз?

– Анна Михайловна? Она умерла.

– Да ла-адно... Мы тут в июне были...

– Ну, она в августе и умерла. Сердечная недостаточность. А вы ведь не родственники?

– Мы краеведы. Анна Михайловна обещала архивы показать. Ивана Ивановича.

– Ммм... – равнодушно прокомментировала наше желание девушка. Она подумала и добавила:

– Из Иркутска её дочка приезжала, квартиру продавать. Недельку как уехала. Но она ничего не забирала. Выкинули, наверное, всё.

15.

– **Т**АКОЕ ВОТ обломитос, – констатировал Степан. Я не ответил. Какое-то дежа вю посетило меня в тот момент. Всё было точно так же, как два месяца назад. Вот то же бетонное крыльцо под ногами, так же слепит глаза полуденное сентябрьское солнце и кажется, что сейчас в кармане куртки противно запищит: «Ээээто твой телефончик звони-и-ит...». И Степан скажет: «Когда ты себе звонок сменишь уже...», а я только улыбнусь и отвечу на далекое «Алло!»:

– Привет, Светлая!..

Но телефон не зазвонил, а Степан, со знанием дела посмотрев на светило, сказал, что если выедем сейчас, то часа через четыре будем в Умахалове. Как раз успеем на постой встать.

– Дедок-то наш, надеюсь, покрепче интеллигенции будет, хромает ещё. А с утра с народом общаемся, на предмет корней и прочего.

Не самый детальный был план, но мне было всё равно.

Сказать, что я узнавал места, будет большим преувеличением. Тайга, при всём своём богатстве и разнообразии, – коробка с разноцветными кубиками. Встряхивай её сколько хочешь и они будут послушно менять сочетания, расположение, создавая всё новые и новые рисунки – но при этом останутся одним и тем же набором: подлески робких сосенок, пятна берёзовых рощ, пёстрые подушки болот – и леса, леса, леса, тёмно-зелёной могучей волной прокатившиеся от заката до восхода... Узнал я только «разъезд», когда мы уже подъезжали к Умахалову.

За эти месяцы ничего не изменилось, только высокая трава уже выспела и умирала, источая густой прелый запах – приятный и тревожащий. Бугристая шкура тайги расцвела новыми красками. Мазались охрой осинники, вызывающим багрянцем светились меж тёмной зелени кусты рябины. Рёв мотора вспарывал тишину, невыносимую для больших городов даже в глухую полночь. Мы словно падали в зелёную бездну и только иногда ошалевший дрозд пролетал перед лобовым стеклом.

«Джип» протиснулся по коридору из высоченных сосен и, рыкнув в последний раз, выехал на широкую поляну.

– Да чтоб тебя... – тихо сказал Степан.

16.

МЫ переглянулись.

– Может, не туда свернул? – спросил я.

– Может, я идиот? – резонно предположил Степан.

Деревни не было.

Высокая, не примятая трава покрывала всё пространство поляны. То здесь, то там виднелись объёмистые тёмные бугры, скрытые от взгляда зарослями невысокого кустарника.

– Да ну на фиг... – похоже, ситуация сильно сократила словарный запас Степана. Я вообще ничего не сказал. Мне не было страшно – мне было странно. Тайга большая: ехали в одно место – попали в другое. Мы ведь и первый раз промахнулись на дюжину километров.

Степан снова завёл машину и мы медленно поехали по бывшей улице. И почти сразу я понял, что мы все-таки не ошиблись. Мимо нас проплывали груды трухлявых брёвен, кое-где виднелись разбитые оконные рамы с чёрными от грязи и пыли осколками стёкол, доски ставен, остатки печей. Ни одного целого дома. Ни одного.

Мы остановились на границе деревни. В тени сосен царил влажный сумрак. Через десяток шагов Степан встал, и я по инерции ткнулся носом в его широкое плечо.

Перед нами стояла развалившаяся стена с дверным проёмом. Церковь. Сомнений не оставалось – но сомнений в чём? В том, что деревня за два с половиной месяца превратилась в труху?

Степан прошёл до угла. Проход, что мы пробили вокруг церкви, виднелся хорошо, хотя и заново зарос травой. Степан пошарил где-то у фундамента и протянул мне несколько ржавых гвоздей ручнойковки – кривоватых, гранёных, похожих на большие грубые иглы.

– Это в первом копе было, я выкинул рядом, – сказал он севшим голосом.

– Мы же не объелись грибами, Стёпа, – уверенности в моём голосе не было. – Деда мы все видели. Мы разговаривали с ним, Стёпа. Разговаривали!

Степан не ответил. Он нашёл просвет меж кустами и продрался сквозь него вглубь леса. Постоял там немного, вглядываясь в сумрак, а потом, как загипнотизированный, медленно пошёл куда-то.

Я не разделял его порыва – но стоять одному... Это только в дешёвых ужастиках герои первым делом спешат разделить...

– Что там, Стёпа?

Степан не успел ответить – ответ я получил сам, тут же споткнувшись обо что-то. Подумал, что коряга, но это оказался крест.

Он лежал тут очень давно, потому что успел накрепко врасти в почву, укутаться мхом и серой жухлой травой. Но удар ноги сдвинул его и вот он, передо мной – чёрный, безмянный, с крышкой на верхушке.

Крест лежал вершиной к деревне, перекинувшись, словно мостик, через заросшую канаву. Канавка почти по края заросла густой травой, сквозь которую просвечивала тёмная застоявшаяся вода.

А в десятке шагов от него среди тайги начинался словно бы второй лес – пугающе мёртвый, из десятков таких же, только ещё стоящих крестов, напоминающих гигантские бледные поганки – тонконогих и длинных, с такими же кровельками вверх. Они походили друг на друга, будто выросли после одного дождя, но один крест с

краю сразу же приковал мой взгляд. Я смотрел на него и меня начал бить стылый озноб.

Крест был таким же гнилым, кривым, безымянным. Но у подножья его, смяв высокую траву и кустик брусники, стояли две банки тушёнки.

Я тут, недалеко...

17.

СТЕПАН никогда бы не отправился на ночь в тайгу. Но он сел за руль и гнал машину без остановки. Солнце порезалось о зубчатую кромку горизонта, разлило кровавый багрянец по вершинам сосен и кануло, отдавая всё на откуп ночи. С каждой минутой сумерки сгущались, тени сливались, летели за нами, перекрывали дорогу. Свет фар безжалостно резал предметы, деля их на белое и чёрное, нас бросало из стороны в сторону, но Степан не сбавлял скорости и не останавливался.

Когда под колесами захрустела щебёнка, Степан наконец-то остановил «джип».

– Давай поменяемся, – хрипло попросил он. Ладони, убранные с руля, мелко тряслись.

– Миша, – сказал он. – Ни-ко-му. Слышишь? Никому...

18.

ИМЫ НИКОМУ не рассказали. Столица зацепила, бросила в водоворот дел, соскребла страх, недоумение и растерянность.

В декабре, за четыре дня до Нового, 2011 года, умер Роман Борисович. Я в это время был на конференции в Твери, а Степан ходил прощаться. Потом рассказывал, что на кладбище к нему подходил Митька, извинялся, что так вышло.

– И что ты сказал? – спросил я.

– Спросил: «Как – так?» – и ушёл.

Ну да, это как раз в степановой манере.

На копы мы продолжали ездить уже вдвоём. Находили пустые деревеньки, заезжали туда, где ещё теплилась жизнь. Всё было как всегда: ку-

пленные церковные книги и иконы, вымазанные в земле «потеряшки»... Но каждый раз, как бы точно мы не сверялись по картам, мне казалось, что таёжные дороги запутывают нас, всё время уводя к той, не обозначенной на картах деревне. Скажу больше: мне казалось, что стоит мне предложить Степану, и он немедленно повернёт руль в ту сторону, помчится без остановки.

Но я молчал.

19.

МЫ ТАК и не стали близкими друзьями, но перезванивались часто. Поэтому я не удивился позднему звонку.

– Привет, – раздалось в трубке. – Ты Митьку давно не видел?

Это было сказано так, словно только вчера этот Митька торопливо сгрёб свою долю в блёклый продуктовый пакет.

Я пожал плечами, как будто Степан мог это увидеть. Увидело только мутное отражение в тёмном окне, торопливо повторившее жест. Ветер качал кроны деревьев, рвал ослабевшую жёлтую листву. По стене соседнего дома двигались широкие разлапистые тени.

– С Никитска – ни разу.

Я соврал: через пару лет Митька разыскал меня, просил замолвить слово перед Степаном, говорил, что нужны деньги... Кому они не нужны? Правда, выглядел он не как человек, который нуждается – модный такой...

Я ничего не имел против этого рыжего – просто он сделал свой выбор, вот и всё. «Иди к Степану, говори с ним», – сказал я тогда. Больше он не объявлялся.

– Опять просился? – предположил я.

– Да нет, звонил его дядя.

– Ещё один? У него добрые дяди когда-нибудь заканчиваются?

– Миш, дай скажу, – я почувствовал, что Степан отчего-то закипает. – Дядька его какой-то, да... Короче, беда там у него, у Митьки: сгорел дом...

Тут я снова не смог сдержаться:

– Он же на съёмной жил, в Выхино.

– Он дом себе купил, на следующий год, как мы вернулись оттуда, вместе с участком. Обставил всё. Дядьке хвастался, что работу хорошую нашёл. Ага, в кризис, с незаконченным высшим... Дядька ещё порадовался: взялся, дескать, за ум. И вот... дотла. Дом, гараж, машина...

– И машина? Откуда у него столько денег? Там ассигнациями было... миллиона на три, наверное. Машину хорошую можно взять, но дом...

– Ты понял? – спросил Степан. – Или не понял ещё?

Наполеондоры. Он загнал наполеондоры. В этих кружках скрывались и дом, и участок, и машина.

– Он куда-то делся?

– Он к дядьке приехал, вообще никакой. Я, говорит, поживу немного, потом на работе помогут. И, действительно, пару месяцев жил. Прибухивал, но по-тихому. А потом исчез. Сумка с вещами осталась. Дядька думал, что снова забухал. Телефон не отвечает. Я тоже, кстати, звонил – абонент вне сети.

Я помолчал. Вид у отражения в стекле был равнодушный.

– Давно он пропал-то?

– Дней десять. Дядька в вещах порылся, нашёл записную с моим телефоном.

– Да чёрт с ним, с Митькой. Чего ты-то озабочился? Забыл, как они нас кинули?

На том конце зашипело – словно паровоз, перед тем как тронуться, выпускал пар.

– Там и Артемона телефон был, – подчеркнул сдержанно сказал Степан. – И он тоже вне сети.

– Стёп, восемь лет прошло. Люди по три раза в год номера меняют.

– Я пробил уже, ничего он не менял.

Степан всё организовывал тщательно. Даже панику он готовил основательно...

Коготок корябнул по стеклу. Я вздрогнул и тут же выругался: на подоконнике снаружи лежал сухой тополиный листок.

– Что у тебя?

– Ничего... Умеешь ты волну нагнать... Я тут звонка жду. Давай завтра пересечёмся и...

– Да ты дурак, что ли? – не выдержал Степан.

– Из-за монет это всё, из-за клада! Не тот мы выкопали и не там! Ты что успокоился, решил, что привиделось всё? Проклятый клад нам подсунили, заговорённый, с него всё началось!.. С деревни той, с кладбища!..

Я тут, я недалеко...

– А что началось-то?! – не выдержал и я. – Митька шепутной был, ты что, не помнишь? Он дом по пьяни мог спалить. А Артемон на рыбалке своей разлюбезной где-нибудь зависает... У тебя что-то случилось? Нет! Как жил, так и живёшь, всё в порядке, всё в ажуре!.. У меня что-то? Нет! Тоже нормально, живу – не кашляю...

– А ты монеты продал?

– Что?.. – не сразу понял я. – Н-нет...

– И я не продавал. А Митька продал. И Артемон, точно говорю, тоже загнал. Он всегда всё подчистую продавал, жадный был, как чёрт...

Каким-то уголком сознания я отметил, что и я, и Степан говорим о них в прошедшем времени...

– Вот ты веришь во все эти заговорённые клады? – устало спросил я. Спорить и доказывать не хотелось.

– Ты Земляному Дедушке подарки кладёшь?

– Это традиция, Стёпа, это традиция. Все кладут и мы кладем. По-твоему, если о борт корабля не разбить бутылку, то он не поплывёт? По-твоему год работы тысяч людей зависит от бутылки шампанского?

Похоже, мы начинали общаться вопросами...

– Слушай, правда, звонка жду. До завтра всё терпит?

20.

– ТЕРПИТ, – угрюмо ответил Степан и отключился.

Почему тогда я не встал на сторону Митьки и Артемона? Отражение только подняло брови. Ответа у него не было.

Ну вот, теперь я сам с собой разговариваю вопросами...

Впрочем, всё было понятно и так. Я же всё-таки историк. Можно проиграть битву, но выиграть войну. Можно погнаться за сиюминутным и потерять в перспективе. Тогда я сделал правильный выбор. Разумеется, деньги мне были важны – не ради же спортивного интереса я кормил комаров и трялся по таёжным дорогам. Но не настолько, как картёжнику Артемону или шальному Митьке. Поэтому кружочки с профилем Наполеона спокойно дремали в домашнем сейфе, среди других ценных находок и покупок. До сегодняшнего дня...

На столе, накрыв клавиатуру компьютера широким пёстрым крылом, лежал «Рекламный вестник», свежий номер.

Да ерунда всё это, бред. На свете есть немало, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам... Мало ли что напридумывал себе Степан. За окном, на небе спального района далёким заревом горела большая Москва. Это же не тайга. Десять минут на метро – и ты в царстве вечно-го дня и круглосуточного праздника. Сколько там людей на квадратный метр, кто скажет? Сто? Двести?.. Если всё пойдет нормально, скоро там окажусь и я.

Коготок стукнул в чёрное окно.

Я перевел взгляд на подоконник. Он был пуст. Воробьи, наверное.

Давно надо было переехать отсюда в центр – ведь мог же. Почему именно сейчас собрался?

Когда хотел, мысленно ответило отражение, рядом была Светка, твоя Светлая. То единственное в твоей жизни, от чего нельзя было отказаться. Ни при каких условиях и ни за какие деньги. А потом она исчезла, и исчез смысл двигаться по вертикали. Хватало и горизонтального движения.

До недавнего времени, до недавнего времени...

Может, стоило сказать Степану про объявление?

Ерунда...

– Ээээто твой телефончик... – я вздрогнул, хотя и ждал звонка.

Чёрт...

– Добрый вечер, это по объявлению...

– Добрый... Извините, это опечатка, наверное: я не давал никакого объявления.

– Но у вас же...

– Это опечатка.

Я бросил телефон на стол. Ладно, бог с ними, с монетами, подождут. Завтра разберёмся. Проклятые клады, гоголевщина...

Телефон снова ожил. Я бросил взгляд на экранчик и ледяной озноб сковал позвоночник. Номер не определился, но всё равно был знаком. Восемь лет назад я удалил его, навсегда. Удалил, когда стоял на лестничной площадке и смотрел в пыльное мёртвое окно, за которым догорало лето. Но не удалил из памяти, не стёр из мозга и эта комбинация цифр въелась в подкорку, выбилась в ней, как надпись на могильной плите.

Я здесь, рядом...

Что-то лёгкое, как сонная птица, ударило в чёрное окно...

– Это твой...

И я включил связь:

– Светлая?..

Голос вдруг пропал, и я не сказал это, а просто беззвучно пошевелил губами в трубку. Но меня все равно слышали.

Там.

– Я рядом...

Владислав Мальшев

Тянишь к звездам!

Наталья Ветошкина

НА РЕДКОСТЬ удивительно жаркий был день. Казалось, только кричащие на улице дети были рады этой духоте. Лучи солнца, струившиеся из окна на деревянный пол, наглядно демонстрировал обилие пыли в комнате. Конечно, пыль не могла подняться просто так. Возможно, виной тому был паренек, что сидел на кровати, упёршись подбородком в грудь. Подушка, как обычно виновная во всех грехах, валялась рядом. Нервно нарастающее дыхание сигнализировало о скором действии. Вдруг он встал. Подушка вздрогнула, словно живая. Паренек подбежал к двери и резко раскрыл её.

– Я не буду там учиться! – крикнул он, залетев в комнату. К сожалению, его никто не услышал.

Женщина, которой было адресовано сообщение, что-то старательно шила. Швейная машинка стучала, заглушая любой нежеланный звук. Потянувшись за тканью, женщина, наконец, заметила своего сына в дверном проеме.

– Ты что-то хотел? – сказала она, остановив машинку.

– Я не хочу там учиться, – уже менее уверенно сказал паренек.

– Опять всё по-новой, – женщина закатила глаза. – Я же тебе уже сто раз объясняла, почему ты идёшь в техникум именно на эту профессию.

– Но ведь я не хочу...

– Ты не знаешь, чего хочешь! – повысила голос женщина.

– Да вы даже и не спрашивали! – воскликнул сын, разводя руками, будто обращаясь к кому-то ещё.

– Ну и куда же ты хочешь пойти? – спросила мать, положив руки на талию и некрасиво скривив губы.

– Хочу в колледж искусств, – с надеждой проговорил он, – хочу играть на пианино.

– Но ты ведь играть не умеешь!

Мать застала сына врасплох. Большей глупости в жизни он не слышал, но то, с каким напором это было сказано, посеяло сомнение.

– В общем, Влад... Я уже объясняла, насколько востребована эта профессия. Не зря же у нас есть поговорка: «Либо плотник, либо шкодник». Да и не понимаю я, зачем тебе вообще сейчас думать? Мы за тебя уже подумали. Всё, иди к себе, не мешай работать, – вздохнула мать, поставив точку в разговоре.

После недолгого молчания Влад развернулся и закрыл за собой дверь...

ГЛАВА 2

ГОРОД, в котором жила семья Влада Муляева, выходил окраинами к густым таежным лесам. Не удивительно, что профессия плотника считалась в городе самой распространенной. Люди целыми поколениями работали с деревом, передавали по наследству свой опыт.

Лето, словно сгущенка, медленно стекающая с ложки в банку, всё же кончилось. Влад, конечно же, был огорчен: как всегда, не хватало какой-то одной недели. Чтобы продолжить смотреть фильмы, рисовать, сочинять песни, пряча свои рукописи далеко за шкаф – и, конечно же, не думать об учебе. Но вся эта идиллия кончилась. Осень нагло ворвалась в городок и обосновалась на его улицах.

Автобус ехал не спеша, словно не вез людей по делам, а разгонял листву. Влад рассеяно смотрел, как мимо проплывали домики старой окраины. Ветер, дувший из окна, которое всегда кто-то открывал, обдувал его светлые волосы. Сегодня был первый день учёбы. Влад радовался, что начало этого дня было такое приятное и умиротворенное. Доехав до вокзала, он пересел на трамвай и продолжил путешествие. Билет, который вручила ему контролерша, оказался счастливым, что ещё прибавило уверенности в сегодняшнем дне. Он и забыл о том, куда ехал. Но стоило Владу увидеть здание техникума, как выражение лица изменилось... Один только вид этой большой серой коробки с рядами окон рождал чувство отвращения.

Класс был полон студентов, но при этом в нем

царила напряженная тишина. Только пара ребят, поступивших сюда вместе, перешептывались о чем-то. Влад сидел один за второй партой и рисовал на обложке тетради замысловатые каракули. Большинство новичков сидело в телефонах, кто-то глазел по сторонам. В коридоре слышались шаги. Человек шёл торопливо, но будто чуть-чуть прихрамывая.

– Добрый день, уважаемые студенты, – быстро проговорил, едва показавшись в дверях, мужчина, чьи веселые годы были явно далеко позади. – Прошу прощения, за опоздание, но вижу, что все уже собрались.

Студенты отвлеклись от своих дел и устремили свое внимание на педагога.

– Меня зовут Пирогов, Иван Васильевич. Я ваш классный руководитель и, по совместительству, преподаю главный предмет по вашей специальности.

Учитель начал рассказывать студентам, что ждёт их впереди и озвучивать основные правила колледжа. Влад сидел, затаив дыхание. Он был поражен тем, с какой энергичностью их классный руководитель выдает в общем-то явно обыденную и, наверное, давно приевшуюся ему информацию. Да и выглядел он под стать своему поведению: энергично и импозантно. Это был, без преувеличений, старик с небольшой лысиной, седыми волосами и белой щеткой над губами. На нем была белоснежная сорочка с закатанными рукавами, жилетка, черные тщательно отглаженные брюки и прямоугольные очки, которые он часто поправлял, кидая зайчики по всей аудитории. Иван Васильевич часто размахивал руками, словно отмахивался от тучи мух или дирижируя студентам, глаза которых пристально следили за этими движениями.

– Ну, что же, думаю, на сегодня информации хватит, – объявил, наконец, учитель, спрятав руки за спиной. Кто-то из ребят выдохнул...

– А сейчас я пущу по рядам листок и познакомлюсь с вами, – он взял чистый лист и протянул ближайшему студенту. – Напишите свои имена, только, прошу, без всяких там ников.

В кабинете вспыхнул секундный смех и тут же утих. Преподаватель стоял, вновь спрятав руки за спину. Вскоре лист дошёл до Влада, сидевшего за второй партой второго ряда. Он невольно обратил внимание на то, насколько разные бывают люди. Это было видно даже по почерку. У кого-то красивый, косой, у кого-то прямой и крупный, а у кого-то вермишель на вилке – спутано, скручено, не разберешь... Влад написал свое имя и передал листок дальше. Вдруг он спохватился, что-то сообразив, повернулся... но листок уже передавали дальше.

Несмотря на все его просьбы, родители так и не купили ему фортепиано. «Это пустая трата времени и денег», – как-то сказала мать. Но он не открестился от навязчивой цели рано или поздно научиться играть. Не имея инструмента, он просто учил нотную грамоту, выстукивал пальцами мелодии и... рисовал ноты в блокноте. Он уже мог детально записать свои любимые произведения по нотам. Даже теперь, в техникуме, когда все ждали учителя, Влад выводил в тетрадке узор из нот. Поэтому, когда пришел его черед писать имя, он машинально добавил в конце... ноту.

Листок, наконец, прошёл всех студентов и вернулся в руки к учителю.

– Так, посмотрим, – сказал тот, опустив очки. Она зачитывал имя и смотрел на студента, поднимавшего в ответ руку. На очередной строчке взгляд его замерли. Среди имен, написанных разными ручками, затаилась нота. Он глянул на второй ряд в поисках владельца неожиданной гостыи. Музыканта он вычислил легко. Скорее всего, это был покрасневший молодой человек, сидевший за второй партой. Учитель улыбнулся, произнес его имя, увидел поднимающуюся руку и опять вернулся к листу.

Вернувшись домой, Влад застал маму работающей и не стал мешать. Пообедав, он закрылся у себя в комнате и рухнул на диван. Минуты шли за минутами... Погруженный в свои мысли, он не заметил, как день за окном померк. Спohватившись, он глянул на часы и торопливо поднялся. Прогулка

по вечернему лесу подводила к концу его день. Что может быть лучше, чем гулять на свежем воздухе среди деревьев, наедине с природой? Наверное, только сон, который последует за этим...

ГЛАВА 3

— У, И КАК учеба? – наконец поинтересовалась мать.

– Ты знаешь мое отношение к этому... – пробормотал Влад, откусывая хлеб.

– Знаю, и мне не все равно, я же мама.

– Учеба дается легко, – сообщил он, проглотив кусок, – но это пока. Предметы по специальности начнутся на следующих курсах.

– Ясно. Друзей-то себе нашел? – выдохнув, спросила мать.

Сын неопределенно пожал плечами

– Ну ладно, доедай и вперед...

Влад собрал хлебом остатки омлета, помыл тарелку и пошёл собираться. Едва распахнул дверь подъезда, в лицо дунул свежий сырой ветер: на дворе уже стоял октябрь.

Этот день был особенный. Сегодня его класс отправляется в другой колледж на праздник, и не куда-нибудь, а в колледж искусств. Энтузиазм студента, почти вприпрыжку спешащего к автобусной остановке, ощущался за версту... Он прекрасно знал, что не стоит завышать ожидания, иначе можно разочароваться, но ничего не мог с собой поделать.

...Группа студентов уже подходила к колледжу. Влад особо не выделялся из этой черно-белой толпы. Уже во дворе колледжа можно было услышать, как кто-то репетирует. Слева было слышно виолончель, а справа – пару саксофонов.

– Добрый день, мы из тринадцатого техникума, – обратился Иван Васильевич к женщине у входа.

– День добрый, – ответила та, улыбаясь и шуря глаза, – пожалуйста, проходите в гардероб.

– Хорошо, спасибо. Ребята, проходим, раздеваемся!

Влад слегка медлил, так как его застала врасплох здешняя атмосфера. Как снаружи, так и внутри, колледж выглядел лучше и богаче, чем его техникум. Но самое примечательное, это, конечно, обилие девушек, прекрасных созданий, что благородно спустились с небес – явление, которым их альма матер была практически обделена... Очевидно, не только Влад заметил их. Все студенты стояли, разинув рты, когда мимо проходила группа девушек, занимающаяся танцами.

– Сдавайте куртки и не разбегайтесь... – прервался Иван Васильевич, обернувшись. Через пару секунд, до него всё-таки дошло, куда смотрели студенты. Он едва заметно улыбнулся.

– Как не вежливо, судари! – с ухмылкой заявил Иван Васильевич. Студенты «отмерли» и поспешили к гардеробу. Девушки, обернувшись, хором захихикали.

Это был, наверное, самый большой актовый зал, который видел Влад. Он, задрав голову, потихоньку пробирался через ряды сидений. Гости шумно рассаживались. Пока представление не началось, у него была возможность детальной рассмотреть зал. Высокий потолок, украшенные кубическим рельефом, широко накрывал всё пространство. Влад замечал, что люди редко обращают внимания на потолки – да сейчас строители и не слишком заморачиваются на украшения... Геометрические фигуры, свисающие со стен, поддерживали различные фонари и прожекторы.

Наконец, заиграла торжественная музыка. На сцену вышли девушка с молодым человеком и начали приветствовать гостей. Влад всё оглядывал зал.

– Встречайте, хор Валерия Юрьевича Казакова с произведением Моцарта «Азбука»!

Из-за кулис начали выходить совсем юные мальчики и девочки, вместе с ними вышел и сам Валерий Юрьевич. Под аплодисменты зала они построились и поклонились. Дирижер повернулся к своему хору и поднял руки. Как только он махнул рукой, воздух зазвенел от мелодичныхголосков хора. Это было удивительно. Как можно

самый обычный алфавит превратить в музыку, такую мелодичную и приятную!..

Далее были трубачи, которые, старательно надувая щеки, извлекали звуки из сияющих инструментов, танцевальная группа, состоящая преимущественно из девочек и одного мальчика – с ребятами тут был явно недобор. Также была группа девушек, которые создавали мелодию какого-то незнакомого Владу произведения, только лишь своими нежными голосами. Девушки, получив свою порцию бурных оваций, упорхнули за сцену.

После небольшой паузы луч прожектора упал на пианино в углу сцены. Конечно же, именно этого момента Влад ждал больше всего. Под аплодисменты вышел худой, высокий парень в костюме, сел за инструмент и картинно поднял руки. Началась циклическая, идущая, словно облака по ночному небу, мелодия. В голове Влада эта мелодия рисовалась переплетением разноцветных линий, то плавных, то ломких, как молнии. Линии образовывали волны, которые катились вперед, вперед, вперед... И лунный свет, падающий на них в совершенной ночи, отражался мерцающими бликами... Это была «Лунная Соната» Бетховена.

Наверное, Влад был единственным из ребят, который что-то чувствовал. Приятели рядом с ним тихонько переговаривались, чуть дальше предательски мерцал экран смартфона. Влад мягко перебирал пальцами по коленкам. Конечно, он знал все ноты сонаты... Иван Васильевич обратил на него внимание, когда делал замечание ребятам, сидящим слева от Влада. Он заметил застывший, ушедший в себя взгляд, дрожь пальцев.

Соната подходила к концу. Когда прозвучала последняя часть, зал вспыхнул аплодисментами, а по щеке Влада прокатилась слеза. Он впервые слышал «Лунную Сонату» вживую...

Когда все выходили из зала, Иван Васильевич подошел к Владу.

– Я, конечно, сразу понял, что ты музыкант, но не знал, что ты играешь на пианино... – начал учитель.

– Никакой я не музыкант, – вздохнул паренек, – и на пианино я не играю.

– Как так? Я видел, как ты слушал игру того музыканта. Не было похоже, что тебе всё равно.

Влад смутился и слегка покраснел.

– Мне нравится пианино, я знаю несколько произведений, но не играю.

– Это почему? – с натуральным удивлением спросил учитель.

– Родители говорят, что это пустая трата времени.

Иван Васильевич почувствовал в голосе Влада протест, но уловил и нотки смирения.

– Чепуха! – возразил он. – Почему нельзя тратить время на то, что тебе нравится? У нас в городе есть пару музыкальных школ, да вот, взять даже этот колледж... Ты говорил с родителями? – спросил учитель, хотя заранее знал ответ.

– Конечно, – Влад подтвердил его догадку, – только вот они не слушают меня. Им виднее, как лучше жить, они же родители.

– А ты пробовал им описать свои чувства? Показать, насколько сильно привязан к музыке?

– Да кого это волнует... – сказал Влад, накидывая куртку и направляясь к выходу.

– Ладно, ребята, – выйдя из задумчивого состояния, сказал учитель, – одеваемся, и по домам.

Группа вывалилась во двор колледжа и тут же рассыпалась кто куда. Иван Васильевич смотрел вслед уходящему Владу, одиноко шагающему по бордюру. Не было похоже, что парень расстроен, наоборот, это был лучший день в его жизни.

ГЛАВА 4

 СЕНЬ – время года, обладающее самой яркой палитрой. Остатки зеленой краски всё глубже погружаются в бурю красного и жёлтого. В большом городе время течет совершенно по-другому. Люди, суетливо перебегающие по улицам, даже не замечают всю эту красоту. Другое дело небольшие города, как этот, где люди не столь торопливы.

Ветер, безжалостно сметая кучки листьев во дворе техникума, расстраивает дворника, который махнул рукой на работу, и пошел на обед. Влад сидел, как обычно, за второй партой, потрясывая ногой и глядя в окно. Ему казалось, что ветер пытается записать на асфальте какую-то свою мелодию. Вот бы услышать... Иван Васильевич вещал что-то на тему предмета, иногда прерываясь на свои жизненные истории, которые любил вкраплять в сухую ткань урока. Все слушали не особо внимательно, но не отвлекали учителя поведением. Они знали его уже достаточно хорошо, чтобы начать уважать.

– ...И, в общем, заходим мы как-то с коллегами в цех, а там, знаете, прям сцена из фильмов ужасов: никого нет, какие-то звуки из курилки... Один из нас, который Михалыч, наступил на что-то. Он отставил, значит, ногу и поднял небольшой предмет. Натянув очки и присмотревшись получше, вскрикнул, резко откинул находку и побледнел. Мы его спрашиваем, мол, что такое? А он нам: «Лучше не спрашивайте...» В курилке мы нашли четвертого товарища, мертвецки пьяного и, конечно, по законам фильмов ужасов, без одной фаланги на руке.

Ученики зашумели.

– Вот так, – подвел итог Иван Васильевич, – мораль сей басни такова: на рабочем месте необходимо соблюдать технику безопасности.

Ученики вопросительно посмотрели на учителя.

– Ну, и, конечно же, приходить на работу трезвым, – добавил он еще один пункт к своей морали.

Вдруг прозвучал короткий стук. В приоткрывшейся двери показалась женская фигура.

– Добрый день, разрешите отнять у вас пару минут?

– Конечно, – слегка растерялся учитель, – проходите...

В кабинет зашла девушка лет двадцати пяти, в пиджаке, белой блузке и юбке. Её волосы были убраны в пучок, но непослушные пряди всё же выбивались, обрамляя миловидное лицо.

– Добрый день, уважаемые студенты. Меня зовут Анастасия Владимировна Снегирёва, и я являюсь руководителем музыкального кружка, что находится в колледже искусств, здесь неподалеку.

Всё внимание было приковано к неожиданной гостье.

– Каждый год я набираю в кружок ребят, желающих заняться музыкой. У нас есть занятия на духовых, ударных, струнных и клавишных инструментах.

В кабинете висела тишина.

– Мест у нас много, так что прийти можно в любое время, но, если кто захочет, я запишу вас прямо сейчас.

Иван Васильевич пробежался по аудитории глазами, после глянул на Анастасию Владимировну. На его лице возникло чуть виноватое выражение, означавшее: «Ну что поделать?..»

– Ну ладно, – выдохнула гостья, – но, если вдруг надумаете, вот листовки. На них вы узнаете, куда подойти.

Листочки поплыли по рядам. Влад, конечно же, с самого начала хотел поднять руку и сбежать с этой девушкой напрямик в колледж искусств, но что-то тяготило его. Возможно, это было влияние родителей или его личная застенчивость. Ему не хватило сил поднять руку, словно примагниченную к столу.

– Что ж, спасибо за внимание, – улыбнулась девушка, – я пойду дальше, до свидания.

– Всего доброго, – так же дружелюбно улыбнулся Иван Васильевич. Девушка кивнула и вышла из кабинета, тихо прикрыв за собой дверь.

Влад сидел, опустив голову. Он уже начинал корить себя за то, что не попал немедленно в список участников кружка.

– Ну, немного отвлеклись, теперь пора за работу, – вернул урок в свою колею учитель.

Обида, неприязнь к самому себе нарастала внутри Влада. Хотел бы он повернуть время вспять!..

– На чем я остановился?

Влад уже не слышал, что происходит вокруг. Был лишь глухой шум, пронизывающий голову.

– А, точно! Я рассказывал вам историю с не очень хорошим концом. Но, однако, история вышла поучительная...

– Извините, можно выйти? – поднял руку ученик со второго ряда.

Учитель глянул на Влада. Взгляд парня был решительным. С таким взглядом не идут в туалет или попить воды, с таким взглядом принимают сложные решения.

– Выйди.

Влад вскочил и быстрым шагом пошел к выходу. Закрыв за собой дверь, он начал оглядываться по сторонам.

По коридору эхом раздавался стук каблучков. Девушка всё больше сокращала расстояние до ближайшего кабинета.

– Анастасия Владимировна!.. – раздалось у нее за спиной.

– Да... – девушка обернулась. Разогнавшийся паренек едва не сбил ее, затормозив в последнюю секунду.

– Я хотел бы записать в ваш кружок. Это ещё возможно?

– Да, конечно, – улыбнулась девушка. – Как вас зовут?

– Муляев ... Влад Муляев. Первый курс.

– Хорошо, – сказала девушка, легкой рукой записав первое имя на листок. – Тогда, Владислав, жду вас в своем кружке каждый понедельник, среду и пятницу в четыре часа дня. Есть какие-нибудь предпочтения касательно музыкального инструмента?

– Пианино... – дрожащим голосом выдал он.

– Отлично! В таком случае, встретимся с вами на первом занятии на следующей неделе.

– Спасибо вам, до свидания, – улыбнулся Влади и, облегченно вздохнув, пошёл обратно к своему кабинету.

Влад шёл, и на лице его расплзалась такая широкая улыбка, словно он только что выиграл в лотерею.

– Ну как? Удачно? – спросил учитель Влада, заходящего в кабинет.

Все ученики захохотали – они по-своему поняли эту фразу.

– Да! – поддержал шутку Влад, направляясь на свое место.

Похоже, только Иван Васильевич понимал, куда выходил его студент. Но понимал ли Влад, насколько чуток его учитель?

ГЛАВА 5

ПОНЕДЕЛЬНИК был в самом разгаре. Основательно отдохнувшие после выходных, студенты уже сидели без сил: не зря говорится, что понедельник – день тяжелый... Влад постоянно поглядывал на часы, ожидая, когда уже закончится последний урок. Он предвкушал этот день всю прошлую неделю, зная, что это будет поворотный момент в его жизни. Наконец, прозвенел долгожданный звонок, означающий конец четвертой пары. Все студенты начали собираться, и Влад не отставал.

– Влад, подожди пожалуйста, – остановил его учитель. – Я хотел попросить тебя об услуге. Ты сможешь сходить сегодня на собрание студентов? Наш староста, как знаешь, заболел...

– Извините, Иван Васильевич, сегодня не смогу. Мне нужно в четыре часа быть в колледже искусств... – перебил Влад и смутился: он не хотел говорить кому-либо о своем походе.

– Ну ладно, тогда попрошу кого-нибудь другого, – с пониманием ответил учитель.

– Извините ещё раз... – сказал Влад, выходя из кабинета.

«Всё-таки записался», – подумал учитель. Он пробежал глазами по аудитории и заметил единственного оставшегося ученика, который всё ещё собирался.

– Хомяков! Поди-ка сюда!..

Техникум выплюнул Влада, как жвачку. Он привычно посеял по узкому бордюру, расстегивая на ходу куртку – день оказался теплым. Вибрирующий в кармане телефон сбил парня с ритма.

– Да, мам? – сказал он, сбавив шаг.

– Влад, ты ещё в городе?

– Да, ты что-то хотела?

– У меня к тебе задание, совсем забыла сказать утром. Сходи пожалуйста к моей коллеге с работы и возьми у неё справку... – начала диктовать мать на том конце провода. Влад занервничал и забежал глазами по улице. – Потом сходи в городскую больницу, чтобы они написали записку о том, что я недавно проходила флюорографию.

– Но мам, – остановился Влад, – я сегодня не могу, у меня... дополнительные занятия.

– Что ещё за дополнительные занятия?

– Да Иван Васильевич организовал занятия по профессии, – неуверенно плел сын, – три раза в неделю, в четыре часа.

– Это, конечно, хорошо, что ты начал проникаться профессией, но сегодня, уж извини, не сможешь посетить занятия. Мне нужно срочно получить эту справку.

– Но...

– Никаких «но». Сделай доброе дело.

Влад совсем отчаялся. Он знал, что не способен переубедить свою мать. Ему не хватит сил и уверенности.

– Что нужно делать? – промямлил он.

– Сейчас я тебе отправлю адрес коллеги, дальше знаешь, что делать.

Влад выслушал рекомендации и сунул телефон в карман. Ему оставалось всего лишь перейти дорогу, и он был бы на месте!

Развернувшись, он отправился по указанному мамой адресу. Дойдя до места и взяв справку, он вдруг подумал, что если поторопиться, то, возможно, он все же успеет в кружок с небольшим опозданием. Где-то через двадцать минут он уже был в больнице. Посмотрел на часы и подумал: «Занятие уже началось...». Но то, что ожидало его в больнице, показалось насмешкой над его планом. Очередь была такая, будто всему городу потребовалось немедленно срочно сделать флюорографию. Надежда испарилась, как дым. Влад спокойно сел почти у самого выхода, и просидел там около двух ча-

сов. Наконец, получив листочек с печатью, он поплелся домой.

Конечно, его не ждал теплый прием. Мать опять работала.

– Вот твоя справка, – сказал он, заглянув в комнату матери.

– Ага, спасибо. Положи её на тумбочку.

Влад почти не обратил внимания на холодную реакцию матери, положил листок на тумбочку и закрылся у себя в комнате.

Уже в среду, бодро собираясь в техникум, он глянет на ту самую тумбочку и увидит все так же лежащий на ней «важный» листок.

ГЛАВА 6

ЖЕЛЕЗНАЯ калитка отгораживала колледж от шумного города. Танец ещё не опавших листьев на ветках рябин отлично гармонировал с музыкальными всплесками, доносившимися из стен колледжа.

Раздевшись, Влад шёл по коридору в поисках нужной аудитории. Он специально заглядывал не в те кабинеты, делая вид, что заблудился. Ему хотелось взглянуть на все прелести этого места, услышать все звуки. Длинный коридор, выполненный в строгих шоколадных тонах, пришёлся ему по вкусу. Каждый кабинет был будто живой: один играл на трубе, другой на скрипке... Но вот он дошёл до кабинета, который молчал. Влад глянул на табличку с номером. Это была его аудитория.

Девушка, расставлявшая стулья, не сразу заметила заглядывающего юношу, но как только заметила, то сразу узнала.

– Здравствуй. Ты тот бегущий молодой человек из тринадцатого техникума? Владислав, кажется?

– Да, наконец добежал... – смущенно улыбнулся Влад. Девушка оценила шутку. – Извините, я не смог прийти в понедельник.

– Поэтому пришёл сегодня пораньше, чтобы наверстать упущенное? Ну, проходи.

Кабинет был довольно просторный. У учителя была небольшая зона с доской, на которой еще

остались ноты с первого занятия. За несколькими рядами стульев размещалась зона с музыкальными инструментами. Среди них ему, конечно же, приглянулись пару синтезаторов и пианино.

– Извините, можно? – спросил Влад, указывая на пианино.

– Конечно. Занятие всё равно ещё не началось.

Он шёл вдоль кабинета, оглябая нежеланные инструменты. Подойдя к пианино, поднял крышку и ненадолго замер. Его бросало в дрожь лишь от одного взгляда на этот инструмент. Он сел на стул, поднял руки, будто охотник, греющийся у костра – так же поднимал их тот молодой музыкант на сцене... Наконец, он нажал на одну из клавиш. Прозвучал высокий, стеклянный звук, который через пару секунд растворился... Анастасия Владимировна, готовя рабочее место, ненароком глянула на Влада. Он сидел, отстраненный от всего. Собравшись с мыслями, он прокрутил в голове пару произведений и выбрал одно. Он начал буквально на ощупь искать мелодию в частотном диапазоне черно-белых клавиш. Ему было сложно ориентироваться. Через пару минут его мелодия всё же стала походить на нужную. «Старая добрая Лунная Соната», – подумала учительница. Ритм наладился, но все равно иногда Влад сбивался, то ускоряясь, то замедляя темп.

– Что ж, ты неплохо играешь, – подойдя, сказала учительница. – Ноты знаешь, но играл, как вижу мало. Где-то пару недель, месяц?

– Я играл в первый раз.

Девушка уже хотела рассмеяться и похвалить за хорошую шутку, но глаза Влада говорили, что он не шутит.

– Очень хорошо, – оценила она, – у тебя есть талант, и мы будем его развивать.

Влад улыбнулся.

– Здравствуйте, Анастасия Владимировна! – хором раздалось от входа.

– Здравствуйте, ребята. Заходите, занятие скоро начнется, – ответила она, направляясь к своему месту. Влад, в свою очередь, протер предательски намокшие глаза рукавом рубашки, встал и присоединился к остальным.

К началу занятия в кабинете было шесть человек. Две девочки, сидевшие с краю, определенно, были подружками. Третья девочка была сама по себе. Кроме Влада были ещё два парня, откуда-то не из техникума. Скорее всего, они познакомились в понедельник, так как в основном молчали, лишь иногда перешёптываясь.

– Ну, начнем занятие, – сказала Анастасия Владимировна, выходя из лаборантской.

Ученики сконцентрировались.

– Как видите, у нас пополнение. Его зовут Влад.

Новичку стало неловко, но, когда девочки дружно улыбнулись ему, стало легче. В начале урока было повторение прошлой темы. Вспомнили теорию, ноты. Далее разбредлись по инструментам. Влад сел за пианино, одна девочка взяла виолончель, две другие – скрипки, а парни обнимались с гитарами.

Не успели оглянуться, как учительница объявила о конце занятий. Влад с удивлением взглянул на часы: маленькая стрелка указывала на шесть. Все поблагодарили Анастасию Владимировну за урок, попрощались и разошлись по домам.

– Ты где был? Почему так поздно? – обратилась мать к вернувшемуся сыну.

– На дополнительных занятиях, забыла? – ответил Влад после секундной заминки.

– Ничего я не забыла. Давай раздевайся, мой руки – и за стол.

Справки всё так же лежали на тумбочке...

Гуляя по вечернему лесу, Влад заметил, что стало холодать. Осень потихоньку прощается и неохотно освобождает место для зимы. Интересно, как такое, казалось бы, привычное дело, как смена времени года дает людям столько новых эмоций и искренно удивляет их...

ГЛАВА 7

ХОЛОДНАЯ зима нагло вторгается, вытесняя осень. Голые деревья, всё ещё не присыпанные снегом, трясутся от холода.

Осень борется, не хочет уходить – но все равно отступает. Месяц занятий в кружке дает о себе знать. У Влада действительно был талант. Ребят, идущие по коридору, непроизвольно заглядывали в аудиторию, из которой несется энергичная мелодия. В игре на пианино Влад находил спокойствие, в то же время в нём бурлили страсть и борьба. Пианино лучше всех понимало эти чувства. Закончив играть, он закрыл крышку, встал и начал собираться. Поблагодарив учителя и попрощавшись со знакомыми, которых он приобрел за время занятия в кружке, Влад вышел на улицу. Затянул потуже шарф, он привычно вышел на бордюр. Такой свежий прохладный воздух грех было не вдохнуть полной грудью.

Одна из проезжавших машин вдруг притормозила.

– Влад? – прозвучал женский голос. – Ты что тут делаешь?

– Мама? – ответил парень с недоумением. – Иду домой.

Мать взглянула на здание позади сына. Надпись на табличке гласила: «Городской колледж искусств».

– Ты отсюда идёшь?

– Нет, – замялся сын, – я мимо проходил.

– Ну ладно, – кивнула мама после недолгого молчания, – залазь в машину, я как раз домой еду.

Паренек уже было пошел к машине, как вдруг услышал позади знакомый голос.

– Владик! – кричала подбегающая девушка. – Ты пакет забыл.

– Спасибо, – холодно ответил он, взяв пакет.

Мать Влада взглянула на девушку, а потом снова на сына. Девушка провожала глазами отъезжавшую машину, понимая, что сделала что-то не так.

Влад из всех сил надеялся, что мать промолчит, что они спокойно доедут домой без лишних разговоров.

– Кто это такая? – спросила мать, крутя руль.

– Да так, просто знакомая.

– Она назвала тебя Владиком. Не похоже на

простую знакомую, – заметила мать. – Где познакомились?

«Запахло жареным... – подумал Влад. – Ну и что же ей ответить? Если скажу, что в техникуме – не поверит, на улице – тоже».

– Ну? Чего молчишь?

– Познакомились в кружке, – решил сын.

– В кружке? Интересно... Что за кружок?

– Музыкальный.

Влад надеялся, что мать изменила мнение насчет музыки. Прошло много времени, он отучился уже почти три месяца, да и, в конце концов, ему надоело врать, говоря, что ходит на дополнительные занятия, что он привыкает к профессии. Он надеялся, что мать поймет его и примет. Как же он ошибался! По демонстративно-тяжелому вздоху матери было понятно, что своего мнения она не изменила.

– Опять ты за свое. Не надоело спорить со мной? Не знаю, что делать, чтобы ты слушался, или, наконец, понял, насколько это важно. Неужели тебя нужно лупить? Помнится, не таким я тебя воспитывала. Я думала, буду гордиться тобой, ведь ты добьешься того, чего я добиться не смогла, а ты...

У матери не было рычагов давления, но Влад этого не понимал – он все еще был тот, кто привык слушаться маму... А она знала куда бить. Ему было стыдно, что он всё время обманывал мать, что он не оправдывает её ожидания.

Всё оставшееся время они ехали молча.

ГЛАВА 8

У ТЕБЯ что-то случилось? – спросил Иван Васильевич, оставшись наедине с Владом.

– В каком смысле?

– Ну, в последнее время, ты ходишь грустный и задумчивый. Что-то случилось в кружке?

– Можно и так сказать.

– Что же именно? – спросил учитель, сев за соседнюю парту.

– Мама запретила посещать кружок.

– И ты согласен с ней?

– Нет, конечно. Но что я могу поделать? Я заложник своих родителей.

Они немного молча посидели

– Заложник... Сильно сказано... Насколько ты знаешь, я, так же, как и ты, пошёл учиться на плотника. Отец настоял на этом. Сам-то я по молодости думал совсем о другом, – улыбнулся учитель. – Думал о том, как бы с друзьями поселиться, да с девочками погулять.

Влад усмехнулся, ожидая очередную учительскую байку.

– Не смейся, это правда. Потом я увлекся гитарой. В первую очередь, конечно, играл из-за девочек, это им нравится. А потом баловство переросло в увлечение. Я начал изучать технику игры, ходить на уроки и концерты. Мой отец не одобрял увлечения, считал, что это помешает моему обучению, но и запрещать не стал. У него было лишь одно условие: «Ты станешь плотником». И после я стал им. Пошел даже работать по специальности, а через некоторое время мой отец умер.

Наступило молчание. Учитель снял очки.

– Я думал, что не справлюсь с потерей. Это было очень тяжело. Но потом я влюбился.

– Вы влюбились? – с удивлением спросил Влад.

– Конечно! Имею же я право? – усмехнулся старик. – Она помогла мне не сломаться. Мы прожили вместе много счастливых лет, а потом... потом она ушла.

– Как это ушла? – недоумевал парень. – Вы пробовали её найти?

– О да, – ответил учитель, опустив голову, – пробовал.

– Ну и как?

– Влад, оттуда не возвращаются. А меня не смогли принять.

Учитель отвернулся. До Влада, наконец, дошло, о чем говорит учитель. После долгой паузы Иван Васильевич протер очки и спросил:

– Ну? Что ты будешь делать?

– По поводу чего?

– Что будешь делать с музыкой?
 – А какие у меня варианты?
 – Ты можешь продолжить заниматься в тайне, – начал учитель, – можешь уговорить мать или оставить всё как есть и стать мной.
 – Вы хороший человек! – возразил Влад.
 – Возможно, но уж точно не такой счастливый, каким мог бы быть.
 Влад приложил руку к подбородку и задумался.
 – Второй вариант невероятен, – вдруг отрезал он. – Насчет первого тоже вряд ли выйдет.
 – Это ещё почему?
 – Мама теперь будет контролировать, когда я возвращаюсь домой. Да и пианино своего у меня нет.
 – Думаю, я могу попробовать достать пианино. Я уже давно думаю кое о чём.
 Влад оцепенел.
 – Даже не знаю, что сказать... Пианино – это дорогая роскошь!
 – «Дорогая роскошь», – передразнил Иван Васильевич. – Что у тебя по русскому? И всё-таки, есть у меня одна идея. Посмотрим, что можно сделать.
 Влад всё ещё не находил слов.
 – Если достану пианино, продолжишь играть?
 – Посмотрим, что можно сделать... – повторил он слова своего учителя.
 Оба улыбнулись.

ГЛАВА 9

К ОЛЬЦО, спокойно державшее сетку, вздрогнуло от запрыгнувшего в него мяча. По залу пронёсся восторженный крик. Шла игра. На скамейке у дверей спортзала сидело несколько ребят, не особо интересовавшиеся физкультурой. Среди них был и Влад, читавший фантастический роман.

Один из парней, резво бегавший у кольца, уронил мяч, который покатился прямо к входу в зал. Подбежав к мячу, он попятился, когда увидел открывающуюся дверь.

– Здравс! – бодро крикнул он.
 – Здравствуй, – ответил Иван Васильевич.
 Учитель физкультуры, сидевший за столом и заполняющий журнал, приветственно помахал широкой ладонью.
 – Привет тебе, Васильевич.
 Два залаыны, словно бильярдные шары, приблизились друг к другу, но не столкнулись.
 – Слушай, Валентин Андреевич, разрешишь мне взять на пару минут Влада Муляева? Ну очень надо!
 – Да бога ради, все равно сачкует. Муляев!
 Влад отвлекся от книги, но не сразу. Он удивился появлению своего классного руководителя, убрал книгу и подошел.
 – Пойдём, дело есть.
 – Да я вроде все предметы в этом полугодии сдал.
 – Мимо. Дело другого характера.
 Они вышли из зала и подошли к молодой девушке, стоящей у двери.
 – Анастасия Владимировна? – не смог сдержаться изумления Влад.
 – Здравствуй, Влад. Ну как ты? – улыбаясь, поинтересовалась она.
 – Всё нормально... – все ещё ошеломленно ответил он. – Ой, здравствуйте... А вы тут какими судьбами?..
 – Ну, я же тоже волнуюсь за своего любимого ученика.

– Тоже?
 – Так, давайте поговорим по пути, не хочется тратить ваше время, Анастасия Владимировна, – быстро встрял в разговор Иван Васильевич. – Идёмте.

Они двинулись по коридору. Влад все ещё не понимал, что происходит.

– А что, собственно, случилось? – спросил он.
 – Помнишь наш разговор про пианино? Я сходил в колледж искусств и спросил, нет ли у них «ненужного» пианино. Я мало на что рассчитывал, но ты представляешь, оказалось!

– Да, у нас, действительно, было одно пианино, – перехватила Анастасия Владимировна, –

оно в принципе отслужило свой век, поэтому и стояло без дела.

– А я, совсем недорого, выкупил его, рассчитывая, что смогу починить. Прошу вас!

Они зашли в мастерскую. В воздухе стоял приятный запах опилок и лака. Влад был здесь уже много раз, но никогда не заходил в комнату, в которую они направлялись. Когда Иван Васильевич включил свет, то Влад увидел объект, накрытый плотной тканью.

– Ну, а теперь, самое время познакомиться, – заявил Иван Васильевич и сдернул ткань.

Влад застыл на месте.

– Оно прекрасно.

Перед ними стояло громоздкое, почти полностью развалившееся сооружение. Только чернобелые клавиши выдавали в нем пианино. Такое ощущение, что кто-то со злости выкинул его из окна, а потом еще долго лупцевал кувалдой. У него вообще не было крышки, не хватало одной ножки, и бедолага опирался на крепкий деревянный ящик.

– А что с ним стряслось?

– Не знаю, – ответила Анастасия Владимировна. – Он был таким ещё до того, как я устроилась на работу в колледж, но теперь он ваш.

– Спасибо вам... – Влад не отводил взгляда от пианино. – Я даже не знаю, как вас отблагодарить.

– У тебя будет возможность отблагодарить, – успокоила Анастасия Владимировна. – Мы отдаем его вам только при условии, если ты выступишь у нас на концерте.

– Я? Но ведь я всего месяц играю...

– Да, но зато как!

– А что насчет того парня, который играл в октябре?

– У него хватает работы, а свободных рук у нас нет.

– Не терпится уже посмотреть на это! – добавил Иван Васильевич.

Владу не пришлось долго думать. Он мечтал об этом всю жизнь. Сейчас, лишь удивление и радость мешали ему сразу дать ответ, но чуть позже его отпустило.

– Конечно, я выступлю, – наконец сказал он.

– Замечательно! – воскликнул Иван Васильевич. – Тогда на этом инструменте и будешь тренироваться.

– А мы...

– Починим, успеем! – заверил его учитель.

– Прямо камень с души, – призналась учительница. – Праздник будет двадцать пятого числа, в честь нового года. Конкретных установок нет, можешь сыграть что-нибудь крутое. Сам решишь, какую композицию взять.

– Уже знаю.

– Ну и славно! Тогда я пойду, а то у меня аллергия на пыль, – мазнула рукой Анастасия Владимировна.

– Мы вас проводим.

Через пару недель Иван Васильевич закончил чинить пианино. Влад был в восторге. Инструмент выглядел как новый (ну, почти как новый...). Влад прибегал в мастерскую на переменах, и тогда, когда у него было мало пар, и играл, играл, играл...

– Ну что, совсем скоро выступать... – сказал как-то Иван Васильевич. Он время от времени заглядывал в мастерскую и молча стоял, слушая музыку

– Да. Странно, что я совсем не волнуюсь. Я совершенно спокоен.

– И вправду, интересно, почему? Может, потому что ты, наконец-то, в гармонии с собой?

– Может быть...

ГЛАВА 10

В ПОМЕЩЕНИИ было жарко. И как вообще все выступающие умещаются в этой тесной комнате? Влад прошмыгнул ближе к выходу в надежде хоть чуть-чуть плотнеть свежего воздуха. Выглянув из-за шторы, он увидел, что зал уже почти полон. В этот раз тут было гораздо больше людей, чем тогда, когда он последний раз был здесь. В зале сидели взрослые и дети, все в красивых костюмах. Стоял густой шум раз-

говоров. Влад пытался, но так и не смог уловить ни один из них.

– Так, народ, готовимся, – крикнул кто-то сзади. И почти тот час же заиграла торжественная музыка. Влад спрятался за шторку. На сцену вышли девушка и молодой человек.

– Добрый день, дорогие друзья и гости! Мы рады приветствовать вас на нашем новогоднем празднике.

– Сегодня, торжественный день. День улыбок, эмоций и открытий!..

– Этот праздник любят все: от мала до велика.

– Поэтому мы и начнем от мала до велика. Встречайте, хор Валерия Юрьевича Казакова с произведением Моцарта «Азбука»!

На сцену вышел уже знакомый Владу хор. Из-за кулис пение было слышно хуже, но атмосфера была совсем другая. Аплодисменты были очень громкими. Довольные дети забегали покрасневшие и радостные. Влад прижался к стенке, чтобы пропустить их. Миновав опасность быть растоптанным этими шумными миньонами, он выдохнул.

– Владик? – прозвучал мягкий голос.

Влад развернулся и увидел свою знакомую из музыкального кружка.

– Привет, Лиза, – смущенно проговорил он.

Девушка подошла ближе.

– Я не знала, что ты тоже будешь здесь! Как дела? Ты тоже выступаешь? Почему не ходишь в кружок, а?

– На что мне отвечать в первую очередь? – улыбнулся он.

Девушка посмотрела на него, подняв одну бровь.

– Дела нормально, выступаю сегодня. В кружок не хожу по семейным причинам. А у тебя как дела?

– У меня все отлично! Сегодня вот тоже выступаю.

– На скрипке играешь?

– Ага! А ты на пианино, ведь да, да?

– Ну да.

– Вот здорово! – воскликнула девушка. – Давно не слушала, как ты играешь.

Выступившие ребята с гитарами уже вернулись со сцены. Лиза завертела головой.

– Ой, скоро уже мне выходить! Ты после кого выступаешь?

– После скрипки, значит после тебя.

– Ого, – как обычно по-детски удивилась девушка, – неожиданно!

Влад не волновался до сегодняшнего дня, но, заходя в колледж, почувствовал жар в груди. Сейчас он чувствовал то же самое и постоянно переступал с ноги на ногу. Во время разговора с Лизой ему стало легче, но не сильно.

– А теперь разрешите пригласить на сцену первую скрипку нашего колледжа, наше счастье и наше проклятье, Беляеву Елизавету.

– О! Это я! Ну всё, я пошла, – сказала она, встряхнув светлые, короткие волосы. – Держи за меня кулачки!

Лиза легкой походкой выбежала на сцену, взялась за края платья, скрестила туфельки и поклонилась, широко улыбаясь. После чего сделала лицо серьезнее, прижала скрипку к подбородку и начала играть. Звучало что-то умиротворенное и одновременно энергично звенящее, прямо как характер самой скрипачки. Влад много раз слышал, как она играет, но сейчас, когда она стояла на сцене и играла для всего зала, он слушал, затаив дыхание. Он стоял, улыбаясь, как дурак.

Зрители не поскупились на аплодисменты. Весь зал загремел бурными овациями. Она так же непринужденно поклонилась и упорхнула за кулисы.

– Фух! Ну как? – спросила она Влада.

– Да как обычно, – холодно сказал он, только для того, чтобы посмотреть на её реакцию.

– Дурак, что ли? – Лиза нахмурила брови и ударила его по плечу. – Опять твои шуточки не смешные?

– Ну а что мне сказать? Что ты отлично сыграла, что тронула прям самое сердце? Так ты это и так знаешь...

Лиза удивленно посмотрела на него, после чего отвела глаза.

– Ну, хотя бы и так.

– А теперь, на сцену приглашается наш приглашенный гость, студент тринадцатого техникума, Муляев Владислав!

– Давай, удачи тебе! Покажи класс! – прокричала Лиза ему в ухо, стараясь быть громче оваций.

Влад, с диким жжением в груди, вышел на сцену. Танцовщицы, ждавшие своей очереди, улыбаясь, освободили ему проход. Выйдя на сцену и поправив свою бабочку, он сделал не очень изящный поклон, развернулся, подошел к пианино. На откинутой крышке кто-то, одинаково романтичный и хулиганистый, выцарапал надпись. Она гласила: «Тянись к Звёздам!» и в конце была добавлена звездочка, в центре которой была нарисована нота. Влад глянул в зал и сразу же отыскал глазами Ивана Васильевича, сидевшего с краю. Он улыбнулся и осторожно помахал рукой. Влад тоже улыбнулся, постаравшись сдержать слезы. Он поправил стул, поднял руки над клавишами, сжал их в кулаки, пытаясь убрать дрожание, потом разжал и... опустил руки. Зрители, ожидающие, пока парень на сцене начнет играть, начали переживать. Влад сидел, ничего не делая. Лишь услышав, как в зале начинают перешептываться, он словно очнулся. Руки вновь поднялись над клавишами – и опустились уже на них... Мелодия, напоминающая зимнюю вьюгу, но не раздражающую, а манящую, родилась и понеслась по залу. Своей игрой он рассказывал историю. Лиза, застыв, смотрела на него из-за занавеса. В середине на-

чалась самая эмоциональная часть. Пальцы побежали по клавишам быстрее, энергичнее, будто крича о том, что он чувствует.

– Недурно он играет, очень недурно, – оценил мужчина в черном костюме и круглых очках, наклонившись к Анастасии Владимировне. – Вы сами его готовили?

– Нет, он занимался почти самостоятельно.

– Что же, думаю нужно будет с ним поговорить... Может, он захочет пойти в нашу консерваторию. «Тишину» Бетховена я слышал много раз, и могу сказать вам, что в таком возрасте редко кто так играет: с чувством, будто пытаешься что-то нам рассказать.

Анастасия Владимировна застыла в изумлении. Она повернулась на Ивана Васильевича, но он не слышал разговора, поглощенный тем, что происходит на сцене.

Влад подводил произведение к концу. Всё, что он хотел сказать, уже развеялось по залу, закрепившись в сердцах слушателей. Финал у произведения, был, скорее, размыт. Не совсем понятно, что будет дальше и будет ли вообще?... Закончив играть, развеяв последнюю ноту в воздухе, Влад замер, не смея поднять взгляда от клавиш... В зале стояла тишина. Очень громкая тишина. Первой захлопала Лиза из-за кулис, вытирая мокрые глаза, аплодисменты подхватил зал... Дети, взрослые, работники колледжа, абсолютно все благодарили Влада за эту игру. За историю, которую он сумел рассказать...

Риф Хабиров

ТОТ, ЧЬЕ ИМЯ ОНА НЕ ЗАПОМНИЛА

ЭТА КВАРТИРА была на самом верху башни. Выше находился только чердак с провалами круглых окон-иллюминаторов. Тут всегда дул ветер и кричали сороки. Каждое утро я просыпался от гортанных скрежещущих звуков, обещая себе, что в будущем непременно обзаведусь ушастым насупленным филином. Мы будем по ночам вместе тарашить глаза в темноту и злорадно хохотать.

Порой ветер умолкал, и тогда я прислушивался к его затаённым движениям, ожидая, когда он вступит в прежнюю силу и снова примется кидать в окна ветви мокрых деревьев и капли дождя. Как-то раз норд-вест притащил послание – одинарный тетрадный листок, промокший, с расплывшимися буквами и оторванным уголком, – принёс и с решимостью судебного пристава наклеил его на

окно моей спальни. Я принципиально не стал читать. Листок провисел два дня и исчез, оставив на стекле полупрозрачные строчки, но вскоре и они истаяли без следа.

Квартира была враждебна ко мне, не раз я получал толчки и подножки в самых неожиданных её местах. Как ни странно, но это только утверждало меня в мысли, что я обрёл настоящий дом. Дом, в котором я играю хоть какую-нибудь роль, пусть даже это будет роль козла отпущения.

Пузатый комод вечно на меня набрасывался, а громоздкий буфет и рукомойник в длинной, похожей на коридор, кухне играли роли Сциллы и Харибды, не допускающих меня в святыню гостиной, отделанной дубом и берёзой. Тяжёлые кованые светильники, когда я под ними проходил, принимались угрожающе раскачиваться и скри-

петь, а моя постель больше походила на жертвенный алтарь, каким его изображают писатели, тяготеющие к мистицизму. Восходить на неё следовало по ступенькам, приладив деревянную лесенку к самому краю, и в эти моменты мне всякий раз чудилось, будто кто-то невидимый протягивает злонамеренную длань, чтобы выдернуть опору из-под моих ног.

Библиотека в квартире отсутствовала по вполне понятным причинам. Тот, кто подготавливал место моего заключения, словно в насмешку оставил книжные шкафы, предварительно их опустошив. От пола и до потолка стеллажи зияли пустотами, даже тайники были предусмотрительно проверены.

Я с уважением относился к тому, что квартира как бы отторгает меня, указывает мне на моё место. Многие годы простояв закрытой, она привыкла к уединению и покою. Ветер – вот кто был моим союзником. Я не собирался заключать с ним пакт, но он вторгся в мои будни и даже сны, мешая их с явью и воспоминаниями.

Однажды, когда я вернулся с чердака и привычно передал заботу о своём пальто ошетилившейся крючьями вешалке, ветер распахнул окно, и внутрь комнаты ввалился птенец сороки. Малосимпатичный, сизый такой, голенастый, он вряд ли обрадовался перспективе быть спасённым никчёмным и безработным Вдохновителем второго ранга. Но выбирать ему явно не приходилось, больше того, я сразу же предостерёг незваного гостя о возможных опасностях, поджидających его в борьбе за жизнь, раз уж он выбрал именно меня.

Я честно предупредил его, что ни эта мрачная квартира, ни мой образ жизни ничего хорошего существу, нуждающемуся в безопасности, не предвещают. Однако и спустя две недели подросший птенец был все ещё со мной, тренируясь по ночам в производстве досадных скрежещущих звуков.

Краше за эти дни он не стал вовсе. Обрубки перьев, казалось, пронзали его хилое тельце насквозь, а тонкие ножки с кожистыми пальцами и

мутноватые глаза наводили на мысль о слабоумии. Крылья сороконок расправлял весьма старательно, но всё равно нелепо, а его настоятельные требования пищи превосходили все разумные границы.

Я воспринимал его как полноправного жителя квартиры и больше всего переживал о том, что некому преподать подрастающей птичке уроки полёта. Из нас двоих только он имел возможность в ближайшее время выпорхнуть из этой сумрачной темницы, и я не хотел, чтобы он лишился этого спасительного шанса. Собственные прогнозы на скорое освобождение я оценивал весьма пессимистично.

Дни шли за днями, вынужденное безделье тяготило всё сильнее. Нарочитое равнодушие к собственной судьбе, которое я демонстрировал в зале суда, сыграло против меня. Посланий больше не было, и я уже начал опасаться, что про меня все забыли. От этой мысли мороз подирал по коже: представить даже на минуту, что я навечно лишушь права вдохновлять, было по-настоящему страшно.

Если это так и старейшины уготовили мне именно такую участь, то впереди меня ждёт медленная и крайне мучительная гибель и души, и разума. Теперь я уже сожалел, что не прочёл письмо, принесённое ветром. Возможно, это были известия о смягчении приговора или сокращении срока ссылки.

Я заимел привычку проводить на чердаке массу времени. Стоял, закутавшись в пальто и повязав на шею шарф, смотрел в туманную даль и ждал весточки от ветра. Иногда я брал с собой птенца, устроив ему в коробке из-под свечей сносное укрытие. Я надеялся, что он, услышав язык сородичей, сообразит, как поскорее вернуться к ним и начнёт попытки встать на крыло, но потолстевший за эти дни сороконок, по-видимому, привык и ко мне, и к квартире, и учиться летать не собирался.

Как-то раз у меня мелькнула мысль о том, что старейшины прислали-таки ко мне наблюдателя, но, взглядевшись в нелепого птенца, я

отверг это предположение. Существо, пытающееся склевать собственные пальцы, явно не могло быть тайным осведомителем Верховных Вдохновляющих. Я раскрошил в коробку пару размоченных в воде галет и отстранённо наблюдал за тем, как жадно сорочонок утоляет голод, а тот вскоре привалился к картонному боку и прикрыл бессмысленные глаза тонкими кожейстыми веками. Моя паранойя – тайная подруга многих узников, – на время отступила.

Однажды череду однообразных сумрачных дней прервал дребезжащий звонок. Режущий, какой-то ржавый звук всколыхнул молчаливое единство всех предметов моей темницы: кованая люстра надо мной закачалась; тусклое зеркало подёрнулось испариной, и в нём промелькнула смутная фигура, словно кто-то, пристально глядящийся в гладкое отражение с той стороны, отпрянул назад; а на маленькой закопчённой кухне ни с того ни сего свалился со стены медный ковш.

Я оценил деликатность вторжения пришельца, ведь ни заповоров, ни замочной скважины в двери, отделяющей меня от внешнего мира, не было. Гадая, кого же Верховные Вдохновляющие прислали на встречу со мной, я встал напротив проёма, стараясь придать себе тот же независимый и дерзкий вид, что служил щитом во время судилища, учинённого старейшинами.

Дверь медленно и беззвучно распахнулась. На пыльный мраморный пол ступили знакомые разношенные ботинки. На правом виднелась чернильная клякса, у левого развязался толстый кожаный шнурок с золотым эглетом в форме пули.

Всё так же, не поднимая взгляда, я сделал приглашающий жест в сторону кухни и повернулся к визитёру спиной.

– Не очень-то ты гостеприимен, – с укоризной заметил гость. – А я, между прочим, еле вырвался к тебе. Дел по горло, сам понимаешь. Думал, ты будешь рад увидиться со старым другом.

Пока Вебстер снимал и пристраивал на вешалку такое же поношенное, как и его ботинки, шерстяное пальто, распространяющее по прихо-

жей запахи прелой листвы и псины, я успел заметить торчащий из кармана коричневый конверт. В таких я обычно получал официальные уведомления и сам отправлял рапорты о выполненных заданиях или (что бывало чаще) о невыполненных.

Решив не доставлять ему удовольствия своими расспросами, я сделал вид, что ничуть не интересуюсь содержимым конверта и принялся варить кофе. Плиту я сумел разжечь со второго раза, и это являлось своеобразным рекордом, ни одна тарелка не свалилась мне на голову с узкой галереи, чашки и ложки нашлись так быстро, что я убедился – это не просто дружеский визит: Вебстер посетил меня для оглашения приговора.

К тому моменту, когда пенная шапочка над медной туркой принялась набухать и исходить крупными пузырями, он успел обойти всю квартиру и вернуться ко мне. За долгие годы, что мы не виделись, Вебстер обзавёлся глубокими вертикальными морщинами возле рта и полированной лысиной. И то и другое вкупе с привычкой сутулиться делало его похожим на старую безобидную черепаху, но я-то знал, каким обманчивым может быть облик Вдохновителя высшего ранга.

– Так-то вот, – на выдохе произнёс он, прислонившись к стене и засунув руки в карманы мешковатого пиджака с ряской бахромы на рукавах. – Тут ничего, даже уютно. Местечко располагает к размышлениям, правда?

Не ответив на эту издевательскую реплику, я поставил перед ним чашку с кофе и, прихватив коробку с сухими галетами, отправился на чердак. Вебстер проследовал за мной, чертыхнувшись, когда одна из ступенек (третья, если считать сверху, самая вредная и заносчивая из всех) устроила ему подножку, заставив разлить кофе.

На чердаке привычно разгуливал ветер. Не со злобы, скорее в качестве вялой забавы он макнул мой шарф в чашку и тут же в качестве извинения обдул крошки с моего пальто. Сорочонок, завидев нас с Вебстером, оживился и принялся тянуть длинную шею в ожидании лакомства, но, словно бы ощутив нарастающее напряжение, отвернулся и затих в своей коробке.

Отхлебнув кофе и поморщившись, Вебстер быстро заговорил:

– Ты знаешь правила, Дерек. Их не я придумал. И не ты. И не нам их менять. Ты допустил непростительную оплошность и должен понести наказание. Так считают все, кто в курсе дела.

– А что, ещё остались те, кто не в курсе? – я постарался вложить в эти слова всё свое презрение к методам внутренних расследований, с которыми мне довелось так близко столкнуться.

– Старейшины предпочли закрытое совещание. Ни к чему сеять вражду и панику. Ты должен мне бы спасибо сказать за то, что я смог их убедить в непреднамеренности твоего проступка.

– Премного благодарен, – процедил я. – Мое ссылки тоже ты выбирал?

– Ага, – Вебстер улыбнулся, обнажив пожелтевшие зубы. – Тут неплохо. Спокойно. Только к зеркалу не лезь лишний раз и будь осторожнее с канделябрами – характер у них преотвратный. Чуть зазеваешься, могут напакостить, – и он красноречиво потёр розовый шрам над правой бровью.

– Ты... что же? Бывал тут? – недоверчиво спросил я, начиная догадываться, о чём он толкует.

– Было дело, – уклончиво ответил он и взмахнул рукой, отметаая мои вопросы. – Но сейчас не об этом. Я сегодня выступаю в роли посыльного. Убедил их всех, что тебе будет легче услышать решение совета от меня. Да и не к чему гонять тебя туда-сюда. Кто знает, может быть, ты откажешься от сделки и выберешь забвение.

От этих слов у меня сердце замерло в груди. Забвение. Ничего хуже этого для Вдохновителя быть не может. Медленная, растянутая на годы казнь. Утрата всех навыков, всех связей с миром. Бесконечная агония бездействия, постепенное умерщвление собственного разума. Никогда больше не почувствовать магии слов – магии, возрождающей к жизни существа и события, которые не могут проникнуть в мир иным путём. Никогда больше не ощутить тот свет, что дрожит на кончике пера золотистыми искрами. Никогда больше не

стать проводником идей, не увидеть, как они преобразуют действительность, разгоняя пятна тьмы.

Ветер проникнул под пальто, сжал меня в ледяных объятиях. Остывший кофе горчил, его поверхность вдруг стала зеркальной, и я увидел собственное искажённое ужасом лицо, будто выглядывающее из колодца.

Вебстер невесело хохотнул.

– Проняло, да? Испугался? А ты о последствиях что, совсем не думал? Перед тем, как получить прямой доступ к Пишущим, ты заключил соглашение, – теперь голос Вебстера был сухим, обвиняющим. – Круг обязанностей Вдохновителя второго ранга очерчен весьма прозрачно, и в них не входит раскрытие Пишущему источника его озарений. Как тебе вообще это в голову...

– Я ничего ему не рассказывал! – выкрикнул я в лицо Вебстеру. – Я виноват, да, но только в том, что не заподозрил подвоха!

От моего крика птенец завозился в коробке, принялся вертеть головой и растопыривать крылья.

Взяв себя в руки, я продолжил уже тише:

– Поверь мне, Вебстер, я и подумать не мог, что мне попался интуит. Он вёл себя точно так же, как и большинство Пишущих. Много разговоров, мало дела. Иногда за ним просто гоняться приходилось, чтобы книга, которую он писал, хоть как-то двигалась к финалу. То у него ремонт, то жена закатывает скандалы, то депрессия. Я действовал строго по протоколу, но этот хмырь, оказывается, не только ерундой страдал. Всё то время, что я с ним работал, он планомерно разматывал меня по ниточкам, а потом, когда я потерял его из виду, выдал запрещёнку. Для меня это было такой же неожиданностью, как и для всех, поверь мне! Вебстер, ну, поверь же мне! Я не виноват, что он сумел догадаться о том, как устроена вся эта кухня.

Забыв про независимый вид, я смотрел старому другу в глаза, понимая, что если я смогу сейчас убедить его, то получу преимущество, которое облегчит мою участь.

Вебстер долго молчал. Ветер стих, окружив нас ватной тишиной.

– Что там с его книгой-то? Удалось замять? – стараясь быть равнодушным, спросил я.

– Не-е-ет, – протянул Вебстер и хрипло рассмеялся. – Держится в списке бестселлеров. Хмырь твой даже премию получил. Видел я его. И правда, обмануться было несложно – выглядит таким же бездельником, как и большинство из них.

Ехидный тон старого друга успокоил меня. Я понял, худшее миновало, но содержимое конверта, оставшегося в прихожей, по-прежнему таило в себе угрозу.

Сделав широкий шаг, Вебстер оказался у меня за спиной и достал притихшего сорочонка из коробки. Тот наклонил голову и проскрежетал что-то неразборчивое, скосив на меня круглые глаза. Вебстер поднёс птенца к раскрытому окну-иллюминатору, и тот весь подобрался, приготовившись покинуть мою темницу. Его демонстративный полёт и уверенные взмахи крыльев прибавили ещё одну обиду к длинному списку унижений, которым подвергли меня Верховные Вдохновляющие.

Отряхнув руки и сдув с мягкого лацкана пёрышко, Вебстер, не произнеся ни слова, спустился с чердака и отправился в прихожую. Раздался приглушённый грохот, звонкая угроза «Даже не вздумай!», и через минуту он вновь возник передо мной, безмятежно помахивая конвертом.

Церемонно поклонившись, Вебстер саркастически доложил:

– Согласно поручению совета старейшин имею честь вручить вам официальное решение по делу номер 3-15-87-06, – и уже другим, усталым и доброжелательным тоном, посоветовал: – Открывай. Не тяни кота.

Хрусткий, словно высушенный между книжными страницами лист, конверт был шершавым и пухлым. Надорвав уголок зубами, я распотрошил его без всякого уважения к содержимому.

Внутри оказалась пачка бумаг с гербовыми печатями. Самым последним шёл белоснежный бланк, на котором после перечисления моих преступлений крупным готическим шрифтом следовало решение совета старейшин.

– Нет!.. – я просто не мог поверить своим глазам. – Только не это! Скажи мне, Вебстер, что это дурная шутка! Всё, что угодно, но только не это!

– Провинившийся Вдохновитель не может диктовать свои условия. Совет принял во внимание обстоятельства дела и вынес разумное и приемлемое решение. У тебя, конечно, есть выбор. Ты можешь остаться здесь.

Голос Вебстера был глух, он старался не смотреть на меня.

– Но... тут написано, что срок наказания не предусмотрен! Это что, навсегда?

– Не буду тебя обманывать, надолго. Но не было ещё ни одного случая, чтобы по прошествии нескольких десятков лет совет отказал бы виновному в праве подать апелляцию.

– Несколько десятков лет?! – вскричал я, и ветер хлестнул меня концами шарфа, приводя в чувство. – Подожди, подожди, не может быть, что они это всерьёз, я не верю, что они могли...

– Прекрати, Дерек. – Вебстер вырвал из моих рук бумаги и, безуспешно попытавшись засунуть их в разорванный конверт, с досадой сдвинул брови. – Ты не мог всерьёз надеяться, что случившееся оставят без внимания. В конце концов, тебе оставляют работу. Ты по-прежнему будешь заниматься любимым делом...

– Любимым делом?! Я – Вдохновитель второго ранга, а мне предлагается бессрочная работа рядовым инспиратором. И с кем?! С домохозяйками, ваяющими эротические романы? Ты что, не понимаешь, что я никогда из этого не выберусь? Нет, лучше забвение.

Я самым непочтительным образом скомкал бланк с решением совета и выбросил в раскрытое окно, но спустя несколько секунд ветер, развернув измятый листок, швырнул мне его в лицо, угрожающе загудев в каминной трубе.

Вебстер, похоже, обиделся. Оттопырив нижнюю губу, он скрестил руки на груди и отвернулся.

– Знаешь что, мне, пожалуй, пора. У тебя есть время до завтрашнего утра. Сообщишь, что надумал, вот ему, – Вебстер кивком указал на моего бывшего питомца, который, оказывается, всё это

время сидел в гуще колышущихся листьев и наблюдал за нами. — И на случай, если мы больше не увидимся...

Быстро, чтобы не передумать, чтобы отрезать себе все пути к отступлению, я, зажмурившись и стиснув кулаки, произнёс стандартную формулу:

— Я согласен подчиниться совету старейшин и положиться на его мудрость.

— А дальше?.. — в голосе Вебстера можно было распознать облегчение и радость.

— Я клянусь с честью нести возложенное на меня наказание.

—...и помнить...

—...и помнить о том, что при любых обстоятельствах моей целью является появление в этом мире новых книг, а также идей, которые смогут...

Когда я закончил, сорочонок с оскорбительной лёгкостью взлетел с ветки и уже через мгновение потерялся из виду. В тот момент я искренне надеялся, что никогда больше не увижу лицемерного соглядатая и не смог отказать себе в удовольствии крикнуть ему вслед: «Скатертью дорога!..»

Довольно рассмеявшись, Вебстер что-то черкнул на потрёпанном бланке, свернул из него долгоносый самолётик и отправил в полёт. Ветер развязно помотал его из стороны в сторону, после чего послание о моей капитуляции уверенно отправилось в неизвестном мне направлении.

Снизу, из гостиной, один за другим доносились гулкие удары. Ожили массивные часы, ни разу за всю мою ссылку не проявлявшие признаков жизни. Воздух квартиры, прежде сырой и затхлый, посвежел, ручеек сквозняка выдул из неё застывшее время.

Канделябры, добра от которых я никогда не ждал, застыли в угрожающих позах, но не решились напасть, когда мы с Вебстером проходили мимо них, и я еле удержался, чтобы не показать им язык. Пустой чайник на остывшей плите слабо дунул в свисток, и я, не скрывая торжества, прощально махнул ему рукой, принимая свист за пожелание удачи.

В САМОМ углу бара «Нежное лассо» сидел молодой длинноволосый парень. Он не спеша цедил кружку светлого и время от времени с легким раздражением поглядывал на входную дверь, будто кто-то, назначивший ему встречу, опаздывал.

Его русые волосы были убраны в хвост, перетянутый плетёным шнурком, на запястье правой руки можно было заметить татуировку, но весь остальной облик был вполне традиционен для маленького городка, который был основан во время строительства Северо-Тихоокеанской железной дороги, и где пятничные вечера люди проводили за бильярдом и просмотром спортивных каналов.

Никто из постоянных клиентов бара не обращал внимания на чужака, и потому некому было заметить, как напряглась его спина, и весь он подался вперёд, когда в бар вошла растрёпанная женщина средних лет. Посетительница близоруко прищурилась в поисках свободного места, потом неуверенно, шатко, словно её тянула невидимая нить, подошла к столу, соседствующему с тем, за которым сидел длинноволосый парень, и бросила сумку на стул.

Пока она отходила к стойке сделать заказ, парень тоскливо смотрел в окно, и уголки его губ опустились так низко, что лицо стало напоминать театральную маску, но когда женщина вернулась, он тут же принял простодушный и расслабленный вид, какой и подобает иметь человеку в пятницу вечером, если всю неделю он честно трудился ради хлеба насущного.

Мелкими, деликатными глотками женщина опустошила кружку наполовину и, оставив её, принялась рыться в огромной сумке, которая неряшливо растеклась на соседнем стуле, грустно свесив усики шнурков до самого пола. Предмет поисков долго не находился. Женщина уже начала заметно нервничать, когда, наконец, её пальцы наткнулись на искомое, и она извлекла из сумки пачку сигарет. Раздражённо бросив её на стол, она вновь запустила руку в недра сумки, теперь

уже, несомненно, в поисках зажигалки, но парень предпочёл протянуть ей свою, лишь бы не видеть этих утомительных и рвущих душу стороннего наблюдателя судорожных поисков.

Кивком поблагодарив, женщина прикурила и тут же протянула зажигалку обратно, но парень, вместо того чтобы принять её, отрицательно покачал головой и с улыбкой, как доброй знакомой, признался:

– У меня их навалом. Полные карманы. Что поделать, привычка: видишь где-то зажигалку – машинально кладёшь себе в карман. Ума не приложу, кто их постоянно везде раскидывает?

– Я, – ответила после короткой паузы женщина, указав на себя пальцем. – Вы, – и она обвинительно наставила тот же палец на собеседника, – тащите мои зажигалки. Это я их везде оставляю.

– Признаю свою вину, – изобразив испуг, парень шутливо поднял обе руки вверх, – но прошу снисхождения и готов возместить вам потери. Вы позволите угостить вас? Я Дерек.

Женщина с подозрительным вниманием посмотрела на него, решая про себя, нет ли в его словах надежды на дешёвый пятничный флирт. Видимо, безобидная внешность и открытая улыбка парня успокоили её, и она, выдыхая дым, сердито, как если бы собственное имя раздражало её, представилась:

– Элеонора.

Новый знакомец учтиво, даже несколько церемонно, кивнул ей и отправился к стойке. Вернувшись, он аккуратно поставил перед ней кружку светлого пива и блюдец с орешками, а сам сел на прежнее место, у окна, не делая никаких попыток занять место за её столом, хоть она и опасалась возможной навязчивости с его стороны.

Соблюдение им дистанции заставило её испытать облегчение. Элеонора благодарно улыбнулась ему и вдруг посчитала нужным признаться:

– Я сегодня потеряла работу. Меня уволили.

Брови Дерек приподнялись в вежливом изумлении. Он сочувственно прицокнул языком и покачал головой, побуждая её продолжать.

– Не то чтобы я сильно жалела об этой дурацкой работе. Так, бесполезные бумажки сначала туда, потом сюда, – и она сдвинула пепельницу сначала в одну сторону, потом в другую. – Но что теперь делать, совершенно непонятно.

– А чем вы занимались?

Элеонора поморщилась, словно ей не хотелось даже упоминать о своих прошлых обязанностях, пустых и безрадостных, и закатила глаза к потолку.

Дерек понимающе кивнул, и какое-то время они пили пиво в до странности уютном объединяющем молчании.

– Да-а... – протянул он с сочувствием и тут же, как если бы всё это время размышлял над нелёгкой ситуацией своей случайной знакомой и эта отличная мысль только что пришла к нему в голову, с искренним воодушевлением слегка нетрезвого человека предложил:

– А может, Элеонора, вам стоит заняться чем-то совсем другим? Найти себе занятие по душе, а?

– Например? – она не приняла его восторженного тона и откинулась на спинку стула, приготовившись с иронией ниспровергать все его дальнейшие доводы.

– Ну, наверняка у вас есть мечта. Может, самое время вспомнить об этом, – немного обиженно ответил Дерек, сам понимая, что перегнул палку с энтузиазмом и вообще слишком поторопился.

Бар, пропахший кисловатым запахом пива и новых клеёнчатых скатертей, надоел ему до чёртиков, а перспектива работать с этой унылой расстрёпой в течение всего вечера и быть свидетелем её самоедства нагоняла смертную тоску. Что бы вает с инспиратором, который провалил первое же задание, Дерек не догадывался, но узнавать это на своём примере тоже желанием не горел.

Однако семечко упало на подготовленную почву.

– У всех есть мечта, – неопределённо выразилась Элеонора и посмотрела на него выжидающе.

Дерек молчал, и она спросила напрямую:

– Вот у вас, например, какая? Только чур честно. Миллион долларов?

– Дом. Старый дом у самой воды, и чтобы волны бились о берег, и пахло солью и водорослями. Чтобы с самого начала весны его окна были распахнуты и длинные лёгкие занавески развевались бы от ветра, как флаги. И чтобы в нём был камин, в котором по вечерам будет гореть огонь, и кресло-качалка на веранде, и такой, знаете, обшарпанный круглый стол на кухне.

Элеонора вдруг развеселилась.

– А я, знаете, о чём мечтаю я? – в её тоне звучал восторг ребёнка, который играет в новую для него игру.

Ничуть уже не скрывая своего жгучего желания, чтобы она выговорила, наконец, ту волшебную формулу, которая позволит ему выполнить его обязанности и покончить с заданием, Дерек, больше не церемонясь, пересел за её стол.

– Я мечтаю написать книгу, – шёпотом, склонившись к самому его лицу, призналась Элеонора и, рассмеявшись, добавила: – Ну, и от миллиона долларов я бы не отказалась!

В поощрительном смехе Дерек только слышалось веселье, сам же он лихорадочно подбирал слова, которые смогут нанизать её мечту на древко стрелы, стремящейся к цели.

– Книгу! Кто бы мог подумать! И о чём бы она была?

– Пока точно не знаю, но мне кажется, что о непростых отношениях мужчины и юной неиспорченной девушки. В таком откровенном ключе, если честно, без купюр.

– Знаете, Элеонора, я считаю, что вам обязательно нужно попробовать. Если не сейчас, то когда? Я просто уверен, что у вас это получится. В конце концов, что вы теряете? Миллионы людей пишут книги. Один мой знакомый тоже написал книгу, а он жуткий бездельник, вы просто себе не представляете, какой он невероятный лентяй и проходимец, – увлечшись, Дерек позволил себе мстительную тираду.

– Но я даже не знаю, с чего начать, – Элеонора

растерянно развела руками, и столбик пепла покатился по скатерти и, никем не замеченный, упал на зашарканный пол.

– Просто начните, – уверенно ответил Дерек. – Признайтесь, Элеонора, вам ведь уже не терпится приняться за дело? Вы только представьте себе, какое колоссальное чувство удовлетворения вы испытаете, когда напишете последнее предложение. Вы сможете, я знаю.

Внезапно он протянул ей через стол раскрытую ладонь и крайне настойчиво сказал:

– Обещайте мне, что начнёте прямо сегодня и не бросите, пока не поставите последнюю точку.

Лицо его было таким серьёзным, что ей не захотелось обижать славного незнакомца, который так близко к сердцу принял её печали.

– Обещаю, – она с благодарной улыбкой крепко сжала его ладонь и поняла, что и вправду примется за дело, причём именно этим же вечером.

...Потом Элеонора часто вспоминала встречу с чудачком, который, как она считала, сам того не зная, изменил её жизнь. Она даже несколько раз приходила по пятницам в бар «Нежное лассо» и сидела за тем же столиком в надежде увидеть Дерек ещё раз, хотя и не была уверена на сто процентов, что сможет узнать его, так мгновенно испарились из её памяти его внешние приметы.

И листая свеженькую, упоительно пахнущую типографией книгу со своим именем на обложке, и сидя в тёмном демонстрационном зале, где шёл премьерный просмотр фильма на основе её творения, и просматривая финансовые отчеты о продажах со множеством нулей, – Элеонора всякий раз вспоминала слова случайного знакомого и его горячность, с которой он убеждал её поверить в себя. Если вдуматься, то было очень даже странно, что она так быстро забыла и его облик, и имя, которым он представился ей, а запомнила только крепкое рукопожатие и тату на запястье его руки в виде птичьего пера в чернильнице.

ЭДУАРД ПЕЧЕНЕЖСКИЙ

Елизавета Смирнова

СНОХОДЕЦ

В СЮ ЖИЗНЬ меня терзал один вопрос: почему мы спим? Родители говорили, что организму нужен отдых, а маленький я послушно закрывал глаза и погружался во тьму. Каждую ночь десятки образов приходили ко мне во сне, порой пугали, порой радовали, но всегда что-то забирали.

Верил ли я тогда маме с папой? Не знаю. Вопрос никуда не девался, их ответы не находили места в моём сердце, словно я знал, но не мог вспомнить правду. Шли годы. Учёба в школе, поступление в университет. В наше время легко задать любой вопрос и тут же получить ответ. В интернете я читал множество статей, каждая из которых по-разному трактовала смысл сна и сновидений. После их прочтения в одном я перестал сомневаться: сны никогда не были отдыхом.

Мне двадцать один год. Меня зовут Евгений. Будто мантру я повторяю эти слова из раза в раз в слепой надежде когда-нибудь снова увидеть мир. В стремлении к познанию можно забыть о блажен-

ном и безопасном неведении и начать стремительно сокращать дистанцию с неизбежным ужасом понимания. Два месяца назад я не смог проснуться. Нет, сейчас мне не снится сон, но я не могу сказать, что сбросил с себя его оковы, встал с кровати и, одевшись и позавтракав, отправился на учёбу. Что-то осталось со мной, и оно не хочет уходить.

Я забываю дышать. Не слышу людей, обращающихся ко мне, не вижу их лиц. Иногда из памяти пропадают целые дни, их место занимают чужие воспоминания. Мой лучший друг однажды избил меня настольной лампой и оставил истекать кровью в ванной, и я не помню, сон это или правда. Больше всего на свете мне бы хотелось сейчас прийти к нему, рассказать об этом и спросить напрямую. Но я не могу. Не могу: я не помню, кто он.

Люди вокруг шепчутся. Я открываю глаза и поднимаю голову с парты. Кажется, задремал на физике. С кем не бывает? Я закрываю глаза и открываю голову соседу. Наверное, ему будет комфортнее на полке, рядом с зелёным чаем. Нужно

не забыть поставить чайник прежде, чем пойду умываться. Сегодня важный день. Вчера я весь вечер готовился к контрольной по физике со своей подругой. Она очень добрая, светлая. Не знаю, что бы я без неё делал.

На Новый год она подарила мне хомячка. Тот был настолько милым и крохотным, что мы тут же убрали его в шкатулку и поставили на батарею, чтобы малышу было теплее. Сейчас я плачу, потому что этого всего просто не может быть. Это – сон.

Осознание. Когда оно приходит, всё разваливается. Неважно, был ли ты счастлив или разбит. Логика уничтожает то, к чему прикасается, но она – моё последнее оружие в борьбе за реальность. Пыль, пепел, бетонная крошка. Ветер кружит вокруг меня, насвистывая колыбельную, как некогда мама, желает мне добрых снов и не хочет отпускать. Но мне пора.

Мне двадцать один год. Меня зовут Евгений. Я проснулся на кафельном полу в крошечной тьме. Стены по-прежнему четыре, а за спиной – холодная на ощупь железная дверь без ручки. Она никогда не поддается, не выпускает меня. Порой я слышу чьи-то шаги за ней. Он еле поднимает ноги, шоркает ими и стонет от боли, а иногда останавливается прямо за дверью и тяжело дышит. В этот миг меня всегда наполняет ужас и страх, я отворачиваюсь от него, подпираю спиной ледяную дверь, закрываю глаза и затыкаю себе рот руками, чтобы не закричать. Я проигрываю в этих прятках. Он слышит безумный стук моего сердца и начинает смеяться. Тогда от неожиданности я открываю глаза и...

Мне двадцать один год. Меня зовут Евгений. Глупо затыкать себе рот руками среди бела дня в торговом центре. Они тут же опускаются, а ноги несут меня куда-то. Чей-то день рождения и нужно зайти в какой-то магазин, наполненный удивительными вещами. Здесь книги и семена забавных деревьев в форме столовых приборов, а там, где висят детские комбинезончики, спрятана моя школьная форма, сложенная в форме квадрата. Продавщица спрашивает, что мне нужно. А ответа нет. Я молча стою и смотрю на неё, открыв рот и пытаюсь сдер-

жать слезы и всхлип. Нет, мне не грустно. Я готов зарыдать от радости, ведь мне ничего не нужно. У меня самая счастливая жизнь. Стук.

Мне двадцать один год. Меня зовут Евгений, и дверь наконец-то открыта. Я понял это, когда на короточках пытался нащупать привычный холод. Темнота пахнет чем-то знакомым. Так пахло в нашем прежнем доме. Это запах старости, сырости и воспоминаний. Я не слышу шагов. Не слышу их до тех пор, пока не станет поздно. Смех.

– Нашёл тебя.

Мне двадцать один год. Меня зовут... Надо поскорее выключить этот чёртов будильник. «Но...» Неужели, спустя столько времени? В тот день я был на седьмом небе от счастья. Я снова мог просыпаться пары, смотреть сериалы со своей подругой и тут же позвонил другу, чтобы сказать ему, как сильно я рад, что он у меня есть. Улыбка не сходила с моего лица.

Зачем пытаться усложнить себе жизнь? Зачем искать вопросы, ответы на которые никогда не найти? В чём смысл всех моих измышлений, если истинное счастье человеку приносят простые вещи? Простое неведение.

Подруга позвала меня обратно в комнату, когда я вышел в коридор. Сегодня мы обязательно досмотрим этот сериал, нам осталось совсем немного, буквально пара серий. Под моим столом, как и всегда, стояли несколько стеклянных бутылок с колой, купленных про запас и дожидających там подходящего случая. А более подходящего и невозможно было придумать. Я был счастлив.

Подруга отвлекла меня сериалом, и я совсем забыл про обязательный утренний ритуал – умывание. Смешно. Не ополоснув лицо холодной водой, я так и не сбросил с себя остатки сна, но бодрости мне хватало и без этого. Правда, я также остался без утренней чашки чая. Обожаю зеленый чай. Особенно в пирамидках, особенно со вкусом лайма. Я всегда слежу за тем, чтобы у меня был его неприкосновенный запас, но в последнее время мне приходится отодвигать чью-то голову, чтобы достать пакетик.

Я счастлив? Не помню, но постараюсь узнать.

ЭДУАРД ПЕЧЕНЕЖСКИЙ

Елизавета Табатчикова

ДУЭЛЬ

ЭТА ИСТОРИЯ произошла со мной в восьмом классе. Тогда нас распределили по профилям обучения, и я впервые почувствовал себя взрослым. Совсем скоро, как мне казалось, предстоял выбор экзаменов, поступление в университет, словом, взрослая жизнь.

В понедельник по расписанию было целых семь уроков, что объясняло всеобщую ненависть к этому дню. За окном шел дождь. Подходил к концу последний урок, и я, сопротивляясь подступавшему со всех сторон сну, смотрел на улицу, изучая редких прохожих за забором и утешал себя тем, что утром положил в свой

рюкзак зонтик. Из корпуса начальной школы повалил поток детей, распахивавших на ходу разноцветный фейерверк зонтов. Их уроки шли по другому расписанию, звонок звенел на десять минут раньше нашего.

«Везунчики», — подумал я тогда.

Поток быстро иссяк. Школьники стали выходить небольшими группами, по два или три человека. Большинство из них обменивались улыбками, прощались и расходились в разные стороны, со временем удаляясь и превращаясь в цветные пятна.

«А без них все мы, пожалуй, похожи на воро-

нов в этой строгой школьной форме. Или на уличные столбы...»

Вдруг я встрепнулся. Мое внимание привлекло большое пестрое пятно за футбольным полем. Розовые, зеленые, синие и другие цвета зонтиков не оставляли сомнений в том, что это ученики младших классов. Почему же они стоят под дождем? Сколько их там? В той части школьной территории не было ни калитки, ни ворот, только пустырь, который зимой использовался как часть лыжной трассы. Когда прозвенел звонок, я решил проверить, что там происходит.

У меня есть младшие брат и сестра, я не понаслышке знаю, как легко дети находят проблемы, если сбиваются в непоседливую стайку. Наверное, инстинкт старшего брата тогда сыграл ключевую роль, а может быть на него наложилось чувство повышенной ответственности новоиспеченного старшеклассника.

Мои одноклассники не обратили внимания или сделали вид, что не заметили, как я отделился от всех и пошел в противоположную от ворот сторону, к футбольному полю. Не могу их винить, дождь и меня заставлял усомниться в разумности поступка, но я буквально чувствовал, что мне необходимо оказаться там.

Девять детей, вернее, идиотов, потешались над своей одноклассницей: перекидывали между собой её вещи, смеялись и толкали. Девочка оказалась беззащитна, плакала, но не прекращала бороться с обидчиками. Она кидалась с кулачками то на одного, то на другого, пыталась вырывать из их рук тетради и учебники, но всё было тщетно, а некоторые из них ещё и успевали дать ей пощечину перед тем, как оттолкнуть. Книжки валялись на мокрой траве, бумага впитывала воду.

Завидев меня, один из девятерых попытался предупредить остальных, но те были слишком увлечены издевательствами. Однако этого замешательства хватило для того, чтобы прежде беззащитная девочка всё же попала маленьким кулачком в нос самому наблюдательному, замечавшему меня. Опешили все. Даже я немного замедлил шаг, который до этого старался сделать

грозным и быстрым, и оставшиеся десять метров прошел привычной походкой. Мальчик с кровоточащим носом мгновенно изменился. От ребенка в нём мало что осталось. Глаза налились гневом, настоящим гневом, а голос стал брать такие высокие частоты, что я невольно поморщился.

— Да ты что, отродье?! Знаешь, что с тобой и твоим выродком-отцом теперь сделают? Чтоб вы сдохли все!..

— Эй, ты, малявка! Вы сами издевались над ней! А ну валите отсюда, пока я не рассказал всё завучу! — я забыл о тех многочисленных умных фразах, которые подбирал, пока шел сюда. Единственным желанием теперь было заткнуть этого мелкого, потому что грязь, лившаяся у него изо рта, пугала остальных детей и даже меня. Никогда раньше и после я не слышал такого от младших. Как сильно способен измениться ребенок? Что должно быть у него в голове, чтобы произносить и думать такое?

— Пошел ты!.. Все пошли! Я расскажу, что она меня ударила...

Одноклассники схватили его под руки и поволокли в сторону школы, изо всех сил пытаясь успокоить. Со стороны это выглядело бы смешно, но не после того, что я слышал. Да, может быть они дети. Слабые, забавно пытающиеся оттащить такого же слабого сверстника подальше, прямо-таки девять гномов. Но ненависть, злоба, с которыми смотрел тот...

Наконец я пришел в себя и начал помогать девочке, собиравшей свои вещи с земли. Её волосы, утром заплетенные в аккуратные косички, сейчас торчали во все стороны, а на щеках под глазами виднелись несколько царапин.

— Они били тебя? За что?

Я хотел ей помочь. Узнать причину, поговорить с её классной руководительницей, рассказать о случившемся, добиться справедливости и наказания для обидчиков. Сделать что-нибудь. Неужели я тогда думал только о себе? Об удовлетворении чувства собственной значимости? Я правда хотел ей помочь. Но оказался таким же чудовищем...

— Мой папа... Он пишет... разное. А на меня из-за этого смотрят, как на проклятую!

Она проговорила это, нет, прокричала от всего своего израненного, но чистого сердца, продолжая плакать. А я, едва услышав и осознав её слова, непроизвольно поморщился. Она увидела... Я понял это по тому, как девочка, схватив все свои вещи в охапку, поджав губы, дрожа всем телом, сдерживая эмоции и не проронив больше ни слова, рванулась от меня в сторону ворот.

-А дома! — Наконец-то! Сколько можно ждать? Ужин уже на столе, давай быстрее, Серёжа, отец очень голоден, — сказала моя мама, пролетая мимо прихожей с графином в руках.

Стянув с себя немного промокшее пальто, я пошел в ванную, прихватив с собой зонт, с которого все еще сыпалась дождевая вода. Я оставил его сушиться на кафельном полу и помыл руки. Отец из комнаты пару раз поторопил меня.

Ужин проходил как обычно: младшие рассказывали маме с отцом о своих успехах в начальной школе, я отмалчивался, а отец трижды похвалил и поблагодарил маму за вкусную еду. А потом я решил заговорить:

— Сегодня над одной девочкой издевались одноклассники. Она из младшей школы.

— Ты заступился за неё? — отец приступил к десерту, а мама налила ему виноградного сока из графина.

Папа поблагодарил маму.

— Да... Я разогнал этих детей.

Мой младший брат недовольно посмотрел на меня, но почти сразу вновь опустил взгляд в тарелку — у нас в семье не поощрялось неуважение к старшим. Отец же улыбнулся, что случилось довольно редко, и, вытерев салфеткой рот, сказал:

— Молодец! Так и должен себя вести образцовый гражданин. Хвалю.

— Она сказала, это из-за того, что её отец пишет... — продолжил я, не подумав. Наверное, мне не стоило говорить этого тогда.

Отец тут же нахмурился, а милость сменилась на гнев. Мама спешно извинилась перед всеми и ушла из-за стола. То же самое сделали мои брат и сестра. Я остался наедине с отцом...

НА СЛЕДУЮЩЕЕ утро был объявлен часовой траур. Каждый стянул со своего лица улыбку, прикинулся серым камнем и не шутил с друзьями ровно час. Я же видел перед собой бедного ребенка, её слезы. Что, если я мог это предотвратить? Как могут чьи-то взгляды на мир убивать и калечить?

В утренней сводке, выложенной в сеть, было мало деталей, но, в общем и целом, картина была привычной: девочку нашли в её комнате, за письменным столом. Одна рука была сжата в кулачок, а другая держала шариковую ручку, которой в тетрадке погибшая написала маленький стишок, состоящий из четырех строчек. Её голова лежала прямо на этой тетради. Бумага промокла, а во лбу виднелось отверстие диаметром примерно в девять миллиметров.

Бумага впитывала кровь.

ВО ВРЕМЯ четвертого урока мысли стали невыносимы. Пот градом бежал по лбу и попадал в глаза, и без того покрасневшие. Я поднял руку и попросил разрешения выйти в туалет. Учительница бросила короткий, недоумевающий взгляд, но ответила кивком. Я пулей выбежал из класса.

Страх. Он забирает всё хорошее, что есть в человеке. Из страха рождаются комплексы, ненависть, зависть, паранойя. Люди так привыкли бояться Искусства, что не заметили, как стали ненавидеть его. На всех творцах отныне ставили крест. Их взглядов избегали, а заговорить с

ними – значило нарушить негласный закон этикета и морали.

Когда-то давно Искусство ещё было разрешено. Впервые заканчивая своё произведение, творец будто бы подписывал договор с Поэзией или Прозой, с Музыкой или Живописью. Но были и те, кого Судьба не наградила даром творить – несчастные души, кому Искусство отказывало подчиняться и потому сопротивлялось. Вместо подписания договора оно вызывало человека на Дуэль. Единицы выходили победителями из неё, а остальные умирали от пулевого ранения. Время шло, появилось книгопечатание, газеты, телевидение, интернет. Казалось, наступил золотой век Искусства.

С этим были не согласны власти. Жертв Дуэлей становилось всё больше: каждый в глубине души мечтал оказаться особенным, мечтал творить. Сначала запретили сами Искусства, после – смежные с ними области. Государства объединились в своём желании защитить людей и погубили творчество. Под запрет попали все профессии, требующие креативного подхода и творческого мышления. Специально нанятые творцы создали перечни правил и стандартов на все случаи жизни, а после, по официальным данным, добровольно покончили жизнь самоубийством. Время шло, и, в какой-то момент, человечество научилось выживать без творчества в любых его проявлениях.

Кондитер, решивший изменить рецептуру торта, и добавивший в нее ещё одно яйцо, таким образом нарушал закон и должен был поплатиться за это, если, конечно, Искусство не опережало блюстителей порядка. Оно стало другим. Более злым и грубым, как говорили творцы, успевшие стать таковыми до принятия законов о запрете Искусства. Теперь Дуэли происходили каждый раз после окончания творения. Искусства были беспощадны, они стали тщательнее выбирать своих последователей.

Я родился, когда линия невозврата уже была пройдена. Страх подчинил себе всех, изменил сознание людей и вверг человечество в Эпоху

Стандартов – Протипозой. Способен ли был я бороться с целым миром? Конечно же, нет. Но жить, зная, что мой неуместный взгляд, мои невысказанные слова поддержки стоили той девочке жизни...

«Импульсивно... Глупо... Никто не поймет. Всем будет плевать. Обо всей моей семье пойдут слухи. Их будут ненавидеть... Но... Они сами выбрали этот путь. Все они решили подчиниться страху...».

Во мне боролись два начала, душа и разум рвали меня на куски. Тогда я осознал в полной мере, что чувствовала эта крошка, когда осталась совсем одна, никем непонятая. И сознание прояснилось. Передо мной была раковина, из крана бежала ледяная вода. Всё это время я хлестал себя ею, в надежде прийти в себя, и лишь сейчас осознав, что это – не помутнение, а исповедь. Перекрыв кран, я взглянул в зеркало над раковиной, сверлил растерянного ребёнка, которого видел в нём, взглядом. Больше я не видел в себе ответственного старшеклассника, примерного гражданина. Я видел ничтожество, не способное побороть свой страх, предмет ненависти, загубленный космос.

В ярости я выхватил из внутреннего кармана пиджака записную книжку, а из нагрудного – ручку. Я был готов убить себя, написав первые пришедшие в голову строчки, не являвшиеся школьными упражнениями. Но, уже ткнув ручкой в белый лист, я вспомнил ее. Беззащитную и слабую. Сколько таких ещё в этом жестоком мире? Уйти, не попытавшись защитить их, не стать им опорой, старшим братом, который успокоит и поймет, убить себя без раздумий? Как я могу так поступать? Слова, выведенные мной на бумаге, больше не были яростными. Я хотел написать то, что не успел сказать...

Сейчас тебе может быть больно,

Может быть страшно и одиноко,

Но помни: так закаляется воля

И в каждом из нас есть что-то от Бога.

Щелчок за спиной раздался неожиданно. Я тут же понял, что именно так взводят курок. Я за-

крыл глаза и представил ту девочку, свою семью, себя, другой мир. «Замечательная бы вышла сказка», — подумал я тогда, и в этот момент раздался выстрел.

Свет. Я умер? Нет, всего лишь открыл глаза. Зеркало было разбито, будто от сильного удара. Отшатнувшись, я увидел краем глаза её. Прекрасная девушка с золотистыми кудрями, падающими на плечи, она смотрела на меня карими глазами, и было в её взгляде всё: безмятежность и спокойствие, гнев и ярость, любовь и доброта, холод и рассудительность. В правой руке она

сжимала револьвер, наставленный на меня. Приставив указательный палец левой руки к своим устам, она заговорила со мной без слов. Я слышал внутри себя её шепот, похожий на шелест листьев в кронах деревьев теплым летним вечером.

«Тише... Не делай это сказкой. Придай этому форму...».

Сколь спокойно разнеслось по всему моему существу тепло её слов, столь же спокойно я осел на холодный пол туалета и, плавно погружаясь в забытие, провалился в сон.

ЕЛИЗАВЕТА ТАБАТЧИКОВА

Анна Головина

ЖЕЛТЫЕ ЖИЗНИ

«Человек рождается, чтобы радоваться жизни.

Смотри, какое чистое небо, какая весна, смотри, сколько на земле интересного...»

Памяти Владислава Крапивина посвящается.

НОГОТКОВ на даче в то лето было море... По утрам я вылетала из дома к клумбам, выбирала из бахромчатых волн один душистый бутон и закладывала его стебелёк за ухо. Наверное, смешно смотрелось... Но мне слишком нравилось приятно-детское осознание «у меня в волосах собственное солнышко!», чтобы отказаться от этой летней прихоти. Дни текли – беззаботные жёлтые глаза лепестками ловили солнце, раскрывались, провисали к земле, отцветали, оставляя дозревать лишь серединки с семечками, действительно похожими на ноготки того доброго лекаря из русского народного сказания... Грустная легенда... После того, как чужодей был отравлен

завистниками, его тело принесло людям последний дар – целебные цветы, выросшие из-под ногтей... Будучи маленькой, я приходила в ужас от этой истории: а вдруг из моих пальцев тоже вырастут цветы!?

Тем летом мне шел семнадцатый год и, по юношеской наивности, я полагала, что не имею права бояться своего впечатлительного воображения. Зато он боялся...

Он... Мальчишка лет тринадцати, внук новой соседки. Я как раз срывала традиционный цветок с клумбы у изгороди, когда облегчённо громыхнул о землю велосипед, и мальчик с криком «Эге-гей! Бабушка, где ты!? Я приехал!!!»,

побежал по её саду, смешно раскидывая руки и трогая всё, что попадалось на пути. Сначала мне было ничуть не совестно следить через металлическую сетку забора: я же по делу пришла. Тут он резко затормозил и просто вцепился взглядом в меня, стоящую в море желтых ноготков. Потом насунился, отвернулся и, медленно переставляя ноги, пошёл в обратном направлении... Мне стало почти стыдно за подсмотренное распахнутое счастье. Я хотела было примирительно улыбнуться, мол «что же тут такого», но мальчишка уже скрылся.

Как раз тогда я начала читать «Убить пересмешника» Ли Харпера, и этот мальчишка день ото дня почему-то всё больше напоминал мне маленького Страшила Редли. Нелюдимого, дикого и неадекватного... Каждый день он прямо-таки шарахался от изгороди, в том месте, где я стояла, когда смутила его. Может это какая-то мальчишеская примета, как, например, в книгах Крапивина, желтая нитка на безымянном пальце ноги?

Я решила, что завтра спрошу мальчишку и заодно узнаю, как точно его зовут. Слышала, как соседка кричала то ли Юрик, то ли Юлик... Да и вообще, надо бы извиниться за мой «шпионский провал». Может, он хороший человек и можно будет с ним иногда болтать. Единственный подросток на улице всё-таки...

Утром, сразу после семейного завтрака, я побежала босиком по ступенькам нового соснового крыльца, потом по траве и к цветам.

Я совместила имена и позвала: «Юльрик!...»

– Ну привет... Чего тебе? Меня, вообще-то, Юлием зовут, – тут же раздалось за соседскими кустами смородины. Мальчик собирал темные спелые ягоды.

Я сделала вид, что не заметила его неприветливости – может он все еще чувствует себя неловко от того, что я видела его, несущегося и кричащего от детского безудержного счастья... Мне казалось, что мальчики в его возрасте болезненно переносят ситуации, когда посторонний видит их без напускной взрослости, которую они гордо лелеяли и примеряли к себе...

– Тогда рада знакомству! Я – Юля. Забавное совпадение, правда?

Мальчик промолчал.

– Юлик, я просто хотела извиниться, что видела как ты... – мне вдруг расхотелось признавать свою вину, – Что я такого сделала? Почему ты так груб!? Некрасиво так разговаривать! Подойди!

И зачем я тогда так глупо сказала... Как старшая сестра, воспитывающая малолетнего брата...

– Не могу... – он говорил с неохотой, как-то через силу.

– А в чём дело? – сразу смягчилась я.

– Ты не поймешь...

– А ты попробуй, объясни. Я не слишком взрослая для детских примет! – отчеканила я, скрестив руки на груди.

– Примет? Да... Эти цветы... Желтые... Когда много желтых цветов... это к беде...

– Да? А разве желтый – это не цвет радости?

– Нет! – упрямо отрезал Юлик.

– Ты что, это же не просто цветы, а ноготки! Они особые... по-доброму магические... древние славяне их целыми гирляндами вешали у входа в дом! – стала защищать свои цветы я. – Не бойся, подойди... Хватит прятаться за кустами!

Мальчик встал в полный рост и как-то сразу перестал быть мальчиком... Накрепко сжав веки и ощупывая кусты, пошёл между ними в моём направлении.

– Чего ты хотела? Извиниться за что-то?

– Ну, да... Прости, что... – начала было я.

– Зачем ты посадила эти цветы!? Они жёлтые! И неважно как они там называются!

Это, не видевшее моей реакции, лицо выражало такую глубокую, остервенелую боль, что мне стало по-настоящему страшно!

– Юлик, милый! Что у тебя там? – раздался голос соседки.

Он, стоя по-прежнему с зажмуренными глазами, тут же переменялся в лице. Не говоря ни слова, резко повернулся ко мне спиной и побежал на зов бабушки, вколачивая пятка в гравий дорожки.

Я, совершенно ничего не понимая, перебирала лепестки: «Он же совершенно не в себе! Зачем я только полезла извиняться...»

Как бы ни старалась, я не могла ясно обдумать произошедшее, то ли что-то упуская, то ли не догадываясь о чём-то...

Поэтому я вернулась к обычной летней жизни, семье и цветам по утрам...

Спустя неделю в ноготках я обнаружила крохотную травяную куколку, обернутую в зелёную материю, цвета моего повседневного платья...

Аккуратненькая, травинка к травинке, Берегиня-травница явно была подарком... Неужели от Юлика?

Недолго думая, я решила поиграть в куклы. На полочке над изголовьем своей кровати я сделала постельку из сушеной аптечной ромашки. Подушечка получилась из белоголового одуванчика, а простыней стал платочек с вышивкой. Приятно ощущать себя маленькой девочкой, укладывающей куклу спать, а потом ложиться самой и вдыхать сладкий травяной запах от неё...

Засыпая в ту ночь, я думала: «Вот забавно... Теперь мальчишка просит прощения у меня...»

СЛЕДУЮЩИМ утром я снова вышла на крыльцо, и снова побежала к цветочным солнышкам...

Неожиданно для самой себя, я запрокинула голову и, увидев что-то летающее, поймала его... Не поверите... На ладони лежала Птица счастья, сделанная из бересты!

– Похоже, Юлик мастер на все руки! – вслух подумала я.

– Спасибо, Юля...

Мальчик сидел на крыше дома и болтал ногами. Вихрастый, темноволосый, почти без усилия улыбающийся над чем-то мне неизвестным.

– Юль! – позвал Юлик. – Наверное, я был страшен тогда, ага?!

Он проговорил это со смехом и сожалением.

Сдержанный, мудрый, взрослый, несмотря на летающие взад-вперёд над землей босые ноги.

– Нет... ну, то есть... да... Ты расскажешь, что случилось?

– Зачем? Сейчас это совсем неважно...

– Как скажешь... – мне самой совершенно не хотелось развивать эту тему. Я заметила, что мальчик по-прежнему старательно отводил взгляд от цветов.

– Ты читала «Миллион и один день каникул» Велтистова?

– Нет. Посоветуешь?

– Да, интересно. Но не в этом дело! У нас-то свободных летних дней не миллион... Сегодня уже тридцать третий день каникул! Так не будем тратить время!

С этими словами он взбрыкнул ногами и кувыркнулся с крыши!

– Юлик! Ты чего?! – закричала я, зажав ладонью рот.

Правда, домик был низенький, одноэтажный – лететь не очень высоко. Но всё же...

– Да тут я, тут! Жив-здоров. Какие же вы девчонки... пугаетесь из-за всего!

– Юлик, а ну не кочевряжься перед девушкой! – старушка вышла на крыльцо и смеющимися глазами глядела на уже вскочившего с травы, как Ванька-встанька, мальчишку.

– А я и не думал, бабушка!

– Юленька, идём к нам чай пить...

– Не, не ходи! У нас есть для начала дела поинтереснее! А к вечеру можно и чай, так и быть...

ДАЛЬШЕ дни пошли непохожие один на другой... Будто я кидала бумеранг, и каждый раз он летел по новой траектории.

Садовой девчонкой я была давно, но чтобы носиться по лесам... Теперь было и такое! Чего же мы только не делали, куда не забирались...

Юлик научил меня лазить по деревьям, когда мы собирали чагу с берёз. Правда, потом я вся была в мелких царапках, а кожа в местах

соприкосновения с березовой корой словно покрылась белой въедливой пудрой. Но это всё пустяки! Я была хорошей ученицей, и совсем не ныла!

По вечерам мы медленно прогуливались в лесу, в тех низинах, где быстро скапливается белая туманная мгла... Мне не было страшно. Наоборот! Приятно разыгрывалось воображение, и мы по очереди представляли кого-то в тумане. Мне виделся Кот-Баюн – Юлик представлял Леголаса. Мне в вертикально торчащих ветвях поваленной сосны померещится пасть Дракона, а Юлик увидит рыцаря.

Мы мастерили обереги и плели корзинки, сушили мох, брусничные листья, полынь...

Как-то раз Юлькина бабушка научила нас особому крепко плести венок. У меня получился красивый, из полевых колокольчиков, и я незамедлительно напаялила его Юлику на голову...

Мы смеялись до упаду и подолгу молчали. Одно жалко: теперь я не носила жёлтый цветок за ухом...

Что же там такое было у Юлика с этой паранойей к желтому цветку? Я не спрашивала. Но однажды вечером он рассказал мне сам...

ЮЛИКУ было двенадцать... Последний день августа... Он, мама с папой и маленькая сестрёнка в приподнятом настроении возвращались из деревни. Предвечернее солнце спокойной желтизной заливало поля по обеим сторонам гладкой и пустой дороги... Все глазели в окна и умиротворённо молчали. Папа тихонько запел:

– А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер, весёлый ветер...

– Моря и горы ты обшарил все на свете... – почти прошептал Юлик, чтобы не спугнуть счастье.

– И все на свете песенки слышал! – во весь голос прогорланила маленькая Катюшка.

Воздух в машине взорвался общим оглушительным хохотом. Громче всех звенел смех самой сестрёнки, прижимавшей к себе большущий букет махровых жёлтых цветов.

Отсмеявшись, все снова притихли. Юлику казалось, что эхо веселья всё ещё пульсирует у кромки поля, когда Катюша восхищенно вскрикнула:

– Юик, смотри, сова!

Птица врезалась в лобовое стекло... Отец резко крутанул руль и... Ничего не стало...

Машину нашли в кювете только следующим утром. Юлик был без сознания, но жив... Единственный...

БОЛЬШЕ Юлик не стал ничего рассказывать. Добавил только:

– Когда я увидел эти жёлтые цветы... И тебя... Она, когда выросла, была бы такой же... такой же красивой... Но теперь я не боюсь жёлтых цветов... Понимаешь?

Я понимала...

Он сунул мне что-то в руку и ушёл к светящимся окнам дома. Стемнело, но очертание предмета я разглядела. Отполированное деревянное сердечко... Я пошла следом за Юликом.

Сейчас действительно наступил вечер, когда можно пить чай...

Вероники Павленко

ЗАСТРЯЛА

СИТУАЦИЯ была глупой. Поначалу я даже смеялась сама над собой. Уронить телефон в унитаз, попытаться его достать и застрять рукой в сифоне, ну кого еще могло так угораздить?

Конечно, меня, кого ж еще?

Я дергала руку, но она все никак не хотела освобождаться из грязного плена. Мой тихий смех стал перерастать в истерический хохот, когда спустя уже четверть часа я все так же стояла на коленях.

– Хотела же себе новый браслет – получай! Такого точно ни у кого не будет!

Мой голос начинал дрожать и срываться. Я понимала, что запястье опухает. Без посторонней помощи освободиться у меня не получится.

– Помогите! – кричу я что есть силы в глухие стены крошечной комнаты. – Да твою ж мать! Помогите!

Мой крик переходит в рыдания. Я в квартире

одна, но кажется, что в целом мире. Снять себе отдельное жилье было моей заветной мечтой, когда жизнь с родителями стала совсем невыносимой. Простейший разговор переходил в ссору, а дальше в ругань, скандалы и удары по лицу. Непонимание давно убило любовь в том доме, и мы жили словно чужие люди. Но мне удалось сбежать от всего этого! И что теперь?

– Пожалуйста, кто-нибудь... Помогите!

Я кричала что есть силы, пока не охрипла окончательно. Рука горела красным от бесполезных попыток высвободиться. Я потеряла счет времени, ведь в туалетах нет окон, а тусклая лампа, свисающая с потолка на пожелтевшем проводе, все чаще начала моргать.

В какой-то момент я задремала, сидя на полу и облаотившись головой на плечо. Мне снилось, что я шла по залитым солнечным светом джунглям и где-то вдалеке шумел водопад. Сон прервала гудящая в трубах вода. «Соседи» – по-

думала я, но тут же окончательно проснувшись, закричала:

– Соседи! Помогите мне! Пожалуйста! Спасите!

Но вода перестала шуметь, а ко мне никто бы не пришел в любом случае, потому что я жила в угловой квартире на пятом этаже. Квартира подомной пустовала. Подали отключенную уже месяц горячую воду...

Руку я уже в тот момент не чувствовала, но почувствовала одновременно два других желания: жажду и естественную нужду. И как справиться с ними было одновременно и очевидно, и отвратительно. Тошнота подбиралась прямо к горлу, стоило только подумать о том, чтобы удовлетворить любое из них.

Болела спина. В любой позе приходилось быть в согнутом состоянии, и как я не старалась вывернуться, не было возможным хоть на секунду разогнуть спину.

В какой-то момент мне начало казаться, что стены этого узкого помещения сжимаются и вот-вот раздавят меня, как пресс сжимает мусор в

брикеты... Ведь я и есть мусор, бесполезный кусок целлофана, брошенный разлагаться миллионы лет в унижительном положении. Ты сама виновата! – голосом родителей принеся укор самой себе. И телефон, который давно уплыл из разжатой руки, не помог бы, ведь мне некому звонить. Никто не спасёт меня ни из этой нелепой ситуации, ни из жизни, в которой я провалилась по всем фронтам.

Я вдруг поняла, что давили совсем ни стены. Ни холодный фаянс сифона. Ни чувство необратимости глупой ситуации. Давило одиночество, окружавшее меня давно и так окутавшее всю мою жизнь, что слилось с декорациями каждого дня. Оно высматривало из тени момент, когда же можно будет нанести удар. И вот оно показало себя. Величаво вползло густой чёрной массой, заполняя собой все пространство крохотной комнаты. Схватив за горло, оно выжидало, как долго я смогу цепляться за жизнь. Сколько еще смогу сопротивляться в ожидании чудесного спасения, которого не будет?

Лампочка мигнула последний раз и погасла.

ОДНАЖДЫ...

ОДНАЖДЫ я перестал дышать. Нет, я не умер. Я ехал в полупустом автобусе на свою подработку, думал о тебе, но вдруг заметил, что совсем не дышу. Глубокий вдох – шумный выдох, а после я посмотрел на часы и стал ждать. Мне казалось, я все-таки дышу, просто медленно. Время тянулось бесконечно долго, каждая секунда казалась вечностью, а сердце стучало в ожидании вдоха. Прошло больше пяти минут, но мне так и не потребовался воздух. Я мог нарочно гонять его через нос или рот в легкие, но если я не делал этого осознано, дыхание прекращалось. Люди вокруг как и всегда утыкались в телефоны, поэтому не заметили того ужаса, что застыл в моих в миг наполневшихся слезами глазах. В тот день коллеги часто ругали меня за то, что я рассеяннее, чем обычно, но я ничего не мог им объяснить, поэтому просто извинялся. А когда я встретился с тобой вечером, я очень старался, чтобы ты ничего не заметила. Ты тогда даже спросила: «Чем ты так расстроен?», когда я в очередной раз вздохнул.

Прошло больше двух недель, но я так и не обратился к доктору. Я продолжал ходить на учебу, подработку и встречать тебя вечером на остановке. Ты, как и всегда, тараторила о подружках, магазинах и прочей ерунде, а я все так же шел рядом, чтобы проводить тебя до дома. Я так и не решился сказать тебе о своих чувствах, особенно ощущая, что со мной происходит нечто странное. Но в тот вечер произошло то, чего я так долго ждал. Когда мы остановились попрощаться у подъезда, ты привычно протянула руки, чтобы обнять меня, но вдруг поцеловала. Это было так неожиданно, что сердце в моей груди на секунду остановилось, а

после – застучало, как будильник. Казалось, оно даже звенит у меня в ушах. Ты прошептала мне «до завтра», и я побрел темными дворами домой. Сон одолел меня только под утро.

На следующий день я был бодр, как никогда. Одногруппники и коллеги-официанты смотрели на меня, как на сумасшедшего, когда я, обычно тихий и незаметный, словно светился от счастья. Возможно, я слишком счастливо улыбался, потому что меня даже спросили, не употреблял ли я чего. Я лишь смеялся в ответ, предлагая пройти любые тесты. Вечером я едва ли не бежал к остановке, чтобы скорее увидеть тебя, а когда ты появилась, мной овладело смущение. Но ты была прежней, принялась делиться новостями, словно вчера ничего не произошло. Я решил, что мы все равно поговорим об этом позже, поэтому просто слушал тебя. На прощание ты снова поцеловала меня. Казалось, даже дольше, чем накануне.

В течение последующих пары дней так заканчивался каждый вечер. Мы никак не обсуждали, изменились ли наши отношения. Я ждал, что ты заговоришь об этом первой, но ты всегда лишь бросала тихое «до завтра» и пряталась за дверями подъезда. На пятый день я ждал тебя на остановке больше получаса, а ты так и не пришла. Когда я позвонил, ты сказала, что закончила работу раньше и давно дома, а предупредить меня просто забыла. Ты извинилась, пожаловалась на начальницу, с которой в очередной раз поругалась, и сообщила, что уедешь к родителям на пару недель. Я не решился сказать тебе, как сильно я буду скучать, лишь попросил чаще звонить и писать.

В ожидании твоего возвращения, я снова стал

самим собой. Все тем же растерянным, тихим и незаметным парнем, который сидит в конце аудитории на парах и молчаливо ждет заказ у столиков. На учебе я не ел, потому что нас кормили в кафе перед началом рабочего дня. К этому моменту я обычно был ужасно голоден и съедал обед очень быстро. В один из таких рутинных и привычных дней я сел за стол со своими коллегами и задумался. Я понял, что мой обед почти не тронут только тогда, когда коллега окликнул меня. «Эй, суп остынет», – сказал он в недоумении. Повара в нашем заведении готовили отменно, я всегда опустошал тарелки одним из первых, но сегодня ложка супа не лезла мне в рот. Я вдруг вспомнил, что сегодня на последней паре в моем желудке не урчало, как это бывало обычно. Мне совсем не хотелось есть. Я влил в себя залпом чай и унес

почти полные тарелки на мойку. Мойщица посуды посмотрела на меня большими глазами: «ты не заболел, сынок?» Я с улыбкой помотал головой и принялся за работу.

Когда я вернулся домой, чувство голода так и не пришло. И на следующий день, и через три дня, и через неделю – мне не требовалась даже вода. В этом был свой плюс: я экономил на покупке продуктов. Наверное, теперь точно следовало обратиться к врачу, но тут ты сообщила, что скоро возвращаешься, и я перестал переживать за себя. Мной овладело чувство приближающегося счастья, и я жил, словно в тумане.

В назначенный день я ждал тебя на перроне. У меня в рюкзаке лежали твои любимые конфеты и плюшевый жираф (твое любимое животное). Когда я увидел тебя, мое сердце вновь замерло, как

Вероники Павленко

тогда у подъезда. Возможно, как раз в этот момент оно и перестало биться окончательно, но я не обратил внимания. Только ты была в моих мыслях, в моих глазах и в моих руках. Я вдохнул запах твоих волос — это был единственный момент, когда я заставил себя дышать за последний месяц. Ты вновь поцеловала меня, и я утонул в бесконечной сладости этого долгожданного момента. Я любил тебя! Моя любовь не нуждалась в подтверждении, а скорее была фактом, как наличие у меня двух рук или головы. Ты подняла глаза и прошептала: «поехали ко мне?».

В такси мы держались за руки, но молчали. Я боялся говорить, словно мог испортить этот момент. Ты, как мне казалось, смущалась, отвернувшись к окну.

Мне еще ни разу не доводилось бывать у тебя в гостях, поэтому я нервничал. Перебирая у себя в голове все, что можно было сказать, я так и не решился открыть рот, даже когда мы поднимались по лестнице в твоём подъезде. В прихожей было темно и тесно, оказалось, лампочка перегорела уже давно. Я предложил помочь вкрутить новую, но ты словно не слышала меня. Мы пили чай на маленькой кухне, а за окном солнце медленно уходило за горизонт. Я спросил, как там родители, ты нехотя сказала о них пару слов и вновь, задумавшись, стала смотреть на пар над кружкой. Тишина словно имела вес и давила на меня, но когда я решил рассказать смешной случай, произошедший на работе, ты вдруг спросила: «Ты меня любишь?». Я ответил сразу и не раздумывая «Да». Тогда ты встала, подошла ко мне и вновь поцеловала. Взяв меня за руку, ты увлекла меня в спальню. Здесь было почти ничего не видно из-за задернутых занавесок, но твоя гладкая обнаженная спина поймала на себе тонкую полоску света, когда платье бесшумно упало на пол. Я не решался сделать шаг. Тогда ко мне подошла ты... и мы не заметили, как наступила ночь.

Ты быстро уснула, а я лежал, глядя на потолок. Мне казалось, что это все сон, а на улице начался тихий дождь. Я встал, чтобы взглянуть в

окно, как вдруг твой телефон вспыхнул, осветив всю комнату. Клянусь, я не стал бы его трогать, но текст сообщения и отправитель высветились на экране. *Любимый: «Малыш, ну прости меня! Зачем ты так быстро уехала?»*. Я вздрогнул. Меня словно ударило током. Мы общались с тобой больше пяти лет, но я никогда не лез в твою личную жизнь. Провожать тебя вечерами была моя инициатива, но ты ведь первая поцеловала меня. Так зачем? Зачем ты это сделала? Меня разрывало от желания то разбудить тебя и спросить «какого черта вообще происходит?!», то позвонить этому самому «Любимому».

В итоге я молча оделся и, оставив на кофейном столике конфеты и игрушку, ушел. Я совсем не ощущал дождя, насквозь пропитавшего мою одежду, пока я добирался домой. Меня съедала уже не злость, а ощущение собственной глупости. То, что я был для тебя всегда просто другом, так и должно было оставаться. Не стоило мне переходить черту... или тебе. Я даже хотел написать тебе это в сообщении, но не стал. Только в этот момент я заметил, что мое сердце не бьется. Глупая улыбка растянулась на моем лице. «Что будет дальше?» — только и подумал я.

На следующий день жизнь вернулась в прежнее русло. Учеба, работа, дом. Примерно неделю я не встречал тебя и совсем забыл про свой телефон, но вскоре не выдержал. Я зашел в сообщения и прочитал их все. И как ты злилась, что я ушел. И как ты грустила, что я не отвечаю. И как ты, наконец, поняла что случилось. Последние твои слова были «Я заканчиваю как обычно». Весь день я прокручивал их у себя в голове, но, в конце концов, как всегда встретил тебя на остановке. Ты привычно обняла меня и принялась рассказывать как прошел твой день и пара предыдущих, а когда мы дошли до дома, просто обняла меня и попрощалась. Я ненадолго задержал взгляд на твоих смотрящих в сторону глазах и все понял. «Вы помирились?» — спросил я, а ты кивнула.

С тех пор все было как прежде, а той ночи, словно никогда и не случилось. Периодически ты снова уезжала «к родителям», а после воз-

вращалась счастливая. Или несчастная. И тогда история повторялась, а следующим вечером мы делали вид, что ничего не произошло. С приходом осени я настолько смирился с нашими странными отношениями, что отсутствие дыхания, голода и сердцебиения вновь привлекли мое внимание. Почему я живой? Я даже не был холодным или бледным, выглядел точно так же, как и раньше.

Сегодня, когда я снова шел от тебя ночью, сильный ветер качал деревья, едва не подметая ветвями землю. Когда я заслонил от очередного порыва лицо рукой, я вдруг заметил, что она стала... прозрачной. Сквозь нее слегка было видно свет фонарей и дома напротив. Я поспешил домой, скинул с себя всю одежду и встал перед зеркалом в ванной. Мое тело было

похоже на мутное стекло. Я сел на пол и не почувствовал холод кафеля. Я щипал, я кусал, я бил себя, но не чувствовал боли. Тогда я схватил в руки нож и силой вонзил его в свое бедро. Нож застыл в ноге, словно в желе, а из раны не вытекло ни капли крови. Это был конец. Я становился все прозрачнее, поэтому я схватил первую попавшуюся ручку и решил написать тебе все это... Теперь уже ничего не важно, ведь неизвестно, останется ли от меня хоть что-то, буду ли я тенью бродить по земле или растворюсь окончательно. Но я хочу, чтобы ты знала, что я не сбежал, а исчез не по своей воле. Я не перестал тебя любить и был рад хотя бы иногда скрасить твою жизнь.

Прости, что снова ничего не сказал тебе перед уходом.

Вероники Павленко

ОГОНЬКИ

ЭТО ТОЛЬКО в сказках феи живут в лесах или даже в траве, потому что они крохотные. В реальном мире все иначе.

Маленькая Фея ходила в школу, как и все обычные дети. Ни крыльев за спиной, ни волшебной пыльцы в кармане у нее не было. Да и то, что она – фея, ей знать было не положено.

Фея хорошо училась, старалась быть послушной дочерью и в целом жила, как все порядочные дети. Но было кое-что, что иначе как магией не назовёшь: она умела зажигать людей. Когда в большой и шумной компании всем было весело, маленькая Фея всегда искала того, кто стоял в стороне. Она чувствовала его потухший взгляд и летела к нему, как будто крылья у неё все-таки

были. У маленькой Феи всегда была припрятана пара добрых слов, а наградой ей служила довольная улыбка.

Так она и заводила друзей: окинув всех взглядом, она выбирала самого одинокого и дарила ему единственную ценность, что у нее была – свою любовь. Маленькая Фея всегда старалась сделать людей вокруг себя счастливыми, потому что знала, что они могут ими быть. И они следовали за ней, увлечённые сиянием ее глаз, загорались, как звезды на небе, сбивались в созвездия и вдруг... забывали о маленькой Фее. Но ей некогда было грустить, ведь нужно было зажигать новые улыбки. И раз за разом она уводила за собой людей из царства тоски, а после оставалась одна.

Вдруг совершенно внезапно Фея перестала быть маленькой. Она посмотрела вокруг и вновь нашла одинокие печальные глаза. Фея знала, что магия все так же безотказно действует, и стоит ей только улыбнуться, как этот одинокий человек улыбнется ей в ответ. Но она не спешила. Ей вдруг подумалось, а в праве ли она вот так хватать за руку и вести с собой на свет тех, кто так уютно пристроился в тени? Всем ли тем, кого она вела за собой, как мотыльков, нужна была ее помощь?

Внезапно ее глаза потухли. Впервые Фея сама оказалась захвачена в плен одиночества и не зна-

ла, что делать. Это она всегда спасала людей от тоски! Но кто же спасет её? Она смотрела вокруг, но ничего не могла разглядеть. Все пестрило красками и смехом, смешивалось с быстрым ритмом музыки и совсем теряло очертания сквозь призму застывших слез.

Но вдруг, словно удар тока, ее вывел из оцепенения теплый голос:

– Тебе тоже здесь скучно? – и одинокие печальные глаза заглянули ей прямо в душу.

Фея улыбнулась, расправив свои бескрылые плечи.

АННА АНДРОСЕНКО

Вероники Павленко

ЦВЕТЫ, НОТЫ И СИНДРОМ САМОЗВАНЦА

АЛЁНУ разбудил противный звук мобильного. Это не мог быть звонок будильника, так как эту и следующую неделю Алёна находилась в отпуске. Решив выместить весь свой недосып на звонящем, девушка вздохнула и нажала «Ответить».

— Алло! — хриплым ото сна голосом спросила писательница.

— Доброе утро, Алёна, — номер звонящего и голос показались ей знакомыми. — Извините за столь ранний звонок, это Осипов, Матвей Олегович.

— Начальник моей подруги Светы? — переспросила девушка. — Собственной персоной?

— Он самый. У меня к вам просьба.

— Слушаю вас.

— Не откажите в любезности сопроводить

меня сегодня утром в командировку в Нижний Тагил. Мне крайне необходимо присутствие «своего» человека, который знает город.

— Вы издеваетесь? — повысила голос Алёна, уже прочистив горло кипячёной водой. — Рядом с вами работает точно такая же бывшая тагильчанка. Почему вы Свету с собой не берёте?

Антиквар, ничуть не обидевшись на выпад, терпеливо объяснил:

— Это срочное дело. Светлана отказалась, так как с её слов плохо знает Тагил. Она сама предложила мне вашу кандидатуру, как более опытного экскурсовода. Плюс она сегодня не очень хорошо себя чувствует, поэтому попросить мне больше некого. Меня пригласили экспертом, так как в вашем городе нашли странную вещь. Подробнее объясню при встрече. Все расходы беру на себя.

Глава из повести «Музыка вещей», которая в ближайшее время выходит отдельным изданием. Героиня повести, Светлана, бывшая тагильчанка, устраивается на работу в один из антикварных магазинов Екатеринбурга. Вместе с хозяином магазина Матвеем, она попадает в череду необычных мистических историй, одну из которых, связанную с Нижним Тагилом, мы публикуем здесь.

- Уговорили.
- Тогда в 8:20 около железнодорожного вокзала вас жду.

ОБА ВСТРЕТИЛИСЬ у входа в здание вокзала. Матвей купил два билета на «Ласточку», которая шла до Тагила всего лишь с тремя остановками, и попутчики сели в вагон первого класса. Заняв место рядом с Алёной, антиквар разложил перед ней на столе утреннюю газету.

- Новость на передовице.

В утро понедельника вагон был почти пустой, поэтому девушка начала читать вслух:

– В Нижнем Тагиле на территории Экоиндустриального технопарка под открытым небом был обнаружен предмет, похожий на описанный в сказах Бажова «Каменный цветок». По легенде, известной ещё в XVIII веке, этот цветок из неизвестных камней излучает негативную энергию и вызывает конфликты между людьми, находящимися в одном помещении с ним.

Предмет был обнаружен в тоннеле, заваленном при загадочных обстоятельствах, который вёл из кузнечного цеха заброшенного завода. Напомним, что ежегодное открытие Технопарка для жителей и гостей города проводится 1 мая. В данный момент все подготовительные работы прекращены в связи с необходимостью исследований как помещения, так и «цветка».

Завод был построен в 1725 году и функционировал вплоть до своего закрытия в 1987. С этим тоннелем связано множество легенд, в том числе и о захоронениях крепостных рабочих завода, которые якобы находятся под ним. По опять же старинной легенде создание цветка приписывают крепостному камнерезных дел мастеру, работавшему на заводе, чьё имя не сохранилось в документах. Мастер был убит другими рабочими по приказу управляющего.

В 1989 году группа историков со всей Свердловской области проводила исследования на территории уже закрытого завода и впервые обнаружила данный цветок. Во время исследователь-

ских работ произошёл несчастный случай, в результате которого погиб один из учёных. Несмотря на это, цветок был передан Нижнетагильскому Краеведческому музею, где находился в качестве экспоната до 2004 года. По словам сотрудников, цветок проявлял паранормальную активность и по этой причине был перемещён в архив музея. В том же году из архива Музея цветок загадочно пропал. Полиция вынуждена была закрыть дело в связи с отсутствием состава преступления (взломов, свидетелей и т.д.).

На данный момент полиция снова приглашена к расследованию, поскольку до сих пор неизвестно, как мог уже ранее найденный цветок попасть в тоннель, заваленный четверть века назад. Работы по устранению завала начались в этом году.

Приглашённый эксперт из Екатеринбурга должен установить подлинность находки или же опровергнуть догадки тагильских историков.

В АГОН потихоньку заполнялся сонными пассажирами, и Алёна понизила голос до полушёпота.

– Сейчас на территории Цеха уже ведут исследования филологи и историки, а также студенты НТГСПА. Будет ли отложена дата открытия парка для посетителей – пока администрацией музея не сообщалось.

– Дальше уже не так интересно, – перебил её чтение Матвей Олегович.

– Полагаю, что приглашённый эксперт из Екатеринбурга сейчас сидит напротив меня? – всё ещё сонным голосом спросила Алёна.

В вагоне первого класса сиденья частично располагались друг напротив друга, и между ними можно было откинуть столик.

– Вы догадливы, – ответил Осипов, задумчиво глядя на утренний перрон в окно. – Угостить вас кофе?

Алёна согласилась. Пока антиквар ходил до буфета, девушка позвонила матери и сообщила, что уехала по делам в Тагил, и беспокоиться не стоит, но скорее всего, она уехала с ночевкой до завтра.

Поезд тронулся после объявления диспетчера о следующей остановке. Матвей как раз вернулся с двумя стаканчиками ароматного напитка и сел так, чтобы видеть собеседницу.

— Для ориентирования в городе мне необходим человек, который знает Тагил намного лучше, чем я. Я там был пару раз и всё уже забыл, сами понимаете. Вы скажете, что в моём телефоне есть карты, это так. Но вот в чём дело. С подачи коллеги я читал ваши миниатюры. Вы отлично работаете со словом, следовательно, сможете описать наше с вами путешествие подробно и по полочкам. Поэтому я даже немного рад, что Светлана отказалась ехать. Предложенная ею ваша кандидатура показалась мне единственно верной, мой молодой друг.

— Кстати, а что со Светой сегодня? Вы сказали, что ей нехорошо.

— Вот здесь я виноват сам. Вчера отмечали мой день рождения, так я предложил коллеге чистого армянского коньяку.

— Спаиваете свою сотрудницу? — Алёна укоризненно покачала головой: — Ай-яй-яй!

— Клянусь, больше не буду. Я настоятельно рекомендовал Светлане взять сегодня выходной, чтобы она смогла отоспаться. Но ваша неугомонная подруга решила выйти сама, хоть и немного позже. Плюс в том, что лавка не простаивает.

— А Света одна не боится?

— Ей поможет Цепеш, друг вашего...

— Бывшего парня, — закончила Алёна.

— Я не знал, что вы расстались. Ну да ладно. У нас опять какие-то маргинальные личности подрезали кабель, а я попросил Влада починить. Обещал прийти сделать измерения после обеда. Присмотрит, если что. Не сочтите, что сужу людей по внешности, просто наш с вами друг — большой человек, в плане того, что внушительно выглядит. Если кто и зайдёт с недобрыми намерениями — то точно испугается Цепеша.

— Да они оба удивительно ответственные люди, — согласилась Алёнка.

Попутчики допили свой кофе, и Алёна продолжила листать газету. Вернувшись с новой пор-

цией утреннего кофе, Матвей с удивлением обнаружил писательницу мирно спящей в мягком пассажирском кресле, а газету — разбросанной на столике. До конца поездки Матвей читал книгу, даже не пытаясь разбудить девушку. А на подъезде к Нижнему Тагилу Алёна проснулась сама.

Ведя светские беседы, они сошли с поезда, пересекли преобразившуюся железнодорожную станцию и оказались в центре привокзального рынка. Окончательно продравшая глаза Алёна повела Матвея на городскую маршрутку, которая шла через центр на Гальянку.

— Почему они вызвали из Екатеринбурга именно вас? — девушка давно хотела задать этот вопрос.

Вместо ответа Матвей показал ей фотокопию из своей пухлой папки — фрагмент газеты «Тагильский рабочий» от 1989 года. Заметка рассказывала о необычной находке областных историков на территории старого завода. На фото с места исследований были изображены эксперты из Тагила и области. Один из них очень напомнил Алёне антиквара. И в подписи среди прочих фамилий и инициалов было: «Осипов О.М., Свердловск».

— Осипов О.М.? Так это ваш... отец?

— Да, вы догадливы, его звали Олег Моисеевич.

— Значит, каменный цветок — это ваша семейная история?

— Скорее, история наследственная, отца нет на свете уже одиннадцать годков. Да, двадцать пять лет назад он в числе экспертов участвовал в археологических работах на этой территории. Он и его коллеги обнаружили цветок. А теперь, спустя четверть века, поди разберись, кому он понадобился!

— Пойдите! А тот несчастный случай?

— Нет, это не Олег Моисеевич в нём погиб. Пострадавший учёный был из Нижнего Тагила. Отец тогда заметил у того мужчины первые признаки инсульта. Скорая помощь-то успела забрать его, а вот довести до больницы — уже нет. Учёный скончался по дороге. Фамилию его не припомню, может быть, отец называл.

Антиквар и девушка вышли на остановке Островского, и Алёна указала попутчику на бывшую заводскую проходную:

– Теперь это КПП музея, Матвей Олегович.

– Прошу звать меня Матвей или «коллега», для скорости. Ну и отношение у нас к памятникам архитектуры, коллега... – антиквар покачал головой, вспоминая заброшенные купеческие дома, которые он видел из маршрутки по дороге.

– И это не только в Тагиле, коллега. В столице Урала столько высоток построено на месте снежных домиков – со счёта собьёшься.

– Вы снова правы, пойдёмте!

На бывшей заводской проходной, а нынче на контрольно-пропускном пункте музея их встретили шлагбаум и постовой в шлеме и жилете.

– Уважаемые, – вежливо сказал сотрудник охраны, – сюда нельзя, ведутся режимные работы.

– Да, мы знаем, – ответил Осипов. – Но мы с помощницей, – он указал на Алёну, – приглашены из Екатеринбурга именно для этих работ.

– Эксперты? – уточнил охранник. – Можно ваши документы?

Матвей и Алёна показали свои паспорта.

– Осипов М.О., – мужчина пролистал паспорт антиквара и сверился со списком, – и Тарасова А.С., – документы вернули владельцам. – Да, таких ожидали. Проходите.

Калитка открылась, Матвей пропустил девушку внутрь и прошёл сам. По асфальтированной дорожке оба проследовали к зданию кузнечного цеха. Дверь открыли, и их поприветствовал седой и худой мужчина с внимательными карими глазами.

– Добро пожаловать, коллеги. Вы из Екатеринбурга? Давайте познакомимся! Меня зовут Глеб Васильевич. Я экскурсовод в Нижнетагильском музее-заповеднике и куратор филологов.

– Очень рад. Я Матвей Олегович, – антиквар пожал протянутую руку. – Кандидат исторических наук и специалист по антиквариату.

Матвей заметил, что Глеб Васильевич смотрит на его помощницу так, будто откуда-то зна-

ет её, но не может вспомнить. Он поспешил представить девушку ему:

– Меня сопровождает помощница. Алёна Сергеевна, это Глеб Васильевич.

Алёна приветливо улыбнулась и пожала протянутую экскурсоводом руку.

– Вы ведь жили в Нижнем Тагиле, не так ли, Алёна? – с улыбкой спросил её гид.

– А откуда вы зн...

– Не время объяснять. Перейдём к делу. Прошу вас обоих за мной в соседнее помещение.

По пути Матвей вооружил Алёну парой матерчатых перчаток, чтобы та ничего не трогала голыми руками. Девушка достала из рюкзака ручку и блокнот.

В помещении цеха современные уже столы были поставлены полукругом, и за ними – кто стоя, кто сидя, – трудилась группа студентов филфака из педагогического института. Рядом стояли телевизоры, и Алёна смогла наблюдать по ним за трансляцией того, что происходило в туннеле от помещения до знаменитого каменного цветка.

На экранах девушка увидела, как люди суетятся вокруг огромного предмета. Цветок выглядел, как смесь гладиолуса и граммофонной трубы с лепестками. Слой вековой грязи и пыли всё ещё не был очищен полностью, и над этим трудились студенты-археологи. Как уже выяснилось к этому часу, материал цветка не представляет собой какой-либо опасности для жизни и здоровья человека. Поэтому студенты и учёные в серых комбинезонах поверх обычной одежды (чтобы не запачкаться) продолжали свою работу. Химики и физики только что ушли делать сравнительный анализ материала цветка.

Группа репортёров фотографировала всех и всё вокруг, брала интервью у студентов НТГСПА. Глеб подошёл к Матвею и Алёне, которые пока старались держаться друг друга, и вручил им пропуск.

– Коллеги, эти пропуска выданы вам на двое суток. Если потребуется куда-то выйти, а на обед вы всё равно выйдете, то просто на обратном пути

покажете эти пропуска. Ну, знаете, как это работает. Исследования будут вестись до вечера.

– Большое вам спасибо, – оба сердечно поблагодарили гида.

В этот момент к ним подошёл седой представительный человек с густыми усами и в таком же белом комбинезоне и чуть не набросился на Матвея с объятиями и рукопожатиями. Глеб и Алёна тихо прыснули в кулак.

– Осипов, живая легенда всей области! Как я счастлив, что вы откликнулись на наше приглашение! Как там у вас бизнес, как сами?

– Добрый и вам день, Булат... извините, профессор Гаджиев! Подозреваю, что именно вы мне и звонили вчера вечером! Вам нужна помощь только эксперта или не-эксперта тоже?

– Вы имеете в виду вашу очаровательную помощницу? Здравствуйтесь, Алёна, – он помахал девушке. – Эльвира Степановна просила передать вам привет.

– Как она? – спросила Алёна.

– Вышла на пенсию. Моя жена учила Алёну истории, – это он пояснил уже антиквару. – Простите, милочка, вынужден украсть вашего шефа.

– А как же я?

– У вас белый пропуск, у Матвея Олеговича – красный, а только по красному есть вход в тоннель. Если вы хотите помочь в исследовании студентам – обратитесь к Глебу Васильевичу, он тут же найдёт для вас занятие. А пока оба переоденьтесь.

Им выдали по одному упакованному белому комбинезону, и антиквар с помощницей тут же сняли свои пальто и принялись натягивать форму поверх джинсов. Когда оба были готовы, Матвей попросил внимания Алёны:

– Коллега, хоть нас и разделяют по разным фронтам работ, но в этом городе вы моя главная проводница. Поэтому более чем на сто метров от территории завода без меня...

– Я поняла вас, Мат... коллега! – ответила писательница. – Я буду недалеко, правда, Глеб Васильевич?

– Не бойтесь, я не позволю вам потерять друг друга.

Гаджиев увёл антиквара, едва ли не подталкивая его в спину.

Несмотря на странное поведение гида, Алёна была готова обратиться к нему за работой.

– Пойдёмте, Алёна. Кого не пускают в тоннели, тот трудится в цехе. Давайте на «ты»?

– Ага.

Немного погрузневшая, Алёна проследовала за Глебом в сторону студенток филфака. Девушки расшифровывали старорусские записки заводчан, касающиеся цветка из загадочного камня. Глеб подошёл к коротко стриженной старосте группы и что-то ей тихо сказал.

– Новенькая? – староста оглянулась на Алёну. – Привет, иди к нам! Я Лиза.

– Я Алёна, – девушка приблизилась к студентам.

– Ты откуда вообще?

– Я помощница антиквара из Екаба, а так я родилась и выросла в Тагиле.

– Однако круто, ну а мы филологини из пединститута. Ты тоже с филфака? А, хотя без разницы, ты справишься с заданием. Для начала кинь свою сумку в угол, чтобы не мешала.

Алёна покосилась на гору сумок, лежащих на пыльном столе в углу.

– Не бойся, никто не стащит, все свои. Бросай!

Алёна послушно избавилась от сумки, оставив при себе только ручку и блокнот.

– Мы как раз работаем над расшифровкой дневника одного из крепостных работяг – тот умел писать и читать. Подходим к самому интересному моменту, где он описывал свойства этого цветка. Девочки, не отвлекаемся, сейчас я Алёну тоже загружу делом!

Студентки поулыбались новенькой и продолжили работать. Лиза дала ей копию страницы из дневника.

– Тебя не напугал наш Глеб?

– А чем он должен был меня пугать?

– Он немного своеобразный, но при общении со студентами раскрывается его удивительная личность. А ещё он писатель.

– Нет, не напугал, – соврала Алёна. – Кста-

ти, а что такое «паллиативность» в отношении цветка?

– Ты этим даже не заморачивайся, подруга. Главное сейчас для нас – перевести эти записи на современный русский язык. Остальное – дело экспертов.

До обеда девушки плодотворно поработали, и свой лист Алёна расшифровала полностью. Пришёл Глеб и объявил перерыв на обед. Обрадованные девушки снимали свои комбинезоны.

– Алёнка, погнали с нами в пиццерию? – предложила Даша, одна из девушек.

– И рада бы присоединиться к вам, – с улыбкой ответила бывшая тагильчанка, – но не могу оставить своего шефа. Пропадёт без меня в незнакомом городе.

– Ну, тогда через час увидимся. Счастливо!

Алёна помахала коллегам, и в этот момент Матвей вернулся из тоннеля в цех.

– Как дела? – спросила Алёна, когда антиквар, наконец, в реальном времени возник рядом с ней и тоже стянул свой комбинезон.

– Это потрясающе. Ну, куда прикажете пригласить вас на обед?

– Может быть, поедим пиццы? – Алёна вспомнила предложение девушек.

– Несерьёзно как-то это, я бы лучше тазик пельменей съел, – признался Матвей. – Голоден, как волк.

Тогда Алёна повела антиквара в место под названием «Гора». Там им подали как раз эти самые пельмени. Матвей принялся жадно уплетать, а когда доел, то сказал:

– Знаете, Алёна, цветок и правда сосёт из людей энергию. Я такого голода, как сейчас, никогда не ощущал. Бегемота бы съел!

– Тазик пельменей плавно превратился в бегемота? – Алёна отвлеклась от еды.

– Да, даже двух бегемотов. Молодые специалисты, которые работают там, тоже чувствуют какую-то энергию от цветка. Я готов дать заключение публично, что это и есть тот самый цветок зла. Это его нашли в завале.

– Мы с филологами продвинулись до описа-

ния подвалов. Один из рабочих, который был обучен грамоте, писал в своих дневниках, что когда крепостной мастер вырезал из камня этот цветок, завод перенёс череду загадочных смертей и хворей.

– Ничего себе.

В этот момент у Матвея зазвонил телефон.

– Алло? Света, здравствуйте! Как дела в «Анти-КВА»?

Алёна не смогла сдержать добрый смешок и отвернулась. Что-то происходило с признанным экспертом в области старинных вещей, когда он говорил со Светой, смотрел на неё или просто слушал её голос. Аля заметила это ещё при своём первом появлении в магазине.

На самом деле, если присмотреться к поведению некоторых людей, то можно понять, что такое настоящее чувство.

– Передавайте привет!

– Алёна передаёт вам привет, – повторил в трубку антиквар. – Хихикает тут. Цепеш уже на месте? Уже ремонтирует всё? Ну, добро, перезвоните вечером, как всё закончится.

Он отключил связь.

– Что смешного? – строго спросил Матвей.

– Как вы относитесь к Светлане, господин антиквар? – спросила Алёна, прекращая хихикать.

– Как к прекрасной сотруднице, – со всей серьёзностью на лице ответил он.

– В которую можно влюбиться? – не отставала девушка.

– Ещё один вопрос на эту тему, и я до конца поездки ни слова не пророню, коллега, – отрезал Матвей.

Алёна показала жест «закрываю рот на замок», и доела пельмени, пока антиквар ждал официантку со счётом.

– МАТВЕЙ, – нарушила тишину Алёна уже на обратном пути, – я не успела вам рассказать. Об этом тоннеле ходят самые страшные легенды. Однажды там якобы затопили нескольких рабочих. Это самая тёмная страница в истории этого завода.

– Хотите сказать, что я должен рекомендовать уничтожить цветок?

– Боюсь, коллега, вас с этим заявлением поднимут на смех. Это же такая достопримечательность у города появилась теперь, хоть мистические экскурсии устраивай, как в Праге!

– Какие мистические экскурсии?

– Позже расскажу.

Коллеги поневоле вернулись в здание цеха. Но едва они успели снять верхние одежды и надеть комбинезоны, как услышали женские голоса. Разговор шел на повышенных тонах. Осипов отправился на свой фронт работ, а Алёна кинулась на крики.

– Я никогда больше не буду работать с такой дурой, как ты! – кричала одна из студенток на одноклассницу. Остальные испуганно перешёптывались.

– Да сама ты! – вторила другая. – Знаю, за что тебе «отлично» автоматом ставят, за красивые глазки!

Девушки уже хотели вцепиться друг другу в волосы, но вовремя подросли Алёна и староста группы. Старшие по званию и возрасту, Аля удержала первую девушку, а Лиза – вторую от активных действий.

– Что за бардак здесь творится?! – громко, на весь зал спросила писательница, и в помещении воцарилась мёртвая тишина.

– Понятия не имею, – вздохнув, сказала Лиза, – до обеда эти дамочки были не разлей вода.

Девчонки вырвались из цепкой хватки старших и теперь обе успокоились. Лиза принесла им по стакану воды.

– Девочки, – назидательно начала Алёна, чтобы помочь Елизавете (Глеба не было поблизости), – если вы не желаете помогать исследованию, то хотя бы не мешайте. Вы же не хотите, чтобы весь филфак отсюда выгнали за нарушение дисциплины?

– Честно говоря, я сама не знаю, что на меня нашло, – испуганно призналась Маша, «подопечная» Алёны. – А что, если цветок и правда может действовать на нас?

– Где Глеб? – одними губами спросила Алёна Лизу. Та пожала плечами.

– Я вообще-то давно хотела это высказать! – призналась Даша, вторая участница ссоры. – Она у меня увела парня, но я вела себя так, как будто ничего не знаю. Сейчас-то мне уже не жаль, но... Чёрт! Почему одним всё достаётся за красивые глаза, а другим – фига без масла?!

Обе девушки начали всхлипывать.

– Красавицы, – Лиза напоминала Алёне коммиссара из «Собачьего сердца». – Согласитесь, что музей – это не место для выяснения отношений. Хотите их и правда выяснить – так выйдите, забодай вас комар, продышитесь! – и она рукой указала на коридор.

– Между прочим, мы только что перевели рассказ старого рабочего о том, что на территории подземных помещений завода постоянно происходили какие-то конфликты, вплоть до применения насилия. Подумай над этим, – сказала Маша своей сопернице.

Пристыженная Даша тихо извинилась и вернулась к работе. Обе девочки крепко задумались, Алёна и Лиза начали помогать остальным студенткам, а последняя ещё и шёпотом поблагодарила писательницу за разрешение конфликта. Все остальные работали спокойно и не ощущали присутствия в комнате каких-либо злых сил.

Боковым зрением Алёна заметила, что Глеб зашёл в их помещение и теперь наблюдал за происходящим в тоннеле по мониторам. Алёна внушила себе, что его здесь нет, хотя присутствие писателя и перестало её сколько-нибудь напрягать. Но внезапно тот помянул какую-то дивизию и бросился в сторону тоннеля.

– Смотрите! – сказала Маша, указывая пальцем на мониторы. – Там кто-то дерётся около цветка!

Алёна резко обернулась, чтобы увидеть, не Матвея ли там бьют. Оказалось, что это двое студентов-археологов затеяли ссору. Она увидела, что всегда спокойный антиквар применил железную хватку, чтобы унять одного из драчунов. Второго успокоил подросевший Глеб.

– Ёшкин кот! – воскликнула Лиза. – А говорят, что мужчины менее эмоциональны, чем женщины.

– Бессовестно врут.

– Здесь же журналисты! – ужаснулась одна из девушек. – Они сейчас такого понапишут... и полицию вызовут!

Но до этого не дошло. Просто начальник охраны и профессор Гаджиев вывели обоих драчунов на улицу и посоветовали им выметаться отсюда, а завтра прийти уже в спокойном состоянии.

Запыхавшийся Глеб вернулся к девушкам и налил себе воды из кулера.

– Глеб Васильевич, вам хоть не прилетело? – обеспокоенно спросила Елизавета.

– Всё в порядке, Лиза.

Писатель перевёл дух и залпом выпил воду из стаканчика. Он подошёл к работающей над рукописью Алёне, но та отстранилась и опустила глаза.

– Скажи, а откуда ты знаешь меня? – спросила девушка.

– В своё время я был коллегой Георгиева. И я знаю об его ученице по имени Алёна Тарасова, – тихо ответил писатель. – Теперь, когда его нет, я взял на себя составление сборника произведений его учеников. Единственная, кого я не нашёл в соцсетях – это ты.

– Я не пишу стихов, – также тихо возразила Алёна.

– Но ведь это ты – наша Алёна? Ты ведь не откажешься поучаствовать в сборнике имени своего учителя?

– Стихи не идут, только проза теперь, – у Алёны будто встал ком в горле.

– В прозе может пропасть суть моих недосказанных слов, – процитировал поэт стихотворение. – Это ведь твой стих, не так ли?

– Я не...

– Так дай хотя бы почитать свои рассказы, – настаивал Глеб.

Неожиданно Алёна разразилась рыданиями.

– Я бездарность, – выдавила она сквозь слёзы. – Я самозванка и не могу дать вам ничего из своего творчества!

– Но это ведь не так! – писатель растерялся совсем. – Вот же твои стихи, – поэт вынул из нагрудного кармана какую-то маленькую книжечку и всучил девушке.

– Прекратите!

Девушка, задыхаясь от слёз, отшвырнула ручку и убежала в коридор.

В воцарившейся снова тишине Лиза и Даша пробормотали:

– Вот так история!

– На неё тоже действует цветок?

Прошло полчаса, но Алёна Тарасова так и не вернулась в зал филологов. К удивлению девушек, писатель опустил на скамейку и подпёр голову руками.

– Что же с ней такое? – пробормотал он, не понимая, что происходит.

Лиза, как миротворец коллектива, села рядом с ним.

– Да не влияет на Алёну цветок, – уверенно сказала она. – Это точно что-то другое.

– А она действительно поэтесса, вы её ни с кем не перепутали? – полюбопытствовала одна из девушек.

– Была, а теперь – вот как...

– Прошу прощения, Глеб Васильевич, – раздался рядом с ними спокойный, но твёрдый мужской голос.

– Да, Матвей Олегович? – поэт выпрямился во весь рост. Это антиквар вернулся из тоннеля и теперь выжидающе глядел на него.

– Работы в катакомбах приостановлены до завтра. Я уже и готов был подтвердить, что это тот самый цветок...

– Что вы выяснили?

– ...если бы не этот инцидент с парнями... Кажется, это то самое сокровище, которое следует немедленно уничтожить во избежание дальнейших ЧП.

– Неужели? – все удивились. – Значит, и нас снимут до завтра с объекта.

– А где моя помощница? – спросил Матвей у Лизы. – После обеда вроде с вами оставалась.

– Она... – начал Глеб. Но его перебила Лиза.

– Ей внезапно стало нехорошо, и она отпросилась, пардон, в туалет. Полчаса уже отсутствует. Вроде бы и нельзя лезть в чужую личную жизнь, но мы уже и сами забеспокоились, как бы чего с ней не вышло.

Осипов помрачнел.

– Я должен сейчас же найти её.

– Вам направо, – Лиза указала дорогу.

ВЗВОЛНОВАННЫЙ Матвей отправился искать комнату для размышлений в конце коридора. Он мог бы пройти мимо ничем не примечательной двери в краске, если бы не доносившийся из одной кабинки женский плач.

– Алёна, вы здесь? – тихо позвал мужчина.

Всхлипывания в кабинке прекратились, и голос писательницы отозвался:

– Матвей, всё в порядке.

– Я это слышу, – без каких-либо наездов ответил мужчина. – Давайте поговорим о том, что вас расстроило. Можете, если хотите, не выходить из кабинки.

– Глеб Васильевич, – Алёна произнесла имя куратора сквозь слёзы.

– Он обидел вас как-то?

Алёна ничего не ответила.

– Если это так, то одно ваше слово, коллега, и он сам сейчас превратится в цветок... анатомический.

Антиквар уже почти собрался идти на поиски куратора, но в этот момент дверь кабинки со скрипом открылась. Алёна с опухшим от долгих рыданий лицом вышла навстречу коллеге.

– Не стоит никого искать, Матвей. Он не обидел меня!

– Почему же вы назвали его имя, когда плакали, потрудитесь объяснить.

Осипов, впрочем, и не собирался куда-то идти до тех пор, пока не дожждётся объяснений от девушки.

Алёна, негигиенично смахивая рукавом комбинезона опять набежавшие слёзы, молча протянула антиквару маленькую книгу стихов в мягкой обложке. Матвей прочёл на обложке фразу: «Сти-

хи молодых тагильских поэтов», а на форзаце он нашёл список фамилий в алфавитном порядке. Последней шла фамилия на букву «Т» – Тарасова Алёна.

– Составитель – Г.В. Разумовский. Это Глеб что ли?

– Да, он.

– Понятнее не стало. Знаете, любезная коллега, у меня есть к вам сейчас предложение. Давайте вы не станете более держать меня в женском туалете, а нахожусь я здесь из-за вас. Мы возьмём еды на вынос, и вы покажете мне вашу самую популярную достопримечательность.

– Лисью гору? – уточнила Алёна, переставая плакать.

– Её родимую. Где у вас поблизости кофе на вынос продают? А то вы так долго плакали, что обезвоживание может наступить в любой момент. И перестаньте уже вытирать глаза этими пыльными тряпками!

Он предложил Алёне свой носовой платок – огромный, в клеточку. Та громко высморкалась в предложенную материю.

– Еда немного успокоит расстроенный организм, и вы поделитесь со мной истинной причиной ваших слёз. Но всё сугубо по собственному желанию.

– Вы истинный джентльмен.

Подождав в коридоре, пока Алёна сменит комбинезон на осеннее пальто, антиквар повёл коллегу на импровизированный пикник. Глеб и девушки покинули помещение. Уже успокаивающаяся помощница проявила инициативу:

– А пойдёмте в домовую кухню, коллега? В Тагиле делают лучшие в мире пирожные «картошка», доложу я вам.

– Я бы с удовольствием ими угостился, Алёна, но у меня аллергия на сладости. Чуть в детстве не умер от шоколадной пасты, так с тех пор и не ем изделий из шоколада.

– Бедняжка вы, – посочувствовала сладкоежка Алёна.

– О, в мире есть много иных сладостей помимо пирожных с шоколадом. Фрукты – наше всё.

К вечеру становилось холодно. Коллеги всё же решили заказать китайской лапши с морепродуктами в ресторане азиатской кухни, купили в другом заведении кофе на вынос и наметили путь к Лисьей горе. Оба спортивной подготовкой не отличались, но взобрались на гору без особого труда. Алёна предложила сесть на ближайшую к сторожевой башне скамейку. Ей нравилось, как преобразился город за более чем два года её отсутствия, особенно сама башня и гора.

Но перед тем как опустить вилки в лапшу, Алёна сказала Матвею:

– Коллега, смотрите, какой у нас красивый красный закат сегодня! Хоть фотографируй.

– Угу...

Красное зарево заката над Нижним Тагилом казалось антиквару предвестником чего-то красивого, но недоброго. Расположение облаков напомнило Осипову тот самый каменный цветок, который они с Глебом окрестили уже «бутоном зла».

Матвей есть не очень-то хотел, а Алёна приналась за кофе, потому что и правда чувствовала острую жажду. Антиквар ждал, пока она не восполнит баланс жидкости. И всё же он не утерпел:

– Так что же это за люди, и почему среди них ваша фамилия?

– Это сборник стихов молодых тагильских поэтов. Он был издан пять лет назад. Часть ребят из списка были учениками Георгиева.

– Вашего покойного наставника? – уточнил Матвей.

– Его самого.

– Вы знали об этом сборнике?

– Нет, как раз в тот год мы и перестали общаться, – Алёна вздохнула. – А у меня перестали идти стихи. Глеб Васильевич – это его соратник и друг, книжку составлял и редактировал он. Он тоже писатель.

– О, все боги, сколько же у меня писателей знакомых появилось за последнее время! – Матвей закатил глаза.

Алёна кивнула и продолжила:

– Спустя год после смерти Георгиева Глеб собирает всех его учеников поучаствовать в новом

сборнике. А я не пишу больше стихи. Я бездарность. Его больше нет, и стихов в моей жизни больше не будет. Почему только Разумовский напомнил мне об этом?

Кажется, у неё снова начали наворачиваться слёзы.

– Потому что он так не думает, Алёна, – уверенно ответил антиквар.

Матвей открыл молодёжный сборник как раз на страничке со стихотворением Алёны и начал читать вслух:

– Вой под апрелем в лунатик-парках

С ветром чудит, подражая вольно

Первая фаза луны – бунтарка,

Ты из немногих, кому не больно...

– Прекратите! – взмолилась Алёна, но Осипов и бровью не повёл.

Он без запинки прочитал стих до последней строфы, коих было пять. Шмыгая носом, Алёна вскочила со скамейки, но антиквар громко спросил:

– Куда вы?!

Девушка встала, как вкопанная. Матвей минуты три молчал и, кажется, даже не дышал. Показалось, что от задумчивости он впал в некий транс.

– Вы снова плачете, – не спросил, а сказал утвердительно он. – Ещё кофе?

– Нет, спасибо, уже не плачу.

Алёна боялась его вердикта и, тем не менее, с любопытством его ждала.

– Славно, – Матвей недоверчиво взглянул в лицо девушки – она и правда не ревела. – Знаете, любезная коллега, что я скажу?

Он глядел в её лицо и тянул время, заставляя девушку мучительно ждать.

– На мои студенческие годы пришлось и то время, когда я отчаянно бунтовал – ну, готика там и прочий рок. Вы со Светой тогда пешком под стол ходили или просто в детсад. Ну, не важно. Я подсел на творчество «Агата Кристи» – знаете такую группу?

Он и не сомневался, что «поэтесса-самозванка» (которую Матвей такой не считал) утвердительно кивнёт.

– Потом и институт я окончил, и увлечение всякого рода готикой прошло, как с яблонь дым. Однако когда я сейчас читал ваше маленькое произведение, то представил на секунду, как эти стихи поёт на сцене один из братьев.

Алёна чуть не выпустила из рук стаканчик – но вовремя схватила его.

– Да, вы правильно меня поняли. Это могло бы быть их песней. А если не их, то чьё-то в таком же стиле. А стиль ваш мне импонирует, Алёна. Только зачем вам казаться хуже, чем вы есть?

– Родителям не нравились мои стихи, – отозвалась Алёна.

– Но ведь девочка выросла и сама может понять, хороши её стихи или плохи. Я не прав?

– Объективно – не может. Всё равно со стороны виднее, хороши они или нет.

Матвей прочитал ещё несколько её стихов из того сборника, но уже шёпотом.

– Что, если я объективен, и у вас появился поклонник номер два? – он хитро подмигнул.

– А кто номер один? – Алёне стало интересно.

Матвей улыбнулся закату, и Алёна заметила, что отражённое в очках антиквара небо сделало его глаза немного красными.

– Она так много говорила о ваших стихах, но прочитать ни одного не дала. Сказала, что они – её тайное хобби. Я подумал, что если в обход неё найду ваши стихи, и мне они так же понравятся, то...

– Сделаете ей предложение? – перебила Алёнка.

– И они мне понравились, вот в чём штука, – закончил Матвей.

– Так делайте же предложение, – Алёна поняла, кого имеет в виду специалист. – Она ваша судьба.

– А если человек...

– Откажется? – перебила поэтесса. – Тогда и не судьба.

– Алёна, не всё в нашем мире так просто.

– Неужели так сложно, – Алёна встала и повернулась лицом к сторожевой башне, на шпигеле которой был флюгер – ангел с трубой, – признать-ся человеку, если его действительно любишь?

Задумчивый Матвей выбросил опустевший стаканчик в урну. Он поравнялся с Алёной, и теперь оба следили за направлением, которое укажет крыло ангела на крыше.

– Ветер северо-западный, – прокомментировал специалист по старинным вещам. – Три-пять метров в секунду.

Скорость он определил уже без помощи флюгера.

– Вы всё же не совсем понимаете в любви, дорогая коллега. Помните две великих христианских заповеди?

– Вторую помню.

– Так процитируйте её для меня, – попросил Матвей.

– Возлюби ближнего твоего, как самого себя.

– Если вас крестили, то почему же живёте не по Его заповедям, умная вы девочка?

Алёна хотела возразить что-то, но антиквар сделал предупреждающий жест.

– Не стоит спорить. Вы должны полюбить саму себя. Ваши стихи – это тоже часть вас, от которой никуда не деться. Вы написали их, а значит, должны полюбить заново.

– Я постараюсь, Матвей.

– И вы сможете, умная девочка. А если найдёте персону, которой точно так же, как нам, нравятся ваши стихи, то может статься, что этот человек и окажется вашей судьбой. А что если таких людей уже немало? Полюбите свои творения.

– Так я должна...

– Завтра найти Разумовского и сказать, что вы согласны поучаствовать в сборнике. Я не экстрасенс-астролог, но вот вам моё предсказание. И вообще, лапша остыла. Давайте доедим.

Путники доели свой нехитрый ужин из уже остывшей лапши. Алёна загадочно улыбалась чему-то – то ли небу, то ли прибавлению в штате поклонников.

– Будем дружить, Алёна Сергеевна?

– Конечно будем, Матвей Олегович.

Друзья отправились заселяться в гостиницу.

В этот момент ему позвонил Алёнин поклонник номер один.

ЦЕПЕШ как раз закончил свою работу в «Анти-КВА» по проектированию локальной сети. Он поднялся из подсобки и позвал Светлану, чтобы та закрыла всё в подвале, а сам решил подменить её в торговом зале. Когда Света закрыла все подземные двери и вернулась в зал со связкой ключей, Цепеш сидел в кресле посетителя.

– Закрываемся? – спросил он у Светланы. – Матвей просил по-дружески подстраховать вас.

– Спасибо, Влад, я не боюсь одна... – начала Света.

Колокольчики над дверью звякнули, оповещая о последнем на сегодня клиенте. Света и Цепеш с любопытством оглянулись на входную группу. В магазин зашёл высокий молодой человек, из-под куртки которого выглядывала задорная черепушка рокера на футболке. Он поздоровался без особых на лице эмоций.

– Добро пожаловать в «Анти-КВА», – сказала ласково Светлана, не забывая об улыбке. – Чем могу вам помочь?

– Я ищу ноты, – коротко ответил парень.

– Ноты? – не поняла Светлана.

– Ну, нотную тетрадь, – пояснил он. – Говорят, что в антикварных лавках и на таких базарах иногда можно найти дневники умерших людей. Я хотел поинтересоваться, есть ли у вас не дневники, а нотные тетради умерших людей?

– У нас есть пустые тетради для нот, – ответила Света.

– А заполненных нет?

Света хотела ответить, но Цепеш перебил её:

– Чувак! Девушка тебе толкует, что здесь у них магазин, а не музей.

– Музей здесь ни при чем, – вежливо перехватила инициативу Света. – Просто это настолько редкий у нас товар, что...

И тут парень улыбнулся, да так, что Света осеклась. Лучше бы он этого не делал, потому что улыбка делала его лицо похожим на фоторобот маньяка.

– Ой, это... извините, – сказал парень, всё по-

няв по взгляду Светы и перестав улыбаться. – Даже не знаю, какое выражение моего лица больше подходит для общения с симпатичными дамами.

– И всё же, зачем вам чужие ноты? – спросила продавщица.

– Я музыкант, – скромно ответил парень. – Если есть что-то классическое, то я просто переложил бы эти ноты на современный лад. Эта музыка, написанная анонимом сотни лет назад, должна быть услышана сегодня. Разве я не прав?

Света задумалась, и словно лампочка зажглась над её рыжей головой:

– Думаю, кое-что мы можем вам предложить.

Света повернулась к книжному шкафу – к тому отделу, где лежали подшивки старых журналов. Цепеш и музыкант заинтригованно наблюдали за ней. Девушка аккуратно отперла шкафчик, выудила из середины стопки тоненькую, похожую на папку, тетрадь и разложила её на витрине.

Музыкант с молчаливым благоговением разглядывал нотные станы, исчерченные знаками.

– Я уже хочу это. Сколько просите за них?

Света сделала жест «сейчас всё будет», достала мобильник и набрала при музыканте номер Матвея.

– Алло? Матвей Олегович, не отвлекаю? – она усмехнулась после ответа. – Тут пришёл музыкант и говорит, что хочет приобрести нотную тетрадь Ольги... той девушки, которая погибла в гражданскую войну. Что включить? Громкую связь? Минуту...

Света послушно положила телефон на витрину и нажала сенсор на дисплее. Антиквар заговорил, и было слышно завывание ветра.

– Алло, господин музыкант, вы там?

– Да, господин антиквар, я здесь, – ответил парень.

– Ага, так музыкант у нас молодой, – удивился Осипов. – Что ж, молодой господин музыкант, у меня есть для вас три условия, на которых вы получите эту нотную тетрадь. Готовы выслушать?

– Валяйте!

– Условие первое! – громко чеканил Матвей в трубку. – Если ноты не лягут вам на сердце или на

инструмент, то вы вернёте их мне. Деньги я вам верну, конечно же.

– Согласен. Далее?

– Если вы всё же решитесь переложить эти ноты на ваши инструменты, то вы обязуетесь записать мне диск.

– Я запишу его для вас, обещаю! – проорал парень. – Жду третье условие.

– Последнее условие проще всего. Моя помощница Светлана сейчас расскажет вам историю этой вещи, а сколько не жалко заплатить – вы решаете сами.

– Я согласен, уже весь внимание.

– Ну и добро. Ваш выход, Света! – и Матвей Олегович отключил звонок.

Внимательный взгляд музыканта сверлил девушку.

– Что ж, это тетрадь Ольги...

Света закрыла тетрадь, и музыкант увидел в углу небольшую надпись: «Ольга Каменева». Фамилия, однако, была зачёркнута, и ниже приписано: «Горинова».

– Ольга была дочерью уральского промышленника и незадолго до первой мировой войны вышла замуж. Вальсы для свадьбы её сестры и своей она писала сама.

– Каменева? – спросил музыкант. – Что-то читал.

– Да. Жених Ольги был другом детства для сестёр. Не то чтобы он так сильно её обожал, скорее он хотел отомстить Каменеву. Штука в том, что парень больше любил её младшую сестру. Но авторитарный папенька выдал девочку замуж за своего богатого торгового партнёра из Восточной Европы. Вернёмся к Ольге. Жениха – то есть, уже мужа – после свадьбы через какое-то время призвали на фронт. Бедняга не вернулся с полей сражений. Потом и сама Ольга от какой-то болезни умерла, едва их ребёнку исполнилась пара лет. Грустная история, не правда ли, господин музыкант?

– Шикоз! – прохрипел парень, у которого даже в горле пересохло.

– Вот договор, – Света вынула из тетради пару листов. – Здесь написаны все те условия, которые

проговорил вам по телефону хозяин магазина. Если со всем согласны, то подпишите их, а один экземпляр забирайте себе.

Света подала музыканту ручку, которой тот без колебаний расписался в договорах. Девушка отложила экземпляр магазина в папку для отчёта и выжидающе посмотрела на музыканта.

– Сколько вы готовы заплатить?

Парень достал из заднего кармана серых джинсов сложенную купюру.

– Тысячи рублей хватит?

– Это ваша цена, – ответила Светлана. – Вы решаете, сколько хватит.

Музыкант положил на витрину купюру и подвинул её указательным пальцем в сторону Светы. Та отбила чек по всем правилам торговли и прицепила один к договору магазина.

– Поздравляю вас с покупкой, господин музыкант! – вежливо сказала Светлана и лучезарно улыбнулась. – Вдохновения вам!

– С-спасибо! – откликнулся музыкант, заикаясь.

– Света, да вы его не бойтесь! – Цепеш внезапно схватил парня за локоть и повёл в сторону выхода. – Он немного смущается в общении с противоположным полом. Это мой друг.

Света еле сдержала смехок.

– Ой, не забудьте ноты! – воскликнула она, пока Цепеш чуть не вытолкнул друга из лавки. – Они ведь теперь ваши!

– Да-да, конечно-конечно! – прозаикался снова музыкант, сгрёб тетрадь и покинул магазин.

Цепеш, хихикая над другом, вежливо попрощался со Светой и тоже ушёл. Девушка закрыла смену и поставила помещение на сигнализацию самостоятельно. Рабочий день был окончен.

* * *

АЛЁНА уже устроилась в своём номере, когда ей позвонила мама.

– Привет, мам!

– Привет, дочка. Как ты в Тагиле оказалась, какими судьбами?

Алёна рассказала ей, где она и с кем. Также упомянула тоннель под музеем-заводом.

– Эти исследователи... они вообще читали историю тоннеля, прежде чем туда соваться?

– А при чём тут легенды? Они читали факты.

– Лёнчик, дорогая, ты помнишь, как умер твой дед?

– Как такое забыть? Мне было семь лет, дед повёл меня в школу танцев, и у него случился сердечный приступ прямо там.

– Твой папа ходил за льдом – он был нужен, чтобы тело между вскрытием и отпеванием покоилось в своём доме. Ты этого уже не помнишь, маленькая была. Дядя Паша ему назначил встречу в этом тоннеле, чтобы передать лёд. Когда папа спустился вниз, он свернул не в тот проём. Говорит, что этот коридор был тёмным, как гроб, никаких ориентиров. Папа едва не заблудился, пока не встретился с дядей. Говорит, надумал себе всякого. Атмосфера там, говорит, очень мрачная, навевает. С одной стороны – ну просто человек только что потерял отца, на фоне горя напридумывал себе призраков и стоны в тоннеле. А с другой стороны, Паша сам от страха чуть не поседел тогда.

– Ты думаешь, что завод проклят?

– Мы думаем, что там что-то нечисто. Извини, если взбаламутила тебя, на ночь глядя.

– Я тебя люблю, мам. Спокойной ночи!

Алёна взяла добытый в кузнечном цехе список группы и набрала номер Разумовского. Но писатель трубку не брал.

– В прозе может пропасть суть моих недосказанных слов... – процитировала она своё же стихотворение.

Матвея заселили в соседний номер, а ей очень хотелось поговорить с антикваром о только что услышанном от матери. Поэтому Алёна вышла из номера, постучала в дверь напротив и просто уселась в кресло. А когда антиквар вышел – то выплеснула на него весь поток информации.

– Алёна, дорогая коллега, я это понимаю! – ответил Матвей. – Но даже после нескольких случаев столкновения с привидениями я остаюсь скептиком.

– А расскажите об этих случаях, – попросила писательница.

– Это очень долгая история, коллега. Если вы не хотите остаться в коридоре на всю ночь и слушать меня, то рекомендую не задавать этот вопрос. Договорились?

Девушка кивнула и уже повернулась, чтобы отпереть дверь номера, как вдруг антиквар сказал ей вслед:

– Нет злых привидений, подумайте об этом. Есть лишь люди, который делают зло при жизни, а потом им за это прилетает – в энергетику я бы и поверил. Спокойной ночи.

– Да, приятных сновидений!

Коллеги разошлись по своим номерам.

Матвей убедился, что магазин в Екатеринбурге поставлен на охрану и сделал несколько заметок в рабочем нетбуке, чтобы завтра передать их писательнице. Он отключил все мессенджеры и уже хотел отправиться в душ и лечь спать, как вдруг в дверь снова постучали.

– Алёна, извините, я не одет! – крикнул он, чтобы было слышно стоящему за дверью. С тех пор, как Тарасова попрощалась, прошло не менее часа, и он был абсолютно уверен, что девушка легла спать или даже уже уснула.

– Простите, господин Осипов, что беспокоим в столь поздний час! – раздалось за дверью. Это, судя по голосу, был один из администраторов, молодой человек.

Антиквар, который на самом деле даже не успел раздеться, устало вздохнул и открыл дверь номера. Парень встретил его виноватой улыбкой.

– Что угодно? – антиквар был вежлив.

– Вас ожидает на ресепшене какой-то мужчина. Он назвал ваши фамилию, имя и отчество и очень просил позвать вас.

Матвей, уже надумав себе всякого, проследовал за парнем на ресепшен и очень удивился, увидев сегодняшнего знакомого.

– Глеб Васильевич! – он выдал из себя улыбку. – Чем обязан столь позднему визиту?

– Виноват, что беспокою вас, Матвей Олегович.

Я весь вечер места себе не нахожу. Вы всё-таки нашли Алёну Тарасову?

— Что же вы не позвонили мне, — простонал Осипов. — Мой номер есть в списке рабочей группы!

— Простите, у меня сел телефон. Так что?

— То-то и оно! Не беспокойтесь, всё в порядке. Алёну заселили в номер на том же этаже, что и меня — так удобнее. Я думаю, что она уже спит, но могу позвать...

— Нет, не стоит! — Разумовский даже облегчённо вздохнул. — Она убежала от нас в слезах, а вы пошли её искать и тоже пропали — я чего только не передумал. Пройдёмся?

— Хотите показать некоторые достопримечательности? — антиквар уже не хотел спать.

— Да, городского ангела.

Мужчины вышли из гостиницы в прохладный сумрак тагильского апреля.

— Впредь прошу, заряжайте телефон! — выговаривал он писателю. — Когда я последний раз видел Алёну, то она собиралась вам позвонить.

— Телефон в списке группы — просто условность, — объяснил Глеб Васильевич. — Я весь день был на объекте, и меня могли найти там. А жена и сын и так знают, что домой я вернусь. Зачем же вашей помощнице мне звонить?

— Она хотела попросить прощения за своё поведение и сказать, что больше так не будет.

— Мои филологи считают, что на неё повлиял Каменный цветок, и что он проклят. Но это ведь чушь...

— Не чушь, Глеб Васильевич! — оборвал его антиквар. Он рассказал о том, как его отец был среди группы историков, нашедших этот цветок. Не умолчал и о том, как сегодня Алёна погасила конфликт между филологиями.

— С ума сойти! — воскликнул Разумовский. — Так вы оба здесь не случайно!

— Скажите всё же, вам нравятся стихи Тарасовой? — спросил Матвей.

— Я хорошо отношусь к тем, кого воспитал Гергиев, в том числе и к ней. Так же я отношусь и уже к своим подопечным. Не знаю, отчего огонёк поэзии в Алёне так скоро угас. Хоть бы прозу показала что ли...

— Хотите, я уговорю её? — внезапно хитро спросил антиквар.

— Мы пришли, — сменил тему Глеб.

Мужчины дошли до музея изобразительных искусств как раз с той стороны, где стоял городской ангел. Матвей увидел скульптуру человека в очках и пальто с крыльями за спиной, портфелем в одной руке и длинным копьём в другой. Перед ангелом сидела скульптурная собака, похожая на охотничью.

— Ангелы бродят среди нас, вот что хотел сказать скульптор? — Матвей с восхищением обошёл ангела, освещённого фонарём. Дотронувшись до крыла, он ощутил холод металла.

— Что-то в этом роде. Всегда ведь приятно знать, что защитные силы есть где-то поблизости от нас. Я хотел показать вам этот памятник, чтобы объяснить, что нет мистики в этом Каменном цветке, но, похоже, ошибался.

— Я понял вашу метафору, Глеб Васильевич. Раз уж мы стоим посреди ночного города и смотрим на городского ангела, у меня есть небольшое предложение. Я уговорю Алёну поучаствовать в вашей книжке, а вы попробуйте поддержать завтра мою мысль, что цветок следует уничтожить.

Обменявшись рукопожатиями, антиквар и писатель распрощались.

НА СЛЕДУЮЩИЙ день, наскоро позавтракав, эксперты вернулись на территорию музея-завода. Алёна едва не проспала,

потому что уже жила в режиме отпуска, но Матвей на всякий случай позвонил (он считал стуки в дверь к даме неприличными).

– Вы звонили Глебу? – спросил Осипов по пути к музею.

– Да, но трубку он не брал.

– Жаль, а я думал, что вам удастся его порадовать.

– Вот сегодня и попытаюсь помириться с ним. Только не стоит думать, что я такая важная шишка, что могу влиять на поэта. Да сделали бы они сборник без меня, не поморщились. Кто я такая? Даже книги собственной не выпустила.

– Опять синдром самозванца, коллега?

На этот раз Алёна не плакала.

– Нет! Это лишь объективная реальность.

По своим вчерашним пропускам она и Матвей прошли в кузнечный цех. Антиквар спустился в тоннель, а Алёна подошла к девушкам. Она с удивлением отметила, что те не в комбинезонах.

– О, это ты, привет! – поздоровалась Лиза.

– Привет. Простите за вчерашнее, я не знаю, что нашло на меня. А где наш куратор?

– Его с утра не было, – ответила одна из девочек. – Но мы, впрочем, уже закончили систематизацию записей.

– Так что, Алёна, нам уже не нужно помогать. И не проси прощения за то, что вчера случилось. Глеб объяснил нам, что могло с тобой произойти. Мы все уверены, что на тебя цветок не действует.

– Алёна, спасибо вам с Лизой, что привели нас в чувство. Мы помирились, – сказала Маша.

Алёна была рада этому и в то же время огорчена, что Разумовского нигде нет. Девушки собрали свои вещи, оделись и ушли, и писательница осталась одна-одинёшенька на первом этаже.

Сегодня в помещении было очень душно, и Алёна вышла на улицу, чтобы глотнуть родного воздуха. И около входа в злополучный тоннель она столкнулась с Глебом, который тяжело дыша, сидел на скамейке. Девушка бросилась к нему и опустилась на скамью рядом.

– Глеб, что с тобой?! – воскликнула Алёна. – Тебе плохо?

– Привет. Там необычайно душно, я чуть не умер... Я думал, тебя сегодня не будет.

– Я не должна оставлять Матвея одного в Тагиле, или его другая помощница меня разорвёт. Прости!

Поэт уже продышался, и ему стало легче.

– Простить? – не понял он.

– Я нагрубила тебе вчера.

– Это был синдром самозванца, только и всего. Ты стесняешься своих стихов и не хочешь даже вспоминать Георгиева. Или наоборот, слишком часто вспоминаешь, потому и пыталась уйти.

– Я хочу участвовать в сборнике, – принесла она поэту добрую весть.

– Это замечательно!

– Но только своей прозой.

– Так будет и второй, – Глеб взял у Алёны ручку и добыл откуда-то из кармана клочок бумаги. – Один со стихами и один – с прозой, – он записал на нём свою электронную почту. – Вот туда мне и пришлешь.

– Будем друзьями? – спросила она на всякий случай, и поэт кивнул.

Алёна не удержалась и стиснула поэта в объятиях.

– Ну-ну, не стоит драматизировать, – Разумовский похлопал её по плечу. – Я сам от синдрома самозванца страдал, могу тебя заверить. Да все мы через это проходим рано или поздно. Я пережил это – и ты сможешь.

– Верю. Предлагаю пройти в цех, а то заболеем. Филологи твои уже ушли.

Алёна вместе с Глебом вернулась в здание цеха. Они увидели, что антиквар уже давал интервью местному телеканалу.

– Вы подтверждаете, что цветок представляет опасность? – спросила репортёр телеканала с бачкой на эмблеме.

– Да, и я считаю, что объект подлежит уничтожению как можно быстрее, – ответил Матвей.

В этот момент в разговор вклинился профессор Гаджиев и сказал, что в любом случае эту вещь необходимо отдать в университет для дальнейших исследований. В подземелье же не-

обходимо провести геологические исследования.

Больше сказать антиквару не дали. Но Осипов остался при своей точке зрения.

Репортёры переключились с него на Гаджиева, и Матвей тут же направился к поэту и Алёне.

– Вижу, вы помирились? – он улыбался, несмотря на то, что его только что заставили замолчать.

– Да никто и не ссорился, – ответил скромный Разумовский.

Матвей деликатно не стал сказать, как переживала Алёна вчера вечером из-за своего эмоционального срыва. Но он был искренне за неё рад.

– Хотите, мы им расскажем о ссоре между девочками? – предложила писательница.

– Они и так о ней знают, как и о драке между студентами-историками. Они даже тех молодых людей спросили – ни один из драчунов не может сказать, что на него нашло.

– Твою дивизию, опять! – воскликнул Разумовский, посмотрев на мониторы.

Матвей побежал следом за ним, чтобы помочь. Девушка увидела, что одному из студентов, охранявших объект, стало плохо. Молодой человек, держась за грудь, сползал на пол.

За ним побежал кто-то с камерой.

– Кардиостимулятор! Тебя кто вообще туда работать пустил? – ругался Разумовский, таща под руку загибающегося паренька. Под другую его тащил антиквар. Проходя мимо журналистов, он спросил прямо в камеру:

– Всё ещё сомневаетесь в опасности объекта?

«Скорую помощь» уже вызвали, парень стал снова дышать, поэтому его одноклассник просто дожидался вместе с ним приезда врачей. Они уехали вместе в карете «Скорой помощи».

– Дежавю, Матвей Олегович? – спросила девушка. Тот кивнул, а писатель ничего не понял.

– Вы узнали их, я полагаю? – спросил Матвей у Алёны.

– Это же те два парня, которые вчера подрались! – изумлённо ответила та.

– Именно так. Что, если кто-то из вас запустил положительные эмоции? Девочки помири-

лись, вы извинились перед писателем, а те парни – тоже стали друзьями.

– Это кто тут у нас стал верить в положительные эмоции? – незлобно рассмеялась Алёнка.

МАТВЕЙ и его временная помощница попрощались с Глебом и отправились обратно в Екатеринбург, а тем временем в «Анти-КВА» Светлана хозяйничала, и Цепеш уже почти закончил расчеты.

– Хозяюшка, может, перерыв? – скромно спросил он.

– Да без проблем, Цепеш! Чаю хотите? – отозвалась гостеприимная работница магазина.

– Без сахара, пожалуйста. А есть большие кружки?

Светлана отправилась в подсобку. Влад заметил, что настроение девушки немного испортилось после пожилой клиентки.

Женщина приобрела у неё коробку советских пашек почти даром и напоследок отвесила Свете комплимент:

– Дорогуша, вы самый ценный экспонат этого магазина!

– Мне стоит обидеться? – вежливо спросила Света.

– Что вы, что вы, нет! – испугалась бабушка. – Я только хотела сказать: как жаль, что мои сыновья все трое женаты! Вы были бы отличной женой кому-то из них!

Женщина ушла, а Света про себя думала: «Почему же моего мнения в таких вопросах никто не спрашивает, а? Уже не в первый раз кто-то пытается сосватать мне своих сыновей!»

Но вернулась она в клиентский зал уже с лунчатой улыбкой, потому что Цепеш ведь не был виноват в ее плохом настроении!

Влад с благодарностью принял чашку и принялся медленно, смакуя пить вприкуску с пряниками. Над входом вновь звякнули колокольчики, и Светина улыбка стала совершенно искренней – в магазин зашёл вчерашний посетитель.

– Здравствуйте, господин музыкант! – радостно поприветствовала она гостя.

– И вам доброго денёчка, – сегодня парень выглядел чуть более уверенным, чем вчера.

– Как там ноты Ольги? – с искренним интересом спросила девушка.

– Если честно, я ещё не попытался сыграть их.

– Всеми своё время, – понимающе ответила Света. – Чем-то могу помочь ещё?

– Вообще-то это я пришёл сюда помочь, – признался музыкант. – Мне позвонил Цепеш...

– Это ко мне, Светлана! – подал голос из угла компьютерщик. – Я уже с вашим шефом договорился, вы ведь не будете против? Он – нет.

Света возражать не стала. Цепеш велел парню сделать замеры основного помещения, чем тот тут же безропотно занялся.

– В каком жанре вы играете, господин музыкант? – полюбопытствовала Света, вызвавшаяся ему ассистировать. Парень стоял на стремянке.

– Почему вы до сих пор называете меня так? – музыкант хотел улыбнуться, но вспомнил, что этого делать не стоит.

– Но ведь вчера вы не представились. Если бы я только знала ваше имя...

– Зовите меня по фамилии, – дружелюбно решил музыкант. – Я Ролинский.

– Так что же вы играете, господин Ролинский?

– Металл. Подайте, пожалуйста, рулетку. Давно здесь работаете?

Света ассистировала замерщику, как могла.

– Да уже год, – после секундных подсчётов ответила Света.

– А ваш начальник? С ним вчера было тоже интересно пообщаться, – отметил Ролинский.

– Он появится сегодня, или завтра утром – смотря как приедет тагильский поезд или автобус.

– Света, а твой хозяин тебя не обижает? – внезапно спросил музыкант.

– Ну что за слово «хозяин» из твоих уст?! – они оба незаметно перешли на «ты». – Это самое адекватное начальство из всех, с кем мне доводилось работать.

– Ты с такой добротой о нём говоришь, а ведь у тебя с таким графиком, наверное, никакой личной жизни нет! – нагло предположил Ролинский.

Света уже хотела ответить про «вообще не его дело», как вдруг дверь магазина распахнулась, и колокольчики возвестили прибытие людей. Алёнин голос позвал Свету по имени, а вслед за девушкой в дверном проёме появился высокий силуэт, и блеснули круглые очки Матвея.

– Вы приехали! – радостно воскликнула помощница, бросившись к антиквару и Алёне.

Матвей снял пальто и помог раздеться своей попутчице. Писательница с любопытством поглядывала на парня на стремянке.

– Светочка, – Матвей искренне радовался встрече с ней. – Я гляжу, у вас сегодня целый отряд помощников!

– Всё согласовано с вами, Матвей Олегович, – невинно захлопала ресницами девушка.

– Бесспорно! – подтвердил антиквар, снимая пальто. – Вы были просто умницей эти два дня! Познакомьте же меня с молодым человеком.

– Матвей Олегович, это господин музыкант, вы вчера общались с ним по поводу нот. Его фамилия – Ролинский.

– Вот это встреча! – антиквар изумился. – Так вы и есть друг Влада?

– Да, это я, – последовало мужское рукопожатие. Потом к ним присоединился и Цепеш.

Света предложила сделать всем чаю и, получив добро от мужчин, юркнула в подсобку, Алёна вызвалась ей помочь, и Осипов разрешил ей побывать в служебном помещении. Вскоре девушки вернулись с огромным подносом в руках.

– Божечки, как ты этоносишь! – посетовала Алёна. – Он такой тяжёлый!

– А это не я ношу, это босс.

Ролинский и Осипов справились с измерениями вместе, пока девушки готовили всем чай. Цепеш уже попрощался со всеми и ушёл.

– Спасибо, милые барышни, и вам, господин Ролинский, спасибо. Так вы вернёте мне ноты?

Ролинский хотел вроде бы ответить Матвею, но заметил одну интересную деталь. Антиквар смотрел не в лицо собеседника и даже не в его сторону. Он увидел, что взгляд Осипова застыл на мило общавшейся с подругой Светлане. Алёна

рассказывала ей об их похождениях в Нижнем Тагиле, а Света улыбалась.

– А можно их не возвращать? – всё-таки спросил музыкант.

– Ну, вы ведь подписали договор.

Осипов предложил музыканту чаю с сахаром, но тот отказался.

– Я не это имел в виду. Я запишу то, что мне придётся по душе, к свадьбе.

– Что вы сказали? – не понял очнувшийся от наваждения Осипов.

Ролинский сам не понял, как такое ляпнул.

В этот момент Алёна решила, что засиживаться в магазинчике не стоит.

– Знаете, я лучше пойду. Устала с дороги. До свиданья, рада была увидеться! – сказала она, обращаясь и к антиквару, и к Свете.

– Я тебя провожу, – неожиданно ответил музыкант и, попрощавшись, вышел вслед за Тарасовой. Антиквар и Света остались вдвоём, делясь деталями того, как прошли эти два дня врозь...

МУЗЫКАНТ шёл с Алёной до метро. – Ты на кой вообще меня провожаешь? – раздражённо спросила девушка. – Ты же в «академе» живёшь!

Но Ролинский отставать не собирался.

– Как там наш Вовка?

– Если ты пребывал в коме последние полгода, мы с ним расстались. Не имею понятия, как он сейчас.

– Ах да, извини, я совсем забыл. Мы с ним давненько не виделись.

– Хороши же вы друзья, – фыркнула Алёнка. – А что тебя так напугало в магазине?

– Я хотел предложить Свете встречаться, – ответил музыкант без лишних пауз.

Алёна не выдержала и расхохоталась.

– Ты поэтому упомянул свадьбу?

– Нет, – умно начал музыкант, но запнулся. – Ты видела, как они смотрят друг на друга?

– Я близорука, – ответила Алёна. – Они оба тоже очки носят.

– Да я бы умер от счастья, если бы кто-то на меня так глядел. Ну, просто голубки!

– Глядел или глядела? – съехидничала Алёна.

– Ой, да ну тебя. Она такая умная, добрая, симпатичная, твоя подруга.

Они дошли до входа на Чкаловскую, и, прощаясь с музыкантом, Алёна заметила:

– Ты ещё молодой, Ролинский, и ещё страдаешь е-эрундой... Вот... Не помню, кто это пел, – и с загадочным лицом ушла в подземку.

ЧЕРЕЗ неделю Алёна Тарасова вновь посетила «Анти-КВА», потому что ей позвонил Осипов. Сначала девушка дала Свете почитать свои заметки об их путешествии в Тагил, а потом та позвала Матвея Олеговича, и они вместе читали Алёнины манускрипты.

– Ты талантище, подруга! – похвалила её Светлана.

– В который раз соглашаюсь со Светланой, – ответил Осипов. – Я счастлив, что ваш синдром самозванца, друг наш любезный, оказался только временным явлением. Могу я положить заметки на наш сайт с указанием автора?

– Пользуйтесь, – милостиво разрешила Алёна.

– А почему бы вам не написать об этом книгу? Это же было целое приключение! – вдохновенно предложил антиквар. – У вас выйдет настоящий исторический роман или, скажем, повесть...

Девушка крепко задумалась.

– Матвей Олегович прав, – теперь уже была очередь Светланы поддакивать шефу. – Помнишь свои рассказы об Эль Пастелеро и музыкальной даме? Тот, кто приносит музыку в твой дом...

– Не может быть отрицательным персонажем. Этот человек хочет спасти тебя музыкой. Только не спрашивай, от чего, Пастелеро!» – машинально продолжила Алёна.

У Матвея в этот момент чуть не упали с носа очки, а листочки Алёниного текста, которые он держал в руках, рассыпались по витрине.

– Что-то не так, шеф? – поинтересовалась Света.

– Нет, всё в порядке, – помотал головой продавец. – Кажется, я этот рассказ читал.

Писательница пожала плечами.

– Он печатался в студенческой газете Тагильского института. Может, кто-нибудь и давал вам почитать.

Матвей решил, во что бы то ни стало, найти этот рассказ в подшивке, ведь таких совпадений не может быть! Но тут же вспомнил кое-что.

– Ах да, чуть не забыл, зачем я звал вас. Света сегодня нашла в свежей газете новость по Тагилу, не желаете ли ознакомиться?

Алёна кивнула, схватила с журнального столика сегодняшний номер одной из областных газет и принялась вслух читать:

– «Проклятый» Каменный цветок вернулся в Нижнетагильский краеведческий музей, на своё место. Расследование так и не дало информации о том, кто мог похитить экспонат из музея и незаметно перенести его на закрытую территорию технопарка. Несмотря на заверения эксперта из Екатеринбурга М.О. Осипова о предполагаемой опасности скульптуры, комиссия из нижнетагильских учёных постановила, что цветок уничтожению не подлежит.

Разгневанная Алёна швырнула газету на столик. Матвей и Света даже вздрогнули.

– Возмутительно! И это после того, что потерпела почти вся команда исследователей, включая меня! Да там чуть ли не погиб человек! Вот так к людям и относятся – лишь бы был поток туристов и денег, а на нас им плевать!

Матвей покачал головой.

– Полно вам, Алёна, никто ведь не погиб! Ваш друг, художник и поэт Глеб Васильевич не далее, как вчера, писал мне, что тот мальчик с кардиостимулятором жив и даже уже выписался из больницы.

– Не помню, чтобы Разумовский был художником. Кстати, ему и самому там поплохело. Бедняге пришлось выйти на воздух, потому что внезапно перехватило дыхание.

Когда Алёна покинула магазинчик, Света осталась за главную в клиентской зоне, а антиквар зачем-то побежал в подсобку. Там он нашёл

таки ту самую подшивку газет. Рассказ назывался «El pastelero», а аннотация гласила в том числе: «Юная Алёна Тарасова размышляет о любви».

– Она – ваша судьба, – прозвучал в его голове голос Алёны.

От неожиданности Матвей выронил подшивку. Тяжёлый том с гулко ударился о каменный пол.

– Это не я упал, Света! Всё в порядке! – крикнул Матвей вверх, опережая громогласный вопрос коллеги.

В этот момент ему на мобильный телефон позвонили из Нижнего Тагила. Этот номер он записал как «Разум».

– Глеб Васильевич, добрейшего дня! – сразу ответил антиквар.

– Добрый день, Осипов, вы читали сегодняшнюю областную газету?

– Да, и даже показывал её своим помощникам.

– Я не смог повлиять на мнение комиссии, господин антиквар. Очень сожалею...

Матвей улыбнулся, хотя собеседник не мог этого видеть.

– Господин Разумовский, я более чем уверен, что вы сделали всё от вас зависящее, и благодарен вам за это. К тому же, я и сам не выполнил вашу просьбу. Алёна и без меня согласилась участвовать в сборнике.

– Так вы не говорили с ней?

– Я только сказал, что её рассказ сильно повлиял на мою жизнь, – соврал Осипов. – Может, это и подействовало...

– Что за рассказ это был?

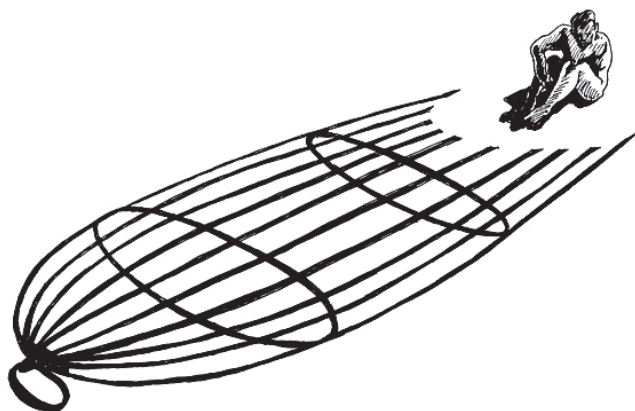
– Попросите её отправить вам «Эль пастелеро», если она ещё...

– Уже прислала, среди других. Я опубликую его после редакции. А как, если не секрет, он на вас повлиял?

– О, прошу дать мне возможность об этом скромно умолчать. Всех благ!

– Что ж, это не моё дело. Рад был пообщаться, – и писатель отключил звонок.

– Ты тоже не можешь быть отрицательным персонажем, – сказал антиквар телефону.

Пинтелин Анатолий

СЕКРЕТ

-Х ОЧЕШЬ, я покажу тебе свой секрет? – голос разрезал тишину так неожиданно, что человек, сидящий рядом вздрогнул и боязливо покосился на внезапно заговорившего. Он всегда появлялся неожиданно, но всегда вовремя.

– Так хочешь? – переспросил человек с рыжей копной непослушных волос, присаживаясь на грязный тонкий матрас, что вот уже двенадцатый год лежит на одном и том же пыльном полу в одной и той же грязной комнате. Немного погодя, второй сидящий кивнул. Но этот кивок, скорее, был чем-то импульсивным, чем обдуманым, поэтому как только до почти седого мальчика дошло что он сделал, его глаза широко раскрылись от ужаса.

– Ты боишься меня?.. – разочаровано протянул рыжеволосый. На что ему в ответ последовало сразу несколько судорожных кивков.

– Хорошо... – солнечный мальчик надул губки и, поднявшись на ноги, встал напротив второго находившегося в этой комнате и сложил руки на груди. Это заставило седовласого поднять виноватый взгляд на него.

– Вставай, пойдем за мной, я покажу тебе свой секрет...

Манящий голос, протянутая рука, подорванная вера в лучшую жизнь, чувство вины... Все это смешалось в один противоречивый ураган и заставило протянуть ладонь в ответ. Это было недоверчиво, медленно, боязливо, но рыжий умел ждать. Он ждал целых пять лет, так что эти две минуты показались ему секундой.

Отлично, – усмехнулся солнечный мальчик и вцепился в чужую ладонь мертвой хваткой.

Вся комната внезапно преобразилась: старые зашарпанные серые стены стали блистать, словно были сплошь из золота; вся пыль, пауки и прочие жуткие, незванные, мелкие жители исчезли и стало так чисто, словно всю эту красоту поддерживают каждый день; старое грязное окно с разбитым стеклом, из-за чего в комнате иногда сквозило, вытянулось и стало величавой, позолоченной по краям дверью; а тот старый матрас стал самой настоящей кроватью!

Седовласый глядел на это все с раскрытым ртом, не веря тому, что жить можно как-то иначе, чем раньше он жил.

– А теперь... Время показать... Точнее, рассказать тебе мой секрет... – заговорщицки прошептал рыжий. Он все ещё мёртвой хваткой держал второго, но стоящий напротив даже не вырывался. Солнечный мальчик резко притянул седого к себе и, прижавшись к нему всем телом, наклонился к чужому уху и прошептал что-то настолько страшное, что глаза второго резко раскрылись, все его тело забила дрожь, а дыхание перехватило. Мир вокруг стал рушиться с молниеносной скоростью, только лишь дверь оставалась неизменной и все также стояла вместо старого окна, но этого никто даже не заметил...

Наутро под окнами девятиэтажки нашли тело мальчика. Ему было двенадцать лет, седые волосы обрамляла запекшаяся кровь... Последними словами, что он слышал, были: «У тебя неизлечимая болезнь, поэтому ты не нужен своим родителям. Но если ты пройдёшь через эту дверь с золотыми вставками, все изменится...».

И он послушался.

Рыжий мальчик ликовал. Он ждал этого. Ждал этого момента последние пять лет, что седовласый боролся с шизофренией. Только вот... Солнечный мальчик не учел одного: ведь он был плод больного мозга умершего...

ЕВГЕНИЙ СТАВЦЕВ

Наталья Ветошкина

ГЕРБАРИЙ

«**Н**У, СКОЛЬКО? Сколько можно меня учить жизни? До каких пор она будет вмешиваться в мою личную жизнь?!» – Алиса нервно ходила взад и вперед по своей небольшой комнате, размеры которой казались ещё меньше от разложенных всюду книг. Большие и маленькие, высокие и низкие стопы книжных томов заполняли всё свободное пространство на столах, на табуретах, на полу, под столом и на диване. У постороннего человека при первом взгляде на эту каморку, вполне могло бы сложиться такое ощущение, что сюда переехал филиал какой-нибудь библиотеки и сейчас здесь происходит инвентаризация. Некоторые книги были раскрыты и страницы их периодически покачивались от воздушной волны, создаваемой ходившей по комнате девушки.

Она то и дело поднимала до локтей оттянутые рукава своего старого домашнего джемпера, тем самым оголяя свои руки, как это делают мальчишки перед дракой. Косичка почти совсем

распелась, ещё едва удерживаемая резинкой, но пряди длинных волос уже навязчиво падали на лоб и лицо девушки. Но девушка почти не замечала этого неудобства, лишь иногда она резким движением руки откидывала непослушные локоны, либо просто раздувала их отрывистыми быстрыми выдохами вверх. На её щеках проступил румянец, глаза искрились вспышками гнева и крайнего возбуждения.

Алиса была крайне раздражена и расстроена только что произошедшим разговором между ней и матерью. Казалось бы, и разговор начинался с обычных вещей – вопросов и ответов о жизни, о самочувствии, о подготовке к экзаменам. Но по мере развития беседы, то ли вопросы, которые задавала мать своей дочери, стали напоминать допрос, то ли дочь, не желая отвечать на вопросы и пытаясь от них уйти, скрывая какие-то личные секреты, стала превращаться в упрямого партизана. В общем, душевного разговора не получилось – нашла коса на камень –

один только лязг слышался. В воздухе повисла напряжённость. Мать, стиснув губы и опустив глаза, развернулась и, не сказав ни слова, молча, вышла за дверь.

Алиса, оставленная в покое от ненужных и раздражающих её вопросов и следующими за ними житейских наставлений, которыми любила делиться мать, дала волю эмоциям. Она едва сдерживалась, чтобы не крикнуть во весь голос, да так крикнуть, чтобы мать, находящаяся в другой комнате, услышала. Однако, семейное воспитание и входящее в него железное правило – не повышать голос на родителей – не позволяли Алисе сделать это, поэтому весь крик её уходил внутрь и внешне прорывался в виде резких движений и нервного хождения по комнате.

«Достала своими поучениями! – внутренним голосом кричала Алиса. – Не читай лёжа – испортишь зрение; не открывай окно – простудишься; не ходи босиком – заболеешь; почему посуду за собой не убираешь? Почему постель до сих пор не застелила? Не болтай по телефону, а то отвлекаешься от подготовки к экзаменам. Как раз, она меня больше всех отвлекает от экзамена. Я в таком состоянии совсем ничего не запомню... Вот спасибо, мамочка! Проявила заботу! Мне скоро восемнадцать лет, и я сама знаю с кем мне дружить, а с кем нет! Видите ли, ей Денис не понравился – манеры у него плохие! Да откуда она знает о его манерах!? Видела его пару раз и считает, что всё знает о нём? Кто сейчас не матерится?! Да почти все! Подумаешь, два раза сматерился, да и то случайно. С ним весело, он прикольный.

С этой Светкой тоже пристала – «зря ты с такой девочкой хорошей не дружишь». Эта хорошая девочка настоящая зануда. Тоже мне, нашла подругу! Алиса от возбуждения стала вспоминать прошлые обиды, уже забытые, но воскресшие сейчас, в памяти после неудобной беседы с матерью.

Лучше бы она вообще не заходила сюда. Видите ли, каша остывает. Сколько раз я говорила ей, что не люблю всякие там каши – от них только полнеют, и вообще я есть не хочу. Сбила меня с

мысли. Настрой потерян. Как я сейчас буду готовиться к экзамену?

Алиса остановилась посреди комнаты и, глубоко вздохнув, убрала обеими руками распутившиеся волосы в хвостик. Она попыталась успокоиться и взять себя в руки, хотя в голове её продолжался нервный диалог с самой собой. Она мысленно цитировала слова матери и также мысленно эмоционально спорила с ней. В очередной раз, вздёрнув рукава до локтей, Алиса опустилась на пол и, не переставая ругаться и возмущаться, взяла в руки первую попавшуюся книгу.

«Вот поступлю в институт и уйду жить в общежитие, чтобы меня не доставали больше дома всякими мелочами и нравоучениями», – размышляла Алиса и машинально, без разбора перелистывала страницы попавшей ей в руки книги. Вдруг её мысленное ворчание вмиг улетучилось, и девушка обратила внимание на чёрно-белую иллюстрацию на открытой наугад странице.

«А это здесь откуда? Ничего не понимаю?» – Алиса, словно вернувшись в сознание, закрыла книгу и взглянула на обложку.

«Марк Твен. Рассказы, – удивлённо прочитала она, – Тыфу ты, вместо фонетики Марк Твен откуда-то взялся?» Алиса раздражённо бросила книгу в сторону. Книга упала на ребро и открылась. Из неё что-то выпало.

Подобно тому, как маленькие дети резко перестают плакать, когда их внимание переключается на что-то интересное, так и Алиса, позабыв о том, что она возмущена и расстроена, с интересом подняла с пола выпавший из книги предмет.

Этим предметом оказался маленький засушенный букетик, состоящий из цветков, травинок и нераскрывшихся бутонов, перевязанных красной ниточкой.

Алиса внимательно рассмотрела букетик и осторожно поднесла его к носу, пытаясь уловить запах давно увядших цветов. За давностью лет, проведённых долгое время между страницами книги, цветы, превратившиеся в гербарий, естественно не источали запахов. Но нечто другим повеяло от них. От них повеяло сентябрьским вече-

ром, таким, какие бывают на исходе осени, когда уже чувствуется приближение зимы, а солнце ещё сопротивлялось, несмотря на утренние зорьки, наполненные запахами спелой рябины, смешанной с изморозью. Вечер, хотя и был тихим, но от него веяло какой-то лёгкой морозной свежестью, такой, какая случается поздней осенью. Приближающаяся ночь обещала заморозки.

Отец, одетый в куртку, возвращался со своей маленькой четырёхлетней дочерью из детского сада. Девочка медленно, но уверенно шла по узкому бордюру тротуара, а отец держал её за руку и сетовал на прохладную погоду и что не взял для дочери перчаток.

– Алисонька! У тебя ручки не замёрзли? – обеспокоенно спрашивал отец. Девочка лишь улыбалась, отрицательно мотая головой и продолжая шагать по бордюру.

– Папа! А цветочкам тоже холодно? – спрашивала девочка.

– Каким цветочкам? – поинтересовался отец.

– Вот этим, – девочка указала на скромные стебельки с мелкими цветками, пробивавшимися между тротуарными плитками вдоль бордюра.

– Им тоже, как и нам бывает и жарко, и тепло, и холодно, доченька, – отвечал отец. – А этой ночью цветочкам, наверное, будет очень холодно.

Выслушав ответ своего папы, девочка вдруг остановилась, прыгнула с бордюра и, присев на корточки перед цветками, произнесла:

– Надо цветочки домой забрать, чтобы они ночью не замёрзли. У нас дома тепло.

Девочка сорвала несколько цветков вперемешку с травинками и обычным тротуарным растительным сором. Отец, проникшийся заботами дочери, помог ей дополнить букетик несколькими жёлтыми и синими цветками. Получился ма-

ленький, но симпатичный букетик из тротуарных цветов.

– А давай эти цветочки подарим маме? – Спросила девочка отца и, не дожидаясь ответа, добавила. – Цветочкам будет у нас хорошо, и маме будет хорошо – она обрадуется.

Отец одобрительно кивнул головой, и девочка довольная зашагала домой.

А дома счастливая мама после чтения перед сном книги Марка Твена, когда дочка спала, уткнувшись щекой в подушку, в качестве закладки для недочитанной главы бережно положила букетик между страниц.

Ещё несколько вечеров мамин букетик исполнял роль закладки, до тех пор, пока интерес дочки не переключился на другую книжку, более соответствующую её возрасту. А Том Сойер и Гекльберри Финн на долгие годы стали хранителями маминых цветов, спасённых от осеннего холода.

Алиса сидела на полу посреди своей комнаты в окружении книг, а на раскрытой ладони её лежал маленький засохший букетик. Она смотрела на него сквозь проступившие из глаз слёзы, и сердце её сжималось при воспоминаниях о своём детстве: о том прохладном, но счастливом дне; о том, как папа помогал ей спасать цветы от холода; о том, как она любила маму...

Поднеся к губам букетик, Алиса нежно поцеловала его и вышла из комнаты. Мать сидела на кухне и смотрела в окно, а перед ней на столе стояла тарелка с остывшей кашей.

Алиса тихо подошла к матери и осторожно обняла её.

– Что ты, дочка? – прошептала мать.

– Я люблю тебя, мама.

– Я тебя тоже.

ЕКАТЕРИНА СОРОЧКИНА

ПРИВЫЧКА

ВДОХ. Холодный воздух проезжает по носоглотке, заставляя меня сбивчиво закашляться.

Из рта вырывается облако пара, и я, кажется, забываю, как дышать. Лёгкие скручиваются дикой болью. Это из-за минусовой температуры на улице, я абсолютно уверен.

Смотрю на тебя издалека, не решаясь подойти.

Я ведь тебя забыл. Забыл, забыл, забыл. Выкинул из головы, положил на дальнюю полку, забаррикадировал и запер на ключик. Сквозь сомкнутые зубы со скрежетом вырывается: «привычка...»

Ты не оставляешь меня даже спустя столько времени. Я, на самом деле, потерялся – в днях, на карте и в восприятии действительности. Спать с каждым днём всё сложнее. Твоё я-сбился-со-счёта пришествие.

Когда-то давно ты сказала, что я – единственный, с кем тебе довелось общаться так близко. Не

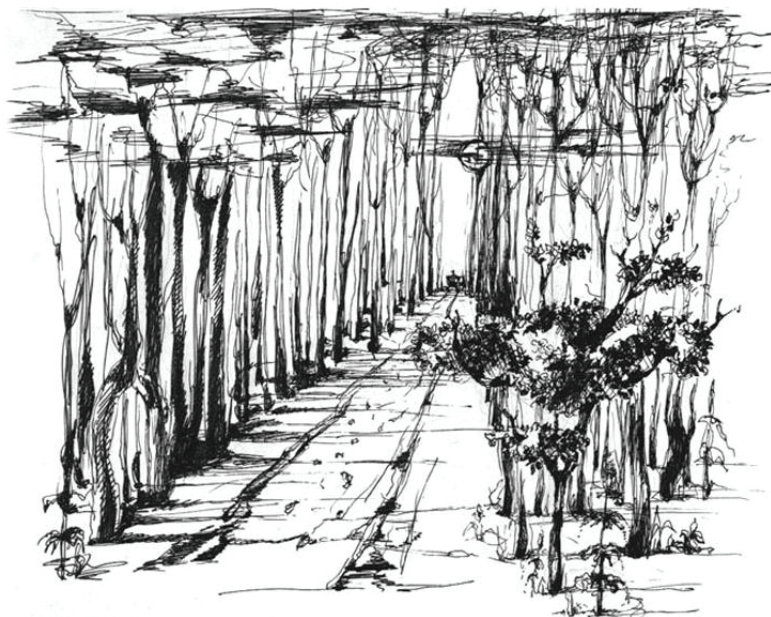
то чтобы мне стало приятно. Сойдёмся на том, что было не плевать. Казалось, я имел карт-бланш на тебя. Как бы не так.

Что-то колкое проносится по капиллярам и попадает прямо в сердце, раз за разом заставляя морщиться от боли и молить о пощаде.

Сотни попыток свалить из города, потому что вдвоём нам здесь тесно, потому что некуда сбежать от воспоминаний. Тысячи провалов, ям, оврагов, куда я падал, и падал, и падал, и падал в надежде забыться. Заученное «всё в порядке», потому что удивительно много знакомых интересуются моим состоянием. Натянута, как струна, улыбка. Только тронь – порвётся, оглушая лязганьем всё в радиусе трёх километров.

Я с удовольствием бы выбрал красную таблетку, если после этого забыл бы тебя, как страшный сон, будто тебя и не существовало вовсе.

Будь ты Вильнюсом или Копенгагеном, я предпочёл бы иметь пожизненную подписку о невыезде.

Михаил Корнев

НЕ СВОРАЧИВАЙ

Не сворачивай. Просто иди себе дальше прямо. Ты ведь подмечаешь (краем глаза, но подмечаешь), что эта аллея не такая, как другие: чистенькая, без пустых бутылок и окурков. По кромке самые тривиальные тополя – высоченные переростки, накрепко сплетённые кронами друг с другом. Под ногами самая обычная тропинка – с ямами и выщерблинами в старом асфальте, с лужами, в которых отражаются первые звёзды. Звёзды, несмотря на то, что сейчас полдень.

Края дорожки усыпаны палой листвой, чуть тронутой тленом, благоухающей осенними яблоками и мёдом. Листья резные, узорчатые: кленовые, липовые, дубовые, вязовые, и ещё какие-то невиданные, будто кто-то снежинок под Новый год нарезал из красных салфеток. Вот только вокруг одни древние тополя, и ни кустов, ни других деревьев нет и в помине.

На их шершавых стволах желтеют объявления о пропаже людей: вытянутые лица со старомодными высокими причёсками. Боковым зрением можно заметить, что в коротеньких незамысловатых текстах под «Разыскивается» встречаются непонятные «Ө» и «Ѕ». Шутники какие-нибудь развесили, а сами с камерой где-нибудь прячутся. И ржут. Пранкеры – так они себя сейчас называют. Пусть веселятся, главное – не останавливаться и не вестись на все эти трюки.

А аллея будто растёт в длину, и конца и края ей нет – тянется и тянется, будто загадочный коридор. И просветы между деревьями всё реже и реже: точно фонари вечерние гаснут. Сумерки под густыми переплетёнными кронами протягиваются фиолетовыми тенётами, цепляются за одежду, виснут на обуви.

Звуки глохнут, притупляются. Постепенно

гаснут. Больше не слышно ни грохота отбойных молотков с проезжей части, ни шума машин, ни оглушительной музыки из «девятки» у супермаркета. Вороны не каркают, дети из детского сада не кричат. Гулкая тишина – только листья сухо хрустят под ногами, и громче этого хруста теперь только биение сердца. От этого кажется, будто в мире больше никого не осталось, но это всё чушь, главное – не сворачивать. Подумаешь – шутники развлекаются.

Нужно просто идти вперёд. И не обращать внимания на все эти глупости.

И вовсе незачем приглядываться к скамейке,

такой старой, что деревянное сиденье и спинка почти сгнили, и остался только изъеденный ржавчиной чёрный остов. На самом краю которой – пара старых пистолетов с деревянной рукоятью. Кто их здесь забыл? Да какое кому до этого дело? Нужно просто пройти прямо. До самого конца. И ни за что не сворачивать. Это ведь нетрудно.

Много ли было их – тех, что не дошли до конца аллеи и малодушно свернули, съедаемые любопытством? Какая разница, если нужно просто – напроsto идти вперёд?

Не свора...

МАРИНА ЧЕРЕМНЫХ

Елизавета Табатчикова

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛУЖИ

НЕТ! Он похож на лужу! – с этих слов началось моё знакомство с одним конём на ипподроме в Висиме. На самом деле коня этого зовут Муссон, но для меня он стал Муссоном не сразу.

– Собирай Муссона на дорожку, – сказал мне как-то Вадим, тренер-наездник, или начальник, как мы его на конюшне называем. Посмотрела я на Муссона, а тот, похожий на какую-то непонятную субстанцию, спит у себя в деннике и храпит.

– Нет! Он похож на лужу! – возмутилась я и начала поднимать тушу.

На то, чтобы оживить коня, ушло много времени. Муссон изо всех сил сопротивлялся и не

хотел работать. По породе он должен быть худышкой-атлетом, но где-то Муссон растерял это качество и стал больше походить на тяжеловоза, а не на рысака.

На первой тренировке он довольно резво бежал, но только первый круг... Тогда я и решила твёрдо: худеть!

Каждое наше утро начиналось с лёгкого завтрака: Муссон получал морковку и немного овса, а после мы шли бегать: четыре круга днём и три вечером – так Муся худел. Я приходила на конюшню, а Муссон спал, расплывшись как осенняя лужа, какие бывают в Висиме тоскливым октябрьским днём.

– Пошли, лужа, работать, – говорила я ему.

Конь делал вид, что не замечает меня и не слышит.

– Лужа, это тебе нужно, а не мне, не позорь меня! – снова и снова я заставляла его, натягивая недоуздок в попытке поднять полтонны лени.

Через неделю Муссон понял, что я так просто не сдамся, и уже ждал меня утром, готовый работать.

За месяц я привела фигуру Муссона в порядок. Пришлось придумать ему более подходящее имя – атлет-котлет! Так Муссон смирился с тем, что я не умею придумывать прозвища, а люблю заплетать косички на гриве и хвосте.

– Атлет-котлет, представляешь, вчера я пошла гулять и встретила Таню, представляешь?! – говорила я ему, заплетая уже шестую косичку, а Муся только пыхтел и махал хвостом.

– Так вот, вчера пошла я гулять с девочками по Висиму... Атлет-котлет, ты меня совсем не слушаешь! – ругала я его, но в ответ слышала только ржание.

После четырёх кругов энергичной рысью мы круг шагали, а я болтала с Мусей, танцевала и пела, а конь шёл, засыпая на ходу.

– Атлет-котлет, ты же всё-таки рысак, вы по породе очень умные, поэтому я буду учить тебя разным трюкам, будем Вадима удивлять, – говорила я Муссону, а тот смотрел на меня и странно так подёргивал ушами.

И мы учили разные трюки, но Муссон долго не мог понять, зачем ему поклон, если жевать траву лёжа намного удобнее, и зачем ему испанский шаг, если ходить он и без того неплохо умеет.

Так мы подружились. Каждый день проводили вместе, а Муссон до сих пор не видел смысла в разных трюках.

– Вот видишь, какой ты у меня умный и какая у тебя фигурка! Любая девушка позавидовала бы твоим бёдрам! – шутила я.

– Что, морда моя, готов бежать? – спрашивала я Муссона. Через два дня нас ждала первая квалификация...

«Хватит ли мужества, сможет ли уложиться в нужное время?» – думала я. Это всё-таки удивительное чувство – переживать за кого-то больше, чем за себя, и знать, что всё не зря:

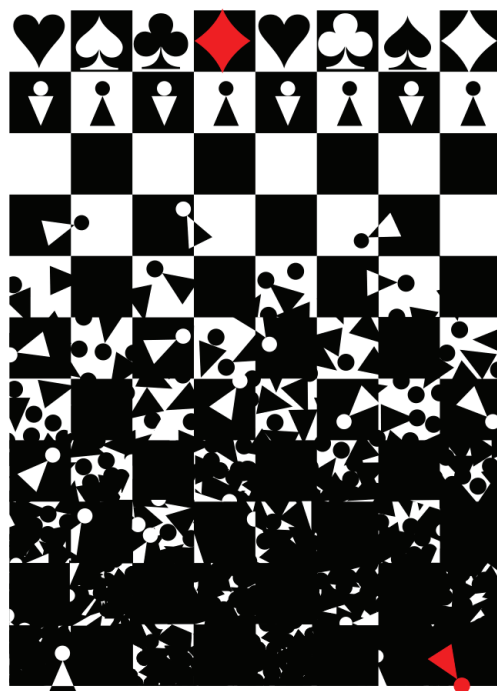
– Лапочка моя, я тебя сейчас расцелую! – почти визжа от радости, встречала я Муссона после финиша. – Муся, смотри, что я тебе купила!

Это был вальтрап красного цвета и ярко-жёлтый недоуздок с белым мехом. Теперь Муссон считался самым модным на конюшне, и, кажется, все кони ему завидовали, а я завидовала себе и уже чувствовала, как накатывает грусть: пришло время прощаться с Мусей. Он научил меня «пробовать рысак под седло», любить каждый беговой день и коллекционировать программки забегов вместо магнитиков на холодильник.

– Пойдём, лужа, гулять, – шептала я Муссону, вплетая в гриву ленту.

Был последний августовский день. Мы пошли в поле – побродить и поговорить по душам. Мы лежали на траве, собирали цветы для букета и делили селфи – так мы прощались. А вечером Муссона забрал хозяин.

НИКИТА СКОРНЯКОВ

Сергей Иконников

ТЕСТ

Действующие лица

Женщина в очках
Мужчина с гаечным ключом
Девушка с хорошим макияжем
Худой юноша

Учащиеся

Человек в темном костюме

Действие совершается в течение одного акта при одной и той же декорации. Школьный класс. На доске мелом нарисованы символы всех религий. Парты стоят вдоль стен. Посредине класса четыре стула. На крайних стульях сидят Мужчина с гаечным ключом и Худой юноша. В середине Женщина в очках и Девушка с хорошим макияжем.

Женщина в очках. Итак, друзья, какие у вас есть идеи?

Мужчина с гаечным ключом. (Сделав задумчивое и грустное выражение лица). Сорвалось. Всю свою жизнь я строил брак с женой. А теперь (Машет рукой). Всё пошло наперекосяк.

Худой юноша. (Весело). Знаете, а я за день до происшедшего со мной выкурил за раз три сига-

реты. Дальше я помню только боль в груди. Но мне плевать! Главное, что я побил свой собственный рекорд!

Женщина в очках. (Раздражённо). Парни, вы не о том оба думаете. У нас ограничено время. Если мы к рассвету не выполним тест – это будет катастрофа.

Девушка с хорошим макияжем. Ты права, подруга. Мужчины всегда, словно с Луны свалились. Лично я за выполнение работы. Напомни: в чём состоит задача?

Женщина в очках. (Охотно). Перед нами четверьма загвоздка. Они спросили: знаем ли мы правила жизни? Лично я этим никогда не интересовалась. (Мужчине с гаечным ключом и Худому юноше). А вы, парни, что скажете?

Худой юноша. (Достаёт пачку сигарет). То же самое, что и ты. Нам ничего неизвестно. (Хочет закурить).

Женщина в очках выхватывает у него пачку и кладёт себе в карман.

Девушка с хорошим макияжем. Ты слишком строга, дорогая.

Женщина в очках. Здесь нельзя курить. Надо думать. Или вы хотите отправиться в путь по лестнице грусти?

Худой юноша. (Вздрагивает). Благодарю покорно. Не желаю такой участи. Очень хочется пойти по лестнице радости.

Мужчина с гаечным ключом. (В сердцах). Но как быть с тестом, чёрт подери?! Судя по всему, никто из нас не знает ответов на него.

Девушка с хорошим макияжем. (Встает со стула). Схожу на разведку. Моё сердце говорит, что в коридоре нас ждёт разгадка.

Худой юноша. (Сажает её на место и сам встает). Погоди. Я пойду. Вдруг там опасность? И вообще, в разведку ходят мужчины.

Женщина в очках. (Горячо). Если что-нибудь узнаешь сразу же беги назад. У нас осталось только около двух часов.

Худой юноша. ОК. (Уходит).

Трое друзей сидят в молчании. В глубине сцены появляется Человек в тёмном костюме. Вскладывает руки и уходит.

Мужчина с гаечным ключом. Проклятье! Что это было?!

Девушка с хорошим макияжем. (Нервно). Не знаю. Но я больше не хочу сидеть без дела. Думаем, товарищи.

Женщина в очках. Ты права. Думаем. Кажется, я знаю одно из правил жизни. Там что-то говорится про жену другого человека. (Морщит лицо). Не могу вспомнить.

Мужчина с гаечным ключом. Я вроде тоже кое-что припоминаю. Ещё есть подобное правило. В нём говорится, что кого-то надо возлюбить, как самого себя. Вопрос в том: кого? Домашнюю зверушку?

Девушка с хорошим макияжем. (Отвлеченно) Всё-таки какая жалость, что это произошло именно вчера. Я была на сегодня записана к стилисту. Он обещал сделать мне новую причёску.

Мужчина с гаечным ключом. А я жалею, что разозлил жену. Ведь если бы не мой поступок, она бы не сделала этого со мной. Мы были бы вместе. И обоим было бы хорошо.

Женщина в очках. (Повышая голос). Снова не о том думаете?! (Девушке с хорошим макияжем). Ты же только что была на моей стороне! В чём дело?!

Девушка с хорошим макияжем. (Почти крича). Я на это не подписывалась! Что с нами происходит?! Они сказали, что мы на учёбе! В таком случае, почему у нас разные возрасты?! Даже слишком разные! (Вскакивает, бежит к открытой двери и кричит). Выпустите меня отсюда!

Дверь захлопывается. Девушка с хорошим макияжем садится возле неё, утыкается лицом в колени и плачет.

Женщина в очках. (Сурово). Нечего реветь, подруга. Сама напросилась. Им пришлось пойти на крайние меры. (Мужчине с гаечным ключом).

чом). Теперь ты. Не вспомнил, кого надо воз-
любить?

Мужчина с гаечным ключом. Не-а. Эти чёрто-
вы правила, словно за пеленой густого тумана. Не
могу вспомнить, кого же?..

Девушка с хорошим макияжем. (Поднимает
голову и кричит). Те, кто засунул нас сюда – явно
чокнулись! Представьте: я вышла погулять с пар-
нем на закате, а перед этим был дождь! На дороге
была большая лужа! Лучи заходящего солнца кра-
сиво освещали мой стройный стан! Я стала лю-
боваться на отражение, но в этот момент... (Пе-
рестает кричать и снова плачет). Что-то с силой
толкнуло меня. Я упала лицом в ту самую лужу и
кажется, разбила лицо.

Мужчина с гаечным ключом. И оказалась
здесь?

*Девушка с хорошим макияжем кивает подра-
гивающей головой.*

Женщина в очках. Все это интересно, но вер-
нёмся к тесту.

Девушка с хорошим макияжем. А ты как по-
пала сюда? Что-то помалкиваешь на этот счёт.

Женщина в очках. (Хмурится) Последнее,
что я помню – сильная головная боль. У меня по-
следние годы была сильная мигрень из-за учебы.
Я люблю получать знания, узнавать новое. Вчера
же вечером я взялась за очередную энциклопе-
дию, а потом... (Молча, достаёт платок и выти-
рает глаза).

В глубине сцены появляется Человек в тём-
ном костюме. Вскидывает руки и уходит.

Девушка с хорошим макияжем. (Тихо). Снова
началось. Я больше не могу. (Встает на ноги и дер-
гает дверь). Заперто, чтоб их! (Идёт к своему стулу

и садится на него). Я знаю, что нам делать. Есть
только один выход. Назвать им правила наобум.

Мужчина с гаечным ключом. Поддерживаю.
Мне известно, что люди, которые в этом месте
угадывают, идут по лестнице радости. А те, кто
думает, ошибается и идёт по лестнице грусти.
Лично моя душа больше тяготеет к первому вари-
анту. В конце пути я собираюсь построить новую
жизнь. (Поигрывает гаечным ключом). А вы чем
планируете заняться, когда...

Женщина в очках. (Презрительно). Вы лентяи.
Угадывать – не моё. Я всегда доискиваюсь ответа
на вопрос. Даже если мы ничего не придумаем,
придёт наш товарищ и спасёт нас.

Девушка с хорошим макияжем. Кого этот ду-
рак может спасти?

Открывается дверь и вбегает Худой юноша.

Мужчина с гаечным ключом. Что так долго,
my friend?

Худой юноша. Курил.

Девушка с хорошим макияжем. Я же говори-
ла...

Худой юноша. (Возбужденно). Я нашёл от-
веты!

Все вскакивают со своих мест.

Женщина в очках. Как ты их узнал?

Мужчина с гаечным ключом. Блеск! Я в тебя
верил, дружище!

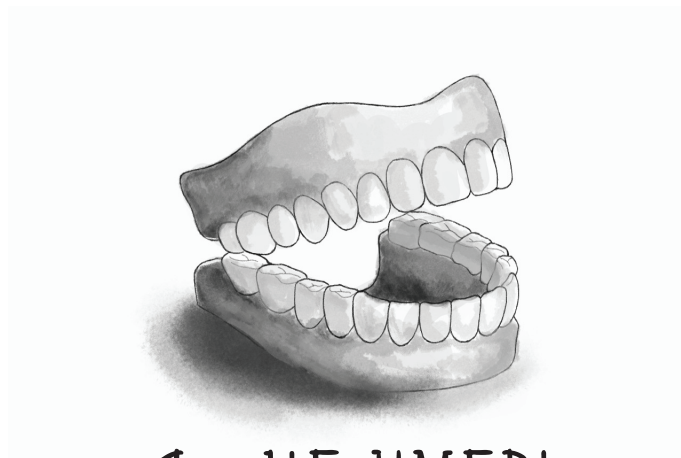
Девушка с хорошим макияжем. Не шутишь?

Худой юноша. (Радостно). Нет. За мной!

*В глубине сцены появляется Человек в темном
костюме. Вскидывает руки и уходит.*

Занавес.

БОРИС ТЕЛКОВ

Анастасия Шаяматова

Я - НЕ УМЕР!

Действующие лица

Дедушка.

Володя – внук, молодой человек 30 лет, в очках.

Маша – подруга внука.

Три незнакомца.

Сцена первая

Комната дедушки. Сам хозяин лежит на диване, поджав ноги, спиной к залу. Над диваном – выцветший ковёр, на нём несколько старых фотографий, косо висящие часы-ходики. На тумбочке стакан недопитого чая и большая мухобойка.

В комнату осторожно входит Володя. Он сияет от счастья, в его руках небольшая коробка, перевязанная розовым бантиком.

Володя (подходит к дивану). Здравствуй, дорогой дедушка!

От неожиданности дедушка крупно вздрагивает.

Дедушка (не поворачиваясь к внуку). Здравствуй, Вовка... Я ефё не умер.

Володя (оптимистично). И чудесно, что ты не умер! Жизнь – прекрасна...

Дедушка. Дегьмо..

Володя. Ну, не скажи, дедушка! Не всё так плохо, как кажется...

Дедушка. Фсё.

Володя. Так нельзя, дедушка! Сегодня у тебя праздник, день рождения, и я пришёл к тебе с подарком. Посмотри и угадай, что я тебе принёс!

Дедушка. Нифево не надо.

Володя. Неужели неинтересно, что я тебе хочу подарить?!

Дедушка. Интефесно. Дофки на гроб?

Володя. Очень остроумно. Не угадал.

Дедушка. Ефли это венук, пофтавь у входа.

Володя. Ты меня уже злишь, дедушка! Скажи, что тебе сейчас больше всего хочется?

Дедушка. В тувалет. У меня запог. Тветий день.

Володя. Та-ак, уже теплее!.. Почти горячо. Запор – это проблема. А чтобы его не было, что тебе нужно? Думай, думай!

Дедушка. Хаошая кливма.

Володя. О клизме я как-то не подумал... Хорошо, ещё одна подсказка... Э-э, дедушка, может быть, ты все-таки повернёшься ко мне лицом?

Дедушка. Невафто.

Володя. Почему?

Дедушка. Потому фто, голофа беф вубов – таве вопа.

Володя (радостно). Вот, вот! Ты почти угадал... Так что я тебе принёс в подарок?!

Дедушка разворачивается, опускает ноги на пол, садится на диван.

Дедушка. Фто?

Володя. А ты угадай! Ты сказал, что голова без зубов – то же самое, что задница...

Дедушка. А сказаф вопа.

Володя. Хорошо, пусть будет по-твоему. Так что я тебе хочу подарить? Ты уже назвал ключевое слово! Ну?!

Дедушка долго думает, потом оглядывает свой зад.

Дедушка. А-а, твусы... Впафибо, внуфек.

Володя. Да нет же! Голова у тебя без чего? Без... Ну?

Дедушка. Мовгов.

Володя. Да при чём здесь мозги?! Ты говорил про другое...

Дедушка. Мовги уве не при щём. Их – нет.

Володя. О-о, дедушка! Ты сказал, что голова у тебя без зубов. Так что же я, твой единственный внук, хочу тебе подарить?! Как вот ты думаешь, а?

Дедушка. Вубную щётку.

Володя. Всё! Я так больше не могу. (Обиженно суёт дедушке коробку). Возьми подарок, и с днём рождения тебя, дедушка!

Дедушка осторожно берёт в руки коробку. Трясёт возле уха. Нюхает. Потом осторожно развязывает бантик.

Володя (нетерпеливо). Ну, что? Каково, а? Ты удивлён?

Дедушка достаёт что-то из коробки и разглядывает это, то поднося к глазам, то удаляя.

Дедушка. Фто это?

Володя. А ты разве не видишь? Челюсти!

Дедушка. Фьи?

Володя. Твои! Неужели я принёс бы тебе на день рождения чужие челюсти?!

Дедушка в недоумении разводит руками.

Дедушка. А это тофно мои?

Володя. Тофно! Тьфу, точно твои.

Дедушка продолжает подозрительно осматривать челюсти, что-то колукает в них ногтем.

Дедушка. А-а, я поняв – это жажигалка!

Володя. Почему жажигалка? Ты же не дракон, дедушка, чтобы у тебя изо рта огонь пыхал! (Присаживается на диван в ногах у дедушки). Слушай, ты чего такой подозрительный, а? Нет, чтобы порадоваться подарку, ты ищешь какой-то подвох. Я помню, как ты расстроился, когда сломал свои старые челюсти, а теперь не хочешь даже примерить новые...

Дедушка. Я внаю...

Володя. Что ты знаешь?

Дедушка. Так не бывает. Фтобы вделали щелюсти, нувно идти к вращу, довго фидеть в ощереди...

Володя. А-а, я всё понял! (Бьёт себя по лбу). Блин, совсем забыл тебе сказать... А то думаю, в чём дело, почему не вижу радости, а ты мне про-

сто не веришь. Теперь слушай, дедушка! Месяц назад я листал какой-то лаковый журнал и случайно наткнулся на рекламу стоматологических и ортопедических услуг.

Дедушка. А ритуальные услуги есть? Ефли недорого, запифи, Вофка, телефонщик.

Володя. Прекрати! Это – врачи, которые лечат и вставляют зубы, челюсти... И там я прочёл удивительную вещь – некая фирма изготавливает челюсти по фотографии человека. Нужно лишь выслать два снимка – в профиль и анфас. Прикинь?! И больше ничего не надо! Да! – ещё одно условие – чтобы во рту не было родных зубов. А так как рот у тебя, дедушка, как у младенца, и полгода назад ты сломал свою прежнюю челюсть, то я сразу подумал, что эта реклама неспроста попала в мои руки. Как я понял, обычным путём, через поликлинику ты не хочешь обновить свой рот...

Дедушка. Мне фкоро умирать, Вофка, а там щелюсти не нуфны...

Володя. Началось! Умирать, умирать... Кстати, эта удивительная фирма, в которую я обратился, гарантирует, что человек, заказавший у них челюсть, не только начнёт жить заново, но и вообще станет другим человеком. Представляешь, не обещает, а гарантирует! Ты понял?

Дедушка (раздельно). Ха. Ха. Ха.

Володя. Что это сейчас было?

Дедушка. Это я так фмеюфь. Ха. Ха. Ха.

Володя. Не надо так больше смеяться, дедушка. Это страшно. Фирма солидная, заказ выполнила чётко в срок. Ну, не подойдут тебе эти зубы – выбросим! Делов-то... А вдруг челюсть ляжет, как родная, а потом, глядишь, начнёшь жить заново, а?! Дедушка, да очнись ты!..

Володя обнимает дедушку, трясёт его за плечи. Старик выглядит жалким, понурым. Челюсть держит в руке, как будто кому-то невидимому предъявляет билет.

Володя. Представляешь, дедушка, какая у тебя может начаться жизнь? Прежде всего, ты – женишься!

Дедушка. Ха. Ха. Ха.

Володя. Опять?

Дедушка. Да. Потому фто фмефно. Я по молодости никовда не нравифся фенщинам, а тепефь?

Володя. А тепефь – тьфу! – а теперь ты созрел для этого! Да, налил соком, возмужал, окреп духом...

Дедушка. Духа полный шифот...

Володя. Дух – прежде всего! Да перед тобой с твоими-то челюстями ни одна старушка не устоит!

Дедушка. Я её буду куфать. Нофью.

Володя. Осторожнее, только не загрызи насмерть... Вот, смотри, сколько интересного у тебя намечается с появлением челюстей.

Дедушка. Фпафибо, внуфек!

Володя. Ну, всё я пошёл в гостиную. Через полчаса жду к праздничному столу. Да! – сегодня я хочу тебя познакомить со своей девушкой, поэтому не выйди к столу в кальсонах. Девушку зовут Маша. Запомнил?

Дедушка. Мафа.

Володя. Ладно, пусть будет Мафа...

Похлопав по плечу дедушку, Володя уходит в соседнюю комнату. Дедушка продолжает сидеть на диване с челюстью в руке. Через некоторое время он, оглядевшись по сторонам, осторожно заносит в рот челюсть. Раздаётся треск, вспышка, как будто замкнула проводка, и в комнате гаснет свет.

Сцена вторая

Володя с Машей накрывают праздничный стол в гостиной.

Звонок сотового телефона. Маша берёт телефон и отходит к окну. Володя вытягивает шею, пытаясь услышать, о чём она будет говорить.

Маша (говорит приглушённым голосом). Я тебя просила больше мне не звонить! Да... да... Понимай, как хочешь... Всё.

Маша возвращается к столу.

Володя (ледяным голосом). Ты мне ничего не хочешь сказать?

Маша. На тему?

Володя. На тему твоих отношений с этим негодяем, который тебе звонит.

Маша. Почему вдруг сразу негодяй? Вполне вменяемый молодой человек. Конечно, не такой перспективный, как ты, не кандидат наук...

Володя. Во-от, мои преимущества очевидны! Ты сама это сознаёшь.

Маша. Сознаю-то я, конечно, сознаю, да вот только есть у него по сравнению с тобой один плюси́к.

Володя. Он – олигарх?

Маша. Ну, это уже не плюси́к, а целый плюсище!

Володя. Ага. Только не плюс, а крест. Дубовый. Так в чём же он меня превзошёл? Он тупой, но добрый?

Маша. Ах, ты лепишь образ идеального мужчины! Это такая редкость...

Володя. Ты говоришь, как женщина с прошлым.

Маша. Да-а, есть что забыть...

Володя. Маша, ты нарочно злишь меня?!

Маша. Даже обидно! Ты почему-то уверен, что у меня не может быть прошлого...

Володя. Я этого не говорил. Ты – девушка красивая, на тебя многие обращают внимание. Я это, думаешь, не вижу?

Маша. А что толку? Ты ждёшь, когда я кому-нибудь отвечу согласием?

Володя. А что я должен сделать?

Маша. Та-ак... Я тебе должна сказать, что тебе надо делать с девушкой?!

Володя (нервно ходит по комнате). Я понял, в чём преимущества этого подонка!

Маша. Ну, наконец-то...

Володя. Он тебя совратил!!!

Маша. Стоп, стоп! Не всё так радужно...

Володя (с отчаянием). Маша!

В это время из соседней комнаты раздаётся громкий треск, как от электрического разряда. Гаснет свет.

Володя. Да что же это такое! Кажется, выбило пробки...

Володя бежит в коридор. Вскоре зажигается свет. В дверях в соседнюю комнату в клубах дыма стоит дедушка. Он широко улыбается. За провод он держит полуобгоревшую электрическую грелку.

Дедушка (громким радостным голосом). Наконец-то она перегорела! Я давно ждал этого. Она мне надоела! Какое-то жалкое подобие человеческого тепла – она не могла согреть мою душу...

Дедушка с презрением швыряет грелку в угол комнаты.

Вернувшийся в комнату Володя и Маша с удивлением и даже испугом смотрят на дедушку.

Маша (шёпотом Володе). Я его представляла немного другим. Ты говорил, что он еле передвигает ноги.

Володя. Я сам в шоке!

Дедушка. Ужасный дом! Дряхлая развалина... Он не выдерживает напряжения моих самых невинных мыслей! Когда-нибудь он взорвётся...

Володя. Дедушка, тебе не плохо?

Дедушка. Мне плохо? Хм... Пусть мне будет всегда так плохо, как сейчас! У меня чудесное настроение, я полон сил, у меня день рождения, и эта чудесная девушка... (Кланяется в сторону Маши). Познакомь же меня скорее с ней, оболтус...

Володя. Дедушка, это – Маша. Маша – это мой дедушка Михаил Петрович.

Дедушка. Фу, Володя! Михаил Петрович... Как-то слишком по-стариковски! Сударыня для вас я просто – Мишель. Разрешите вашу ручку!

Церемонно целует девушке руку.

Володя (про себя). Ё-моё! Наверное, его уда-
рило током. Старик сошёл с ума...

*Володя хватается за голову, Маша с рас-
терянностью смотрит то на дедушку, то на
внука.*

*Дедушка, мурлыча что-то легкомысленное,
подходит к столу.*

Дедушка. Чудесный стол! Вот только водочки
я что-то не вижу... Я бы, пожалуй, сегодня при-
нял пару рюмок.

Володя. Дедушка?!

Дедушка. Давай, давай, метнись до лавки! А я
пойду пока себе галстук поярче подберу...

Володя. Галстук?! Да его у тебя никогда не
было!

Дедушка. Вовка! Не позорь меня перед девуш-
кой. Это не по-джентльменски, в конце концов. У
тебя ведь есть галстуки?

Володя. Ну, есть...

Дедушка. Ну, и всё...

*Дедушка, игриво помахав Маше рукой, покида-
ет гостиную.*

Маша (после некоторого молчания). Ты мне
про этого дедушку рассказывал? Или у тебя есть
ещё один дедушка?

Володя. Теперь уже не знаю... Я сейчас, бы-
стро!

*Похлопав себя по карманам в поисках денег,
Володя выбегает из комнаты.*

Сцена третья

Маша сидит в кресле, листает журнал. Тихо
играет музыка. Из своей комнаты появляется де-
душка. Опершись одной рукой о косяк, он засты-
вает в картинной позе. Дедушка свежевыбрит, мо-
крые волосы зачесаны назад, голова блестит, как
лакированная. На нём белая рубаша на несколько
размеров больше и пёстрый галстук.

Дедушка (интимным голосом). Барышня ску-
чает? Потанцуем?

Маша (с надеждой поглядев на дверь). Н-не
знаю... Может, Володю дождётся?

Дедушка. Не бойтесь, я ничего лишнего себе
не позволю! Только сделайте, пожалуйста, музыч-
ку погромче. Прошу!

*Они танцуют медленное танго, в которое
дедушка вносит порой латиноамериканскую
страсть...*

Дедушка. Мари, можно задать вам бестактный
вопрос?

Маша. Н-ну, не знаю, Михаил Петрович...

Дедушка. Вы забыли – Мишель. Так можно
вопросик?

Маша. Я, конечно, не тургеневская девушка,
но всё же... А впрочем, ладно, задавайте.

Дедушка. Мари, вы любите Вовку?

Маша (облегченно рассмеявшись). Вы меня
напугали, Михаил...

Дедушка. Мишель!

Маша. Да, Мишель.

Дедушка. Так что с моим внуком?

Маша. С ним всё нормально. Я его люблю.

Дедушка. А почему замуж не выходите?

Маша. Володя не хочет.

Дедушка. Ка-ак?!

Маша. Так. Очень просто. Наверное, наука
ему нужнее.

Дедушка. Вовка – дурак.

Маша. Похоже на надпись на заборе.

Дедушка. Это Вовка на дурака похож. Пого-
дите, а может быть, у вас есть ещё кто-то на при-
мете, более достойный, а?

Маша. Ухаживает один, звонит с утра до вече-
ра, жениться хочет.

Дедушка. И что, завидный жених?

Маша. Да нет, обычный.

Дедушка. Тогда это исключено! Никаких
обычных мужчин, только самые лучшие: либо
Вовка, либо... я!

Маша. Вы?! Забавно...

Дедушка. А что? Я, так как и мой внук, холост и полон планов. Не верите?

В комнату стремительно входит Володя. Увидев разряженного дедушку, танцующего с Машей, он едва не роняет из рук бутылку водки.

Володя. Дедушка, это ты?!

Дедушка. Странный какой-то сегодня день, все удивляются, когда узнают, что я – это я.

Заканчивается мелодия. Дедушка целует руку Маше, потом щеку и напоследок чмокает в шею.

Маша. Ого, Мишель! Это уже шалости.

Дедушка. Имею право, как родственник этого недотепы. Впрочем, это только пока...

Володя. Смотри-ка, как спелась... Да вас нельзя одних оставлять!

Дедушка (самодовольно). Да, мы можем натворить всяческих глупостей. Ты заметила, Мари, как похожи наши имена? Я хочу за это выпить!

Рассаживаются у стола. Дедушка наливает себе полный фужер водки.

Володя. Дедушка, ты ничего не перепутал?

Дедушка. Ты опять, негодный мальчишка?! Вновь сомневаешься я это, или не я? Возможно, сегодня я немножко не похож на себя, я в ударе, на подъёме, но только потому, что у нас за столом чудная девушка. Честно скажу, Вовка, я долго терпел, но с тех пор, как мы живём вместе, ты мне изрядно поднадоел.

Володя. Дедушка, извини, но это бокал под вино, а не под водку.

Дедушка. Молчи, зануда! Всё, я пью за прекрасную Мери!

Дедушка лихо опрокидывает в себя водку, но вдруг закашливается, роняет бокал. Челюсть вылетает изо рта и падает куда-то под стол.

Володя с Машей кое-как приводят дедушку в чувство, усаживают его в кресло.

Дедушка. О-о, фто это была ва гадофть?

Володя (с досадой). Угадай с двух раз, милый дедушка!

Дедушка. Мыфьяк?

Володя. Нет, не мышьяк. У тебя есть ещё одна попытка.

Дедушка. Не внаю. Я щувствую, фто фейщас умру. Прощайте...

Володя. У-у, тайный алкоголик!

Дедушка. Фто?

Володя. Не надо водку фужерами глушить, гусар Мишель!

Дедушка. Жашем ты налил мне фодку? Убийша...

Володя. Я?! Хорошенькое дельце... Маша, ты слышала?

Дедушка. Шештокий фнук! Шмерти моей хочешь... Я ухощу умирать...

Пьяный дедушка почти уползает в свою комнату.

Сцена четвертая

Володя с Машей вдвоём в гостиной по разные стороны праздничного стола. Маша потягивает вино. Володя, подперев щеку кулаком, изучающе смотрит на неё. Молодые люди молчат. Тихо играет музыка.

Маша. Удивительный у тебя дедушка!..

Володя. Ты, наверное, хотела сказать, странный? Или даже сумасшедший? Я готов извиниться за него. Я первый раз его таким вижу. Не знаю, что на него нашло...

Маша. Нет, он удивительный и даже занятный.

Володя. О, да, он удивил меня сегодня!

Маша. Ты на него совсем не похож.

Володя. Внешне?

Маша. Да нет, внутренне.

Володя. Спасибо за комплимент.

Маша (усмехнувшись). Это был не комплимент.

Володя. В смысле? Я думал, ты хотела сказать, что я – молод, полон энергии, планов, а дедушка брюзга, капризен...

Маша. Скорее, наоборот.

Володя. Не понял?

Маша. Это он полон планов, а ты – наоборот.

Володя вскакивает со стула и начинает нервно ходить вдоль стола.

Володя. Всё! Ты меня обидела... Сравнила с дедушкой, надо же. Да он сегодня утром помирать собирался! (Передразнивает дедушку). «Ефли это венки, пофтай у входа...» Это что, планы?!

Маша. Не знаю, это было без меня. А знаешь, что он мне сказал?

Володя. Что?

Маша. «Если Вовка не сделает тебе предложение, я сам возьму тебя в жены, а всем ухажерам, которые звонят по телефону, набью морды». Во! По-моему сказано красиво и убедительно. А ты так можешь?

Володя обессилено плюхается на близстоящий стул.

Володя. Час от часу не легче! В нашем роду появились первые сумасшедшие... Погоди, а ты меня не разыгрываешь? Это точно сказал дедушка? Может быть, приходил какой-нибудь сантехник?

Маша. Мы же не в немецком порно.

Володя. Ты смотришь порно?!

Маша. А что? Регулярно. Должна же я где-то теорию изучать. Перед практикой.

Володя. Не понял? Перед какой практикой?

Маша. А ты спроси у дедушки! Он знает.

Володя (в бешенстве). О-о, этот старикан меня уже достал!

Маша. Кстати говоря, целуется он очень даже ничего. Вот.

Володя. Не знал, что ты такой большой знаток поцелуев.

Маша. Это не надо знать, это чувствуют...

Оба молчат некоторое время.

Володя. А можно мне тебя поцеловать?

Маша. А твой дедушка об этом меня не спрашивал.

В это время стон из покоев дедушки.

Дедушка. Фсе, я умер...

Володя. Сейчас я, сейчас! Что за день сегодня такой... Ты подождёшь меня, ладно?

Маша. Не могу. У меня дела.

Володя (подозрительно). Какие ещё дела?

Маша. Понимаешь, дома кран подтекает. Очень хочется вызвать сантехника. Или даже двух.

Володя. Маша, ты опять?!

Маша. Пока!

Маша, взяв сумочку, уходит.

Дедушка (слабым голосом из своей комнаты). Вофка, Вофа, Вофощка...

Володя. Да иду, иду... старый развратник! Ты у меня сейчас получишь...

Сцена пятая

Комната дедушки. Он лежит на своём диване жалкий и несчастный. Руки дедушки, как у покойника, сложены на груди. Володя с потерянными видом сидит рядом на стуле, смотрит в пол.

Дедушка. Вофка, мне плофо, я умираю... Наферно, пора штафить швещку.

Володя. Куда ещё тебе поставить свечку?

Дедушка. На грудь.

Володя. Я бы за сегодняшний день тебе клизму поставил, а не свечку.

Дедушка. Как мне плофо...

Володя. Конечно, выпить целый фужер водки.

Дедушка. Наферно, я подумал, фто это фода.

Володя. Ага. Подумал он... Просто невинный ягнёнок. Тебе сейчас не свечка нужна, а что-нибудь закусить.

Дедушка. Товда свари мне манной кафки, Вофа...

Володя. Дедушка – ты большой оригинал! Первый раз слышу, чтобы водку закусывали манной кашей. Может быть, тебе солёного огурчика или салатика?

Дедушка (слабым голосом). Будь так добв, внуфек...

Володя. Вот, вот... Таким покорным ты мне больше нравишься. Сейчас пойду, принесу. Да! – и вообще, надень зубы, я не понимаю, что ты говоришь.

Дедушка. А где моя щелюсть?

Володя. Вон, на полке лежит. Не помнишь, как ты её под стол выплюнул?

Дедушка. Я?!

Володя. Нет, я! Потом я её кое-как нашёл...

Дедушка. Шпашибо, Вофа.

Володя. Ну, просто, сирота казанская... Ты бы, дедушка, как-то определился: либо ты умираешь, либо женишься. Подумай пока над этим, а я что-нибудь закусить тебе принесу, да и сам поем...

Володя уходит. Дедушка дрожащей рукой тянется к полке. Просовывает в рот челюсть. С треском лопаются лампочка. Гаснет свет.

Володя (кричит из гостиной). Да что же это такое сегодня?!!

Сцена шестая

Вечер. Володя с дедушкой в гостиной. Внук работает за компьютером, дедушка сидит в кресле-качалке с рюмкой в руке.

Дедушка. Не грусти, Вовка! Всё будет хорошо. Кстати, а почему ушла Маша? С ней было так хорошо!

Володя. Ты напугал её своими безумствами.

Дедушка. Запомни, внучек: женщину невоз-

можно напугать безумствами. Она их ждёт от мужчины...

Володя. Смотри-ка, как ты сегодня раскрылся! Просто распустился махровым цветом...

Дедушка. Да, я всегда любил женщин! И, поверь, многие из них отвечали мне взаимностью. Помню, на дискотеке, в Туапсе встретил я...

Володя. Стоп, дедушка! Ври, да не завирайся – какие в твоё время были дискотеки?

Дедушка. А с чего ты взял, что я говорю про то время? Нет, это было недавно, года два-три назад...

Володя. Дедушка, родной, года два-три назад ты не покидал пределы города, более того, редко выползал из квартиры. Не знаю, может быть, ты закадрил какую-нибудь старушку на скамейке у подъезда...

Дедушка. Хорошо, я живу так долго, что год-другой для меня ничего не значат. Пусть этот роман случился чуть раньше, не буду спорить, но именно в Туапсе, на дискотеке в одном из ресторанов возле порта. У неё были такие длинные, распущенные по плечам волосы, что, казалось, откинь их, а под ними вовсе нет платья. Она была, как русалка, вынырнувшая из моря...

Володя (в тон дедушке). ... а ты – как дельфин...

Дедушка. Салага, прощаю тебе иронию! В то время я был капитаном дальнего плавания. Нет! – я был пиратом Чёрная борода. Мы только что вернулись из удачного похода, два торговых корабля мы отправили на дно у берегов Испании...

Володя. Всё! Я забираю у тебя бутылку.

Дедушка. Да, возьми себе это мерзкое пойло. Моя душа истосковалась по настоящему гавайскому рому, по солёному, пахнущему водорослями морскому ветру...

Володя. Дедушка, прекрати этот бред!

Дедушка. Бред – это то, чем ты сейчас занимаешься! Ты видишь жизнь через очки по экрану своего гудящего ящика. Ты – канарейка в клетке!

Оба поднимаются, сопя от злости, смотрят друг на друга.

Володя. Дедушка, угомонись!
Дедушка. Вовка, прекрати нудить!

*Садятся, возвращаются к своим занятиям:
Володя к работе за компьютером, дедушка нали-
вает себе ещё вина.*

Дедушка (после некоторого молчания). Недо-
вольных я обычно выбрасывал за борт.

Володя. Ну-ну...

Дедушка. А тебе, как родственнику делаю по-
слабление – я предлагаю тебе жениться.

Володя. Что?!

Дедушка. Хороший вопрос. Я боялся, что ты
скажешь: «На ком?!» Естественно, на Маше. И
как можно быстрее! Ты смотри, я тебе, как внуку,
как сопляку, даю фору – неделю-другую. Не же-
нишься, я сам за неё возьмусь.

Володя. Ты?!

Дедушка. Я что ли невнятно говорю? Одним
словом, я тебя предупредил. Пирата из тебя уже
не получится, так хоть дети, может быть, не будут
прятаться от настоящей жизни. Что смотришь на
меня так? Иди лучше, прогуляйся, купи мне све-
жих газет...

Володя. Да ты их никогда не читал?

Дедушка. Я?! Не читал?! Я читал, но ты этого
не видел...

Володя. Да-а, я много чего не видел, не знал о
тебе. Ты оказывается ещё тот джентльмен удачи и
дон Жуан...

Дедушка. Да, Вовка, что есть, то есть.

Володя. Постой, но ведь ещё утром ты гово-
рил, что женщины тебя избегали!

Дедушка. Слушай, твой слух вызывает у меня
тревогу... Я говорил, не избегали, а убегали. По-
тому что я очень горячий, страстный. Не каждая
могла выдержать. Увижу, понравится, всё – на
абордаж! – считай, уже моя. Впрочем, хвастаться
победами над женщинами – занятие недостойное
отважного пирата. Давай, отправляйся за газета-
ми, а я вздремну часок-другой...

Дедушка, захватив бутылку вина, оправляет-

*ся в свою комнату. Через некоторое время отту-
да доносится:*

– Пятнадцать человек
На сундук мертвеца
И бутылка рому!
О-хо-хо! О-хо-хо!

Сцена седьмая

*Поздний вечер. В гостиной темно. Володя си-
дит перед компьютером и по телефону звонит
Маше. Говорит шёпотом, постоянно косясь на
дверь в дедушкину комнату.*

Володя. Маша, ты вовремя ушла от нас! Потом
тут такое началось... Нет, дедушка не умер! Прав-
да, от водки ему стало вначале плохо, а потом так
хорошо... Не, я знаю, что от водки хорошо, но не
настолько же?! Ты бы видела... Знаешь, после того,
что услышал от дедушки, я не знаю, как к нему от-
носиться. Ага, милый старикан? Если честно, я
его уже боюсь. Я не знаю, кем он будет завтра, что
меня ждёт. К примеру, сегодня он был гусаром Ми-
шелем, Дон Жуаном и Чёрной бородой. Каково, а?!

Вот в кого обернулся тишайший старичок Михаил
Петрович Курочкин! А ты напрасно смеёшься, сей-
час тебе будет не до смеха. Слушай и содрогайся!
Он поставил мне условия: если через две недели
я не сделаю тебе предложение, он сам женится на
тебе. Ага, страшно?! Что, ничуть?.. Странно, пожа-
луй, будь дед хоть на двадцать лет моложе, я бы
уже начал ревновать... Что значит, неспособен?
Ещё как могу, придёшь – задушу! Ладно, слушай
дальше... Перед сном ему вздумалось почитать
свежую прессу. Блин! – он никогда в руки газет не
брал, а тут прочитал от заглавия до состава редак-
ции и пришёл в негодование. Всё, говорит, надо
смещать мэра. Во, как хватил! Глава города ему не
понравился. Поинтересовался, когда перевыборы.
Я сказал, что через два года. Дедушке показалось,
что это слишком долго. Зачем-то спросил, где мож-
но купить приличный костюм. Когда человек, всю
жизнь проходивший в свитере и безрукавке, задаёт

такой вопрос, я начинаю напрягаться. Тут что-то не так! Я кое-как уложил деда спать... Что завтра будет, не знаю. Ладно, всё, не буду тебя пугать. Пока! Целую...

Сцена восьмая

Утро. Володя в одежде спит на диване в гостиной. На его груди распахнутая книжка. Над головой горит невыключенный перед сном ночничок.

Из дедушкиной комнаты доносится скрип пружин, оханье. Потом треск невидимого электрического разряда, и ночничок над головой Володи гаснет.

Володя испуганно вскидывает голову.

Володя. Ого! Уже утро... (Встаёт, разминается). Фу, вчерашний день кажется сплошным кошмаром... А может быть, мне все это приснилось, и я вовсе не внук флибустьера? Интересно, что сейчас поделявает этот корсар? Дрыхнет, небось, без задних ног... Вот он удивится, когда я расскажу про его вчерашнее помутнение разума!

В это время из соседней комнаты слышится бодрый дедушкин голос: «Алло! Алло! Это приёмная президента? Как слышите? Я бы хотел поговорить с самим...»

Володя пару секунд стоит, объятый ужасом, потом стремглав кидается к дедушке. Слышны звуки борьбы, голоса. Володя выволакивает в гостиную упирающегося деда. Тот сжимает в руке трубку телефона, пытается что-то сказать туда, сам аппарат волочится по полу. Старик в праздничном костюме внука, в белой рубахе и галстуке. Всё сидит на нём нелепо, колом.

Володя: Ты – сумасшедший старик!!!

Дедушка. Я?! Да я разумен, как никогда! Я просто чувствую в себе необыкновенные приливы знаний, интеллектуальных сил, и я готов делиться ими со всем человечеством, и, может быть, даже с космосом...

Володя. Космос-то что тебе плохого сделал?! О-о, боже, болезнь прогрессирует!..

Дедушка. Болезнь?! Мое духовное величие ты называешь болезнью?! Ты огорчаешь меня... внук.

Володя. Дедушка, милый, что с тобой происходит, а? У тебя что-то болит?

Дедушка. Да у меня душа болит за всё человечество!

Володя. Я так и знал! Нужно срочно вызвать врача...

Володя выхватывает из кармана сотовый телефон, набирает номер, а, тем временем, дедушка незаметно выskalзывает из квартиры.

Володя. Да что же это такое, вечно до них не дозвонишься!..

В это время звонок. Володя бежит открывать дверь. На пороге Маша.

Маша. Привет! Куда это дедушка побежал?

Володя. Как – дедушка?! (Заглядывает в его комнату). О-о, ч-чёрт! Он убежал! Что делать, что делать, Маша?! Он сейчас натворит таки-их дел!

Маша. Успокойся. Надеюсь, самое страшное для тебя он не сделает за это время...

Володя. Ты о чём?

Маша. Жениться на мне.

Володя. Что? Жениться? Ах, да... Да, жениться на тебе он не сможет... потому что ты – рядом. Спасибо, что пришла.

Володя подходит к Маше. Они целуются.

Маша (удивленно). Слушай, а дедушка на тебя как-то положительно, вернее, отрицательно повлиял. Ты целоваться стал совсем по-другому. Как-то дерзко, даже нагло как-то!

Володя. Да? Ну-ка, давай ещё раз попробуем... вдруг ты ошиблась...

Вновь целуются.

Маша. Ого! Да это уже откровенный секс, а не поцелуй! Погоди, погоди, вдруг вернётся дедушка...

Володя. Дедушка? Какой дедушка? Ах, да...

Маша. Всё, хватит истерить, давай реально оценим ситуацию. Итак, что происходит с дедушкой?

Володя. Он сошёл с ума.

Маша. Почему?

Володя. Не знаю. Возраст, наверное.

Маша. Не-ет, так не бывает! Что-то с ним произошло... Может быть, он встретил кого?

Володя. Кого! Да он из дома последние лет десять почти не выходил.

Маша. Хорошо. Давай пофантазируем! Вдруг ему позвонила любимая женщина, а? Ну, из его тёмного прошлого. Он затосковал, вспомнил былые радости, и у него тихонечко поехала...

Володя. Крыша. Нет, это не про дедушку.

Маша. Напрасно ты так считаешь! Любовь – очень реальный повод, чтобы сойти с ума. Можно сказать, благодатная почва, где произрастают всяческие безумства.

Володя. На дедушкин участок эту почву не завели.

Маша. Ну, я бы так не сказала!

Володя. Маша, прекрати! То, что он тебя поцеловал, это ещё ничего не значит.

Маша. Для мужчины, возможно, да. А для женщины поцелуй – это всё! Вот твой дедушка...

Володя. Маша!!!

Маша. Всё, молчу. Вернёмся к тому, от чего дедушка мог сойти с ума. Ты сам-то что думаешь?

Володя. Не знаю! Вот. Думаю, что причину надо искать в дне рождения.

Маша. Хорошо. Давай начнём с самого утра. Он проснулся нормальным?

Володя. Да. Как обычно. Сказал, что ещё не умер и предположил, что на день рождения я подарил ему либо венок, либо доски на гроб.

Маша. И ты считаешь, что это нормально?!

Володя. Для дедушки – да. Он никогда не отличался оптимизмом и был очень практичен.

Маша. Погоди! А почему ты о нём в прошедшем времени говоришь?

Володя. Разве? Не знаю... Наверное, потому, что теперь у меня как бы два дедушки – нормальный и безумный.

Маша. Кстати, а что ты подарил нормальному дедушке?

Володя. Ну, это очень интимно... Мне бы не хотелось об этом говорить.

Маша. А-а, я всё поняла! Ты ему подарил мешок виагры, и сказал, что это таблетки от головной боли. Тогда всё понятно...

Володя. М-м, в общем-то, это неплохая идея, но я почему-то до неё не додумался. Может быть, на следующий день рождения...

Маша. Ладно, если это не виагра, то ещё что такое интимное ты мог ему подарить? Кожаные плавки, ремни, наручники?

Володя. Маша, ты не пугай меня? Этому тебя фашистский сантехник научил?

Маша. Володя, ты отстал от жизни! Сейчас любая школьница немецкого ассенизатора так ремнём отхлещет, мало не покажется. Всё, не отвлекайся! Так что ты подарил любимому дедушке?

Володя. Челюсть.

Маша. Челюсть?! Как это мило...

Володя. Ну, да.

Маша. То есть, ты оплатил её стоимость?

Володя. Не совсем. Это очень необычная челюсть. Челюсть будущего! Чтобы её изготовить, не надо сто раз ходить на замеры в поликлинику, как дедушка делал это с прежней челюстью, достаточно выслать в фирму два фото – в профиль и анфас.

Маша. И всё?!

Володя. И всё. Что я и сделал.

Маша. Чудо какое-то! Я бабушке такую же хочу заказать.

Володя. Более того! Фирма гарантирует, что с этой удивительной челюстью человек начинает новую жизнь, становится другим челове...

Володя и Маша несколько секунд тупо смотрят друг на друга.

Володя и Маша (хором). Челюсть!!!

Володя начинает лихорадочно бегать по квартире, потом кидается к рабочему столу, роется в бумагах. Наконец выхватывает какой-то журнал.

Володя. Вот он, голубчик! Сейчас я позвоню, разберусь с этими эскулапами, врачами-убийцами... Ишь, «челюсть изменит вашу жизнь»! Вы у меня получите... в челюсть!..

Набирает нужный номер. Слушает, кашляет, прочищает горло.

Володя. Ну, давайте... давайте... берите трубку...

Громкие редкие гудки.

Электронный голос. Набранный вами номер не существует. (Далее то же самое, только на английском языке).

Володя. Что за ерунда! Я уже несколько раз туда звонил...

Володя вновь нервно набирает номер.

Электронный голос. Набранный вами номер не существует. (Далее то же самое, только на английском языке).

Володя. Бред... Бедный дедушка!

Маша подходит к Володе, обнимает его, кладёт голову ему на грудь.

Телефонные гудки.

Сцена девятая

В гостиной полумрак. На диване лежат, обнявшись, Володя с Машей. Они целуются, страсти накаляются... Неожиданно Маша вскакивает с дивана, включает свет.

Володя. Машенька, куда ты? Вот так всегда, на самом интересном месте...

Маша. Ну-ка, иди сюда, герой!

Володя нехотя поднимается с дивана и, поправляя рубаху, подходит к Маше. Пытается её обнять. Маша отстраняет его руки.

Маша. погоди, погоди... Встань сюда, открой рот... Шире!

Володя. Да не болит у меня горло!

Маша. Горло тут не при чём... Я смотрю, может быть, и у тебя вставная челюсть? Очень уж ты сегодня какой-то странный...

Володя. В смысле?

Маша. Да прыткий такой, любвеобильный! Что ж ты раньше прикидывался скромнягой? Или дедушка тебя напугал, что возьмёт меня в жёны, а?

Володя. Да-а, дедушка у меня ещё тот ма-ньяк... Этой ночью я посмотрел в Интернете информацию о пирате Чёрная борода. Так вот, у него было четырнадцать жён, по одной в каждом порту. И ещё у него такая фишка была... В свою чёрную, длиной по пояс, бороду он втыкал фитили от ядер и поджигал их. Представляешь, он шёл в темноте, и вся его борода трещала и светилась, как люстра. Ни до, ни после Чёрной бороды никто не решался на такой трюк... Можно было полыхнуть и поминай, как звали!

Маша. Класс! Крутой мужик!

Оба смеются. Володя обнимает Машу, они снова целуются. В это время раздаётся звонок в дверь.

Володя (идёт к двери). О! Дедушка пришёл... Интересно, кто он сейчас? Инопланетянин? Маша, хочешь такого в мужа? Полюби меня зелёнького-о-о!..

Открывает дверь. Незнакомые люди вносят в дом дедушку. Голова его забинтована.

Володя (кидается к дедушке). Дедушка, дедушка, что с тобой?!

Дедушка (слабым голосом). Профяй, Володя...

Володя. Кладите его на диван, вот сюда, осторожнее... Он, кажется, на самом деле умирает... Кто-нибудь может объяснить, что с дедушкой произошло?!

Первый незнакомец. Мы сидели в приёмной у мэра...

Володя (обречённо). Всё-таки он пошёл туда...

Второй незнакомец. Ваш дедушка был весел, прогуливался по ковру...

Третий незнакомец. Да, да, такой уверенный, крепкий старик. Мы все обратили на него внимание...

Володя. Да не тяните, скажите, почему у него разбита голова?!

Первый незнакомец. Ваш дедушка подошёл к зеркалу...

Второй незнакомец. Такому огромному, на полстены зеркалу...

Володя. Ёлки-палки, вы что, издеваетесь надо мной?!

Третий незнакомец. Ваш дедушка, вероятно, хотел поправить галстук перед зеркалом...

Первый незнакомец. Точно! Пиджак и галстук сидели на нём как-то мешковато, извините, немного нелепо...

Володя. Мы что, сейчас гардероб дедушки обсуждаем?! Это мой пиджак! Это мой галстук!

Маша. Володечка, успокойся!

Второй незнакомец. А я не согласен со своими товарищами! Ваш дедушка вовсе не галстук перед зеркалом поправлял, а знаете что?

Володя. Да что мог поправлять мой восьмидесятилетний дедушка?! Застёгивал ширинку?!

Второй незнакомец что-то шепчет на ухо Володе.

Володя. Челюсть?!

Второй незнакомец. Ну, да. Я сам видел. Достал, осмотрел её и обратно вставил.

Третий незнакомец. И вот тут, ка-а-ак долбануло!

Володя. Что... долбануло?

Первый незнакомец. Нет, он поправлял галстук...

Второй незнакомец. Зубы! Зубы! Готов поспорить... Вернее, челюсть...

Володя (в истерике). Я сейчас сам вас долбану! Обоих!!!

Первый незнакомец. Ну, знаете, мы вам дедушку принесли, почти живого, а вы...

Второй незнакомец. Да, не ожидали от вас такого. Зубы, вернее, челюсть, кстати, у него в кармане лежат... Проверьте. А то потом скажете, что мы себе дедушкину челюсть стырили!

Володя. Я сейчас... не знаю, что сделаю!!!

Третий незнакомец. Вот-вот, есть такие люди – к ним с добром, вернее, с дедушкой, а они вон что творят...

Володя (поворачивается к Маше). Машенька, умоляю, узнай толком у этих... людей, что произошло с дедушкой. Я больше не могу с ними разговаривать.

Первый незнакомец. Мы и говорим. Сидели в приёмной у мэра...

Володя. Вы мне скажете или нет, что долбануло в приёмной?!!

Незнакомцы (хором). Люстра!

Володя. Какая ещё люстра?

Первый незнакомец. Огромная такая люстра, старинная, лампочек на сто...

Второй незнакомец. Не-е, там все двести...

Володя. Хватит!!! Что с люстрой...

Третий незнакомец. Когда дедушка подошёл к зеркалу, чтобы поправить...

Первый незнакомец. ...галстук...

Второй незнакомец. ...зубы, то есть челюсть...

Третий незнакомец. Все лампочки...

Первый незнакомец. ... все сто штук...

Второй незнакомец. ...все двести...

Третий незнакомец. ... как взорвутся! Лопнули разом! Как будто их подключили к шаровой молнии!

Первый незнакомец. Да, да, так и было! Лю-

стра тоже не выдержала и грохнулась оземь! Вернее, о паркет...

Второй незнакомец. Удар был такой сильный, что люстра раскололась на части, и один кусок прилетел прямо в голову вашему дедушке.

Третий незнакомец. Дедушка сказал, что будет умирать дома. Вот мы его и принесли.

Все стоят со скорбными лицами над дедушкой.

Первый незнакомец. Да-а, если в приёмной мэра падают люстры, что тогда говорить о городе?

Второй незнакомец. А какие у нас дороги? Яма на яме, яма на яме...

Третий незнакомец. А экология? Трубы дымят и дымят, дымят и дымят...

Володя. Во-он!!! Пошли все во-о-он!!!

Незнакомцы, толпясь, испуганно подались к двери.

Володя (обессилено выдохнув). ... в смысле «спасибо»...

Володя с Машей склоняются над дедушкой.

Володя. Дедушка, родной, тебе плохо?

Маша. Он, кажется, без сознания...

Володя. Он умирает? Скажи, ты ведь будущий врач!

Маша. Ой, Володя, боюсь, что да... Держись, Вова!

Володя. Да... я сам это вижу... Смотри, как заострилось лицо! Он уже не дышит...

Маша. Принеси какое-нибудь зеркальце!

Володя (в отчаянии). Ни слова о зеркале!

Маша. Ой, извини! Я хотела проверить его дыхание...

Володя находит зеркальце, Маша подносит его ко рту дедушки.

Володя (обречённо). Всё, умер...

Маша. Да... а вчера ещё жениться собирался...

Оба плачут, уткнувшись друг в друга.

Володя. Всё-таки смерть страшна... Посмотри, как у него запал рот. Вид такой жалкий, несчастный...

Маша. А ты сможешь вставить ему челюсть?

Володя. Зачем?

Маша. Рот не так страшно будет выглядеть...

Володя. Ты думаешь? Если честно, то я боюсь... Хотя, давай, попробую. Только ради дедушки.

Володя обшаривает карманы дедушки, находит челюсть. Подносит её ко рту покойника.

Володя. Фу, даже руки трясутся...

Маша. Тебе помочь? Я была в морге.

Володя. Не могу сказать, что завидую тебе. Погоди, я сейчас сам! Блин, как же он надевал? О, я, кажется, понял, как...

В это время раздаётся хлопок разорвавшейся лампочки. Кромешная темнота.

Володя (кричит в ужасе). А-а, он укусил меня за палец!!!

Маша (кричит в ужасе). Ой, кто-то меня ущипнул за ногу!

Визг Маши и демонический хохот дедушки.

Дедушка. Вовка, я ещё не умер!

Занавес.

ЕЛЕНА КИСЕЛЬКОВА

Анастасия Шаяхматова

ЛЮБОВЬ К ТРЕМ АПЕЛЬСИНАМ

Действующие лица:

Челио, маг
Моргана, фея
Сильвио, король
Тарталья, принц
Нинетта, младшая дочь апельсинового короля
Труффальдино, ученик мага
Леандро, придворный
Клариче, принцесса
Смеральдина, служанка
Креонта, великанша
Моника, средняя дочь апельсинового короля
Орнелла, старшая дочь апельсинового короля
Дьявол с мехами

Пролог

В сказочном королевстве праздник. У короля Сильвио родился сын Тарталья. На крестины пригласили мага Челио.

ЧЕЛИО. Позвольте, я, как крестный, я хочу сказать... Сегодня у нас праздничное чудо! Вернее чудесный праздник! У нашего короля Сильвио родился наш сын – принц Тарталья! То есть я хотел сказать его – сын, а наш – принц. Да, прошу прощения. Мы так долго этого ждали, целых

девять месяцев! Тарталья вырастет и тоже станет великим королем, но конечно после того, как Сильвио... Ой!

СИЛЬВИО. Челио, что сегодня с тобой?

ЧЕЛИО. Прошу прощения. Сегодня у каждого жителя королевства бьет в душе фонтан радости. И у новорожденного тоже бьет фонтан!

СИЛЬВИО. Друг мой, я не понимаю!

ЧЕЛИО. Сейчас. В честь принца, с этого дня на площади будут бить два фонтана! Один с оливковым маслом, а второй с вином! До его восемнадцатилетия! Такой у меня подарок для моего крестника. Ура!

Гости аплодируют.

Эпизод первый

Недалеко от города на берегу озера встречаются маг Челио и фея Моргана. Целуются и взмывают в воздух.

МОРГАНА. Челио, ты опять опаздываешь!

ЧЕЛИО. Моргана, милая, прости. Замотался и совсем забыл об одном важном деле.

МОРГАНА. Что может быть важнее, чем свидание с невестой?

ЧЕЛИО. Ну, что мне сделать, чтобы ты меня простила? Хочешь, я вызову для тебя тропический ливень?

МОРГАНА. Что ты, что ты! Ты же испортишь мне прическу!

ЧЕЛИО. Ну, тогда... Я сейчас сотку колесницу из облака, запряженную сотней быстрокрылых ласточек.

МОРГАНА. Челио, просто побудь рядом. Я так по тебе соскучилась.

ЧЕЛИО. Надо же, как красиво поют соловьи. Среди бела дня. Это ты их попросила?

МОРГАНА. Я же – фея!

ЧЕЛИО. Самая прекрасная из всех фей!

МОРГАНА. И ты – сильнейший маг! Мы с тобой прекрасная пара.

ЧЕЛИО. А у тебя не бывает так? Что иногда хочется быть простым человеком. Вот сегодня ко-

роль Сильвио пригласил меня на крестины своего сына. И все ждут от меня опять какого-то чуда. Чего-то такого сногшибательного. А я уже устал всех удивлять. Ну, сделал новорожденному Тарталье два фонтана. Один с маслом, второй – с вином. Я молодец?

МОРГАНА. А почему Сильвио меня не позвал?

ЧЕЛИО. Не знаю. Забыл, наверное.

МОРГАНА. А почему же ты, тогда не напомнил ему?

ЧЕЛИО. Извини, любимая, я как-то не подумал.

МОРГАНА. Челио, как ты мог про меня не подумать? Я не понимаю. Как ты мог пойти без меня!

ЧЕЛИО. Просто мы с Сильвио старые друзья.

МОРГАНА. Друзья? То есть Сильвио решил со мной не церемониться? То есть я для него не достаточно авторитетная фея? И после этого – он твой друг?!

ЧЕЛИО. Моргана, не преувеличивай! Следующий раз обязательно пойдем вместе.

МОРГАНА. Ну, хорошо! Следующий раз, на похороны, пойдем вместе.

ЧЕЛИО. На похороны?

МОРГАНА. Да знаешь, как-то вот так вот. Случилось одно небольшое проклятие. Когда сыну короля Сильвио, принцу Тарталье исполнится пятнадцать, на него обрушится страшная болезнь. Черная депрессия. Зачахнет, затоскует и помрет молодым. Лет до восемнадцати доживет и – все!

ЧЕЛИО. Нет, Моргана. Я не верю. Это не ты. Ты же добрая.

МОРГАНА. Не надо было меня бесить!

ЧЕЛИО. Неужели я в тебе так ошибся?

МОРГАНА. Я – это я! Потомственная и могущественная. А ты думал, что я с цветка на цветок все время порхаю?

ЧЕЛИО. А ты знаешь, я очень рад! Мне просто повезло, что я не успел жениться на тебе! Очень рад, что это случилось до свадьбы.

МОРГАНА. Челио, Челио, что ты наделал...

ЧЕЛИО. Да, я расторгаю нашу помолвку! Только это не я! Это ты наделала! Погубила невинного человека! Бедный Тарталья! Как я буду смотреть Сильвио в глаза после всего?

МОРГАНА. Этих тупоголовых пешек тебе жалко? А меня нет? Говоришь, тебе повезло? Ошибаешься. Ой, как ошибаешься. Отныне, Челио, вся энергия моей любви обернется против тебя! Ты пожалеешь. Ты захлебнешься в моей ненависти.

ЧЕЛИО. Обещаю, Моргана, я найду способ. Я спасу Тарталью. Сколько бы у меня на это не ушло времени! И тогда... Ты мне станешь безразлична.

МОРГАНА. Посмотрим. Встретимся через восемнадцать лет. На похоронах.

ЧЕЛИО. Нет. То есть да! Встретимся через восемнадцать лет. На свадьбе Тартальи.

Эпизод второй

Прошло восемнадцать лет. Маг Челио тайно прибыл во дворец Сильвио в сопровождении Труффальдино.

СИЛЬВИО. Челио, друг мой! Наконец-то! Последние два года... Знаешь, я весь извелся. Эта его депрессия, она нас всех измучила. Чем ближе к восемнадцати, тем все хуже и хуже.

ЧЕЛИО. Знаю, Сильвио, знаю.

СИЛЬВИО. Ну, говори скорее! Ты добыл средство? Ты спасешь Тарталью?

ЧЕЛИО. Да. В песках Африки я нашел короля джинов. И он дал мне старинное заклятие смехом. На это у меня ушло шесть лет.

СИЛЬВИО. Спасибо, Челио. Мой мальчик, мой Тарталья будет спасен. Ты прочитаешь его сегодня?

ЧЕЛИО. Не торопись, Сильвио. Нужно действовать осторожно. У Морганы наверняка есть в твоём дворце глаза и уши. Лучше будет, если я уйду сейчас же. Труффальдино, подойди! Это – мой ученик. Приблизь его к Тарталье. Они должны подружиться. Когда принц скажет заветное

слово, Труффальдино произнесет заклинание. Тарталья рассмеется. И все!

СИЛЬВИО. Все?

ЧЕЛИО. Моргана будет посрамлена. Но, запомни, Сильвио! Никто не должен знать, что Труффальдино – это мой человек.

СИЛЬВИО. Понял.

ЧЕЛИО. Удачи.

Челио исчезает.

СИЛЬВИО. А какое это заветное слово?

ТРУФФАЛЬДИНО. Он должен меня похвалить.

СИЛЬВИО. Но... Тарталья никогда никого не хвалит. Желчь разъедает его изнутри. Неужели все зря?

ТРУФФАЛЬДИНО. У вашего сына, что вообще нет навыков доброжелательного общения?

СИЛЬВИО. Он серьезно болен. И да – мы его избаловали! Надеюсь, ты не подведешь своего учителя. Пойдем, я представлю тебя принцу. Скажу, что ты его новый друг и компаньон.

Труффальдино и Тарталья.

ТАРТАЛЬЯ. Что за дурь королю ударила в голову? Последний раз у меня были друзья, когда я играл в песочнице.

ТРУФФАЛЬДИНО. Ваш отец заботится о Вас.

ТАРТАЛЬЯ. Раньше надо было заботиться, когда думал, кого приглашать на крестины. Какие – то маги устроили там разборки, а в результате – депрессию наслали на меня.

ТРУФФАЛЬДИНО. Я не понимаю. Пусть вы не испытываете радости, не смеетесь. Но ведь можно испытывать чувство благодарности. Или тосковать об ушедшей любви.

ТАРТАЛЬЯ. Знаешь, Труффальдино, если тебе нравится тосковать там о какой-то ушедшей любви – иди и тоскуй. А ко мне не лезь. Мне и без тебя тошно.

ТРУФФАЛЬДИНО. Тогда я тоже на «ты». И я тебе открою один секрет. Самые великие произведения живописи и литературы созданы на

фоне депрессии. В этом состоянии легче всего считать информацию оттуда, сверху. И вообще, большинство людей только притворяются веселыми. А сами – много лет живут в тайной депрессии. Так что – расслабься, с тобой все в порядке.

ТАРТАЛЬЯ. Мне восемнадцать и у меня никогда не было никакой любви. Вообще. Даже ушедшей.

ТРУФФАЛЬДИНО. Будет. Обязательно. Придет и уйдет. То есть придет и не уйдет. Останется. А у вас тут, во дворце, девчонки то интересные есть?

ТАРТАЛЬЯ. Я на них и не смотрю. Зачем я им такой. У меня и одежды никакой нормальной нет.

ТРУФФАЛЬДИНО. Понятно. Комплекс неполноценности. Плюс все обязаны тебя жалеть. Раз ты такой болезненный.

ТАРТАЛЬЯ. Ты – здоровый. Тебе не понять.

ТРУФФАЛЬДИНО. В первую очередь мы с тобой мужчины! Забудь про болезнь. Поработаем над установлением зрительного контакта. Парень, который смотрит куда-то вбок – не внушает доверия. Рот закрыть, взгляд уверенного мужчины. Осанка – стойка победителя. Девушкам нравятся живые, активные. Ей должно быть с тобой интересно!

ТАРТАЛЬЯ. Кому ей? Я могу жениться только на принцессе. А у нас во дворце только одна принцесса Клариче. Да и то – она моя двоюродная сестра.

ТРУФФАЛЬДИНО. А подружки у нее есть?

ТАРТАЛЬЯ. Нет. Только жених – Леандро.

ТРУФФАЛЬДИНО. Значит, нужно в путь! Отправимся на поиски прекрасной принцессы. У тебя будет цель!

ТАРТАЛЬЯ. Я?

ТРУФФАЛЬДИНО. И я! За компанию. Вместе! Мне сейчас самому жениться нельзя. У меня сейчас вся энергия сублимируется на овладение искусством волшебства. Я учусь на мага.

ТАРТАЛЬЯ. Так вот в чем твой интерес. Никакой ты не друг! Ты просто тренируешься на мне.

А я ведь тебе почти поверил! А ты на мне эксперименты ставишь.

ТРУФФАЛЬДИНО. Я тебе – друг. И докажу это. А сейчас я пойду пока. Разработаю программу. Тренировок. Спортивных.

Эпизод третий

Леандро и Клариче.

ЛЕАНДРО. Клариче, слышали новость?

КЛАРИЧЕ. Моему брату стало хуже?

ЛЕАНДРО. У Тартальи все по-прежнему. Хотя нет, его рожь стала еще укусней.

КЛАРИЧЕ. Это радует.

ЛЕАНДРО. Но у нас проблемы. У Тартальи новый шут – Труффальдино. Я подозреваю, что это человек мага Челио.

КЛАРИЧЕ. Нужно сообщить Моргане.

ЛЕАНДРО. Непременно! Скорей бы это все закончилось.

КЛАРИЧЕ. Да. Скорей бы. Я уже заказала себе новое платье. Голубое, расшитое золотыми цветами. Я буду в нем шикарно смотреться на троне.

ЛЕАНДРО. Да, моя принцесса. Я думаю, трон очень подойдет к вашей...

КЛАРИЧЕ. К моей?

ЛЕАНДРО. К вашей красоте. Да, так я и хотел сказать.

Эпизод четвертый

Леандро и фея Моргана.

МОРГАНА. Да. Вполне вероятно, что это человек Челио. Неужели он нашел средство против моих чар?

ЛЕАНДРО. Все пропало? Нет! Мы не сдадимся.

МОРГАНА. Мне нужно во дворец!

ЛЕАНДРО. Хорошо. Только прошу не в таком виде.

МОРГАНА. Почему?

ЛЕАНДРО. Дело в том, что я сказал Клариче, что вы старая и не привлекательная.

МОРГАНА. Ладно. Притворюсь старушкой.

ЛЕАНДРО. У вас уже есть план?

МОРГАНА. Не переживайте, Леандро. Что-нибудь придумаю. Главное быть рядом. Если проклятие спадет, необходимо в эту же минуту перенаправить черную энергию.

Эпизод пятый

Труффальдино и Тарталья.

ТРУФФАЛЬДИНО. Ваше Высочество, не желаете прогуляться? На улице чудесная погода!

ТАРТАЛЬЯ. Нет.

ТРУФФАЛЬДИНО. Что нет?

ТАРТАЛЬЯ. Неужели не понятно? Не хочу. Не чудесная. И не погода, а дерьмо какое-то собачье. На этой вашей улице.

ТРУФФАЛЬДИНО. А, очередной приступ королевской хандры! Ничего, Тарталья, сделаем с тобой зарядку. Давай, я составил нам план тренировок. Потом посмотрим что у нас в королевстве нового.

ТАРТАЛЬЯ. От этих новостей меня уже тошнит. Ничего нового. Все одно и то же. Угнетают. И вообще, Труффальдино, хватит! Хватит! Ты же знаешь, меня все угнетает. И ничего не интересно. Как будто меня замариновали в уксусе. Понятно?

ТРУФФАЛЬДИНО. А книги? Хочешь, я прочитаю тебе вслух?

ТАРТАЛЬЯ. Это уже все позапрошлый век. Кто их вообще сейчас читает! Господи, как тяжело быть принцем! За что мне все это?

ТРУФФАЛЬДИНО. Это все тайное мировое правительство. Разборки темных сил. А ты лишь пешка для них.

ТАРТАЛЬЯ. Но, но! Труффальдино, не забывайся! Я – принц и будущий король!

ТРУФФАЛЬДИНО. Кто-то очень не хочет, чтобы ты стал королем.

ТАРТАЛЬЯ. Что ты такое говоришь?

ТРУФФАЛЬДИНО. Я давно хотел тебе открыться. Я прислан к вашему двору магом Челио. Главным врагом феи Морганы. Этой мерзкой ведьмы.

ТАРТАЛЬЯ. Причем здесь какая-то фея Моргана?

ТРУФФАЛЬДИНО. Это она наложила на тебя чары. Чтобы ты никогда не смеялся. А только все сох, чах и ...

ТАРТАЛЬЯ. Что и?

ТРУФФАЛЬДИНО. И умер.

ТАРТАЛЬЯ. Чах и умер. Ну и хорошо. Значит все не так уж безнадежно. И эта вся тягомотина скоро закончится.

ТРУФФАЛЬДИНО. Ужас. Бедный твой отец! Король так переживает. Но ничего – маг Челио этого не допустит. Я рассмею тебя. Нет, я заставлю тебя рассмеяться! Чары рассеются. И ты снова станешь бодрым и привлекательным.

ТАРТАЛЬЯ. Ты – оптимист, значит. Ну что ж – молодец.

ТРУФФАЛЬДИНО. Наконец то! Похвалил!

О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!

Что смеются смехами,

что смеяньствуют смеяльно,

О, засмейтесь усмеяльно!

О, рассмешищ надсмеяльных –

смех усмейных смехачей!

О, иссмейся рассмеяльно,

смех надсмеяных смеячей!

ТАРТАЛЬЯ. Заткнись.

ТРУФФАЛЬДИНО. Смейево, смейево,

Усмей, осмей, смешики, смешики,

Смеюнчики, смеюнчики.

О, рассмейтесь, смехачи!

О, засмейтесь, смехачи!

ТАРТАЛЬЯ. Смотри, Труффальдино, какая забавная старушка набирает в кувшин масло из фонтана! Смотри!

ТРУФФАЛЬДИНО. Да что такого в этой старухе? Хотя, а вдруг...

ТАРТАЛЬЯ. Ой, шлепнулась! И все масло разлила. Ой, не могу!

Тарталья громко смеется.

ТРУФФАЛЬДИНО. Это не к добру. Нельзя смеяться над чужой бедой! Этот смех не снимет чары.

Появляется фея Моргана.

МОРГАНА. Снимет, снимет. И наложит другие. Отныне ты, Тарталья, будешь страдать тягой к трем апельсинам. Не будет тебе покоя, пока ты не отыщешь эти апельсины!

ТРУФФАЛЬДИНО. Фея Моргана! Это она! Проклятая старуха!

МОРГАНА. Ошибаешься, я молода и красива. А вам пора в путь! Вас ждут три апельсина, препятствия и тяжелые испытания! Так что, полюбому сгинете. И никто-никто не узнает, какой у Тартальи был конец. Челио! Слышишь меня! Тебе привет! Еще увидимся! А вы, Труффальдино и Тарталья, прощайте!

Моргана исчезает. Заходит Сильвио.

СИЛЬВИО. Что здесь... Сынок, ты улыбаешься? Чары спали?

ТАРТАЛЬЯ. Папа! Все изменилось! Теперь я точно знаю, что радость есть!

СИЛЬВИО. Конечно, Тарталья!

ТАРТАЛЬЯ. И цель! Труффальдино сказал, что у настоящего мужчины должна быть цель.

СИЛЬВИО. Прекрасно! И какая же у тебя цель?

ТАРТАЛЬЯ. Мне нужно добыть три апельсина!

СИЛЬВИО. Зачем?

ТАРТАЛЬЯ. Я не знаю. Так сказала Моргана.

СИЛЬВИО. Труффальдино, что здесь произошло?

ТРУФФАЛЬДИНО. Ничего страшного. Мы как раз искали цель и планировали отправиться в путешествие.

ТАРТАЛЬЯ. Да, да, да!

СИЛЬВИО. Решения здесь принимаю я! И я никого никуда не отпускаю!

ТАРТАЛЬЯ. Жаль, потому что я все равно поеду. Папа, мне теперь без апельсинов никак.

СИЛЬВИО. Я так понимаю, что Моргана – заменила депрессию на помешательство.

ТАРТАЛЬЯ. Ну и пусть. Папа, ничего в жизни, я не хотел так сильно!

СИЛЬВИО. Путешествие – это очень опасно. Ты – мой единственный сын. Я запрещаю!

ТАРТАЛЬЯ. Там, в этих апельсинах, я чувствую, что-то очень важное для меня.

СИЛЬВИО. А вдруг, это Моргана заманивает тебя на верную смерть?

ТАРТАЛЬЯ. Папа, не переживай со мной пойдет Труффальдино. Он мой друг. И мы, вдвоем, все преодолеем!

Тарталья и Труффальдино уходят. Появляется маг Челио.

СИЛЬВИО. Челио! Ты посмотри, что творится! Я так на тебя надеялся, а что вышло!

ЧЕЛИО. Столько лет прошло, а Моргана все не может успокоиться. Неужели, она все еще... Ты ее видел? Как она выглядит?

СИЛЬВИО. Плевать я хотел! Верни мне сына!

ЧЕЛИО. Не кричи на меня. Депрессию мой ученик снял? Снял! А вот как рядом оказалась Моргана? Это уже вопрос к тебе!

СИЛЬВИО. Это тебе, а не мне мстит твоя невеста!

ЧЕЛИО. Бывшая невеста!

СИЛЬВИО. Что теперь будет с Тартальей? Куда она его послала?

ЧЕЛИО. К великанше Креонте. У нее хранятся три апельсина.

СИЛЬВИО. Я так и знал! Моргана хочет, чтобы Тарталья влюбился в великаншу!

ЧЕЛИО. Зачем ей это?

СИЛЬВИО. Чтобы мои внуки были великанами!

ЧЕЛИО. Насчет Креонты, я думаю, пережи-

вать не стоит. Она не первой свежести и не очень умна. Труффальдино справится. А вот тот факт, что ее замок находится в пустыне, меня действительно печалит. Там в тени плюс пятьдесят. Им не дойти.

СИЛЬВИО. Мой мальчик умрет от жажды? Какая жестокость! Челио, делай, что хочешь! Хоть дьявола вызывай, а мальчиков спасай.

ЧЕЛИО. Спасибо, за идею! Дьявол с мехами! То, что нужно.

СИЛЬВИО. С какими еще мехами? Настоящий дьявол?

ЧЕЛИО. Раз такие дела пошли. Будем вызывать.

Вызывают дьявола с мехами.

Эпизод шестой

Труффальдино и Тарталья идут по пустыне.

ТРУФФАЛЬДИНО. Может, все-таки пойдем туда, где дворцы и принцессы?

ТАРТАЛЬЯ. Меня ведет мой внутренний компас. Нам точно в пустыню!

ТРУФФАЛЬДИНО. Сам помрешь. И мою молодую жизнь загубишь.

ТАРТАЛЬЯ. Труффальдино, мне как будто сон приснился. Я в этом сне влюблен. Это чувство, оно огромное. От него на душе тепло и радостно. И плакать хочется. Так оно прекрасно.

ТРУФФАЛЬДИНО. Ничего не понимаю. А апельсины тут при чем?

ТАРТАЛЬЯ. Не знаю. Наверно они приведут меня к моей невесте.

ТРУФФАЛЬДИНО. И ты, ради этого, готов рискнуть нашими жизнями?

ТАРТАЛЬЯ. Там, моя судьба. Я это знаю. Моргана сделала мне королевский подарок.

ТРУФФАЛЬДИНО. Все больше не могу. Сил нет. Вода закончилась.

ТАРТАЛЬЯ. Вот, у меня еще осталось, выпей.

Допивают воду. За их спинами появляется дьявол. Они оборачиваются, видят дьявола. Виз-

жат, кричат, бегут. Дьявол с мехами за ними. Дует им в спину.

Эпизод седьмой

Леандро и Моргана за стенами замка.

ЛЕАНДРО. Клариче переживает.

МОРГАНА. У Тартальи нет шансов.

ЛЕАНДРО. Но, дело в том, что с юридической точки зрения, если он пропадет без вести...

МОРГАНА. Это не моя забота.

ЛЕАНДРО. А вы, вообще, в курсе, что Челио опять был во дворце?

МОРГАНА. Выражал соболезнование?

ЛЕАНДРО. Вообще то нет. Он так-то дьявола вызвал.

МОРГАНА. Что? Он решился на черную магию!

ЛЕАНДРО. Так что мне передать Клариче? Тарталья сдохнет в пустыне?

МОРГАНА. Нет. Теперь вся надежда на Креонту.

ЛЕАНДРО. Как же так? Ведь вы же обещали! Клариче будет недовольна.

МОРГАНА. Смотрите-ка – недовольна! Можно подумать – она мне деньги платит! Мы с ней просто союзники. Пока наши интересы совпадают.

ЛЕАНДРО. Удачи!

МОРГАНА. Да. Сейчас моя очередь сделать ход.

Моргана переносится в дом Креонты.

КРЕОНТА. Племянница? Какими судьбами?

МОРГАНА. Тетушка, три апельсина – помнишь? Ты их надежно спрятала?

КРЕОНТА. А что? За ними кто-то идет? Молодой человек?

МОРГАНА. Два молодых человека. И они скоро будут здесь!

КРЕОНТА. Ой, ой, ой! А у меня не прибрано. Как не удобно!

МОРГАНА. И не надо. Ты же — злодейка!

КРЕОНТА. А давай, наоборот! Как будто ты — злодейка, а я — добрая!

МОРГАНА. Они молоденькие, совсем мальчики. Они придут за апельсинами.

КРЕОНТА. Я апельсиновому королю ничего не обещала.

МОРГАНА. Наши судьбы предопределены. Мы должны помочь им стать сильнее. В этом — наше величие. Ты же понимаешь?

КРЕОНТА. Да, молодые люди сейчас такие балбесы!

МОРГАНА. Один из них — вообще принц!

КРЕОНТА. Принц? А ну тогда — все! Вот раньше принц — это был принц! А сейчас — инфантильный нытик. Книг не читал, руки не из того места.

МОРГАНА. Вот и я о том же. Нужно их как следует помучить! Поняла? Мне пора. Не вздумай их сразу съесть!

Моргана исчезает.

КРЕОНТА. Ладно, помучаю. А где у меня апельсины то?

Эпизод восьмой

Тарталья и Труффальдино, благодаря мехам дьявола, влетели прямо к Креонте.

КРЕОНТА. Вы, что ли, которые за апельсинами?

ТРУФФАЛЬДИНО. Мы.

ТАРТАЛЬЯ. Не мы, а я!

ТРУФФАЛЬДИНО. Ну, тогда я пошёл?

КРЕОНТА. Не могли договориться, пока по пустыне шли? Не переживайте — всем хватит. Их три, а вас два!

ТАРТАЛЬЯ. Сколько вы за них хотите?

КРЕОНТА. Сколько я за них хочу! Вы что же думаете? Что одинокой женщине, живущей в оазисе среди пустыни, нужны деньги?

ТРУФФАЛЬДИНО. А что же тогда?

КРЕОНТА. Много чего! Сегодня оборвёте старые обои, а завтра побелите потолки! И в саду тоже работы полно! Канаву прочистить. Беседку новую построить.

ТАРТАЛЬЯ. В смысле?

КРЕОНТА. Мужских рук мне не хватает, вот чего! Понятно?

ТАРТАЛЬЯ. Это мы тут на сколько?

ТРУФФАЛЬДИНО. Между прочим, мой учитель, маг Челио, пять лет ремонт у джина делал. За то «закливание смехом»!

ТАРТАЛЬЯ. Ради меня? А я ему даже спасибо не сказал.

Тарталья и Труффальдино делают ремонт, а рядом стоит Креонта и рассказывает им всякую ерунду.

КРЕОНТА. Я почему в оазис переехала. Раньше у меня были соседи — всё воровали. И грабли и лопаты! И даже моток проволоки украли! А когда я была молодая, ко мне генерал из Венеции сватался. Его мама так меня любила! А я ни в какую! Не верите? У меня в молодости зубы очень красивые были: мелкие и густые. Я их йодом отбеливала.

ТРУФФАЛЬДИНО. Точно йодом?

КРЕОНТА. А чем ещё? Ну, может, и не йодом. Кстати, у меня поминки. Я приготовила окрошку по своему фирменному рецепту. Я туда капусту квашеной добавила.

ТАРТАЛЬЯ. А откуда у вас эти апельсины?

КРЕОНТА. А это тайна! Один человек дал на хранение. Сказал никому не отдавать.

ТАРТАЛЬЯ. А как же вы их тогда нам пообещали?

КРЕОНТА. А я и не обе... Да, вот такая я добрая — всё раздаю и раздаю. Ну, я думаю, второй этаж мы завтра закончим и на следующей неделе перейдём на первый. С каждым днём вы всё лучше и лучше клеите обои! Вот только вес что-то плохо набираете. Кормлю вас, кормлю.

ТРУФФАЛЬДИНО. А кроме этой вашей окрошки, ещё что-нибудь будет?

КРЕОНТА. Ещё я сварила картофель, макароны и пельмени. Всё в одной кастрюльке. Чтобы они пропитались соком и запахом друг друга. Я

вообще считаю, что на приготовление еды не стоит тратить больше пятнадцати минут.

Наступила ночь. Труффальдино нашёл тайник с апельсинами, украл их и будит Тарталью.

ТРУФФАЛЬДИНО. Тарталья, просыпайся! Апельсины у нас! Нужно бежать!

ТАРТАЛЬЯ. Как бежать? Целое ведро обойного клея на утро развели!

ТРУФФАЛЬДИНО. Мы эти апельсины уже месяц назад отработали. И меня тошнит от её еды. Вставай!

ТАРТАЛЬЯ. Это они? Мои апельсины? Такие басюськи-масюськи! Труффальдино, я твой должник на веки! Бежим! Где там наш дьявол с мехами?

Эпизод девятый

Дьявол поддувает им в спину, бегут. Креонта бросается в погоню, вызывает гром и молнию, кричит проклятия. Креонта становится настоящим монстром. Молния бьёт ей по голове, и она отстаёт. С рассветом, преодолев тысячу километров, юноши падают от усталости и засыпают. Дьявол исчезает. Труффальдино просыпается первым.

ТРУФФАЛЬДИНО. Как хочется пить! Воды! Мы забыли взять воду! Ничего страшного, если я разрежу один апельсин. Или он или я.

Труффальдино разрезает апельсин. Из него выходит Орнелла.

ОРНЕЛЛА. Пить, дай мне пить! Скорее! Я умираю от жажды!

ТРУФФАЛЬДИНО. Милая девушка, но у меня нет воды!

ОРНЕЛЛА. Но хотя бы спаси моих сестёр. Не погуби их! Разрежь апельсины у реки. Прощай, я умираю.

ТРУФФАЛЬДИНО. Как тебя зовут? Не умирай!

ОРНЕЛЛА. Я – Орнелла. Спаси моих сестёр.

Орнелла умирает.

ТРУФФАЛЬДИНО. Орнелла, Орнелла! Что я наделал! Я убил прекрасную девушку. Я дурак. Дурак. Челио, я подвёл вас!

Появляется Челио.

ЧЕЛИО. Труффальдино, не убивайся так. Орнелла не просто умерла. Она дочь апельсинового короля. Она превратилась в апельсиновую рощу. Посмотри! Она будет дарить путникам тень и сочные апельсины. Но в следующий раз будь умнее. А сейчас я перенесу вас с Тартальей к реке.

Челио, спящий Тарталья и Труффальдино оказываются на берегу реки.

ЧЕЛИО. И не забывай Труффальдино, что принц – Тарталья. Он должен сам разрезать оставшиеся апельсины.

Появляется Моргана.

МОРГАНА. А по-моему, Труффальдино вполне честно заслужил один апельсин для себя!

ЧЕЛИО. Моргана! Что ты здесь делаешь? Сейчас мой ход!

МОРГАНА. Хорошо выглядишь. Столько лет! А ты совсем не изменился.

ЧЕЛИО. Уходи! Заведи себе своего ученика и указывай ему тогда, что делать!

МОРГАНА. Не беспокойся. Всех, кого мне надо, я себе уже завела.

ЧЕЛИО. Оставь моего крестника в покое!

МОРГАНА. Ты не поверишь – я здесь тоже как крёстная. Переживаю.

ЧЕЛИО. Ты – крёстная? Интересно чья? Не заговаривай мне зубы! Убирайся! Мальчики честно добыли свои апельсины!

МОРГАНА. Хорошо, я ухажу. Труффальдино, ты этого достоин!

Моргана исчезает.

ЧЕЛИО. Вот вредная! Всё настроение испортила! Я пошёл. Труффальдино, я на тебя надеюсь!

Челио исчез. Труффальдино пьёт воду, умывается.

ТРУФФАЛЬДИНО. Водичка, водичка, умой моё личико! Сёстры! Я этого достоин. Он – принц. Они – принцессы. Я на тебя надеюсь! В конце концов, это я их добыл! Спаси моих сестёр. Один апельсин я честно заслужил.

Труффальдино разрезает второй апельсин. Из него выходит Моника.

МОНИКА. Пить, дай мне пить!

Труффальдино даёт ей воды. Принцесса спасена!

МОНИКА. Наконец-то! Я снова вижу небо и солнце! Ты спас меня! Я – Моника! Дочь апельсинового короля. А ты?

ТРУФФАЛЬДИНО. А я – Труффальдино. Ученик мага Челио.

МОНИКА. А этот, который спит, он кто? Принц?

ТРУФФАЛЬДИНО. Да, это мой друг Тарталья. И он принц. Мы с ним всю ночь бежали через пустыню от Креонты.

МОНИКА. Значит, его судьба Нинетта.

ТРУФФАЛЬДИНО. А ты – моя судьба?

МОНИКА. Да. Не переживай из-за Орнеллы. Она всегда хотела послужить людям.

ТРУФФАЛЬДИНО. А как вы оказались внутри апельсинов?

МОНИКА. А, это длинная история. Фея Моргана нас заколдовала. Пойдём к маме и папе! Я вас познакомлю. Они будут рады.

ТРУФФАЛЬДИНО. А как же Тарталья?

МОНИКА. Не будем им мешать.

Эпизод десятый

Труффальдино и Моника уходят. Тарталья просыпается, оглядывается. Разрезает третий апельсин. Из него выходит Нинетта.

НИНЕТТА. Пить, дай мне пить!

Тарталья даёт ей воды.

ТАРТАЛЬЯ. Кто ты? Как тебя зовут?

НИНЕТТА. Я – Нинетта, дочь апельсинового короля.

ТАРТАЛЬЯ. А я – Тарталья, сын короля Сильвио. Ты мне приснилась. Я шёл к тебе и шёл.

НИНЕТТА. Именно таким я тебя и представляла.

ТАРТАЛЬЯ. Ты, как солнце! Апельсиновая принцесса! Знаешь, у меня впервые душа поёт!

НИНЕТТА. И у меня. Спасибо тебе! Тебе, ведь, наверное, пришлось через многое пройти ради меня?

ТАРТАЛЬЯ. Да, я бегать стал быстрее. И ремонт делать научился. Пироги раньше, если с луком, то – не ел. Теперь – я ем всё!

НИНЕТТА. О, мне достался всеядный штукатур-маляр! А куда мы идём?

ТАРТАЛЬЯ. К нам во дворец. Он уже недалеко. Папа будет счастлив!

НИНЕТТА. От того, что ты вернулся?

ТАРТАЛЬЯ. От того, что я встретил тебя – свою невесту! Нинетта, ведь ты выйдешь за меня?

НИНЕТТА. Выйду!

ТАРТАЛЬЯ. Придём и сразу сыграем свадьбу! Кто бы мог подумать! Я всё думал, почему мне апельсины покоя не дают? А это была ты! Ой, а где Труффальдино и ещё два апельсина? Как я про них мог забыть? Что с ними случилось?

НИНЕТТА. Не переживай, Тарталья! Наша старшая сестра Орнелла превратилась в апельсиновую рощу. А Моника и Труффальдино пошли к нашим родителям. У них всё хорошо.

ТАРТАЛЬЯ. С ума сойти! У меня голова идёт кругом!

НИНЕТТА. Как здорово, что нас не родители сосватали, а мы сами друг друга нашли! Знаешь, пока я была в апельсине, я вдруг стала сочинять стихи.

Я тебя потихоньку
Постучу по плечу,
Чтобы ты смог услышать,
Как я громко молчу.
Не придумано слово –
Эту мысль означать,
И я снова и снова
Буду громко молчать.
Это я вчера сочинила. Когда ты меня нёс.

ТАРТАЛЬЯ. Бедная ты моя. Я только сейчас понял! Ты всё видела, а сказать не могла? Ну, ничего, это всё уже в прошлом. Смотри, Нинетта, вон – наш дворец! Знаешь, я подумал, я хочу, чтобы момент встречи с тобой и мой отец, и мои подданные запомнили навсегда. Мы должны воздать тебе почести. Подожди меня здесь. Я скоро вернусь. Ты въедешь в город на золотой карете! Под звуки прекрасной музыки!

НИНЕТТА. Нет, пожалуйста, Тарталья, не уходи! Мне вдруг стало страшно. Мне показалось, что тебе что-то угрожает. Как будто предчувствие:

Стеклянные люди
На хрупких ногах
По лужам в стеклянных
Идут сапогах.
Качают стеклянной
Своей головой,
Сквозь них пробивается
Свет голубой.
Живёт господин
Для своей госпожи –
Как будто цветные
Они витражи.
Плывёт королева
Вокруг короля,
Они не стеклянные –
Из хрусталя.
Но катится Нечто
Тяжёлым катком,

И машет железным
Своим молотком.
Повсюду осколки,
Что были тобой.
Сквозь них пробивается
Свет голубой.

ТАРТАЛЬЯ. У тебя настоящий талант! Не переживай, Нинетта. Мне ничего не угрожает. Вот здесь, на берегу, посиди под деревом.

Эпизод одиннадцатый

Тарталья уходит в город. К речке идёт Смеральдина. Её останавливает Фея Моргана.

МОРГАНА. Стой! Куда идёшь?

СМЕРАЛЬДИНА. К речке, полоскать бельё.

МОРГАНА. Служанка?

СМЕРАЛЬДИНА. Да, меня зовут Смеральдина.

МОРГАНА. Ты-то мне и нужна! Хочешь выйти замуж за принца?

СМЕРАЛЬДИНА. Я-то хочу! А вот он, наверное, не очень.

МОРГАНА. Женится. Если сделаешь, как я скажу. Через десять минут принц будет здесь. И увезёт тебя в золотой карете. Хочешь?

СМЕРАЛЬДИНА. Хочу! Что нужно делать?

МОРГАНА. Возьми этот гребень и воткни в волосы принцессы Нинетты. Там она, у реки. Она станет голубкой, а ты превратишься в принцессу. А потом садись в карету и поезжай во дворец.

СМЕРАЛЬДИНА. И всё? Больше ничего не должна?

МОРГАНА. Нет. Ты и так окажешь мне огромную услугу.

СМЕРАЛЬДИНА. А вы мне – что за это?

МОРГАНА. Смотри-ка! Тебе что, мало? Через несколько лет ты станешь королевой!

СМЕРАЛЬДИНА. Так бы сразу и сказали! Я пошла.

МОРГАНА. Иди уже!

СМЕРАЛЬДИНА. Ой, я тут подумала...

МОРГАНА. Что ещё?

СМЕРАЛЬДИНА. Принцессы они ведь как-то по-другому разговаривают. Он догадается.

МОРГАНА. Не переживай. Влюбленные наедине всякую ерунду болтают. А при дворе побольше молчи или говори всем, какое у них красивое платье.

Моргана исчезает. Смеральдина подходит к Нинетте.

СМЕРАЛЬДИНА. Вы – Нинетта?

НИНЕТТА. Да. Вас прислал Тарталья?

СМЕРАЛЬДИНА. Не совсем. Мне нужно поправить вам причёску.

НИНЕТТА. Нет, не нужно! Не подходите!

СМЕРАЛЬДИНА. Нужно. Очень нужно.

НИНЕТТА. Сейчас приедет Тарталья!

СМЕРАЛЬДИНА. Тогда поторопимся.

НИНЕТТА. Не трогай меня!

Смеральдина бросается на Нинетту и втыкает ей в голову волшебный гребень. Нинетта превращается в голубку. А Смеральдина становится Нинеттой.

СМЕРАЛЬДИНА. Вот и прекрасно! Лети, моя голубка! Вышло, как задумано. Макаронина легла, как и ей подобает – к сыру.

Подъезжает Тарталья.

ТАРТАЛЬЯ. Нинетта! Любовь моя! Ты где?

СМЕРАЛЬДИНА. Я здесь, мой любимый!

ТАРТАЛЬЯ. Кто это?

СМЕРАЛЬДИНА. Ты меня не узнаёшь?

ТАРТАЛЬЯ. Нинетта? Мне почему-то показалось, как будто это не ты. Прости меня!

СМЕРАЛЬДИНА. Как это не я? А кто? Санта Клаус что ли?

ТАРТАЛЬЯ. Выражение твоего лица очень изменилось.

СМЕРАЛЬДИНА. В смысле? Но я ведь и есть твоя Нинетта. Наверное, злая фея украла мою кра-

соту. Тарталья, ты же не бросишь меня? Я знаю – твоя любовь меня расколдует!

ТАРТАЛЬЯ. Ничего не понимаю.

СМЕРАЛЬДИНА. Поехали скорее во дворец! Обрадуем папашу!

ТАРТАЛЬЯ. Короля?

СМЕРАЛЬДИНА. Ой, не могу! У тебя их что – несколько? К встрече всё готово? Стол накрыли?

ТАРТАЛЬЯ. Накрыли.

СМЕРАЛЬДИНА. Вот и отлично! Опрокинем стаканчик. Поехали!

ТАРТАЛЬЯ. Поехали!

Эпизод двенадцатый

Леандро и Кларице.

ЛЕАНДРО. Кларице, я только что встречался с Морганой.

КЛАРИЧЕ. И что? Как она это всё объясняет?

ЛЕАНДРО. Она сказала, что подождёт, какой следующий шаг сделает маг Челио.

КЛАРИЧЕ. Меня их любовные игры не волнуют! Что мы в результате имеем? У Тартальи свадьба. Он женится на принцессе.

ЛЕАНДРО. На служанке, превратившейся в принцессу.

КЛАРИЧЕ. Нам это ничего не даёт.

ЛЕАНДРО. Служанка себя выдаст, и мы попробуем объявить Тарталью сумасшедшим.

КЛАРИЧЕ. Нужно найти настоящую Нинетту, опередив Тарталью. Мы уничтожим её и разобьём ему сердце. Моргана сказала в кого она её превратила?

ЛЕАНДРО. В голубку! У неё в перышках гребень.

КЛАРИЧЕ. Поймаем её, изжарим и подадим Тарталье на обед!

ЛЕАНДРО. Какая ты жестокая!

КЛАРИЧЕ. Но зато мы поможем Тарталье вывести служанку на чистую воду. Я доведу его до отчаянья. И по праву займу трон!

Эпизод тринадцатый

Сильвио, Тарталья и Смеральдина.

ТАРТАЛЬЯ. Папа, познакомься – это моя невеста, принцесса Нинетта!

СИЛЬВИО. Надо же! Дочь апельсинового короля! Красавица!

СМЕРАЛЬДИНА. Да. Это... мне тоже! Ну, то есть, как бы!

СИЛЬВИО. Принцесса, а такая скромная! Подготовка к свадьбе идёт полным ходом. Тарталья, как я счастлив! Ты так изменился! Я горжусь тобой, сын!

СМЕРАЛЬДИНА. У вас – прекрасные штаны!

СИЛЬВИО. Она – прелесть!

Эпизод четырнадцатый

Маг Челио пришёл к фее Моргане.

ЧЕЛИО. Моргана, я пришёл поговорить.

МОРГАНА. Да, нам давно пора поговорить.

ЧЕЛИО. Когда же ты остановишься? Сколько можно мучить Тарталью!

МОРГАНА. Всё. Я уже остановилась. Тарталье до счастья остался один шаг.

ЧЕЛИО. Зачем же ты тогда превратила Нинетту в голубку?

МОРГАНА. Чтобы Тарталья не повторил твою ошибку.

ЧЕЛИО. В смысле?

МОРГАНА. Дело в том, Челио, что дочери апельсинового короля – мои крестницы.

ЧЕЛИО. Ничего не понимаю! Ведь это же ты превратила их в апельсины?

МОРГАНА. Да, я превратила девочек в апельсины. И пообещала им, что только самые достойные юноши пройдут все испытания и освободят их. Мне так хотелось, чтобы у девочек любовь началась красиво!

ЧЕЛИО. А зачем же ты тогда много лет назад прокляла Тарталью?

МОРГАНА. Я его не проклинала. У меня есть

дар предвидения. Я знала, что он вырастет ленивым скучным нытиком. Без цели в жизни, в вечной депрессии.

ЧЕЛИО. Что? Ты его не проклинала?

МОРГАНА. Родители сейчас так балуют детей. И ты туда же – фонтаны ему с маслом, вином! А кто-нибудь из них догадывался, чего тебе стоили эти фонтаны?

ЧЕЛИО. Моргана, я тебя совсем не знал!

МОРГАНА. Вот поэтому я и хотела, чтобы Тарталья разглядел в Нинетте не только красивую девушку, но и её чуткую душу. Если он откажется жениться на Смеральдине, Нинетта снова станет сама собой.

ЧЕЛИО. А если нет?

МОРГАНА. Тогда он женится на Смеральдине, а Нинетту отправим домой.

ЧЕЛИО. А я думал, что ты хочешь посадить на трон Клариче.

МОРГАНА. Просто всегда держала эту парочку под контролем.

ЧЕЛИО. Как же я ничего этого не замечал? Гнев ослепил меня.

МОРГАНА. Не переживай, всё обернулось к лучшему. Я уверена, Тарталья догадается! И мы с тобой ещё повеселимся на свадьбе!

ЧЕЛИО. Но зачем ты притворялась злой? Зачем мы потеряли восемнадцать лет?

МОРГАНА. Такая у нас судьба – жертвовать собой ради других.

Эпизод пятнадцатый

Сильвио, Тарталья, Смеральдина, Леандро и Клариче.

КЛАРИЧЕ. Нинетта, вы правда провели какое-то время внутри апельсина?

СМЕРАЛЬДИНА. Не может быть! Это бредятина случилась со мной? Наверное, лишку выпила! У вас очень красивое платье!

ЛЕАНДРО. А своих родителей вы позовете на свадьбу?

СМЕРАЛЬДИНА. Ой, нет! Их звать – только

позориться! Они себя за столом вести вообще не умеют. И у вас тоже очень красивое платье!

ТАРТАЛЬЯ. У Нинетты чувство юмора немного грубовато, но она пишет необыкновенные стихи.

КЛАРИЧЕ. О, какая прелесть!

ЛЕАНДРО. Почитайте, нам, пожалуйста!

СМЕРАЛЬДИНА. Свои стихи я читаю только Тарталье и только наедине.

СИЛЬВИО. Какая чуткая девушка!

ТАРТАЛЬЯ. Вы знаете, последнее время, у меня такое чувство, как будто меня преследует одна и та же голубка.

СМЕРАЛЬДИНА. Чушь! Тебе показалось!

КЛАРИЧЕ. Это вон та? Сидит на ветке за окном?

ТАРТАЛЬЯ. Да.

ЛЕАНДРО. Извините, нам с Клариче пора.

Эпизод шестнадцатый

Свадьба Тартальи и Смеральдины. Среди гостей маг Челио и фея Моргана, Труффальдино и Моника. Леандро держит в руках клетку с голубкой, рядом стоит Клариче. Сильвио подходит к Челио.

СИЛЬВИО. Челио, как я рад! Тарталья женится! И ты сегодня с дамой!

ЧЕЛИО. Познакомься – это фея Моргана, моя невеста.

СИЛЬВИО. Челио, вот это сюрприз!

ТАРТАЛЬЯ. Папа, уважаемые гости! Я хочу вам сказать...

СИЛЬВИО. Я сейчас заплачу...

ТАРТАЛЬЯ. Я передумал жениться.

ТРУФФАЛЬДИНО. Как передумал?

СИЛЬВИО. Ещё один сюрприз.

КЛАРИЧЕ. Он сошёл с ума!

ЛЕАНДРО. Это ненормально!

СМЕРАЛЬДИНА. Ты не хочешь на мне жениться?

ТАРТАЛЬЯ. Я не знаю, кто ты. Но ты – не моя Нинетта!

КЛАРИЧЕ. Что за бред!

ТАРТАЛЬЯ. Кто ты? Скажи правду!

ЛЕАНДРО. Какой позор!

МОРГАНА. Тарталья прав – вот его невеста!

Голубка превращается в Нинетту, Смеральдина снова становится сама собой и убегает. Среди гостей переполох.

ТАРТАЛЬЯ. Папа, вот она – моя Нинетта!

НИНЕТТА. Тарталья, любимый! (Моргане) Знаешь, крёстная, это уже было как-то чересчур! Я от тебя такого не ожидала!

МОРГАНА. Зато проверили свои чувства.

СИЛЬВИО. У меня камень с души! Она ведь мне, та, другая, тоже не нравилась.

КЛАРИЧЕ. Нужно наказать самозванку!

СИЛЬВИО. Главное, что никто не пострадал. Так и быть, ради праздника – помилую всех!

ЧЕЛИО. В честь этого торжественного момента – фонтаны работают снова!

МОРГАНА. Но только три дня! И ещё один с лимонадом!

ТАРТАЛЬЯ. Любовь, правда, преодолевает любые препятствия!

НИНЕТТА. И творит чудеса!

Использованы стихи: Дины Бурачевской – «Молчание», «Стеклянное», «Маслины»; Велимира Хлебникова – «Заклятие смехом»

ЕСЛИ ЧТО-ТО ТЫ ЗАБЫЛ - НАЧИНАЙ СНАЧАЛА

Сценарий короткометражного фильма

1. ИНТЕРЬЕР. БАР – ДЕНЬ.

Детальный план мужчины средних лет, широко раскрывшего глаза, словно очнувшись. План сменяется на общий, показывая, что мужчина находится в баре.

МУЖЧИНА (про себя)

– Где это я? Место кажется знакомым.

Он посмотрел сначала на столики, потом на барную стойку. Наконец, он кинул взгляд на рыбку, что весела у входа.

МУЖЧИНА (про себя)

– Ясно! Я в «Золотой рыбке», но... что я тут делаю?

Проверив карман пальто, он достает из него блокнот.

МУЖЧИНА (про себя)

– Ничего не записано? Неужели это случается всё раньше?

На столе, за которым он сидел, стояли две кружки и стакан воды, лежала пара салфеток и ручка. На одной из салфеток был записан чей-то номер. Снова оглядевшись по сторонам, он встретился взглядом с миленькой барменшей, протирающей стаканы. Девушка улыбнулась, опустив глаза, и вышла в соседнюю дверь. Мужчина же вспомнил и её тоже.

МУЖЧИНА (про себя)

– Ты наконец взял у неё номер? Ах ты чёртов романтик...

Мужчина взял ручку и, улыбаясь, чуть выше номера подписал «Барменша» и засунул ручку с салфеткой в карман. Сделал пару глотков крепкого кофе. Решив проверить оставшиеся карманы, достаёт небольшой пузырек. Слегка встряхнув его, высыпает на ладонь одну оставшуюся таблетку.

МУЖЧИНА (про себя)

– Одна осталась? Нужно навестить доктора. Надеюсь, он на месте.

Ловко закинув таблетку в рот, он запил её водой, расплатился за кофе и направился к выходу. Выкинув уже пустой пузырек в урну, он открыл дверь и вышел из бара.

2. ЭКСТЕРЬЕР. УЛИЦА – ДЕНЬ.

На экране клиповый монтаж уличного пейзажа. Кадры сменяют друг друга, демонстрируя жизнь города. Последним кадр – вход больницы.

3. ИНТЕРЬЕР. БОЛЬНИЦА – ДЕНЬ.

Просторная, шумная больница. Жизнь внутри отличается от городской, но торопящихся людей тоже хватает. Уже знакомый нам мужчина сидит на скамейке. В ожидании он провоцирует в руках кубик Рубика. К нему подходит доктор и садится рядом.

ДОКТОР

– День добрый, Антон. Как самочувствие?

АНТОН

– Добрый, добрый. Хотя и не для всех. Сегодня это снова случилось, причём довольно неожиданно.

ДОКТОР

– Снова провал в памяти? Надеюсь не на дороге, а в более укромном месте?

АНТОН

– Повезло, что в баре. Очнулся за столом, а почему там оказался так и останется тайной.

ДОКТОР

– Что говорит блокнот?

АНТОН

– Молчит, как партизан. Похоже, нужно ввести в привычку вести его с утра.

ДОКТОР

– Мысль здравая. Ваш случай действительно удивительный, хоть и... трагичный.

АНТОН

– Антероградная амнезия. Иронично. Не помню, что ел на завтрак, а это слово никак не могу забыть. Повезло же мне попасть под машину...

ДОКТОР

– Повезло, что мы с вами были знакомы ещё до амнезии. А то так бы и познакомились каждый раз.

АНТОН

– Обычно я терял память вечером, раз в неделю. Похоже, эта ваша терапия не очень-то помогает.

ДОКТОР

– Что вы, наоборот! Это значит, что теперь вы держитесь дольше на целый день! Главное, принимайте таблетки, чтобы не нарушить терапию и быстрее вылечиться.

АНТОН (пауза)

– И сколько это продлится?

ДОКТОР

– Как я уже говорил, неизвестно. Может пару недель, а может и пару месяцев.

АНТОН (вздыхнув)

– Беда. Ну, есть и плюсы.

ДОКТОР

– Какие же?

АНТОН

– Если что-то натворю, то не вспомню.

ДОКТОР (смеясь)

– И то верно. Ну, а как там с таблетками?

АНТОН

– А, собственно поэтому я и здесь. Они закончились.

ДОКТОР

– Значит, вам нужны ещё.

АНТОН

– Извините, забыл.

ДОКТОР

– Ну хоть чувство юмора у вас не отшибло.

Когда будете описывать сегодняшний день, не забудьте вписать пару строк про лекарства?

Антон кивнул.

ДОКТОР

– Ну да ладно, я пойду за новыми, а вы пока подождите.

Доктор ушёл, оставив Антона одного. В ожидании он осматривался по сторонам. Вокруг были люди, в основном одни старики. Ему было всегда больно смотреть на них, угасающих. Опустив глаза, Антон задумался: а не хуже ли это его положения? Долго раздумывать не пришлось. Доктор уже возвращался.

ДОКТОР

– Вот ваши таблетки. По цене как обычно, 500 рублей.

АНТОН

– А их не мало, для такой-то цены?

ДОКТОР (улыбаясь)

– Нет, нет. В самый раз. Принимать так же, два раза в день и сразу после провала в памяти. Впрочем, это написано на упаковке...

АНТОН (вздыхая)

– Ну, спасибо.

ДОКТОР

– Да не за что. Забавная штука, этот кубик Рубика. С детства любил такие собирать. Важно просчитывать пару ходов вперед и не запутаться.

АНТОН

– А ещё важно не забывать, на чём остановился...

Они попрощались. Пожелав удачного дня, Ан-

тон отправился к выходу, а доктор смотрел ему вслед.

4. ЭКСТЕРЬЕР. УЛИЦА – ВЕЧЕР.

На экране снова клиповый монтаж. Кадры сменяются городскими пейзажами. Антон едет в автобусе, теребя в пальцах салфетку с номером и внимательно рассматривая улицы, будто видит их впервые.

5. ИНТЕРЬЕР. ДОМ – ВЕЧЕР.

Антон подходит к подъезду и останавливается, сверяясь с блокнотом. Достав ключи, он уверенно заходит внутрь. Быстро пробежав по лестнице вверх, неловко здоровается с соседом и останавливается у одной из дверей. Ещё разглянув в блокнот, открывает дверь и заходит внутрь.

Закрыв дверь, он встал на пороге, настороженно вглядываясь вглубь квартиры.

АНТОН (неуверенно)

– Вот я и дома...

Сняв верхнюю одежду, он отправляется разглядывать квартиру. Заглядывая по очереди в каждую комнату, его голову заполняют воспоминания. Комнаты увешаны гирляндами записок, от банального «Почисти зубы» до «Опиши свой день». На кухне он заглянул в холодильник, в гостиной бросил блокнот на стол, а в спальне поставил кубик Рубика на полку к ещё двум. Пообедав, он взял из холодильника бутылку газировки и упал в кресло. Включив телевизор, сразу же наткнулся на новостной канал. Начал переключать каналы. Из слов, что произносят ведущие, получается забавное предложение, что напоминает жизнь Антона, слепленную из разных кусочков. Остановившись на передаче о животных, он отпивает газировки. Лицо Антона показано крупным планом, на нем заинтересованность. Далее кадр размывается и на экране уже уставший Антон крупным планом. Он зевает.

АНТОН (про себя)
– Чем бы ещё заняться?

Антон кидает взгляд на прихожую и встает с кресла. Подойдя к пальто, он, немного покопавшись, достаёт пузырек и ставит его на комод. Засунув руку ещё раз, он, с ухмылкой, достаёт ту самую салфетку. Веселье тут же пропадает. Оказывается, одна из цифр номера полностью стерлась. Он начинает паниковать. Ходит по гостиной туда-сюда, после чего снова плюхается в кресло, опустив глаза и отчаявшись. Внезапно, подняв голову, он принимает единственное правильное решение. Набирает номер с салфетки, заменив недостающее число нулем, и звонит. Ему отвечает мужчина:

МУЖЧИНА
– Да?

АНТОН (неуверенно)
– Извините, а с кем я говорю?

МУЖЧИНА
– А кто спрашивает?

АНТОН
– Это ваш номер?

МУЖЧИНА
– Ну да.

АНТОН (торопясь)
– Извините, что побеспокоил, всего доброго.

Антон повесил трубку. Разочаровавшись результатом, он пару секунд смотрит в никуда. Резко встав и подойдя к окну, снова набирает номер, но в этот раз меняет ноль на единицу. На экране нарезка других звонков Антона, в которых он звонит разным людям. Он звонит с кухни, из ванной, с кровати. Набрав очередной номер, монтаж прерывается. Он слышит гудки, после чего ему отвечают:

ДЕВУШКА
– Пиццерия «Полный расколбас», слушаю вас.

АНТОН (пауза)
– Одну пепперони, пожалуйста.

На экране вид из окна Антона.

АНТОН
– Ага, спасибо.

Повесив трубку, Антон осознает, что у него остался последний вариант. Сев за письменный стол и заменив восьмёрку на девятку, он звонит, и сразу же слышит:

– Дождитесь ответа, или перезвоните позже. В настоящий момент, абонент разговаривает.

Быстрый монтаж, сменяется медленным. Антон ещё несколько раз пробует позвонить на этот номер, но безрезультатно. Он берет ручку, и дописывает на салфетку цифру девять.

АНТОН (про себя)
– Ну, в другой раз.

Слышится звонок в дверь. Антон кладет салфетку на тумбочку и идёт к двери. Приняв пиццу, он расплатился и отправился обратно в комнату. Ужиная, он начинает записывать в блокнот события, что произошли с ним за день.

Закончив, оставляет блокнот на столе. Выходя из комнаты, он бросил взгляд в угол. Там стояли коробки с блокнотами. На обложках – разные месяцы. Он выключил свет, принял таблетки и пошёл спать.

6. ИНТЕРЬЕР. ДОМ – ДЕНЬ.

Антон проснулся ближе к обеду. На экране его типичная утренняя процедура. Через быстрый монтаж, чистка зубов в ванной сменяется завтраком на кухне. Во время завтрака, Антон

принимает таблетки. Одевшись, собирается выходить, но потом разворачивается и забирает салфетку с тумбочки.

6. ЭКСТЕРЬЕР. УЛИЦА – ДЕНЬ.

На экране уличные пейзажи, которые заканчиваются вывеской бара «Золотая рыбка».

7. ИНТЕРЬЕР. БАР – ДЕНЬ.

Антон сидит в уже знакомом баре и пьёт кофе. Достав из кармана блокнот, он записывает то, с чего начался его день.

АНТОН (про себя)

– Съел яичницу и почистил зубы... Блин, может это не обязательно записывать. Я так разорюсь на этих блокнотах.

Закончив писать и отпив кофе, он замечает ту самую барменшу. Встретившись глазами, они оба отводят взгляд.

АНТОН (про себя)

– Может просто подойти к ней и позвать на ужин?

Девушка протирает стаканы, а Антон глядит на неё, перебирая кружку в руках.

АНТОН (про себя)

– Что здесь сложного? «Привет, а хочешь...», а чего же собственно?

К барной стойке подошёл мужчина и заказал выпить. Барменша ещё пару раз поймала на себе взгляд Антона, от чего ещё сильнее смутилась.

АНТОН (про себя)

– Просто подойду и закажу выпить, а дальше разговор пойдёт сам собой.

Ещё раз встретившись с ней взглядом, он за-

платил за кофе, встал и пошёл в сторону барной стойки. Почти дойдя до неё, резко свернул и вышел из бара.

Оказавшись на улице, он достаёт телефон и набирает номер.

8. ЭКСТЕРЬЕР. БАР – ДЕНЬ.

АНТОН

– Вовчик, привет. Ты сейчас дома?

ВОВЧИК (сонным голосом)

– Что? Кто это?

АНТОН

– Это я, Антон. Ты спишь ещё что ли?

В кадре появляется Вовчик в своей квартире. Дальше идёт монтаж телефонного разговора на протяжении всего разговора.

ВОВЧИК

– А, привет. Я думал ты вчера наберешь.

АНТОН

– Да я вчера очнулся в баре, потом к доктору пошёл. Замотался в общем.

ВОВЧИК

– Встреча в баре прошла успешно?

АНТОН

– Ну... да. Я об этом и хотел тебе рассказать. Нужен совет.

ВОВЧИК

– Ну заходи. Только возьми с собой попить чего-нибудь, а то у меня голяк.

АНТОН

– Газировки?

ВОВЧИК

– Не, чего-нибудь покрепче.

АНТОН

– Ладно, скоро буду. Только ты не засыпай.

ВОВЧИК

– Ничего не обещаю.

Вовчик положил телефон на тумбочку и упал на кровать. Телефон снова зазвонил, и его хозяин с неохотой ответил на звонок.

ВОВЧИК

– Да?

АНТОН

– Слушай, а ты где живёшь?

В кадре городской пейзаж. Проходя мимо окна бара, он ещё раз глянул на барменшу. Та его не заметила, но, когда он уже ушёл, она посмотрела в его сторону.

7. ИНТЕРЬЕР. ДОМ ДРУГА – ДЕНЬ.

Добравшись до нужного адреса, Антон стучит в дверь.

ВОВЧИК (пауза)

– Пароль?

АНТОН

– Две полторашки светлого.

На пороге появляется Вовчик в халате и тапочках.

ВОВЧИК

– Правильно, давай сюда.

Антон заходит в квартиру и сразу же запинаясь об обувь на пороге. Вокруг валяется много разных вещей, а все вешалки заняты.

АНТОН

– Куда положить пальто?

ВОВЧИК (с кухни)

– Брось, где свободно.

Положив пальто на комод, гость прошёл в гостиную, где также господствовал бардак.

АНТОН

– Мы с тобой с детства знакомы...

ВОВЧИК (заглянув в холодильник)

– Допустим.

АНТОН (смахивая мусор с дивана)

– И примерно сколько раз ты убирался?

ВОВЧИК (закрывая холодильник)

– Есть вопросы попроще?

АНТОН

– Как познакомиться с девушкой, которая дала тебе свой номер?

ВОВЧИК (с интересом)

– Продолжай.

АНТОН

– Барменша из «Золотой рыбки» похоже дала мне свой номер.

ВОВЧИК

– Это которая Кристина?

АНТОН

– Не, Кристина брюнетка. Другая, блондинка.

ВОВЧИК

– Не помню такой. Похоже новенькая. В общем, очередная блондинка?

АНТОН

– Ты это к чему?

ВОВЧИК

– Да помню я твою теорию ещё со школы:

«Все девушки блондинки, а остальное лишь оттенки»

АНТОН

– Ну ведь это действительно так. Когда...

ВОВЧИК (перебивая)

– Всё, всё, всё. Понял. Так что там с твоей...

АНТОН

– А, в общем смотрю я на неё, а она так улыбается миленько и глазки отводит, так что точно она.

ВОВЧИК

– То есть ты не знаешь?

АНТОН

– Говорю же, в этот раз амнезия случилась утром, прямо там, в баре.

ВОВЧИК

– Звонил на номер?

АНТОН

– Да, и не один раз. Постоянно занято. Я всегда был такой везучий?

ВОВЧИК

– А то! Помню как-то раз ты познакомился с одной. Общались недели две, потом встретились. И что там было потом? Как ты её описывал?

АНТОН (отводя глаза)

– Не помню...

ВОВЧИК (смеясь)

– 120 килограмм счастья! Не помнит он.

АНТОН

– С тех пор она знатно похудела.

ВОВЧИК

– Да ну! А помнишь ещё случай был. С ЖЕНЕЙ вроде?

АНТОН (вздыхая)

– Помню. С Женями всегда сложно.

ВОВЧИК (смеясь)

– Особенно понять, мужчина это или женщина.

АНТОН

– Хорош уже. Ты лучше расскажи, чего пьёшь так рано?

ВОВЧИК (передавая бутылку)

– А, точно! Ну так, завтра выходной.

АНТОН

– Ты не работаешь по пятницам?

ВОВЧИК (глянув на календарь)

– Вот черт. Похоже придётся и завтра выпить.

*Они рассмеялись, чокнулись и выпили, закусы-
вая колбасой.*

ВОВЧИК

– Слушай, если ты так боишься подойти к ней, и не уверен, что номер её, то как-нибудь узнай, где она живет. Посмотришь в телефонной книге.

АНТОН

– Точно! У тебя она есть?

*Вовчик встал и отправился в соседнюю комна-
ту. Пошумев немного, он вернулся с толстым рас-
трепанным справочником. Дав его Антону, он сно-
ва уселся в кресло и продолжил пить. Антон же в
это время искал номер в справочнике.*

АНТОН

– Странно. Его здесь нет.

ВОВЧИК

– Не удивительно. Справочник ведь старый.

АНТОН

– Значит у неё новый номер...

ВОВЧИК

– Ну, либо найди справочник поновее, либо узнай, где живет.

АНТОН

– Да, так и сделаю.

Сев на диван, они включили телевизор. Проходит время и наступает вечер.

АНТОН

– Ладно, спасибо. Зайду ещё на днях.

ВОВЧИК

– Давай, только про выпивку не забывай.

Антон прощается с другом и отправляется домой.

8. ЭКСТЕРЬЕР. БАР – ВЕЧЕР.

Антон шёл по темной улице, обдумывая слова друга. На экране вечерние пейзажи города. Из-за раздумий Антон даже не заметил, что проходит мимо «Золотой рыбки». Осознав это, он поднимает взгляд и видит, как работники бара закрывают его. Среди них есть и та самая барменша. попрощавшись, коллеги расходятся. Антон встал как вкопанный и смотрел. Барменша заметила одиноко стоящего мужчину в темноте вечерней улицы. Ей стало не по себе, и она поспешила домой. Ступор Антона продолжался. Кадры мешались с кадром красного сигнала светофора. Как только загорелся зелёный, Антон пошёл. Какое-то время он шёл за ней, так как их путь совпадал, но, когда она свернула, он, наконец, решил аккуратно проследить за ней. Барменша шла быстро, иногда оборачиваясь. На улице народу было мало, так что Антон был не так уж и незаметен. Завернув за угол, девушка ускорила шаг. Антон, заскочив за угол, уже не увидел её. Пройдя чуть дальше, он понял, что потерял след. Остался только он, стоящий под холодным свечением фонаря. Вернувшись домой, он записал все

события и все свои переживания в блокнот, приняв таблетки и лёг спать.

9. ЭКСТЕРЬЕР. УЛИЦА – ДЕНЬ.

На экране уличные пейзажи. Антон идёт, о чем-то раздумывая. Как и в прошлый раз, он не замечает, как подходит к кафе, что стоит через дорогу. Глянув в окно, он видит барменшу, протирающую стаканы. Он решает набрать её номер прямо отсюда. Достав телефон, и набрав номер, он застывает.

ДЕВУШКА

– Дождитесь ответа, или перезвоните позже. В настоящий момент абонент разговаривает.

Антон стоит в недоумении, а барменша всё так же протирает стаканы.

АНТОН (про себя)

– Неужели это всё-таки не её номер, или может, с телефоном что-то?

Девушка вдруг замечает следящего за ней через окно мужчину. Внезапно, словно разрезав их напряжение проезжает фура. Когда вид на окно снова был открыт, девушки уже не было. Антон подождал ещё какое-то время, опустил глаза и пошёл своей дорогой. Подойдя к какому-то зданию и остановившись, он смотрит на бумажку в своих руках. Его пункт назначения – банк.

10. ИНТЕРЬЕР. БАНК – ДЕНЬ.

В банке суеты не меньше, чем на улице. Прочитав с бумажки, он заходит в нужный ему кабинет.

АНТОН

– Здравствуйте. Я по поводу льгот...

МУЖЧИНА

– А, привет! Заходи.

АНТОН

– Извините, мы разве...

МУЖЧИНА

– Знакомы, и уже достаточно давно. Ты каждый раз спрашиваешь...

АНТОН (растерянно)

– Хорошо...

Они присели за стол.

МУЖЧИНА (улыбаясь)

– Ну как там дела у Владимира?

АНТОН (растерянно)

– Вы и с ним знакомы?

МУЖЧИНА

– Ну да, вы в прошлый раз с ним приходили.

АНТОН

– Ясно. Ну, у него всё в порядке. Вроде как.

МУЖЧИНА

– Это хорошо. Ну а у тебя как?

АНТОН (улыбаясь)

– Если честно, не помню. Но вроде тоже неплохо.

МУЖЧИНА (с ухмылкой)

– Помнишь хоть, зачем пришёл?

АНТОН (улыбаясь)

– Конечно, за льготами!

МУЖЧИНА (улыбаясь)

– Одна и та же шутка каждый раз на тебе работает. Вот так да! Как часто у тебя случаются эти провалы в памяти?

АНТОН

– В последнее время слишком часто.

МУЖЧИНА

– Ясненько. Ну, давай, как обычно, подпись поставим.

Мужчина положил перед Антоном документы и дал ему ручку.

МУЖЧИНА

– Как обычно, распишись тут и тут.

Антон, не читая документ, расписался.

МУЖЧИНА

– Отлично, вот твои деньги.

Мужчина передал конверт в руки Антону.

АНТОН

– Ладно, спасибо, я пойду.

МУЖЧИНА (вставая)

– Да не за что. Это всё-таки моя работа. (улыбаясь)

Меня Олег зовут, если вдруг забыл. Конверт достаточно увесистый?

АНТОН (улыбаясь)

– Вполне, вполне.

ОЛЕГ

– Слушай, мне неудобно просить... Ты не мог бы одолжить мне немного денег на лекарства?

АНТОН

– А что случилось?

ОЛЕГ

– Матушка хворает, а зарплату задержали.

АНТОН

– Сколько тебе нужно?

ОЛЕГ

– Тысячу.

АНТОН

– Ну... ладно.

Антон достаёт одну купюру из конверта и отдает Олегу.

ОЛЕГ (удивляясь)

– Вот спасибо! Я отдам при нашей следующей встрече.

Антон вышел из кабинета и, обернувшись, задумался о чем-то. Он был не уверен, как долго он знает Олега, и отдаст ли он долг, но это уже было не важно.

11. ЭКСТЕРЬЕР. УЛИЦА – ВЕЧЕР.

Вечером Антон вышел в магазин за продуктами. Взяв молоко хлеб и яйца, он отправился домой. Шагая по вечерней улице, он снова был погружен в раздумья.

АНТОН (про себя)

– Странный случай с этим Олегом. Вроде знакомы, но вроде и нет. В последнее время столько всего навалилось.

Улица была почти пуста. Те, кто всё-таки был там, спешили домой. Один лишь Антон шёл спокойно.

АНТОН (про себя)

– Ещё эта девушка. Может, ну её? Хотя... Что, если я всё-таки взял у неё номер...

Вдруг перед ним проскочила девушка. Антон застыл от неожиданности, но тут же понял, что это та самая барменша. И как в тот день, немного подождав, он отправился за ней. Через какое-то время девушка обернулась и заметила его. Был виден её испуг, но Антон его не заметил. Ускорив шаг, она пыталась оторваться от него, иногда снова оборачиваясь. Завернув за тот же угол, она побежала, но Антон в этот раз тоже

ускорился. Он бежал в переулке, надеясь в этот раз догнать её и точно узнать, где живет. Добежав до поворота, он свернул и врезался во что-то массивное. Два полицейских вцепились в него и не отпускали.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ

– Гражданин, мы вынуждены вас задержать, прошу не сопротивляйтесь.

АНТОН (испугавшись)

– Что вы делаете? Отпустите!

Он пытался вырваться, но хватка полицейских была крепкая. Они повалили его на землю. Пакет упал и из него вывалились продукты.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ

– Не нужно было сопротивляться. Мы просто поговорим.

Ему скрутили руки и надели наручники. Антон крупным планом, на лице которого был испуг, непонимание и злость. Темный экран.

12. ИНТЕРЬЕР.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ УЧАСТОК. – ВЕЧЕР.

Крупный план. Антон сидит в просторной комнате. Решетка вместо двери дает понять, что он находится в полицейском участке. Его лицо уже не выражает никаких чувств. Слышатся шаги. По ту сторону решетки появляется знакомое лицо.

ВОВЧИК

– Привет, дружище. Как ты?

От Антона не последовало реакции. Полицейский открыл решетку и впустил друга задержанного.

ВОВЧИК

– Сильно тебе досталось?

АНТОН (надрывающимся голосом)

– Что я здесь делаю?

ВОВЧИК

– Они скрутили тебя. Сказали, что встретили девушку на улице. Она была напугана, просила о помощи. Говорит, ты преследовал ее.

АНТОН

– Что? Я... просто хотел узнать где она живёт. Это та самая девушка из бара.

ВОВЧИК

– Нужно было сделать это как-то иначе, а не гнаться за ней поздним вечером.

АНТОН

– Но ведь ты сам сказал...

ВОВЧИК (перебивая)

– Они нашли в твоём пальто блокнот, в котором ты описываешь, как наблюдал за ней. Как ждал, пока её смена закончится и описывал неудачную слежку. Ты сильно напугал её, дружище. Она была здесь какое-то время назад. Я поговорил с ней. Она...

АНТОН

– Что?

ВОВЧИК

– Она не давала тебе свой номер.

АНТОН

– Что... но... Но тогда чей он?

Вовчик засунул руку во внутренний карман своей куртки, достал телефон, зашёл в контакты и показал телефон Антону.

ВОВЧИК

– Это твой номер.

На экране телефона была надпись: «Антоха»

и тот самый номер, который был на салфетке. У Антона совсем пропал дар речи.

ВОВЧИК

– Помнишь тот день, когда ты очнулся в баре? Тогда у тебя должна была быть встреча с человеком. Тебе нужна была новая сим-карта, и ты предложил ему встретиться. По его словам, он отдал тебе карту, записал твой номер на салфетке, чтобы тебе не забыть и ушёл. Похоже, в этот момент у тебя и случилась амнезия.

Антон молча смотрел куда-то сквозь.

ВОВЧИК

– Нам повезло. Все в курсе твоей ситуации. Девушка не будет подавать заявления. Так что они отпустят тебя днём.

АНТОН (почти шёпотом)

– Сейчас вечер?

ВОВЧИК

– Нет, уже утро. Ты проспал здесь всю ночь.

АНТОН

– Мне нужно принять таблетки. Они в пальто.

Вовчик вышел из камеры. Какое-то время его не было, после чего он вернулся с пузырьком и дал его Антону.

ВОВЧИК

– Они хоть работают? Твои таблетки?

Антон посмотрел на него взглядом, полным отчаяния. Встряхнув пузырёк, он увидел там две таблетки. Не став принимать их, он засунул пузырёк в карман штанов.

ВОВЧИК

– Ладно, не переживай, всё наладится. Я пойду. Как выпустят, заходи, выпьем.

АНТОН

– Они могут вернуть мне блокнот или дать бумагу с ручкой?

Вовчик вышел из камеры. Антон продолжал смотреть сквозь решетку. Вернувшись, Вовчик принёс ему лист бумаги и ручку. Попрощавшись, друг покинул его. Антон положил лист на скамейку и начал писать. Каждую букву он старательно выводил, хоть и писал быстро. Через минуту текст был готов.

– Больше НЕ заходи в бар «Золотая рыбка»

– НЕ пей таблетки, которые даёт доктор. НЕ верь ему, он хочет твоих денег.

– Человек, у которого ты забираешь льготы, должен тебе тысячу рублей. НЕ давай ему в долг. НЕ верь ему, он хочет твоих денег.

– Вовчик твой единственный друг. Верь ему.

– Если что-то ты забыл – начинай сначала.

Дописав, Антон убрал лист к себе в карман. Сев на скамейку, он тяжело вздохнул. Смотрит прямо на зрителя, на его лице появляется лёгкая ухмылка. Темный экран. Выход из темного экрана. Крупный план Антона, широко раскрывшего глаза, словно он очнулся. Затемнение.

Николай Печальник

Не восход, только сцена печали
Без тепла, без огня, без привязки.
Если помнишь, мы тоже играли
По чуть слышным небесным подсказкам.

Так актер, не пришедший с фронта
Все идет сквозь туман чуткий.
И по льдистой воде Ахеронта
Проплывают суфлерские будки.

* * *

В закрещенном городе Е-мегабурге
Какие-то люди, а может быть воры...
Нет, точно не люди и даже не урки
Украли кошелку у старой Пандоры.
Что толку в кошелке? Зацепки-иголки...
Ночные проспекты, огни-кривотолки,
Ненужные встречи... шаги в коридоре,
Пандорино горе бескрайне как море.
А разве нас жизнь удивить не хотела?
А разве не нам песни нежные пела?
И в наши колени ласкалось то море,
Что стало большим, как пандорино горе.

Блюз HDD «Виртуальный некрополь»

В ямку бух. Разве мать тебе не пела
в ямку бух?
Как по узенькой дорожке в ямку бух.
Как по камешкам по кочкам в ямку бух.
Возле ямки кружит тополиный пух.

К десяти ямка станет вдруг расти
К десяти всех помилуй и прости.
От старух ты услышишь Пропась Бухх
От старух, ну конечно Пропась Бухх.

Маламед!!! Подержи меня за ноги Маламед!
В эту пропасть нет дороги спусков нет.
Я немного погляжу и расскажу
Как туман осенний лягу на межу.

Маламед! Подержи меня за ноги, Маламед!
Этот мир устроит многих, многих нет.
И осталось посмотреть как жизни дух
Легким пухом отлетает в Пропась Бухх

В ямку бух. Разве мать тебе не пела
в ямку бух...

ОДУВАНЧИК

В дальних пределах, где зимы безбрежные
Кто-то останется, кто-то расстанется.
Жизнь полусуспешная, странная, нежная
Тронешь – и ветру достанется

Шел как-то я от приятеля Женьки
В марте ли... в мае ли...
Ночью на город падали деньги –
Утром растаяли!

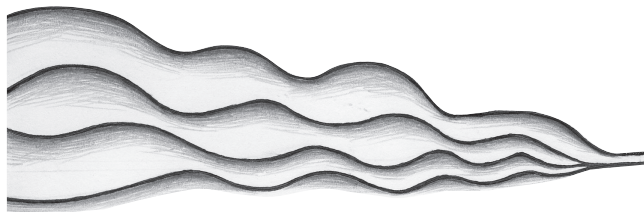

Николай Мамонов

* * *

Я тот, кто не бывает больше здесь с тобой
Кто встал как ангел за твоей спиной
Не видный людям, этот ангел слеп
Он кормит голубей, им крошит белый хлеб
Не знает он, что иллюзорен мир,
Где защищать тебя, он от всего назначен был
Я – он и ты, я слабый и силен
Я не боюсь ни тьмы, ни похорон.
На крыше, свесив ноги, ангел крошит хлеб,
Но пальцы превращают крошки в теплый снег
его следы растают поутру, а я стою и жду
горячих капель кофе,

в ноты вкуса вплавлен кардамон,
вишневый пай и утренний трезвон
трамваев, крики воронья,
в попытках отыскать твой след, в толпе спину,
где я стоял так много лет,
я задыхаюсь, падаю и просыпаюсь – ночь,
и ангел за твоим плечом уходит прочь.

* * *

становиться зверем раскрывающим пасть
ледяным маяком на безмолвном море
лечить свою боль спиртом и кровью
и не выставлять себя на показ
это время уходит песком и ревом турбин
самолета на заснеженном поле
где ты остаешься волен выбирать небеса
и стучать в них в надежде откроют

и проходить палачом судьей
паломником стражем ангелом бесом
круто замесив вопросы ответы
в свою запутанную ДНК
а потом уехать на фьорды или в рейкьявик
согреваться грогом слушая бьорк
говорить бармену за стойкой в баре
что ты любишь ее а она нью-йорк

а утром очнуться и сказать
не смотри на север
счищая застывший на сердце лед

* * *

Однажды она сказала
а хочешь я научу тебя петь
написала записку и дала чей-то номер
кому-то звонила шутила и обещала смотреть
когда я на сцене исполню смертельный номер
еще где-то хрипло скулила собака тогда
и чем-то напоминала сакса звуки
я в подворотне стояла до тебя три шага
и только не вынимать озябшие руки

на манжетах уже не пишут стихов
и в наших провинциальных кофейнях
пьют водку
не смотрят бармену в лицо и еще
тихо разговаривают под сводку
погоды которая через попсу и шансон
набивает оскомину своим удареньем на звуки
используют простое уравнение $x+y$ равно
и потом едят под селедкой шубу

а я минералку и три дольки лимона в стакан
наушники и внутри подпевать и упрямо
сказать
я ищу приду к тебе в дом
и даже спою
если буду не сильно пьяной

Алексей Лебедев

* * *

Когда темнеет за окном,
Над лавочкой фонарь мерцает...
Весною пахнет, как вином.
Во мне все словно замирает...

Я чувствую, как все вокруг
В тиши ночной живёт и дышит
Дыханье ветра – сердца стук.
Закрой глаза и ты услышишь...

И ты поймёшь, как все живёт,
Как ночь играет прохладой,
Как соловей в ночи поет
И делает тебя крылатым.

Ты выйди к лавочке в ночи,
Что с фонарём рука об руку...
Присядь, откинись, помолчи...
И ты забудешь злую вьюгу...

* * *

Я телефон не отключаю –
А вдруг возьмешь и позвонишь?
И скажешь мне, что ты скучаешь
И из-за этого не спишь.

Расскажешь мне, о том что было,
Когда мои стихи прочла...
Прошепчешь мне, что не забыла,
Что воздухом моим была.

Быть может, спросишь, тихо очень,
О чем мечтаю в звёздный час?
Я про себя скажу «О нас...»
А сам скажу: «Про дождь, про осень...»

А ты расскажешь про беду.
О том как сказочно любила,
Что это было, как в бреду,
Но предала любовь, забыла...

Расскажешь мне, что ты одна
Устала быть, что хочешь счастья,
Что одинокая весна
Всю душу рвёт порой на части.

А я тебя пойму, пойму.
Мне это так порой знакомо...
Про одинокую весну
Про одиночество у дома...

Потом мы просто помолчим
Нам есть о чем молчать, я знаю.
Скучаешь ты, и я скучаю...
Немало есть у нас причин.

И ты уснёшь не отключившись.
Я сброшу пагубный звонок.
Опять в тебя, дурак, влюбившись,
Я до рассвета одинок.

Николай Мамонов

Алексей Мironov

* * *

как умирает мир
где-то за головой
шум переходит в дым
все еще там живой

ты не дыши мне так
и не ищи слова
все укрывает в ночь
только трава трава

* * *

заочные странствия. одиссея
и где-то плывешь по самую рожь
по самые прихоти время синее
и так или тик его не разберешь

по самые заросли чингачгука
уходишь в поход начиная с утра
вспуччи америго в веслах из бука
гондвана в стакане по курсу сурка

сырая ты доля из миль и парсеков
по желтым кирпичикам эллинских саг
воротишься в портер всего человека
таким как и не был в итаку итак

* * *

нужно не забывать спать
и принадлежать самому себе
нужно не нарушать стать
лучше летать или лететь во сне

нужно вставать в шесть
чтоб полежать так час самому к себе
нужно не уставать играть вальс
только на нижней и нежной своей губе

нужно ловить стук
братьев из Гримма всегда ждать
нужно любить или ловить звук
точно паук мух точно потьму тать

нужно бы все спросить
или не все успеть
лучше бы так любить
как не сумеешь спеть

Ольга Завьялова

Елизавета Шабатчикова

* * *

Я не вижу следов,
Ни своих, ни чужих,
Только снег обнимает колени...
Слаще пряных медов,
Он меня окружил,
Сея звёздочки из карамели...
Потянулся к губам,
Обрывая слова,
Колким смехом и льдистым вкусом...
Задрожал на руках
Снежный шар из стекла,
Город в нём, чуть дыша, встрепенулся...
И кругом только снег...
Но мне надо идти,
Сколь бы нежным он ни был на ощупь...
Чтобы ласковый свет,
На руках не затих,
Не замёрз, в оживающей ноше...
Я хочу побелеть,
Влиться в мирную гладь,
Засверкать, Снежной стать королевой!
Но храню я секрет
И не дам умирать
Жизни нежной, звенящей, несмелой...

* * *

По чешуйке от рыбки-колюшки,
По щепе от горелой паперти,
По крылу молодецкой волюшки,
Собираю тебя по памяти...
По росе, по туманам дымчатым,
По молитве в церковном хоре
По проклятию ведьмой вышитом
На венчальном моём уборе...
По горячей слезе... Усталые
Подниму ко Христу глаза

По рукам капли брызжут алые,
Оживится вином лоза...
Как мне жить без тебя, без товарища...
Не взирай на меня с укором!
Птицей феникс восстань из пожарища
Над седым закопчённым собором...

* * *

Где-то на краешке лета
Царём золочёных полей
Раскинулся ласковый кедр
Обжитый миллионами фей
В мохнатых иголках на ветке
Местечко найдётся и мне
Сижу в ярко-жёлтой беретке
И видно меня на Луне
В ладони младенец кедровый
Орешек теплом напоён
Проклюнется жизнью зелёной.
Его колыбель – чернозём...
И может быть лет через тысячу,
К праправнучке дочки моей,
Я феей задумчивой вылечу
Из вечных кедровых ветвей...

* * *

Цепкие пальчики-веточки
В волосы заплелись,
Корни мешают девочке
Тихо тянуться ввысь...
А потому легонько
Она по земле идёт.
Имя той девочки -- Сонька,
Никто её так не зовёт...
Для всех она просто ветер,
Стрижонок, кувшинки бутон,
История на ночь детям,
И лишь для меня грустный сон...
Она приходила летом
Из сердца туманных лесов...

Как друг позабытый кем-то
 В мой дом отпирала засов,
 Садилась ко мне на колени –
 Малышка, лет пять или шесть.
 Я ей предлагала варенья
 Столовую ложечку съесть.
 Она соглашалась охотно,
 Но взглядом искала леса.
 Её обнимала щекотно
 Моя золотая коса...
 Она не становится старше,
 В отличие от меня...
 Мы видимся реже... Но как же
 Не вспомнить, слезинкой звеня
 Подругу из самого детства,
 Придумку прозрачную, да!
 Но нету надёжнее средства,
 Ведь с ней не страшна темнота...

* * *

Мне ландышей пришёл от вас букет
 И ломтики десертного лимона
 И лаской запечатанный конверт
 А в нём ждёт партитура Мендельсона...
 Исполните весеннюю сонату
 На чёрно-белых клавишах души.
 Я жду весны, что композитор спрятал
 И солнцем разукрасил витражи:
 Игривые, кудрявые побеги,
 Медовый свет – и млеют берега.
 Поднимут звон цветущие ковчеги,
 И синевой окрасится река...
 Мне компаньоном станьте в это утро:
 Мы по руку пройдемся по бульвару...
 Черёмуха мои венчает кудри,
 А вы – в одеждах юноши-фигляра...

Елизавета Табатчикова

Зепечалился домик-кругляк
Сосны рыскают наискосок,
Позову я синичек косяк:
Прошлогодний в косе колосок
Посулю желтопёрой гурьбе,
Чтоб сплясали и спели тебе,
А сама наряжусь в сарафан
И от радости птичьей звеня
Изогну плавно-ласковый стан
Чтобы ставни открыть! И тебя
Разбудить: «Ну-ка с печки вставай!» –
Зарумянится девичий визг –
«Долгожданных гостей принимай!»
Я уже миллионами брызг
Умываю окошки и дом,
Проливаясь весенним дождём...

*Посвящается тому, кто в детстве посылал сигналы космосу, искренне веря в силу фонарика...
И не зря... В надежде получить ответ от инопланетян, ты получил его от меня...*

181

Бирюзу, лазурь
 и индиго...
 В синеве не прячется гидра.
 Ты в неё не мешкая
 прыгай!
 Синий цвет я знаю
 на ощупь:
 Надо мной не смей
 потешаться!
 Лёд спаял еловые рощи:
 Синью не могу
 надышаться...
 Что с картиной?
 Вышло красиво?
 Я ведь помню правильно
 мир?
 Принеси мне синюю
 сливу,
 Синих роз и синий
 инжир...

САМОЛЁТЧИК

А за облаками чернота,
 Вниз комками канул белый пульс...
 Небо телом синего кита
 В космос уплывает: «Я вернусь!»

Взлёт! Стальная тень среди долин,
 Выше хлопка пасмурной земли...
 Дикий гусь – ему не нужен клин:
 Без пилотов рухнут корабли...

Я сейчас почти мальчишка Нильс.
 Винт, вращаясь, гулко шепчет в грудь:
 «Оглянись! Кругом сплошная ВЫСЬ...»
 В ней хочу глазами утонуть...

Я седлаю птиц в стальной броне,
 Чтоб смотреть с предзвездной высоты,
 Как радеет небо обо мне,
 Разбавляя степень черноты

Синевой и крошками от звезд...
 Хочет, чтобы я – земной стервец –
 Мог скорей родных достигнуть гнёзд
 И угомониться наконец...

* * *

Кто-нибудь, позвоните на небо...
 Как обычно я – автоответчик
 Уж полвека на облаке этом
 Собеседника нету на вечер...
 Развлеките меня разговором
 Обо всех человеческих заботах.
 Ну, а я, может быть, очень скоро
 Вам сыграю по ангельским нотам
 Ту мелодию звёздного неба,
 Что вы с детства мечтали услышать.
 И не думайте: «Ангелы – небыль!»
 Вам советую выйти на крышу...

Румяный ротик зацелован
Зарёй багрянцевых рябин.
Одним лишь сочно-терпким словом,
Над желтизной резных осин,
Зардеться летний лес заставит,
Промолвив кротко: «Я пришла...»
Тот шепот крылья птиц расправит,
Пронзая неба купола...
В разлом дыхнул студёный космос,
Увлёкшись звёздным ремеслом.
И к холодам меняя волос
Всё рыжей шерстью обросло...
Ерошит смех лесную гриву:
Румяный ротик поднял звон!
Хрустально-чутким переливом
Во мне затронул камертон...
«Тебя в лицо увидеть можно..?»
Она шепнула: «Нет, увы...»
Следят за мной неосторожно
Глаза, из крапинок листвы...

ТЫ – ЗАМОК

Я помню твои подземелья
И сладкий, дурманящий миг,
Когда я поила капелью
Сухой, заскорузлый язык...
Та влага сквозь камни стекала
Я знала: «Снаружи весна!»
Но тьма окружала, глотала
Живое предчувствие сна...
Я помню твои переходы
По лестницам вверх при свече
Немые изгибы и своды...
И солнечный свет на плече
Обжѐг недоверчивым взглядом
Прошел сквозь окошка прищур
Я помню почудилось рядом
Из камня точёный Амур
По-ангельски мне улыбнулся,
Взволнованно дрогнул крылом --

Звения тетива натянулась,
На луке сверкая литом.
Коснулось щеки оперенье,
И сердце кольнула стрела,
И вырвалось дивное пенье!
Уже не страшась я пошла
По гулким сияющим залам
И смехом взывала к тебе!
Одну за другой открывала
Я дверцы в твоей скорлупе...
За ними скрывались уютно
Камин, одеяла и чай,
Дендрарий встречал изумрудным
Сияньем, манил словно рай...
По лестнице ввысь убегаю...
И в стены врастаю твои
В тебе новый дом обретаю...
А ты так далёк от любви...

* * *

Жмурюсь.
Под левой лопаткой тепло,
В груди горячо.
Лиственный пол —
 моя корабельная палуба.
Солнце смолой протекло.
Стайками пчёл
Станут мои паруса
 под жужжащие жалобы.
Хочешь? Взбирайся на борт!
Вот жилетка с полосками.
Ты будешь мой в штормах
 просолённый моряк...
Знаешь, весь мир распростёрт!
Ждет за картами плоскими.
Бриз приключений пригонит к нам
 летний ветряк...
Страны Леванта, дивное Красное море,
Остров Цейлон, Персия или Сиам?
Землю исследуем мы досконально и вскоре
Новых придумаем
 сотни и тысячи стран!

* * *

Прожилками течёт жемчужный перелив
Струится по рукам и сердце греет мне.
Я ощущаю вкус нежней багряных слив
Когда озёрный свет вдыхаю при луне...

Я укачаю звёзд рассеянных пути,
Когда зеркальных вод дотронется стопа...
И, кажется, сейчас откроется в груди
Лебяжий мой балет, всё фуэте и па...

Взлелеяла птенца под кожей, у ключиц...
О Боже, как мягка его земная стать!
Невинней и милей вы не видали птиц,
Но, право... не могу вам душу показать...

ДОМОВОЙ

Летние травы смеются из этих глаз,
Мех полосатый станет копной волос...
Молнии, громы, ливень – ему не указ
Он прибегает, прячет меня от гроз...
На чердаке – душистый сосновый пол.
Куда ни глянь – везде антиквариат.
Здесь по душе местечко себе нашёл
Друг в лапотках, в рубашке смешной до пят...
Летней порой в избушке лесной живём –
Счастлива я, как синеглазый сапфир...
Ну а к зиме друг обернётся котом,
Чтобы согреть мой однокомнатный мир...

* * *

Архипелаг домишек из зефира...
Мой снежный шаг
по щуплым стрункам мира...
Я прошуршу в окошке кринолином...
И прокушу кожурку мандарина.
Чтоб аромат нарушил забытье.
Очнёшься ты, обрадуешься мне...
Скорей вставай! Сегодня ведь Сочельник!
За ёлочкой бежим с соседний ельник!

Колядовать мы под звездой пойдём...
Ну а потом... украсим грустный дом...
Ты в этот праздник будешь не один,
Как и во все, что следуют за ним...
И рядышком с тобой я ангелёнком буду --
Фарфоровым и очень хрупким чудом
В ладонях белоснежность сбереги
И укрепи мои крылатые шаги...

* * *

Солнце ласкает молекулы.
Крыша высокая...
Взлетной площадки
мне лучше теперь не найти.
Крики уносит из осени стая далекая:
Тоже ишу все возможные к югу пути...
Крылья Да Винчи построю
и буду испытывать:
Надо выдерживать натиск осенних ветров.
Стройный каркас самолёта
попробую выковать,
Сшить купол шара воздушного из лоскутов...
Я буду пробовать стать
хоть немного летающей:
Дерзко внедряя под кожу перо за пером...
Рваться к мечте
за туманными кронами тающей.
Лишь бы от осени вырваться вслед за теплом...
Ливни пропащие!
Крыша скользит под ступнями!..
Это последний...
единственный шанс улететь...
Чем оставаться, живучими лучше углями,
Будто Икар мне над морем заветным гореть...

* * *

Кому теперь, метаясь, ты соврешь,
Придя как смерть, один на званный ужин,
Что ты все тот ж?

Старее,
А все же тот ж,
И что ещё кому-то ты,
Да нужен?

Что для тебя горят ещё огни,
Встречающих во тьме
на дне вокзала.
И выварился ты?
Пожалуй, в щи...

И ничего. И раньше так бывало.
И ничего не требует душа,
Сорвавшись опять на прихоть тела.
И все же хорошо,
домой спеша,
Понять, что жизнь, пожалуй,
Догорела.

* * *

Мне дай момент
Проститься с этой грустью,
Болью,
Солью,
И Богом, ими тоже что наполнен
И вылиться с бродячих кладбищ прочь.

Бреду во тьму с измятыми ногами,
Изломанными рифмами.
Кому
Теперь стрелять по воронам губами,
Срываясь вновь

в трамвайскую тюрьму?

Иисус в трамвае,
Как всегда, у печки,
Печет на лбу
измученную кровь.

Аля Эри

И в канонаде слов
брусчатый отзвук вечный,
Коммунный звон расплескивает вновь.

Смотрю в окно неуловимой Здравницы
И в коммунальном доме
Номер семь,
Алтарь души моей
Опять смыкается,
Хотя не стар мой верный стих совсем.

Ну а цена везде легка –
Права челове...ка.

Анна Захарова

* * *

Подобрав слов разбросанных звенья
И сменив на решительность страх,
Приношу я свои откровенья
На изрезанных детством руках.

Проигравшись во всех начинаньях,
Прогибаясь под жесткостью слов
Так давно не цвела на свиданьях,
Так давно не писала стихов.

Раз за разом теряла фарватер,
Натыкаясь на ересь и бред,
Я скорей уже версификатор,
Не печальный голодных поэт.

Но романтики терпкий и плотный
Запах в юности всё же вдыхала,
И теперь в массе будней мерзотной
Различаю, порой, цвет фиалок.

Ну а в мыслях, где душно и дымно,
Со слонами руки Сальвадора
Под вой скрипки и скрежет машинный
В парах кружатся курос и кора.

Наталья Узкова

* * *

У тебя есть платье для любви?
Легкое или из ткани страсти?
Путанное, рваное внутри?
Или шелк, дающий чувство власти?
Нежное, как розовый восход,
Греющее мягкими лучами...
Знаешь, может платье для любви –
Это то, как видим её сами?
Для одних любовь – набор из букв.
Для других симпатия и счастье,
Преданность, духовность иль досуг
С ароматом клуба на запястье.
Если платья нет, создай его:
Страстное, интимное, простое...
И к своей любви примерь, оно
«Сесть» должно на тело, как влитое.

Анна Симбирская

* * *

«Привет» сменили на холодный взгляд.
И удалили наши переписки.
Что ж, расставанья нам не избежать,
Теперь мы друг у друга в черном списке.

Мы больше не пойдем с тобой гулять.
И не блеснет тебе моя улыбка.
Быть может, хочешь все вернуть назад?
А я... я поняла свою ошибку.

«Уже не больно, больше не болит...» –
Твержу себе, как мантру я упрямо.
Ты поступай, как сердце говорит.
Но знай, моя любовь не постоянна.

* * *

Я шепотом спрошу у тишины:
«Зачем чужие мысли собираешь?
И закупоривая в банке оставляешь,
Лишь выпуская их с приходом темноты?»

Порою ночью ты не засыпаешь,
А смотришь все из темного угла.
И мысли на меня ты насылаешь,
Чтобы я спать спокойно не могла?

Но лишь молчит в ответ мне тишина.
И что она ответить может?
В тумане утра догорит звезда
И тишина мой сон не потревожит.

* * *

Я – на свидании с летом,
Сегодня меня ты не жди.
Вернусь я под утро, с рассветом,
Лишь солнца проснутся лучи.
Мы ласковой ночью согреты,
Пройдем по аллее мечты.
У лета дождливые кеды,
Волос полевые цветы...
В глазах цвета радужной дымки
Плескается сонно луна.
Мне дарит оно звёзд улыбку,
Гуляем мы с ним допоздна
В тенистых подлунных проулках...
К тебе я вернусь, не грусти.
Расскажу я об этих прогулках,
Открою секреты свои.

* * *

Тихо-тихо за окном.
Белой бахрамою
Наряжает выюга дом
Зимнею порою.

Серебром снежок блестит.
Лёд – хрусталь на речке.
За окном свеча горит,
Дети возле печки.

Ёлка в комнате стоит,
Светится огнями.
Где-то Новый год спешит
В радужном кафтане.

Песню звонкую поёт,
Голос его сладок.
Волшебство с собой несёт,
Всей Земле в подарок.

Светлана Новгородцева

* * *

В квартире, где никто не умирал,
Где даже зеркала живут без скорби,
Где спину кот сердитую не горбит
И ход часов себя не переврал.
В квартире, где никто не умирал.

Там можно безбоязненно гадать
И кольца, и свечу пытаться о сути,
Играть в рулетку шариками ртути,
Спокойно спать, ложиться и вставать.

Смотреть кино, выращивать цветы,
Как будто хочешь жить в оранжерее.
И празднично узлы вязать на шее
(Поскольку модно так) до немоты.

Нарисовать узоры на руках,
Летать с балкона на луну и выше.
И всех соседей знать на этой крыше,
Всех жуликов на пыльных чердаках.

В квартире. Где никто не умирал,
Где даже не предвидится такое,
Оставишь за собою все земное.
Как будто никогда не уставал.
В квартире, где никто не умирал.

Наши тени остаются
На скамейках в старых скверах,
Наши призраки смеются
У открытого окна,
Потому что, потому что
Мы витаем в этих сферах,
Где бытует наша память,
Где она для всех одна.

Мы легки и многократны
На проспектах и аллеях,
Мы в привычках аккуратны –
Бродим, бродим день за днем
Тем же пыльным переулком,
Обитаем, не старея,
Во дворах и у подъездов.
В той же комнате живем.
И они, все те же, с нами,
Но моложе год от года,
С вечно нежными руками.
Лишь припомнишь – сразу тут.
Нет, не люди, а фантомы –
Непонятная природа.
Потерявшиеся в прошлом.
В нем нашедшие приют.

Школьные праздники

Соседи по парте
Четвертого класса
В печали, в азарте,
До позднего часа,
До елки в спортзале
И до Первомая.
И мы вырезали
Снежинки. Ломая
О твердую доску
Кирпичики мела,
Известку, известку
Крошили несмело.
Не выйдя за рамки,
Мы делали – дети –
Воздушные замки,
Блестящие цепи.
Гвоздики и флаги,
Зеленые ветки.
Вот мы из бумаги,
Как птицы! Как в клетке?
Порой непонятно.
Но в каждом узоре,
Цвели пятикратно
Нам красные зори.

* * *

Очарованье солнечным лучом,
Полоска света на стене беленой.
И мир за шторой чистый, несмышленный,
К полудню прислонившийся плечом.

Очарованье? Да! Куда же деться?
Там, за окном нахлынувшее детство
И свежесть трав, и ясность синевы.

А выглянешь – обидная промашка –
Как мертвый груз лежит пятиэтажка,
Не поднимая тяжелой головы.

Очарованье солнечным лучом...
Как будто бы никто не умирает,
Как будто день июньский не сгорает.
И твой закат, конечно, ни при чем.

* * *

Во вселенском единообразии
Я простой обитатель Лавразии,
Ископаемый, может быть, вид.
Ископаемость эту лелея,
Каждый нерв мой вопросом болит:
Где отечество наше – Пангея?

Здесь клыками давно обзаводятся
И с триасовой цепкостью водятся
На, дробимой на части, земле
Кистеперые сестры и братья...
Где-то в океанической мгле
Мне Творец мой раскроет объятья.

* * *

Снег уцелел от прошедшей зимы,
Бережно собран, уложен в суму.
В горсточке малой скопить куркумы –
И по наследству. Вот только кому?

Мягкая рухлядь, руно, серебро,
Белые овцы, рождественский хлев –
Нищего духом простое добро,
Что исключает и зависть, и гнев.

Слишком простое – позарится кто?
Тайная радость вдовиц и калек.
С белым барашком – не ризы – пальто,
Проще, чем к вечеру скопленный снег.

В больнице

Все было хорошо и можно было жить
Нетронутым еще и неказным телом.
И муляжом пока костлявым не служить
На кафедре смертей студентам оголтелым.

Но марлевая тишь заляпала глаза
И корпию щипать медсестры прирастили.
Паталог, анатом! К чему моя слеза,
Когда летальные исходы участились?

Нацелится ланцет, карая и любя,
Анестезии дух вперед уснет от скуки.
И жертвой скорбной быть и отдавать себя
Наверно надо в исцеляющие руки.

Рождество. Числа

Катрен четвертый. Нежная зима,
Мираклъ времен Святого Николая.
О алая моя и золотая
И звездами расшитая сума.

Кометам нынче дан такой разбег,
Что хрустали земные онемели.
В пространство за окном стремятся ели.
Вот первая звезда, вот пятый снег.

Оберточной бумагой хрустнет ночь.
Дары и драгоценны, и весомы.
И ангелов, конечно, нынче сонмы
Приставлены зерно в муку толочь.

Юлия Судына

* * *

Очнись на терновых ветках
Болотный туман запутан
Я слишком осип я ветхий
Я криком лесным напуган
Во мне семь колец на срубе
Заложены все потоки
И воды мои оттуда
Куда не суются боги
Очнись... в моих лапах сила
С корнями в одно сливаться
Куда б меня не носило
Ты хочешь со мной остаться
Поспи... Покачай в объятьях
Без боли без обесцвetry
В моих нерожденных братьях
Моя травяная ведьма...

* * *

За неделю близко
За неделю терпко
Или слишком низко
Или слишком крепко
Мне тебя не выдать
По прямой в дорогу
Надо просто выжить
Очень очень долго

* * *

Мой дом наполняется голосами
Я слышу их и не очень
Я утро я аэродром с полосами
Я якудза под покрывами ночи
Мое зрение волнообразно
Я отрицаю законы физики

Мы видимся — я говорю «прекрасно»
Я иду медленно разбирать будильники
И когда звук похожий на ноту
Пройдет матово сквозь тысячу клеток
Я буду знать что в эту субботу
Мне станет легче я дожусь лета
Из всего вообще вырастет трава
Похожая на лошадь или липкий лопух
Закрой дверь если я сейчас не права
В ту комнату где нас больше двух....

* * *

Крылья... от головы до земли
Корни горячие капли смолы
Это не я это горечь побед
Это вода перебившая след
Это чужое забитое в грудь
За руку просто возьми кто-нибудь
Чтобы почувствовать пальцы свои
Крылья от головы до... земли...

* * *

В общем есть место где я знаю
Меня любят осенним холодом
Ко мне прикасаются и я прикасаюсь
И нет претензий к пшени и солоду
Есть вечер где нет ответов
Потому что к нему нет и вопросов
Где на стене висят старые пистолеты
А канарейки радостно едят просо
Там пахнет теплым деревом
От огромных
напитанных желтым бревен
И снег на дворе белее белого
И никто, слышишь, ни в чем не виновен
И не нужно смахивать с платочной шеи
Кого-то кто проверяет тебя на вшивость
А просто чувствовать
что ты владеешь временем
В которое ничего не случилось

* * *

Если подождешь
Расскажу тебе кучу секретов
Открою книгу
На самых ярких картинках
Ну и тем более впереди лето
Это хорошо когда лето на снимках
Если дашь знать
Не запру дверь вечером
Разожгу огонь
Оставлю свет в коридоре
Буду спать рядом
С медовой свечкою
А в начале осени
Забреду в море...

* * *

Я люблю тебя бесконечно
Нет, то не отвага
Это слабость бесчеловечная
То, что не надо
Не способность быть и держаться
Точно не цельность
Невозможность не отражаться
Целую вечность
Я люблю тебя невозможно
И это не клево
Это муторно странно бездарно
И бестолково
Я один на один
Я не верно тебя представляю
Мне все это не нужно
Я точно уверена, знаю...
Я люблю тебя
Странно
Признаться и все-таки выжить
Все положено
Тихо прощаться, сдаваться
И... слышать...

* * *

За травой трава
За дровами двор
Я иду сюда
В чей-то разговор
Я иду считать
Я иду творить
Чтобы тихо брать
Чтобы воровать
На дороге дым
А за ним вода
Чтобы нам двоим
Быть всегда всегда
Брошу шесть семян
И накрою мглой
Чтобы знали кто
За руку со мной...

Владимир Кизилев

Ольга Мальцева

Анна Стасова

Снежная игра

Ой, как много снега за ночь намело,
Горка стала выше, всё белым-бело!
Ноги утонули, словно в океан!
Курс мой на вершину - я же капитан,

Мчимся на просторе к дальним берегам...
Нет, теперь охотник: сделаю вигвам.
А ещё - полярник и в снегу лежу.
Я – герой. Я ранен. Самолёта жду...

Варежки промокли, коробом штаны.
Кстати, где мальчишки? Где-то не видны.
Слышу мамин голос: «Быстро марш домой!
За порог ты, точно, больше ни ногой!»

Я бреду на взбучку – будет разговор.
И кошусь на ручку, что лизнул на спор:
«Прикоснись губами, если не слабак...»
Как докажешь маме, что я не дурак...

«Ну, герой, явился - быстро всё снимай!
И отогреваться – остывает чай!»
Я гляжу в окошко - вышли пацаны.
Жаль, что долго сохнут мокрые штаны.

Ах, как горка манит, тянет, как магнит...
Подожду до завтра – мама всё простит.

В почётном карауле

Марширует третий класс,
Мы идём парадом,
Все в пилотках – просто класс,
Друг мой, Пашка, рядом!
На плече пришит картон,
Разрисован, в звёздах он!
Выстроился третий «Вэ»
На почётном месте,
В карауле стихли все,
Встали с Пашкой вместе.
Обелиск. Горит огонь.
- Ты его рукой не тронь!
Тихо. Скучно. Птиц полёт.
Все проходят мимо...
Старичок с цветком бредёт,
Выпрямил я спину.
Он сгибается в поклон,
А медалей – до погон!..
Небо хмурит, грянул гром.
Дождь чеканит сапогом.
Страшновато стало всем,
Уж блестит над крышей.
Как в военной той грозе
Не боялся вспышек
Тот солдат, кого хранит
Толстая плита – гранит?!
С Пашкой храбрые стоим,
Мы с солдатом вместе,
Стать такими же хотим,
Дело нашей чести.

Квиты!

ВАРЬКА услышала по телевизору фразу: «Ну, все! Теперь мы квиты!», и она долго не давала ей покоя. Дурацкое слово «квиты» никак не шло из головы.

— Мама, а что такое квиты? — допытывалась Варька.

Мама штопала носки и смотрела сериал, она не любила, когда ее отвлекают, поэтому попросту проигнорировала дочь, но та не сдавалась.

— Мама!

— Да что?! — мама резко отбросила в сторону носок. — Палец из-за тебя уколола!

— Что такое квиты?

— Не квиты, а кВИты! В расчете, значит!

— Как?

— Слушай, ну не приставай, а! — мама терла уколотый палец. — Хоть полчаса посиди тихо!

Варька не унималась.

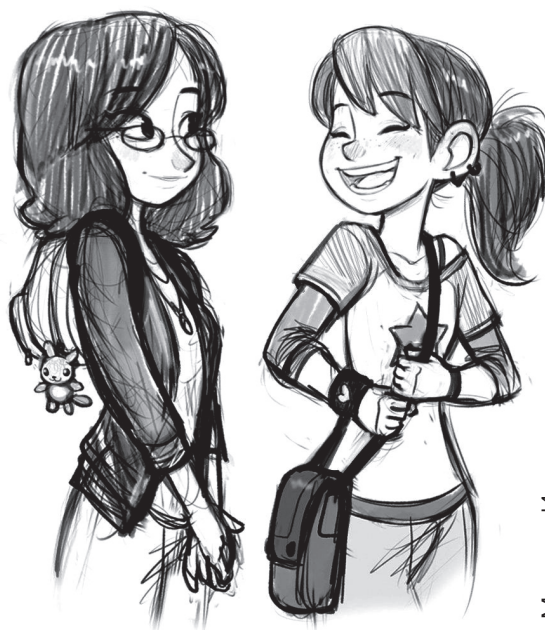
— В расчете, как в магазине?

— Варя! — мама повысила голос.

— Все-все... Значит, как в магазине... — прошептала под нос Варька.

И на всякий случай отошла от мамы подальше.

Делать было нечего. Молчать полчаса совсем не хотелось. Это для взрослых полчаса чуть-чуть, а для детей — целая вечность. Ладно бы еще играть в молчанку на интерес, а то просто так, не за что, совсем как-то обидно и даже глупо. Недолго думая, Варька отпросилась к Марусе. Вот с кем можно болтать без остановки.

Марина Ильина

МАРУСЕ сегодня не повезло. Папе чего-то вдруг вздумалось проверить у нее технику чтения. «Кем он себя возомнил? Нашей учительницей Лидией Петровной что ли?» — подумала несчастная девочка. Но отцу перечить не стала.

Маруся технику своего чтения считала просто замечательной. Прямо лучшей в мире. Жаль, что папа взглядов дочери не разделял, и девочка это быстро поняла по его не очень-то довольной физиономии. Когда самая большая и быстрая стрелка на его часах сделала круг, он скомандовал: «Стоп!» и принялся считать слова в книге.

Строчки заканчивались. И папа хмурился все больше и больше.

— Пятьдесят четыре! — возмутился он.

— Ого! — воскликнула Маруся. — А в школе было пятьдесят два! Значит, есть улучшения...

Девочка думала, что обрадует отца этой новостью, но заметив, что лицо его багровеет, осе-

клась и решила ничего больше не говорить. В этот самый момент и нагрянула Варька...

Маруськина мама заулыбалась, увидев девочку на пороге. Признаться, она уже начала переживать за свою дочь: муж, проверяющий технику чтения у ребенка, не внушал ей доверия. И хотя Маруська была не первой ученицей в классе, отдавать на растерзание ее кому бы то ни было, даже родному отцу, женщина не собиралась.

– Как хорошо, что ты пришла, – облегченно вздохнула Маруськина мама.

Варька влетела в комнату. Громко поздоровалась со всеми. Но ни Маруся, ни ее папа ей не ответили. Они молча сидели и смотрели друг на друга. При этом папа багровел все больше, а дочка пыталась заплакать, надеясь вызвать у него хоть какую-то жалость.

«И здесь что ли молчанка? – подумала Варька». А вслух произнесла.

– Дядя Витя, а я сегодня узнала новое слово – квити! Это в расчете значит!

Дяде Вите словно услышал приказ: «Отомри!»! отвел взгляд от своей дочери и перевел на Варьку.

– Какая ты умная, Варвара! И в школе у тебя пятерки и четверки, и читаешь ты, наверное, хорошо...

Варька засияла. Уж очень она любила, когда ее хвалили.

– Да! – закивала головой в знак согласия.

Она, действительно, была одной из лучших учениц в классе. Но во время последней техники чтения расстроила учительницу, получив отметку четыре, вместо привычной пятерки. Педагог нахмурила брови, прямо как сейчас Марусин папа, и пожурила девочку за то, что та, по всей вероятности, стала реже читать. Варька обещала исправиться, но зачем дяде Вите рассказывать эту историю?..

– Я прочитала последний раз сто слов! – соврала Варька.

Ну и что, что их на самом деле было семьдесят... Она же пообещала Марине Сергеевне исправиться, значит, исправится. И сто прочтет и

еще больше и будет лучше всех второклассниц!

– Ты слышала?! – обратился дядя Витя к своей дочери. – Бери пример с подруги!

И дядя Витя протянул Варьке книжку:

– Прочти что-нибудь, деточка!

Варька выбрала известную и хорошо знакомую ей сказку «Конек-Горбунок». Начало ее она знала наизусть:

– *За горами, за лесами, за широкими морями,
Против неба на земле,*

жил старик в одном селе...

И дальше в таком же духе. У дяди Вити округлились глаза. Полчаса его дочь сидела и ковыряла этого «Горбунка» еле-еле по слогам. А тут! Он подошел к Варьке и пожал ей руку.

– Молодец, Варвара, ты очень умная девочка. Марусе у тебя учиться и учиться! Ты позанималась бы с ней, а? Вы все-таки подруги... Чего ж она у нас такая отстающая.

Тут побагровела сама Маруся. То, что Варька хорошо учится, конечно, факт, но дать себя кому-то «подтягивать» девочка не хотела. Даже лучшей подруге...

– Подумаешь, – фыркнула Маруся. – Да она начало этой сказки наизусть знает! У нее память хорошая. Пусть какую-нибудь посложнее книгу возьмет.

– Эх ты, бестолочь! – возмутился папа. – Завидовать нехорошо! Впрочем, я уверен, Варвара и со сложной книгой легко справится.

Теперь побагровела и Варька. Не была она так же уверена, как дядя Витя. Новый текст, плюс волнение, да еще и тот факт, что она совсем перестала читать... Вполне могли дать отрицательный результат. Пока Маруся копалась в шкафу, выискивая самую сложную книгу, Варька, проклиная в душе подругу, судорожно думала, как отказаться от чтения. На ум ничего не приходило.

– На вот!

Маруся протянула «Робинзона Крузо».

– Это и впрямь книга непростая, справишься? – спросил Марусин папа.

А что оставалось делать бедной Варьке?.. Искупились в дяде Витиных восхищениях, ей со-

всем не хотелось падать в грязь лицом. Девочка обреченно взяла книгу. Раскрыла первую страницу. Скрестила пальцы на руках и принялась читать.

Выходило не так ловко, как с «Коньком Горбунком», местами Варька даже не понимала слов, неправильно ставила ударения, что-то и вовсе прочитывала по слогам. Наконец, дядя Витя сжался над ней.

– Молодец! – сказал он. – Книга сложная.

– Конечно! Не какой-нибудь там «Горбунок» – съехидничала Маруся.

– А ты не радуйся! – остановил ее папа. – Может, Варвара прочла и не очень, но все равно лучше тебя.

И Маруся снова притихла. Варька была на седьмом небе от счастья. Сегодня явно ее день. Столько похвалы разом. От восторга у нее закружилась голова. И она сделала прескверную штуку, желая подняться выше еще на несколько ступеней.

– Дядя Витя, а знаете, что Маруся получила двойку за диктант?

– Нет... – устался на дочь дядя Витя.

– Хм... Ничего удивительного! Она страницу из тетрадки выдернула и закопала на школьном дворе. Я сама видела.

Маруся побледнела, а дядя Витя снова начал багроветь...

– А еще она стих...

...не выучила, хотела договорить Варька. Но вошедшая в комнату Марусина мама прервала ее.

– Витя, мы уже опаздываем! Хватит играть в учителя, девчонки сами без тебя разберутся.

Марусины родители торопились в гости. Они и так порядком задержались из-за того, что мама долго красилась, а папа в это время решил проверить у дочери технику чтения...

Наконец, родители ушли. Девочки остались одни. Маруся грозно взглянула на Варьку. Та сконфузилась.

– Ладно, пойду... – прошептала Варька. – Полчаса уже прошло. Мама закончила все свои дела, и можно уже не молчать...

– Хороша подруга... – прошипела Маруся.

– А ты зачем мне этого «Робинзона» подсунула?! – попыталась защититься Варька.

– Что?! Какой «Робинзон» вообще может быть?! Ты меня сдала! Сдала! Я с тобой так никогда не поступала. Папа вернется вечером и убьет меня!

– В каком смысле? – испугалась Варька.

– В прямом! Можно подумать, тебя никогда не убивали?! Да, кстати, к гробу моему не подходи!

Маруся замахала указательным пальцем перед Варькиным лицом в знак отрицания.

Варька представила картину Марусиных похорон. Подругу в гробу. Впечатлилась так, что едва не расплакалась. Села на диван и от волнения начала жевать волосы.

– Фу! – брызнула Маруся. – Предательница!

Долго-долго девочки сидели молча. Нажевавшись волос, Варька решила, что ей и вправду лучше уйти. Маруся осталась в комнате. Варька дошла до прихожей. Надела туфли. Помялась немного на пороге. Подруга, вероятно уже бывшая, так и не выходила. Варька повернула замок. Открыла дверь.

– Ты хотя бы закройся! – крикнула она.

Варька вышла в коридор, прикрыв дверь Марусиной квартиры. Но не успела она сделать и десяти шагов, как Маруся выглянула и крикнула:

– Натворила дел, а теперь уходишь, бросаешь меня тут одну... Ну точно – предательница!

Варьке стало стыдно, и она расплакалась.

– Ну прости меня! Меня это... Бес попутал, как бабушка говорит... Хочешь, пошли ко мне. У нас есть спички с разноцветными головками...

– Как это с разноцветными? – заинтересовалась Маруся.

– Ну вместо обычных коричневых там другие цвета – некоторые красные, некоторые синие, некоторые даже желтые, – всхлипывала Варька.

– Ух ты! – удивились Маруся. – А откуда они у вас?

– Родителям подарили. Там и на коробочке картинки красивые... – Варька все еще шмыгала

носом, но, поняв, что заинтересовала подругу, начала успокаиваться.

– Подожди меня, я мигом! – Маруся уже натягивала башмаки.

Через несколько минут девочки мчались к Варьке домой.

* * *

А ОМА У ВАРЬКИ никого не оказалось. Мама оставила записку, что ушла к тете Оле. Это подружкам было даже на руку. Варька открыла секретер и извлекла оттуда большую коробку. Красивушную! Очень похожую на конфетную. На коробке были изображены деревянные куклы, этикие Мальвины и Буратины в разных одеждах.

– Ух ты! – выхватила коробку Маруся.

Девочки уселись на диван. Раскрыли сокровищницу. Перед ними лежали двадцать спичечных коробков. На каждом наклеена маленькая картиночка. А на картиночке – кукла. Бока каждого коробочка были не коричневые, как обычно, а разных цветов – где синие, где желтые, где малиновые...

– Вот это да... – прошептала Маруся.

– Это еще что, – махнула рукой Варька, – ты коробочек открой. Вот, к примеру, с синим боком...

Не дожидаясь, пока подруга выполнит ее совет, Варька сама вытащила нужный коробок и раскрыла его. Там лежали действительно необычные спички: они были с синими головками.

– Ничего себе! – у Маруси, что называется, глаза полезли на лоб. – Сколько живу на свете, а такого еще не видывала...

И она тут же схватила коробок с малиновыми боками. Раскрыла его и – о чудо! Там лежали спички с малиновыми головками. Тогда девочка начала судорожно открывать все остальные. В желтом были желтые спички, в зеленом – зеленые.

– Варька! Ну это вообще! – запищала от восторга Маруся.

– Ты простила меня за диктант?

– Ну, знаешь ли... Предательство спичками не загладишь! Вот, если ты подаришь мне хотя бы один коробочек, то я еще подумаю...

– Маруся, ты с ума сошла?! Меня родители убьют!

– Как убьют?

– Как? Как? Так же, как и тебя твой папа за двойку по русскому. Будто ты не знаешь?! И тогда уже ты к гробу моему не подойдешь!

– Ну, пожалуйста! Ну хотя бы одну спичечку... – заканючила Маруся.

– Ладно! – сжалилась Варька. – Я же понимаю, что такое чудо есть не у каждого, но ты-то моя подруга – пусть и у тебя будет. Можешь взять из каждого коробка по две спички, но не больше.

Радостная Маруся, обалдевшая от подругиной щедрости, быстрехонько принялась вытаскивать по две спички из каждого коробка.

– Мои разноцветыши! – поглаживала их девочка.

А потом расцеловала каждую спичку и бережно сложила в карман платья.

– Подаришь мне пустой коробок, когда спички закончатся? – спросила Маруся. – Тогда я тебя окончательно прошу.

Варька согласилась. Чего не сделаешь, чтобы выбить прощения у любимой подруги.

Какое-то время девочки еще поразглядывали спички. Попересчитывали, сколько их в каждом коробке. Понюхали, покусали, даже пытались порисовать ими. Потом принялись выкладывать разные фигуры – квадраты, треугольники, дома...

Варька стала выкладывать буквы – М... А... Р...

– Ма-ру-ся! – прочла подруга.

А Варька продолжала выкладывать: Д... У...

– Ду-ра! – снова прочла подруга.

Маруся нахмурилась:

– Ты что?! Написала «Маруся дура»?!

– Это я не про тебя! Это я про другую Марусю, – расхохоталась Варька.

– Тогда я тоже сейчас про другую Варьку напишу! – обиделась Маруся.

- Другой Варьки нет!
- Ну и другой Маруси тоже нет!
- Есть! Ты ее просто не знаешь!
- Тогда и ты мою Варьку тоже не знаешь!
- Обижака! Шуток не понимаешь! – крикнула Варька.

– Дура! – не осталась в долгу Маруся.

Она тяжело засопела. Пересела на другой конец дивана. Вытащила из кармана подаренные Варькой спички и начала их пересчитывать.

Варька стала сортировать спички по коробкам. Уже прошло уйма времени. Вдруг мама на сиделась у тети Оли и спешит обратно. И если она увидит, что дети играют со спичками, вмиг превратится в огнедышащего дракона и никого не пощадит. Поэтому лучше не доводить ее до такого состояния.

Девочка собрала все спички. Аккуратно составила в упаковку маленькие коробки и направилась обратно к секретеру. Она уже было засунула коробку на место и собиралась захлопнуть дверцу, но ее остановил Марусин голос.

– Варька, а ты знаешь, как они горят?

– Кто?

– Ну волшебные спички...

– Как все, наверное... – предположила Варька.

– А я думаю, нет! У малиновой – пламя малиновое, у синей – синее... Надо бы нам это проверить... – закивала головой Маруся.

О том, что спички могут гореть по-другому, Варька как-то не подумала. Ей даже стало досадно, что Маруся раньше догадалась об этом. Девочка остановилась у секретера как вкопанная. Мысли судорожно забегали в ее голове. Скоро должна прийти мама, и ей ой, как не понравится, что дома жгут спички, но с другой стороны, не посмотреть на их волшебное сияние Варька тоже не могла. И начались эти ужасные муки стояния перед выбором...

Сначала Варька твердо решила не нарушать запретов и отказаться от затеи зажигания спичек. Захлопнула секретер. Повернулась к Марусе. В ее шаловливых глазах, зорко смотрящих на дверцу, девочка разглядела двух бесят, которые так и

манили зажечь спички. И Варька снова достала коробку. Постояла с ней минуту – опять убрала обратно...

Тут не выдержала Маруся.

– Да что ты, как тютя какая-то! – вскочила она с дивана.

– Дома спички жечь нехорошо... – оправдывалась Варька.

– Да мы хотя бы одну! – не унималась Маруся.

– Может, в другой раз?..

Хотя в душе Варька боялась, что подруга согласится, и спички успокоятся на своем месте: Марусины бесята уже заразили и ее. И ей тоже захотелось зажигать...

– Другого раза может и не быть! – заявила Маруся. – Никогда не надо откладывать дела на потом. Так папа говорит.

– Ну, раз так... Дядя Витя, он ведь плохого не скажет... – оправдала себя Варька.

Она снова достала спички из секретера. И девочки опять вернулись на диван.

– Только одну... – прошептала Варька.

– Давай желтую! – подбодрила ее подруга.

* * *

ВСЯКИЙ раз, делая то, что нельзя, Варька думала, что с ней-то точно ничего плохого не случится. Знала она истории о тайном, что становится явным, о несчастных случаях, катастрофах – да, в общем, обо всем. Но она-то, Варька, девочка аккуратная. И в состоянии проверить талантливо любое дело. Вот только почему-то постоянно случались проколы. И жизнь в виде взрослых начинала ее учить. Только делала это неубедительно. Девочка попадала в истории с завидной периодичностью. Хотя в этот раз все так хорошо начиналось...

Спички оказались совершенно обычными. Желтая, малиновая, синяя, зеленая – все они горели привычным оранжевым пламенем. Но подружки продолжали шкрябать ими по коробкам, думая, что они делают что-то не так, и вот сейчас точно будет волшебство...

То, что случилось дальше, чудом не назовешь... Скорее каким-то колдовством, или проклятьем... Маруся чиркнула очередную спичку... И в этот момент Варькина мама вернулась от тети Оли...

Дальше все было как в тумане.

На диване, куда девочки бросали еще не догоревшие спички, образовались тлеющие черные дырочки. Подружки их поначалу не замечали. Они даже не сразу поняли, что происходит, не слышали, как мама вошла в комнату. Нет! Она не превратилась в огнедышащего дракона, скорее в пожарную машину, готовую не только потушить диван, но и утопить в парах гнева поджигательниц.

Варькина мама заливала диван и орала, как бешенная, во всяком случае так казалось девочкам. Она дала Варьке крепкий подзатыльник, а может даже не один...

Ошарашенная происходящим, Маруся выбежала из квартиры подружки, ни с кем не попрощавшись и даже не закрыв за собой дверь. По дороге Маруся выкинула подаренные Варькой спички, все до единой.

* * *

В ТОТ ВЕЧЕР попало обеим. Варькина мама, разобравшись со своей дочерью, рассказала о происшествии и Марусиным родителям.

— А ваша хитрая, — говорила она по телефону, — убежала себе тихонечко, мол, она ни при делах. И дверь нашу нараспашку оставила: заходите люди добрые!

Одним словом, спички оказались не волшебными, а вредительными, может даже и заколдованными.

После этого случая прошло два дня. Варька и Маруся увиделись только в понедельник, в школе на большой перемене, когда вся малышня выкапывает в коридор, и у «ашек» появляется возможность пообщаться с «бешками».

— Ты извини, что я убежала тогда, — опустила глаза Маруся. — Я струсилась...

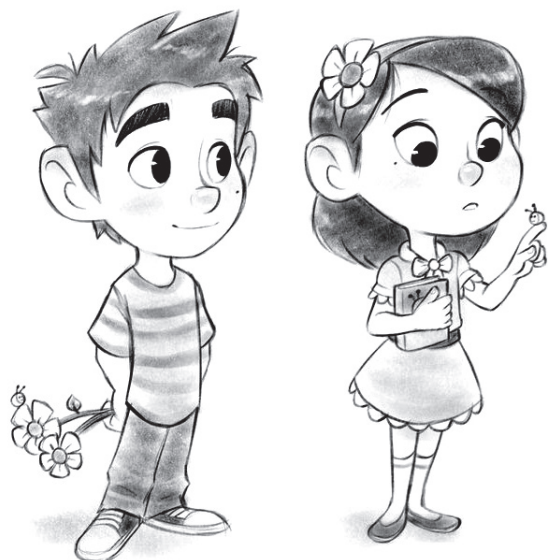
— Ну все... Теперь мы квиты! — процитировала Варька запомнившуюся фразу из фильма.

— Что-что? — не поняла Маруся.

— Квиты! В расчете, значит! — пояснила подруга.

Маруся кивнула головой в знак согласия, хотя сама ничего не поняла.

Всю математику она ломала голову над таинственным словом и, вообще, в каком они с Варькой расчете?..

Марина Ильина

ЛЮБОВЬ В ЗЕЛЕНОМ ПЛАМЬЕ

В О ДВОРЕ появился новый мальчик Женя. Рыжий толстячок, совершенно неприятный на вид, как казалось другим ребятам. На чумазом его лице мерцали конопуши так, будто кто-то брызнул в него ржавой водой и маленькие капельки рассыпались по коже. Как говорят про таких рыжастиков – дети солнца. Ну уж нет! Женя на солнечного сыночка-зайчика совсем не походил.

– Не могут у солнца рождаться такие дети! – хором твердили сверстники. – Хотя, в семье не без урода, конечно...

Женя был злобным. Кидался камнями в местную ребятню. Кривлялся перед малышами. Матерился на старушек.

Дети обходили стороной этого неродного солнышкиного сынка. Дружить с ним никто не хотел. Да что там дружить?! С ним и разговаривать-то боялись. Те ребята, что послабее, опасались удара, а те, что сильнее – осуждения со стороны дворовых мальчишек и девчонок. Вот увидит, кто, что ты с таким водишься – сразу перестанут дружить с тобой. Тех, кто дорожил своим авторитетом, такая перспектива не устраивала.

Варька и Маруся зарабатывали свой лет во семь – то есть с самого рождения. Вот, как выписали их мам из родильных домов, правда, это было в разные дни и даже месяцы, сразу и давай зарабатывать. Пошли в ясли – объединили свои усилия. Так что ко второму классу средней образовательной школы девочки обрели всенародную, точнее вседворовую любовь. Общаться с ними считалось престижным. И надо же было такому случиться...

Ни с того ни сего Женька перестал хулиганить и матюгаться на старушек. С чего-то сделался совершенно немым. Сидел на лавке или крыше, служившей клумбой во дворе, и никого не трогал. Ребяшня вздохнула с облегчением. Таким переменам радовались все... Кроме Варьки и Маруси.

Почему-то этот солныцын сын вздумал следить за ними, и даже бегать. Куда бы не отправились подружки – Женя молча ступал следом. Девочки прибавят шаг, и Женя делал тоже самое. Варька с Марусей останутся, тормозил и Женька. Отныне подружки всегда находились в поле его зрения. Выйдя на улицу, мальчик ловил их глазами и все... До самого вечера не выпускал своих жертв из виду.

Дворовые ребята смотрели на подружек с осуждением. Они даже стали сторониться Варьки и Маруси. Еще бы: соберется народ в прятки играть, а рядом Женька...

– Вы уж простите, но разбирайтесь с этим сыном солнца сами! – заявила девочка Оля. – А нам как-то не хочется, чтобы этот находился рядом.

– Кому нам? – удивилась Варька.

Увы, Оля озвучила общее мнение. И подружки были обречены на вечное одиночество.

– Хорошо, что у меня есть ты! – сказала Маруся. – Я бы не выжила, если бы он бегал только за мной одной.

– А у меня ты! – обняла подругу Варька. – И потом, я бы все равно тебя не бросила с таким несчастьем. Я не такая, как некоторые...

Варька покосилась в Олину сторону, продолжая рассуждать:

– Мало ли, что на уме у этого солнычного сына, а вдруг бы он тебя убил?!

– Этот бы мог! – уверенно кивнула Маруся. – От такого вообще, жди, что угодно! Ты, кстати, видела, какие у него ногти грязные?

– Фу! Не надо о нем, меня сейчас вырвет!

И девочки решили никогда больше не расставаться. Ходить только парой, чтобы не дай Бог, Женька ничего не сотворил с одной из них, окажись она на улице без подруги.

– Ничего. Двоих ему не одолеть! – угрожающе сжала кулаки Маруся.

– Так хочется в прятки поиграть...

Варька грустно посмотрела в сторону водящего Павлика. Он прижался лбом к каменной стене дома. Прикрыл глаза руками. Громко считал, чтобы все его слышали. И тихонечко поглядывал, куда прячутся ребята.

– Вот зараза! – Маруся заметила хлызду. – Всегда знала, что с этим Пашкой в прятки лучше не играть.

– Да... Только это не его, а нас из игры выкинули. А все из-за этого Женьки. У-у, дурацкий солныцын сын! – нахмурилась Варька.

– Ничего! Мы пойдем в другой двор и найдем себе новых друзей, – предложила Маруся.

Подруги направились восстанавливать утраченный авторитет. Женька, сидевший на клумбе и ковырявший землю стеклом, тут же последовал за ними.

Девочки ускорились. И солныцын сын тоже прибавил шагу, но не сильно. Старался держать дистанцию.

– Побежали! – командовала Маруся.

И подружки кинулась, что есть мочи. Бежали, взявшись за руки, от этого было только

тяжелее, поскольку одной приходилось тянуть за собой другую, но все же вдвоем как-то спокойнее.

Женька старался не отставать от девочек, чтобы не потерять из виду.

– Варька, посмотри, мы оторвались?! – прохрипела на бегу Маруся.

– Да как же! Он мчится за нами!

– Все! Стоп! Я больше не могу!

Подружки остановились.

– У меня сейчас горло разорвется! – просто-напросто Варька.

– Да что горло?! – возразила Маруся. – Потрогай, как у меня сердце бешено стучит. Сейчас вырвется наружу...

Варька приложила руку к подругиной груди и ощутила быстрые удары. Женька остановился в метре от девочек. Он, конечно, тоже устал, но делал вид, будто ему все равно и он легко пробежит еще километров сто.

– Чего тебе от нас надо?! – крикнула Маруся.

Но мальчик не отвечал.

– Слушай, а может, мы его просто испинаем? – посоветовала Маруся подруге.

– Ну... Не знаю... Ты забыла, как он Вике из второй квартиры голову пробил? Давай лучше не будем связываться...

По делу драк Варька была трусихой. Предпочитала не распускать рук, дабы не получить по башке.

В соседнем дворе, куда принесли подружки, было спокойнее. Девочки знали некоторых его обитателей, а те, в свою очередь, не знали Женьку. Можно было играть хоть в прятки, хоть в «Кольцо-колечко», если, конечно, солныцын сын не сыщет и здесь вседворовую ненависть и Варьку и с Марусей не прибьют, что они принесли с собой такое «счастье».

Подобная угроза, признаться, была, но как-то же надо было подружкам налаживать свою жизнь. Авось, Женька не станет безобразничать, а просто будет наблюдать со стороны.

На качелях сидела Таня. Взрослая девочка. Старше Варьки и Маруси на целых три класса.

Она уже знала толк в жизни, и поболтать с ней о том о сем было очень приятно.

Подружки подошли к качели. Женька пошел следом и остановился неподалеку.

– А кто это с вами? – оживилась Таня.

И девочки поделились своим горем. Им так хотелось кому-нибудь излить душу. Таня оказалась самым подходящим человеком. Она внимательно выслушала всю историю, лишь изредка перебивая: «А он что?», «А вы?», «Ну ни фиги себе!». После чего сделала вывод. У взрослой Тани вообще всегда на все существовало собственное мнение. Причем, единственное верное. Короче, она права и все. И причину Женькиного поведения она тоже определила сразу.

– Ну и дуручки же вы! – выпалила Таня. – Неужели непонятно – он влюбился!

– Влюбился?! – Варька с Марусей переглянулись.

– Ну конечно!

– А в кого?

– Нет, ну вы точно дуручки! Да в одну из вас!

– В какого-то из нас?! – Варька и Маруся вновь переглянулись.

Таня утвердительно закивала головой.

– Нет! Ты ошибаешься! Скажи, что ты ошибаешься! – умоляюще прошептала Маруся и сжала руки, как на молитву.

– Я в таких делах – мастер! Чую любовь на расстоянии. И да – я никогда не ошибаюсь! – обижено фыркнула Таня.

– И что нам теперь делать? – поинтересовалась Варька у взрослой мудрой подруги.

– Замуж выходить! – улыбнулась та.

– За кого?! – в голос спросили девочки.

– За этого, рыжего! – засмеялась Таня.

– Нам двоим?! – снова в голос спросили девочки.

– Нет! Только той, в которую он влюбился.

– А в кого из нас он влюбился? – спросила Варька.

– Я то откуда знаю?! – Таня пожала плечами.

– Но он бежит за нами обеими... – подметила Маруся.

– Вот глупые второклашки! – Таня начала нервничать. – Вы же всегда вместе. Везде вдвоем, вот он и ходит за обеими. А нужна-то ему в итоге одна!

– И как узнать кто? – Варька взглянула на Таню.

– Легко! Разойдитесь по разным сторонам. Та, за кем он пойдет, и станет его женой. Ну или, можно подождать, когда он разлюбит...

Варька с Марусей пристально посмотрели друг на друга. О том, что Женьке нужна только одна из них они как-то не подумали.

– Ну, что встали, как вкопанные? Бегите в разные стороны! – скомандовала Таня. – Сейчас мы живо распутаем эту любовную паутину.

Но подружки не двигались. Варька жутко испугалась, что избранницей солнышного сына окажется именно она. Вот будет позор так позор. Варька вообще была не готова, чтобы в нее кто-то влюблялся. Сама-то она еще никого не любила. Да, конечно, она – девочка красивая, так все дома говорят. Может, парень и потерял голову, но она-то причем?!

Варька внимательно посмотрела на Марусю.

«Нет, он явно влюбился в меня, а не в нее... – подумала она. – Боже мой! И что же делать?... Я никуда одна не побегу! Лучше бы он влюбился в Марусю...»

Марусе такие дружочки-женихи-мужья, как Женька, тоже были не в тему. Она девчонка интересная, боевая, даже с мальчиком из третьего «В» общается на перемене! Многие девочки ей завидуют. Зачем ей такое «солнечное счастье»?..

Маруся покосилась на Варьку.

«Даже гадать нечего – этот олух влюбился в меня... Чего тут проверять?! Эта трусишка и плакса (имелось в виду Варька) вряд ли кого заинтересует. Хотя блин, лучше бы дурачок влюбился в нее, – думала Маруся».

В общем, бежать в разные стороны ни одна из подруг категорически не хотела, ибо каждая была уверена, что Женька побежит именно за ней.

– Я никуда не побегу! – прервала молчание

Маруся. – Если он в кого-то и влюбился, то это его проблема.

– Да! Правильно. К тому же мы всегда ходим только вместе! – поддержала подругу Варька.

А в глубине души облегченно вздохнула. Марусе-то, по ее мнению, опасаться было нечего. Женьку она не интересовала.

– Ну и дуручки! – фыркнула Таня. – Смотрите, так и будете бегать от своего рыжастика до старости.

– Да? А что, мы замуж обязаны выходить теперь?! – скорчила рожицу Маруся.

– Мне-то какая разница!

Таня принялась быстро-быстро раскачивать качели, делая вид, что ей все равно. Хотя на самом деле девочку распирало любопытство. Она поглядывала в сторону Женьки. Тот присел на корточки и угрюмо наблюдал за троицей.

«Надо же, какой странный мальчик, – думала Таня. – И что он нашел в этих малявках?»

Повисло молчание. Таня раскачалась до такой степени, что казалось, она вот-вот улетит. Варька и Маруся наблюдали за ней. Каждая в душе переживала свой позор в виде Женьки.

Тишина длилась целую вечность, а может и еще дольше... Таню затошнило и она решила прекратить свои трюки с качелями, пока не произошло чего непоправимого. Остановилась и подождала девочек.

– Ладно! – сжалась она над ними. – Никуда бежать не надо. Я сама все выясню.

– Правда? – удивилась Варька.

– А как? – подхватила Маруся.

– Просто подойду к нему и спрошу!

– А что, так можно? – заволновались подружки.

– Что такого-то?

Таня прыгнула с качели и направилась к Женьке. Варька с Марусей замерли, наблюдая за происходящим. Их старшая приятельница быстрыми уверенными шагами шла к солнышному сыну. Тот поднялся с корточек, когда девочка приблизилась к нему.

Варькино сердце бешено заколотилось. У

Маруси пересохло в горле. Каждая из подружек отчаянно не хотела ничего знать про Женькину любовь, и каждая была уверена, что вариантов-то особо нет.

«Ну все, – думала Варька. – Я пропала. Сейчас Таня вернется и скажет, что Женька влюблен в меня. Во дворе все будут смеяться, дразнить нас женихом и невестой. Я больше гулять не пойду...»

Варькины глаза были, что называется, на мокром месте.

«Сейчас Таня раскроет эту тайну и кончится моя спокойная жизнь... – думала в этот момент Маруся. – И зачем этот рыжий дурак только навязался на мою голову?!»

А в это время Таня уже шла обратно и улыбалась...

– Ты хочешь знать, кого он на самом деле любит? – быстро спросила Маруся у Варьки.

– Не-а! – покачала головой подруга.

– Тогда бежим! – буквально приказала Маруся.

Девчонки вновь схватились за руки и понеслись, что есть мочи. Они даже не оборачивались, чтобы проверить, несется ли за ними Женька. Какая теперь разница, ведь обе знали, зачем, а вернее за кем он следит.

Таня что-то кричала, но было не слышно, да уже и неважно. Солныш сын сорвался и пулей полетел за подружками. Правда, вскоре остановился. В это раз они неслись так быстро, что догнать их было просто невозможно.

Дом, еще дом, дерево, кустарник «волчья ягода», качели, еще одни качели, снова дома, магазин – мелькали объекты один за другим, а подружки мчались, не чувствуя усталости...

Закончилось все кроваво. Обе свалились. Варька пробороздила подбородком по щебенке, а Маруся расшибла обе коленки. В соплях и слезах пришли домой и поклялись друг другу никогда не узнавать у Тани в кого влюблен Женька.

В СКОРЕ Женька исчез. Не то, чтобы совсем. Иногда его видели, но докучать ребятне он перестал. Оставил в покое и Варьку с Марусей. К девочкам вернулся авторитет. Варькин подбородок зажил, а с Марусиных колен сошла корочка. В общем, жизнь налаживалась.

Вся эта история стала постепенно забываться. И тут Варька встретила Таню в магазине.

– А хочешь знать, в кого он влюбился тогда? – заулыбалась та.

– Да не-е-т... наверное... Все уже все равно в прошлом... – ответила Варька.

– Да не бойся! Не в тебя!

– Ты врешь?! – удивилась Варька.

– Вовсе нет! Когда я спросила его, он сказал, что это девочка в зеленом платье.

С одной стороны Варька почувствовала облегчение, но с другой легкую досаду. Выходит, Маруся красивее ее?!

А еще через пару дней, в том же магазине

Таня поведала Марусе, что Женька был влюблен в Варьку.

– Ты врешь?! – удивилась Маруся.

– И ни капельки не вру, – обиделась Таня.

Маруся тоже испытала противоречивые чувства. Женька-то ей не нужен и хорошо, что позора удалось избежать. Но... Уж она-то привлекательнее Варьки... Как солныцын сын мог этого не заметить?!

– А может ты говоришь мне это специально, чтобы не расстраивать? – не отставала от Тани Маруся.

– Да нет же! Говорю, когда я спросила: «Кого ты любишь?», он так и сказал мне: «Девочку в зеленом платье!»

Ошарашенная новостью Маруся пошла домой. Таня хитро смотрела ей в след.

– Вот глупые второклашки, – хихикнула она. – Не одна не вспомнила, что в тот день обе была в зеленых платьях!

Похоже, эта старшая на три класса девочка, действительно была знатоком в любви...

Татьяна Шипошина

Летели два Ангела

Два маленьких Ангела с ясных небес
Летели, минуя и поле и лес;
Летели горами-долами,
Друг дружки касаясь крылами.
Звенела их песенка, как бубенцы:
— Мы очень спешим!
Родились близнецы!

Елизавета Кипарис

Башмачок

Потеряла бабочка
башмачок
Ищут и козявочка,
и жучок
А как солнце спать легло
на бочок
Вылетел на поиски
светлячок.
Ты не плачь, крылатая!
Все втроём
Башмачок твой лаковый —
Мы найдём.

Туча

Туча тучонка за ручку тащила
Туча тучонка тихонько учила:
– Вырастешь – станешь огромною тучей!
Тучей надёжной,
Тучей могучей,
С молнией, громом, с ливнем и градом!
Не мороси раньше срока!
Не надо!

Хвостик

Раз мышонок шагнул через мостик,
И поранил о камешки хвостик.
И стоит он один на тропинке,
На усах
замирают слезинки...
Ах, как жалко,
как жалко мышонка!
Принесите скорее
зелёнку!
Бинтик маленький крепче держите,
Хвостик раненый
Перевяжите!
Вы, мышонок, рыдать перестаньте –
Мы вам бинтик завяжем
На бантик!

Дело было в школе

ЭГО и ОГЭ

Татьяна Шиполина

– Слушай, Вован, поможешь на пробнике? – подбежал перед уроками Артур к соседу по парте.

– Это ж проверка знаний! Как же ты будешь ОГЭ писать? – невозмутимо сказал Вовка, доставая пенал.

– Да ладно уж, проверка...

– Попробуй сам, зато узнаешь свои пробелы.

– Да я и сам знаю, что у меня кругом эти ... ну, короче... все белым бело, во! Зима у меня в голове. Так ты поможешь?

– Ну...

– Гвоздь согну! А я тебе подарю свой новый прибор для успешной сдачи ОГЭ без подготовки!

– Ну-у-у... То есть... Что?

– Понимаешь, учить четыре предмета – я, что, тебе этот... ну, как его... ну...

– Гвоздь согну!

– Нет, Менделеев, во! – Артур показал на портрет ученого на стене.

– И как твой прибор поможет тебе? Шпоры же не спасут...

– А я в часах наручных встроенные шпоры сделаю! Эксклюзивная разработка «ЭГО», ОГЭ наоборот. Уже начал, пока не все успел. Но обещаю, что один экземпляр твой. И учить не придется

– Нет уж, я лучше сам, Артурчик Менделеев.

– Получишь у меня...

– Ну-ну!

– Так поможешь? А то меня мамка забьет! Утром предупредила: если не сдам, то отправит меня улицы мести с таджиками... Ты же ее знаешь, она у меня мастер в ЖЭУ, ее даже мужики боятся!

– Ты уж сразу метлу получше изобрети, чтоб сама мела за тебя, чем часы со шпорами!

– Если я пробник напишу, то учительница не сообщит мамке. Тогда мне найдут репетитора... Понимаешь?

– Нет, не понимаю...

– Если я хоть что-то напишу, значит не конченный дурак, а что-то кумекаю, только надо подтянуть знания. Значит, деньги на репетитора не жалко отдавать. Дошло?

– Дошло... Ладно. Помогу по-соседски.

– Спасибо! А я тебе часы-то подарю, только вот закончу. Осталось чуть-чуть доработать!

– Ну-ну!

– Ой, звонок! Значит по рукам?

– По мозгам, Лобачевский!

Секрет в брате

– Слышь, а как тебе удалось из троечника в ударники выбиться? Поделись секретом, – толкнул в бок друга Миша.

– Эх, секрет в брате... – вздохнул Аркаша

– Ну, колишь, он, что учит шпаргалки делать?

– Папа обещал брату купить новый айфон, если подтянет меня, оболтуса, в учебе. Вот Пашка и старается...

– Неужели занимается с тобой по всем предметам?

– Нет, у него своя система: щелбан – за тройбан, четвертак – за пятак.

– Ух, ты, – почесал затылок Миша, – а за четверку?

– А за нее – «Молодец, хвалю, моя школа»...

– А четвертак – это как?

– 25 рублей, которые он экономит на проезде до школы.

– Вот, здорово! Заработать можно, выгодно!

– Ага, выгодно, когда пять. А если троян, то от щелбана откупаюсь четвертаком...

Следопыт

– Слушай, Леха, – сказал Вовка по дороге в школу. – А ты знаешь, где была в царские времена главная башня у спасателей?

– А разве тогда были спасатели?

– Как же без спасателей! Знаешь Спасскую башню?

– Кто ж ее не знает!

– Спасательская башня сокращенно – «спаская». Наверное, им было лень писать полностью. Вот и взяли по слогу в начале и в конце.

Вова остановился около доски объявлений:

– Посмотри расписание: «ФИЗ», «МАТ», «ОБЖ»... Когда-нибудь наши потомки будут ломать голову. А что такое у старшеклассников «ОБЖ», кстати?

– Наверное, «ОБЖ» – сокращенное от «обжорство»! – съехидничал Леха.

– Вот бы нам такой урок в началке... – размечтался Вовка. – Ладно, пошли контру по МАТу писать...

Эксимонат

– Мы завтра идем в музей!

– Тоже мне, вот если бы вы в кино или планетарий собрались... это понимаю.

– Да ты что? Учительница сказала там есть эспо... эксо... эксимонаты... в общем вещи о-о-очень старые, которым сотни лет. Представляешь?

– Ой, умора, сотни лет. Вот смотри, мама мне год назад рюкзак купила.... А смотри, он на что похож? Рухлядь!

– Там хорошие условия! А ты швыряешь, где попало, свои вещи...

– Я швыряю?! Врежу за такие слова. Ты как моя мама, она вечно ругает, что у меня в комнате «черт ногу сломает из-за разбросанных вещей».

– Да, ладно тебе, я тоже делаю творческий беспорядок, так бабушка говорит.

– Так ты не делаешь, а творишь, получается. Кстати, а что, в музее даже старое эскимо есть?

– Не знаю...

– Ты ж сам сказал, что эксимонаты есть

– Нет, я не так сказал, там, щас вспомню...экс, эксп... ммм... экспонаты. Вспомнил!

КАК Я ПРОВЁЛ ЛЕТО

СОЧИНЕНИЕ

ЭТИМ ЛЕТОМ мы с сестрой Аленкой отдыхали в деревне у бабушки. Купались в реке, загорали, ходили в лес за ягодами. Однажды в лесу мы нашли птицу Сирина. У нее было перебито крыло, и она плакала. Мы забрали ее домой. Бабушка вначале сказала, что нечего носить в дом всяку бяку, а потом посмотрела на Сирина, вздохнула и пошла искать бинт.

Сирин жила у нас все лето. Она не умела говорить по-русски, но быстро училась. Особенно ей понравилось слово «варенье». Оно сладкое, а когда просишь, бабушка всегда наливает в чашку клубничного или малинового, хотя потом и ворчит, что с такими едоками зимой нечего будет кушать.

Мою сестру Сирина научила песенке на своем неизвестном языке, а Аленка любила расчесывать птице волосы; они у нее были черные, как будто крашенные и густые-густые, только неухоженные.

А потом за нами приехали папа и мама. Мы хотели взять Сирина в город. Но папа сказал, что у нас за ней некому будет ухаживать – у меня, кроме занятий, технический кружок и спортивная секция, а у Алены – танцевальная группа и дополнительные занятия по английскому. А мама сказала, что наша квартира не приспособлена, чтобы держать животных. И что скажут соседи, когда узнают, что у нас живет птица с че-

ловеческой головой? Это ведь не попугайчик и не черепаха.

Мы с Аленой сказали, что бросим все кружки и секции, лишь бы Сирина выздоровела. Тут папа не на шутку рассердился и даже стал кричать, что английский в будущем нам пригодится и даже технический кружок пригодится, а вот то, что мы возмемся с этой птичкой не пригодится совсем!

Мы долго уговаривали родителей, но они твердили, что взрослым виднее, что хорошо, а что плохо. Сирина все слышала, но ни о чем не просила. Она молча ходила между нами и смотрела на всех печальными глазами. Наверное, потому, что знала, чем все кончится.

И мы уехали.

Потом бабушка написала, что через неделю Сирина куда-то исчезла. Сестра долго ревела, а папа сказал, что птица улетела на юг, потому что она оттуда родом и любит тепло. А мы не знаем правда это или нет. Может, она просто обиделась на людей и ушла в лес? А если даже отправилась в Африку, то сумеет ли добраться до нее с больным крылом? Я не знаю.

Если к кому-нибудь залетит голубоглазая птица-брюнетка и попросит варенья, пожалуйста, не гоните ее прочь. Это наша Сирина, она летит к себе на родину.

Сергей Трухин

Таймер

ГЕНКА и Лёшка сидели за кухонным столом и жевали бутерброды с маслом. Генкина мама ещё не вернулась домой с работы, поэтому Генка, оставшийся за хозяина, мог спокойно распоряжаться тем, что лежало в холодильнике. Тем более, вернувшись из школы, да ещё после уличной прогулки, очень хотелось есть. Лёшка попросился в гости к Генке, в надежде перехватить чего-нибудь вкусненького. Но Генка и сам не догадывался, что в его холодильнике кроме небольшого кусочка сыра и пачки сливочного масла больше не чем было поживиться. Ещё хорошо, что в хлебнице батон оказался. Сыр ребята съели быстро, а вот масло много не съешь.

— А ты чай умеешь разогревать? — спросил Лёшка друга, доедая второй бутерброд с маслом, — а то что-то пить захотелось.

Генка посмотрел на газовую плиту и, почесав затылок, сказал:

— Умею. Мне мама показывала, как зажигать огонь в конфорках.

Генка не так часто пользовался плитой, но в глазах Лёшки он решил показать, что может быть вполне самостоятельным. Тем более, очень хотелось горячего чая.

Генка набрал в чайник воды и поставил на плиту.

— А у нас дома электрический чайник есть, — сказал Лёшка, видя, как замешкался перед плитой товарищ. — Нажал кнопку и готово!

— Нажать кнопку любой дурак сможет, — ответил Генка, — здесь система посложнее будет. Вон, видишь сколько здесь ручек много, трубки всякие, цифровое табло и даже таймер с обратным отсчётом.

Елизавета Кипарис

— А что это такое? — удивился Лёшка.

Генка умышленно тянул время, вспоминая, как пользоваться плитой и, поэтому когда Лёшка заинтересовался таймером, Генка решил продолжить рассуждения на этот счёт и развил тему.

— Это когда нужно тебе что-нибудь разогреть или сварить, то задаёшь таймеру нужное время, например, минут десять, нажимаешь на кнопку и начинается обратный отсчёт времени — от десяти до нуля. И когда настанет ноль, то раздаётся сигнал, что еда сварилась.

— Ух ты! — удивился Лёшка, — я знаю: это как в космическом корабле перед стартом. Я по телевизору видел — цифры на табло показывают: четыре, три, два, один и вместо нуля раздаётся страшный грохот, потому что включаются реактивные двигатели и ракета улетает в космос.

Лёшка поднял недоеденный бутерброд вертикально вверх, изображая ракету, и сказал:

— А давай тоже включим таймер?

Генка, хотя и чувствовал себя не уверенно, и сам ни разу не пользовался таймером, но видя, как уверен в нём Лёшка, решил не разочаровать друга.

— Давай! — ответил Генка.

Он вспоминал, какие ручки нажимала и пово-

рачивала мама: когда она пекла пироги в духовке, то тоже пользовалась таймером.

Сперва Генка нажал и повернул первую ручку. Внутри плиты что-то щёлкнуло, и под чайником вспыхнул огонь.

Генка даже вздрогнул от неожиданности.

Лёшка внимательно смотрел за действиями друга. Воодушевлённый первой удачей, Генка решил продолжить экспериментировать.

Он нажал и повернул вторую ручку. Опять слышался щелчок и вспыхнул огонь на соседней пустой конфорке.

– Это же не таймер, – заговорил Лёшка.

– Я знаю, – серьёзно сказал Генка и добавил, – Это я работу всей системы проверяю. Чтобы не засорились каналы, нужно каждый день включать огонь.

Пытаясь вспомнить, как включается таймер, Генка стал специально тянуть время, выдумывая на ходу разные небылицы о способах пользования газовой плитой. Он вспомнил всё, что знал о машинах, ракетах, реактивных установках и прочих механизмах. Сочиняя на ходу, Генка продолжал крутить ручки и нажимать кнопки. Теперь все четыре конфорки горели голубым пламенем.

В духовом шкафу, словно в окошке домика загорелся свет, а таймер всё не включался. Но Генка, воодушевлённый рассказом и тем, с каким вниманием его слушал Лёшка, уже не переживал по этому поводу, продолжая сочинять и экспериментировать с кнопками плиты.

– У этого аппарата, как видишь, четыре сопла. Они даже похожи на реактивные двигатели. Если его перевернуть вверх дном, то огонь будет выталкивать батискаф вверх...

– Где батискаф? – недоумённо спросил Лёшка.

– Так вот же он! – Генка ткнул пальцем в духовой шкаф. – Там даже электричество есть, чтобы космонавтам не темно было, а через стекло они космос могут наблюдать и на Землю нашу смотреть. Только это стекло как-то по-другому у них называется.

– Иллюминатор!? – совершенно очумев, говорил Лёшка.

– Да, точно, иллюминатор! – подхватил Генка, – Свои скафандры и прочее научное оборудование и снаряжение космонавты хранят в специальном отделении.

Генка, показывая это отделение, выдвинул нижний поддон из-под плиты. На кухне загромыхали сковородки, которые там были.

– А когда им необходимо выйти в открытый космос, что считается очень ответственным и очень опасным заданием, космонавты привязывают себя к кораблю этими шлангами, – Генка показал на газовые трубки для подачи газа, – по которым они получают кислород и, держась за них руками, плавно парят в безвоздушном пространстве.

Воодушевлённый собственным рассказом, Генка вскочил на табуретку и, расставив в стороны руки, изобразил летающего космонавта.

– Вот это да! – выдохнул Лёшка и, немного опомнившись, показал на стеклянную крышку плиты. – А это для чего?

– Да как же ты не понимаешь!? Реактивные двигатели не могут работать постоянно. Они нужны космическому кораблю, чтобы вытолкнуть его в космос, а вот в космосе уже корабль, когда летает по орбите, получает энергию от солнечной батареи. Это солнечная батарея! Эх ты, Лёша!

Потрясённый до глубины души тем, что перед ним на кухне не обыкновенная газовая плита, а небольшой космический корабль, Лёшка, замерев, сидел на стуле, и широко открыв глаза и рот, смотрел на плиту. А над ним, стоя на табуретке, расправив руки, словно крылья, парил космонавт-Генка.

Сквозь наступившую минутную тишину ребята услышали какое-то странное пиканье. Они взглянули на плиту, которая теперь им представлялась космическим кораблём. На цифровом табло высвечивались мигающие цифры: восемь, семь, шесть. Видно, совсем разошедшийся Генка сам не заметил, как нажал кнопку таймера.

Мальчики, затаив дыхание, уставились на табло: пять, четыре, три... Им казалось, что ещё секунда и плита, оторвавшись от пола кухни, под-

нимется в воздух и улетит через окно в космос. Два, один...

В то мгновение, когда на табло должен был показаться ноль, чайник закипел и оглушил кухню пронзительным свистом, выпуская в воздух горячую струю пара, а плита разразилась сигнальным звонком, оповещающем о завершении работы таймера.

Генка упал с табуретки на пол, а Лёшка сполз под стул.

– Что это вы на полу сидите? – вдруг сказала вошедшая на кухню мама Генки. – Вот какие молодцы, чайник вскипятили! Зачем только остальные конфорки и духовку включили, непонятно.

Мама выключила плиту и, нагнувшись к мальчикам, сказала:

– Вылезайте из-под стола, я вам вкусенького принесла. Сейчас будем чай пить.

Ребята вылезли из-под стола и увидели на столе коробку с заварными пирожными.

– Вот здорово! И пища как у космонавтов! – радостно сказал Генка.

– Это ещё почему? – удивился Лёшка.

– А потому, что космонавты едят еду в виде кремов и пюре, которые выдавливают из тюбиков. Только мы эту еду сможем есть вместе с тюбиком, – сказал Генка и с довольным видом откусил пирожное.

– Угу! – подтвердил Лёшка, набив рот своим пирожным.

Мама приготовила чай, который ребятам показался таким вкусным и ароматным, что маме пришлось наливать и вторую, и даже третью кружку.

Напившись чаю вдоволь, мальчики откинулись на спинки стульев и посоловевшими от сытости глазами посмотрели на газовую плиту.

– Да-а, хорошо быть космонавтом, – произнёс Лёшка.

Генка, вдруг очнувшись от минутного забытья, как будто, вспомнив о чём-то очень важном, сказал:

– Слушай, Лёшка, айда в ванную комнату. Там такая стиральная машина!

– Какая? – перебил его Лёшка.

– Настоящий батискаф для подводных погружений на морское дно! И иллюминатор там круглый!

Мальчишки соскочили со своих стульев и побежали в ванную комнату навстречу новым приключениям.

цель – дойти до Маньпупуньёр и насладиться Бытиём там. Ещё задачи. 1.Найти себя как часть Единого целого этого мира. Ощутить это, прожить это, запомнить и вынести в свою обычную жизнь. 2.Очистить себя от ожиданий, которые мешают мне жить.

В поезде еду на нижнем боковом месте. Я люблю ездить на поездах, но у меня это случается редко. Здесь ты недосыгаем для своих обычных внешних проблем, тебе не надо никуда спешить – с поезда не сойдешь, да и телефон почти весь путь не доступен, и ты предоставлен сам себе. А вокруг тебя идёт концентрированная жизнь: вот щедрая на нежность парочка, тут ребёнок ищет, куда потратить переполняющую его энергию, обязательно есть наблюдатель, провожающий всех взглядами, и, конечно, красавица, томно дарящая изгибы своего тела всей этой разношёрстной публике.

Я блаженно засыпаю под стук колёс.

31 июля, понедельник. День 2.

8,5 часов ехали в «Урале». Сели в 4.30 утра в Ивделе, вышли в час дня. Нас три группы, одни – на сплав, другие идут до перевала Дятлова, а мы – на Пупы. Я уже знаю, кто куда, и взгляд в замкнутом пространстве кузова «Урала» скользит по людям.

Напротив меня взрослая пара. Боже мой, как нежно он держит её ладонь, как заботливо она поправляет на нём шляпу! Они смотрят друг на друга такими ясными и добрыми глазами – дай Бог каждому из нас иметь такое же счастье понимания и любви!

Рядом с ними сидит brutальный сибиряк из Тюмени Илья. С ним легко было говорить, когда стояли на привокзальной площади в Екатеринбурге. Открытый, прямой, со светлым взглядом и щедрой улыбкой.

Дальше тоже сибиряк, из Новосибирска, – Алексей. Высокий смуглый брюнет, очень похожий на испанца. Уже понятно, что он любит шутить метко и оригинально.

Светлая девушка Лена. Их три подружки из Сыктывкара. Кате досталось место в проходе пря-

мо на рюкзаках. Она сидит на них и мило улыбается. Рядом со мной третья – Кристина, очень красивая и вежливая девушка. Кристина и Катя разговаривают, в основном, между собой и со мной, а Лена живо беседует с Димой и Мишей о походах и туризме вообще. Миша – организатор походов из Оренбурга и он идёт на перевал Дятлова, а Дима из Челябинской области, он с нами. У Димы удивительная внешность – он стопроцентный финн, и даже улыбается и говорит не резко, а приятно.

Дальше за ним сидят дятловцы и сплавщики, оставшиеся члены нашей группы – на моей стороне. Плечом к плечу со мной Александр. Я уже выяснила, что он музыкант из Москвы, поёт он очень красиво. Рядом с ним Маша и Марина, они тоже из Москвы. Маша – высокая девушка, легкоатлетка, она говорит как-то очень красиво, ярко, активно, словно щедро дарит тебе все свои слова. Марина едет вместе с Сашей, они друзья. Марина очень красивая и ладная девушка. Потом сидит тоже Марина, но уже из Екатеринбурга. Её мне плохо видно, но ещё на вокзале в Екатеринбурге и ранним утром в Ивделе она легко и непринуждённо разговаривала со всеми. Она что-то говорит и сейчас, слова её сливаются в ручеёк, её губы то складываются бантиком, то раскрываются в улыбке.

Инструктор Рома со своей девушкой Юлей остались в тамбуре. Юля моя коллега, тоже журналист, на этой почве мы уже подружились.

А в кабине сидит ещё один человек из нашей команды – Женя из Нижнего Новгорода. Как я выяснила на перроне Ивделя, он тоже вегетарианец, но от моих арахисовых орешек почему-то отказался.

Мы едем в ужасной тесноте, но русский рок из динамика, встряски на кочках и предвосхищение путешествия скрашивают поездку. И, несмотря на регулярные подпрыгивания на колдобинах, то и дело кто-то засыпает, потом открывает глаза, включается в разговоры и снова медленно погружается в прерывистый сон.

Мы останавливаемся несколько раз, чтобы размять ноги и подышать свежим воздухом. «Урал» – мощная машина. Преодолевает всё.

Высоко, страшно, но мощно! Дорога узкая, ветки деревьев хлещут по открытым окнам, два раза переезжали реки вброд. Видели брошенный в воде накренившийся КамАЗ с открытыми дверями. Встретили проезжающий мимо УАЗик, вся крыша которого уставлена канистрами бензина – понятно, в тайге заправок нет. Ещё попалась Нива, по крышу испачканная грязью.

Нас выгрузили. Полчаса на переодевание – и в лес. Пришлось надеть болотные сапоги, загнула голенища, а размер – 44 при моём 42-м.

Через 15 минут ходьбы уже пульсирует мысль: «Стоп! Куда я иду? Не хочу!» Девочки поправляют мне лямки рюкзака, мы отстаём, нагонять тяжело. То и дело смотрю на часы – 40 минут идём. Остановка. Ложусь на землю – отдых моей давно травмированной спине. Вторые 40 минут. Девочки подбадривают меня. Тяжело всем.

Встали на ночёвку в 21.20. Красивое место. Рядом остановилась группа французов с переводчиком и русским проводником. У них собака хаски и флейта. Живые звуки флейты в вечернем лесу – это таёжный эксклюзив. Сняла рюкзак – сразу стало легко. Нет сил кушать и разговаривать, падаю в палатку, слышу далеко у костра разговоры, кажется, готов ужин, но я лучше буду лежать. Приходит Юля и настойчиво зовёт меня, я говорю себе: «Надо. Поем – будут силы». После ужина засыпаю, но сон не идёт. После рассказов о том, что здесь на всём протяжении маршрута есть медведи, я чутко прислушиваюсь, не идёт ли медведь. Засыпаю сквозь этот страх.

1 августа, вторник. День 3.

Ночью был дождь, небольшая гроза. Значит, надо снова идти в сапогах. На этой стоянке мы делаем закладку, поэтому тщательно и строго перебираю рюкзак, чтобы его облегчить. Оставляю ботинки (ничего, пройду в сапогах, на всякий случай есть ещё кроссовки), вытряхиваю все 1,5 кг жаренного арахиса, сушки, карамель. Рюкзак заметно легче. Плюс ещё прошу Диму обрезать мне болотные голенища, и сапоги сразу становятся не такими тяжёлыми.

Выходим в 12.30. Идётся легче, чем вчера, поэтому успеваю посмотреть вокруг. А вокруг – зачарованный лес. Лес братьев Гримм, как говорит Роман. Ели растут близко, ветви опутаны длинным свисающим мхом, похожим на зеленоватые волосы кикиморы, его Рома назвал ведьмин мох. В лесу много поваленных деревьев, он вообще пасмурный. Под ногами – то камни, то мох, рыхлый, ноги чуть проваливаются в мягкость. Удивительно – в горах и мох. Рома говорит, что тут везде подземное давление выжимает на поверхность воду, вот и получается много ключей, поэтому лес сырой.

Остановка на обед в 15.30. Гремит гром, чуть капает. Натянули тент, все сидят рядом, беседуем. А я попутно смотрю, какой красивый изгиб у реки.

Второй день говорю себе, что трекинговые палки – очень полезная вещь. Благодарю Нину Александровну, что дала мне их. Очень помогают.

На очередной стоянке – гномик: на пенёк надета футболка. Это традиция туристов оставлять такие фигуры в лесу. А ещё бывает, надевают футболки на сломанные трекинговые палки, они тут часто ломаются.

2 августа, среда. День 4.

Всю ночь шёл дождь. Так как вчера вторую половину дня шли под дождём, промокли, вечером сушились. Не высохло ничего. Надела то, в чём ехать в поезде, мокрое сложила в мешки. Мешков, похоже, взяла мало. Надо надевать мокрые сапоги с мокрыми стельками. Аскеза? Воспитание себя.

Позавтракали, собираемся. С утра я уже успела постонать, пожаловаться окружающим, что тяжело, что всё мокрое, что я вообще не походник. Стало легче. Сейчас уже совсем бодрячком.

Весь день идёт дождь. Шагаем на перевал Дятлова. Вокруг тайга меняет вид: появляется больше берёзок, лес становится светлее и ниже. Но, кажется, мы упорно идём в гору. Мне совсем тяжело. Шла в начале, но понемногу меня обгоняют и обгоняют, и вот, я уже в конце. За мной только Илья – он замыкающий.

Да сколько можно ползти в гору с этим рюкзаком!

заком по скользкой тропе, каждый шаг на которой даётся с трудом! Слышу голос Ильи сзади: «Давай, Оксаныч, ты всё сможешь». У меня хватает сил улыбнуться, да, я всё смогу, это очень тяжело, но я всё смогу. Вспоминаю мультфильм про лису, которая не могла догнать зайца, запыхалась, а заяц сидит поодаль и ещё ей сочувствует, а потом и вовсе учить начал: ты, говорит, только скажи себе «Я всё смогу!», и у тебя всё получится. А лиса совсем устала, не получится, говорит, не могу я ничего, вот, и тебя догнать не могу, а заяц ей уверенно так, а ты скажи, ну, повторяй за мной. И лиса сначала дрожащим голосом, потом поувереннее начала повторять за ним, повторяет-повторяет, а у самой плечи расправились, глазки заблестели, и она догнала зайца и съела его. Вот, иду, этот мультик вспоминаю.

Дошли до перевала Дятлова. Пасмурно, дождь, сильный ветер. Я в водолазке, штормовке и дождевике. Всё мокрое, холодно. Замёрзла, села на рюкзак, сжалась в комочек. Ничего не хочу. Не двигаюсь. Ветер. Даже не пошла посмотреть на таблички, как другие. Их 5.

Идём дальше. Группа ушла вперёд. Из 14 человек только двое без опыта походов: Юлия и я. Маша покорила Камчатку, Марина из Москвы – Фанские горы, Марина-уралочка была на Эльбурсе, Женя тоже, девочки из Сыктывкара путешествовали по крымским горам, Дима прошагал по Таганая, остальные тоже где-то были, но уже не помню. И вот, я плетусь последняя, шаг за шагом, никого не вижу. Реву, благо, под таким дождём слёз не видно. Догоняю ребят – они разговаривают с группой дятловцев, которые мало того, что резво дошли до перевала, они ещё и до Отортена дошли. Улыбаются, бодрые, как будто с прогулки в парке возвращаются.

Теперь я иду не одна, со мной Дима и Илья. Я благодарна им, что они подстроились под мой темп, идём, разговариваем про автомобили. За разговорами дорога легче.

Пришли в какую-то лощину к 3 часам дня. Растянули под дождём тент, дежурные готовят обед. Я мокрая, замёрзшая, сижу комочком, что-

бы меньше двигаться, думая, что так смогу согреться. Все жмутся к костру, мешая дежурным поддерживать огонь и варить еду. Под тент с гор задувает ветер. Слышу, Рома советует кому-то обернуться ковриком, так, якобы, будет теплее. Оборачиваюсь. Мокро, но не дует. Постепенно я понимаю, что в этой вспенено-полиэтиленовой крепости водолазка высохла на мне, снимаю дождевик и впервые надеваю свой зимний пуховик, который взяла с собой. Мне тепло, хорошо, я начинаю приходить в себя, становится весело и хочется говорить со всеми, подбадривать их. Но под тент по-прежнему задувает сильный ветер, дрожат все девчонки. Катя поранила ногу на курумнике – глубокий порез под коленом, вроде не критично, ей Рома и Дима делают перевязку. Вещи из рюкзака Кати ребята раскидывают по своим. Катя настаивает идти с нами дальше, а на Мань-Пупу-Ньёр, как говорит Рома, её заберёт вертолёт заповедника, который прилетает раз в четыре дня для заброски продуктов, вещей и людей на плато.

Пока готовится суп, Рома, Алексей и Женя уходят чуть вперёд и разбивают лагерь метров на 400 дальше стоянки, там будем ночевать. Все рады. Рано, но идти под дождём не хочется.

Всем разливают в тарелки рыбный суп из консервов. Под ветром, холодом и дождём он божественно вкусный. Доедаем. Хватает сил пофоткаться на этом месте, и мы идём в лагерь. Под дождём растягиваем палатки. Ко сну он затихает. Спать холодно. Надеваю на себя всё, вплоть до пуховика.

3 августа, четверг. День 5.

Утром – солнце. Ура! Мы все рады. Встали в 7.30. Лощина очень красивая. Внизу лежит снег, и сквозь него течёт ручей, так что над руслом получается снежный грот. Красота: горы, река, снег, склоны, лес. Берёзки кривые, невысокие, нежные, я их назвала танцующие. Утренние процедуры в таком месте – одно удовольствие.

Вчера на костре сушили всё, что можно. Я высушила все стельки, 2 пары носок, штаны от штормовки и верх от неё.

Весь день переходы под солнцем. Это радует. Но вверх-вниз. Вниз и по хребту иду хорошо, а вверх еле-еле. Идём с девочками из Сыктывкара и Алексеем, я им рассказываю про Нижний Тагил, про Демидовых. Солнце, ветер, уже не раздражающий, горы! Но как только подъём, я замолкаю, замыкаюсь, сжимаю зубы и отстаю.

Встретили два внедорожника. Они ехали на Пупы, но не смогли подняться по так называемой стене. Это очень крутой подъём, градусов 60, там впервые транспортное средство поднялось в 2009-м году, и вот теперь на лебёдках поднимают квадроциклы и джипы. Ребята дали нам бинты и водку для перевязок Кате, а ещё пакетики быстро заваривающихся каш.

Обедаем в изумительном месте под Отортен. Река – красивейшая, спускаюсь к ней одна сразу же, как пришли, – хочу напиться. Просто зачерпываю кружкой и пью. А сама смотрю по сторонам – нет ли медведя. Кажется, это становится наваждением.

После обеда крутой подъём. Я жива! Это главное. Всё время повторяю себе это во время подъёма. Но безжалостно отстаю от всех. Иду по склону одна. Жутковато. То и дело осматриваюсь по сторонам. Хорошо, далеко видно. Медведей нет, хотя видели чёткий след 2 часа назад, а вокруг такая красота... Холмы уральских гор примерно одной высоты и из-за леса они как бархатистые волны. Ветер, простор, свобода – всё это ощущаешь острее и полнее, когда ни рядом, ни на горизонте нет ни одного человечка. И тут я понимаю, какой это подарок судьбы, что я так сильно отстаю. Благодаря этому есть только я и горы. Когда я ненадолго останавливаюсь, чтобы перевести дыхание или оглядеться, я всем телом вдыхаю окружающее пространство, эту бесконечную свободу, эту суровость ветра и эти цвета голубого неба и зелёных склонов. Внутренних истерик, что мне тяжело, уже нет. Кажется, уже привыкла, что мне тяжело.

Мы обходим Отортен слева. Подъём в небольшом тумане. Вижу, финиш близко, вот, скоро заканчивается подъём, но достигаю этой точки, а за ней открывается ещё дорога вверх. Охватывает

негодование и обида. Рома говорит – это ложные вершины. Как-то много их сразу попало. Что ж, иду, тренирую безразличие и принятие и отпускаю ожидания. Иду и иду... Смотрю под ноги. Колеи от квадроциклов очень глубокие, как только люди здесь ездят?

Привал на солнечной обочине дороги. На руку садится небольшая чёрная бабочка. Сидит, крыльшками слегка поводит, усиками шевелит – интересно: живое существо. Медленно подвожу руку к глазам. Бабочка взлетает, но тут же возвращается обратно. Я рассматриваю её. Как она, такая маленькая с такими нежными крыльями летает здесь в струях сурового уральского ветра? Не понимаю. Она не сопротивляется ветру, наверное, так. Она здесь живёт, это её стихия, она любит это всё. И я люблю эту бабочку. Она взлетает, но возвращается опять ко мне. Она садится на палец, на котором крошки от печенья. Кажется, она ест! Точно! Как это интересно. Поела, а мне действительно видно, что крошек стало меньше, и взлетела. Села на лицо, как раз на скулу. Удивительное ощущение прикосновения почти невесомых лапок к коже. И это чувство соединения двух живых существ: я и лёгкая бабочка. Слышу родину фразу «под рюкзак!» Надо же, восхищаясь бабочкой, я словно набралась сил. Спасибо тебе, цветок ветра. Приходится вставать, от движения мой крылатый друг улетает.

И вот стоянка на ночь. Быстро поставили палатки. Темнеет. Разводим костёр. Душевно так сидим, прижавшись друг к другу. Ловлю у себя мысль: есть что-то хорошее в походах.

4 августа, пятница. День 6.

С утра солнышко, потом начался дождь. Переждать его не получилось, надели дождевики и пошли. За рекой сразу та самая стена, которую не смогли преодолеть встретившиеся нам два джипа. Да что там джипы, как тут люди-то поднимаются? Уклон, на взгляд, действительно больше, чем 45 градусов, есть колея с камнями, а по обочине – корни деревьев. Пока все надевают рюкзаки, иду покорять эту стену. Думаю, заберусь одной

из первых, так у меня хоть фора будет, всё равно меня обгонят, так хоть не сразу. Наверху уже стоит Алексей, он советует уйти с камней и подниматься по корням. Да уж, уклон что надо, да ещё следишь, чтоб рюкзак назад не перетянул. Меня бодро обгоняет Жень. Кажется, он всю дорогу не идёт, а порхает едва касаясь земли – настолько лёгкая у него походка и всегда улыбающееся лицо без тени напряжения. Обычно он далеко обгоняет всех. Иду за ним. Пойду, пока есть силы. Выходим из леса. И вот они, открываются просторы подъёмов-спусков.

Четыре тяжёлых подъёма. В мороси подходим к избушке посреди гор – это домик Олега Фомина. Я подхожу, как обычно, последняя, но со мной шёл Роман, спасибо ему. В домике, как оказалось, уже два постояльца, но мне от усталости ничего не интересно. Сбрасываю рюкзак, его помещают на полати к другим таким же мокрым рюкзакам. Присаживаюсь на уголок полати, которая ближе к печке. Крыша домика протекает, вода капает мне на штаны. Но я и без того вся мокрая, мне безразлично. Как в оцепенении села, сижу, жду, пока приготовят обед. Просто ни о чём не думаю. Даже то, что я мокрая и мне холодно воспринимаю как норму. Всё равно ничего не изменить. Маша находит способ развесить вещи вокруг печки, я отдаю куртку штормовки. Довольно быстро водолазка высыхает на мне, и тогда я поднимаю глаза и могу шевелиться. Кстати, прекращается дождь, от печки в избушке тепло, я встаю в освободившееся место в шеренге сохнувших вокруг печки – так обсыхают штаны. Теперь я совсем оживаю, с удовольствием ем суп, а потом, как первая опустошившая свою посуду, отдаю тарелку с ложкой Фёдору и Андрею, встретившимся нам тут парням. Их посуда в рюкзаках, которые мы закидали своими. Ребята поели, возвращают мне тарелку и ложку мытыми – какое счастье, что я не пойду плескаться в холодной воде!

Через 1,5 часа пребывания в избушке мне стало тепло, сухо – как приятно жить! Взяла фотоаппарат, снимала. Взяла местный журнал, в который туристы записывают свои впечатления: он потрёпанный, на какие-то страницы попадала

вода, а как интересно читать, кто здесь был, из каких городов, улыбаюсь, встречая надписи типа «Ура! Тут нет ветра! Спасибо тому, кто построил эту избушку, что здесь можно обсушиться!»

Из домика выходим под солнцем. Встречаем группу, идущую с Пупов. Всем желаю лёгкой дороги и хорошей погоды.

Пока я в силах, участвую в разговоре Романа и Андрея. Разумеется, на подъёме как я стала говорить «включаю пониженную скорость». Я заметила, что если идти более медленным темпом и не переживать, что отстаю, то идти легче. Но новые ребята меня не бросают, мы идём вместе, разговариваем о том, что огромная территория Уральских гор – это щедрый ресурс, который не используется. Проводим параллели с Шотландией и её пастбищами овец. Так незаметно для себя в разговорах легко преодолеваю два подъёма.

К темноте приходим к покосившемуся сараю с дырами в стенах, имеющему многообещающее название «банька». Палатки ставим можно сказать на ветру, у костра натягиваем тент под углом, чтобы была защита от ветра, а от «баньки» безжалостно отрываем доски на дрова. Опять сушка вещей.

Из ниоткуда к нам приходит собака. Спокойная, с умными глазами, видно, что не дикая. Ложится у костра, просто наблюдает, на нас реагирует адекватно, даёт себя погладить. Андрей и Фёдор решают забрать её с собой, приучают к себе – кормят сами кашей, которая осталась в котелке.

Я не хочу идти спать. Знаю – будет холодно. Сижу у костра до последнего, до того минимального предела времени сна, который мне нужен, чтобы утром встать вменяемой. Даже не чищу зубы и не мою посуду. Впервые. На удивление сплю в тепле, но под утро пуховик сползает со спальника, и я замерзаю.

5 августа, суббота. День 7.

Проснулись в облаке. Интересно вокруг – как сонная лощина и тишина... В холоде собрали палатки. Завтракаю без аппетита, просто потому что надо в организм закинуть источник сил, которые понадобятся на пути. Вчера в ужин и сейчас до

тошноты не хочу есть. Хочется свежих фруктов, салатов, не хватает зелени. Яблочко из дома до сих пор со мной. Может быть, съем на Пупах и это будет символично.

Сегодня подъёмы даются легче, тем более у меня попутчик. Мы со вчера идём за разговорами.

В пейзаже появился иван-чай. Он ниже по высоте, чем тот, что растёт дома, но такой родной. О доме не тоскую. Наоборот, снилась какая-то гадость. Здесь я сама с собой, не вплетена в требования и ожидания других ко мне, здесь хорошо. Детей люблю очень, но всё равно увижусь с ними, когда придёт время, а сейчас мы в разных местах заняты своими делами.

Идём бесконечно. Грязь, колеи, вода. Такой грязи я ещё не видела. Называется Вологодская грань после дождей. Озвучено предложение идти без обеда. Но я иссякла. Еле поднималась в горку. Андрей спустился и взял мой рюкзак, просто спас меня. Я как в отрешении – отдала, переставляю ноги дальше. На привале я свалилась без сил. Только скинула рюкзак, кое-как расстелила свой коврик и легла. Должна была дежурить с Женей, но попросила Кристину вместо себя. Достала свой НЗ – яблоко. Какое это блаженство – чистый, живой вкус яблока! Сочное, сладкое, щедрое на сок. Я кусаю его жёлтый упругий бок и наслаждаюсь хрустом и вкусом. Меня угощают мёдом. Да это же моё любимое сочетание – яблоко и мёд! Палочкой подцепляю каплю мёда и таю его во рту, соединяясь с соком яблока, эта терпкая сладость даёт столько наслаждения! Доев, умиротворённая ложусь на коврик. Кажется, я даже спала, потому что очнулась от приглашения на обед. После супа стало ещё легче.

Вологодскую грань преодолеваем сжав зубы: какой смысл охать и возмущаться, Роман предупреждал об этом бездорожье. Надо сказать, картина потрясающая: колеи по колено, грязь смачная, местами всё залито водой, и ты с рюкзаком перепрыгиваешь метровые лужи, с чавканьем вырываешь обувь из цепкой глины. А то ещё пошли с Юлей первые – вижу, идём по чётким медвежьим следам. Шли-шли, некомфортно как-

то, сзади нас ещё наши не догнали, пришлось остановиться и подождать. В общем, в технике движения а-ля кузнечик мы эту Вологодскую грань преодолели.

Потом отдыхали на красивом склоне с брусничником. Съела несколько недозревших ягод – райский вкус живой еды!

Встретили манси, наша собака, которая действительно так и шла с нами с утра, оказалась его. Мы поговорили с охотником, пофотографировались и пошли дальше.

К вечеру, кажется, открылось второе дыхание. Подъёмы преодолеваю почти механически, пусть и медленно. У всех один вопрос к Роме – сколько ещё идти. Он говорит, домики егерей вон за той горкой. Прошли её, вторую горку прошли, а домиков нет. Шутим-истерим, но идём. Темнеет. Достаем фонари и упорно идём. Направление известно, растягиваемся в силу своего желания дойти уже до этих домиков. После третьей горки – о чудо! В черноте ночи красный проблесковый маячок. Ура! Скоро финиш. В темноте выходим на шлагбаум заповедника, который стоит на пустом склоне просто посреди дороги. Встречают два егеря – девушка и мужчина. Чуть не бросаемся обниматься. Для ночлега два домика и армейская палатка. Воздух в домике показался затхлым, плюс затопили печку, приготовили еду, развесили под потолком носки и стельки. Я предположила, что в таких ароматах есть вероятность проснуться с головной болью и ушла спать в армейскую палатку.

Впервые видела такую – целый дом. Внутренняя стена из войлока, снаружи – брезент. Здесь свежо, но нет ветра. Палатка стоит на камнях – вот так сюрприз! Нахожу место поровнее, и то придётся изогнуться вокруг камня, который в районе колен. Нормально. Почти не спала, но выспалась. Или это необходимость...

6 августа, воскресенье. День 8.

С утра опять тошнит. Кашу не хочу, идти не хочу. Хочу отдохнуть. Сапоги мокрые, стельки недосушены. А надеть надо. Решаю – надо петь песню и надевать сапоги, надеюсь, так будет лег-

че. Рядом никого нет, на улице ветер уносит мои слова в сторону от лагеря, я почти кричу:

Если вы из дома выйдете нахмурясь,

Если вам не в радость солнечный денёк,

Пусть вам улыбнётся как своей знакомой

С вами вовсе незнакомый встречный паренёк!

Улыбаюсь и расхаживаюсь, мою посуду, чищу зубы. Фотографирую. Завтракаю буквально 5 ложек – невыносимо тошнит от еды. В палатке достаю ломтик недоеденного в поезде щербета, отламываю граммულку, съедаю, остатки тоже не лезут. Жутко тоскую по овощам и фруктам.

На улице ветер. Одеваемся идти. На мне термобельё, теплейший шерстяной свитер, мой зимний пуховик и дождевик, чтобы ветер меньше продувал, – ну и вид! Хорошо, что не брала с собой зеркало.

Прощаемся с Катей. Ей не суждено на этот раз пройти до Пупов пешком, вертолёт должен прилететь сегодня. Мы утешаем себя, что пилоты согласятся сделать круг над плато, чтобы Катя посмотрела на столбы сверху.

Дорога к Пупам как в очарованном забытии, или в зомбированном. Рядом Рома, идём уже молча. У дома зрителей говорю ему «спасибо» за то, что не оставил меня одну. Картина открылась неожиданная – у домика группа людей, мужчина в костюме, другой – в отглаженной рубашке, и остальные такие же красивые, свежие, весёлые и бодрые. И это на фоне нас – укутанных и со страдальческими нотами на лицах и в осанках. Ясно – это группа с вертолёта. Есть такой вид посещения Пупов – людей на вертолёте сюда привозят, на нём же через часа полтора забирают. Да разве ж это туризм? Так, экскурсия.

Иду на плато по отсыпанной серым гравием тропинке. Здесь растёт редкий мох, прибавляющий за год не более 5 миллиметров, и другие удивительные растения, поэтому вытаптывать траву нельзя. И вот, открываются столбы. Я не очень чувствую первые впечатления, просто иду догонять всех ребят, вижу, они на другом конце плато. И вдруг меня цепляет второй столб – лицо старого манси, причём нахмуренное! Я останавлива-

юсь – всматриваюсь. Точно – лицо с надвинутыми бровями и сжатым ртом. Кажется, он требует, чтобы ты не ходил сюда просто так с праздным любопытством. Нереальное ощущение, что он живой и оказывает на тебя влияние. Иду дальше. На смотровой площадке слушаем слова Максима об истории манси и Маньпупуньё и замерзаем окончательно. Ветер сегодня ноябрьский, сила и температура у него реально приполярные. Но духу хватает еще и улыбаться, когда тебя фотографируют.

Потом прячемся за одним из останцев, здесь не дует, и с удовольствием беседуем с Максимом об этих местах и о его работе. Саша нечаянно находит у себя в рюкзаке охотничьи колбаски. Их ломают на части, чтобы хватило всем. Я не ем, но очень радуюсь за всех, вижу, как приятна им эта неожиданность.

Возвращаюсь к домику егерей первая, меня догоняет Юля. А на Пупы надвигается облако. Как красиво – белая пушистость покрывает сначала верхушки каменных исполинов, я оборачиваюсь напоследок, и вижу только основания болванов, всё остальное уже поглотило облако.

Заходим с Юлей спрятаться от ветра в прихожую домика, а Ирина приглашает нас внутрь. Подходят остальные ребята. В доме очень тепло. Я кладу носки и стельки рядом с печкой, сама остаюсь босиком – не страшно, здесь очень тепло. Все садятся за стол и достают разные вкусности: вафли, козинаки, печенье. Я сначала беру приличный кусочек козинака, думаю, надо подкрепить организм, но отгрызаю чуть-чуть и понимаю, что не хочу, возвращаю его обратно на стол. У входа в эту комнату есть деревянная широкая скамья, на ней свёрнут матрас, видимо, тут спят, когда приходится, иду на эту скамейку и ложусь на краешек. Засыпаю. Спать в тепле очень хорошо. Меня будят, когда все собираются идти. Ещё одна радость – мои носки и стельки высохли идеально, они очень тёплые и приятно сухие! И тут же ещё подарок судьбы. Пока я одеваюсь одной из последних, Рома рассказывает Ирине и Максиму, что я и ещё один человек из группы вегетарианцы. Ирина протягивает мне

корзинку с роскошным пучком зелени – угощает. Я с благодарностью беру петрушку. Иду обратно по тропе в лагерь и жую её как самую вкусную еду на свете. Я прямо чувствую, как организм радуется этой зелёной травке. А на подходе к лагерю, на выходе из леса, Рома насобирал мне целый букет щавеля – это Ирина подсказала, что он тут растёт, спасибо ей, и Роме спасибо за чуткость. Какой же вкусный щавель! Часть оставляю, чтобы добавить в то, что будет на ужин.

В лагере Рома отдаёт мне банку консервированного горошка и яблоко – говорит, что Максим угостил, узнав, что есть вегетарианцы. Я убираю дары в рюкзак.

На ночь иду спать в вагончик потому, что в палатке гуляет ветер в обнимку с ледяным холодом. Засыпаю под потолком, в тепле и под ненавязчивый храп кого-то из соседей.

7 августа, понедельник. День 9.

Выходим рано, в 8.30. Холодно, туман. Опять я плетусь в конце. Вчера и сегодня одна мысль: хочу отдохнуть, набраться сил. Через несколько переходов Роман просит ребят разгрузить меня, чтобы мне было легче идти, что в целом скажется на скорости движения всей группы. Ещё бы несколько лет назад мне было бы некомфортно в этой ситуации: как так, я взрослый человек, я не могу быть слабой. Но в этой ситуации было что-то искреннее, настоящее. Принять помощь людей, когда ты в ней нуждаешься, но не просишь о ней – это заставляет переосмыслить и себя, и мир. Ребята забирают почти все мои вещи, рюкзак становится просто невесомым, а в совокупности с батончиком мюсли, который опять достал Рома из каких-то неведомых запасов, всё это даёт мне силы идти дальше. Постепенно, от перехода к переходу я начинаю чувствовать себя лучше.

Обедаем на Вологодской грани. У меня появляется аппетит, и я впервые съедаю положенные мне 3 черпака супа.

Вологодская грань сухая. Удивительно. Я всё иду и жду, когда же будет непролазная грязь, а мы, оказывается, миновали это место...

Доходим до закладки, а уже вечер, да что там вечер – на небе полный диск луны. Редкая красота: горы в красно-синей дымке и полная луна! Стоит задача дойти до «баньки», и хотя все устали, идём дальше. Я, кажется, за этот день очень отдохнула, и сейчас, ночью, полна сил. Я очень благодарна Роме и ребятам, что разгрузили меня. Я понимаю, что именно это и тот батончик мюсли возвращают мне силы. Я предлагаю Роме вечером каждому положить в тарелку по ложке подаренного Максимом горошка, на что он отвечает отказом: «Вам с Женей это нужнее».

Я иду с Сашей. У него что-то с коленом. Он отстал от всех, а вокруг темнота тёмная... Я помню свои ощущения, когда отставала, помню, как меня поддерживала Юля, легко, почти пританцовывая, шла рядом и вокруг меня и всё время что-то говорила-говорила. Я тоже теперь иду с Сашей и говорю ему, говорю. Он иногда останавливается передохнуть, я его жду, видно, что ему больно, но мужчины – сильные создания, они по-другому переносят боль, чем мы, женщины, я внутренне восхищаюсь волей Александра.

Когда мы в темноте доходим до лагеря, там уже вовсю стучит топор, горит костёр. Время – почти полночь. Я достаю горошек, и мы делим его напополам с Женей. Я знаю, что ребятам тоже хочется разнообразить свой рацион, но я также знаю, что им нас трудно понять, поэтому ем без угрызений совести.

Спать холодно, но надо – утром подъём в 7.

8 августа, вторник. День 10.

Почти не спала от холода. Из спальника вылезла, сжав зубы и с внутренним криком. Поревела у колодца спиной к лагерю, помыла котлы и пришла в себя.

Сегодня идти легче: организму возвращаются силы, да к тому же он, кажется, уже натренировался. Рюкзак укомплектовала, собрав свои вещи у ребят. Правда, утром Маша взяла мою сумочку с личными вещами, я очень ей благодарна – для меня минус полкило – это много значит!

В горки я по-прежнему иду медленно, но уже

почти с радостью. И без разницы, сколько их будет, этих подъёмов, этих ложных вершин. Я иду шаг за шагом, и я знаю, что я дойду до вершины, и так и должно быть.

На одном из подъёмов я сильно отстаю, к этому я привыкла и нахожу наслаждение в таком одиночестве, но внизу, как я вижу – лес. Надеюсь, на его окраине меня кто-нибудь подождёт, идти по лесу одной, зная, что там могут быть медведи – страшно-то. Но меня никто не ждёт. Ладно. Не стоять же тут. Захожу. Безостановочно смотрю по сторонам, вглядываюсь в кусты, начала петь. Не даю страху подняться выше колен, загнала его в землю, так пришло желание зареветь. Что, себя пожалеть захотелось? Никто тебе ничего не должен – это раз. Весь мир – это одно целое, и ты часть его, растворишься, почувствуешь, что ты его часть – это два. Вот в такой полумедитации и иду, правда, иногда громче стучу палками о камни. Выхожу к стене, той части дороги под крутым углом. Тут поднимают вверх три квадроцикла, а наши ребята стоят внизу за рекой, где мы и ночевали несколько дней назад. Дойдя до них, я достаю фотоаппарат и снимаю на видео этот адреналиновый подъём.

Идём дальше. Впереди Отортен. По плану мы должны подняться на него. Всем не терпится, но я отказываюсь, я понимаю, что мне надо поберечь только возвращающиеся силы. Да и сидеть у подножия на ветру я тоже не хочу. Прошу у Ромы топор, спички и разрешения пойти на стоянку, где будем ночевать. Топор мне не дают в целях безопасности, а вот спички и нож – пожалуйста.

Иду одна. Немного по склону, а потом по лесу. И теперь уже мне не страшно идти по лесу. Наоборот! В этом есть своя восхитительность! Я ощущаю в себе понимание тех отшельников-путешественников, кто в одиночку пересекает океаны, шагает по горам и степям. Да, в это время ты чист, ты такой, какой есть, и чувствовать себя таким, значит, найти, что в тебе есть великие силы и то самое спокойствие, которое я бы назвала всеобъемлющим. Это не спокойствие эмоций, это внутренний покой и понимание, что

нет ничего в этой жизни, что достойно переживаний, раздражений, гнева или печали. Я иду и чувствую себя удивительно легко и радостно.

На стоянке собираю сухие веточки с нескольких деревьев, собираю по дороге сухие корни, быстро разжигаю костёр. Метров через двести в низинке стоят четыре палатки, горит костёр, там молодая компания, они готовят баньку на берегу речки, но меня встретили не особо дружелюбно, поэтому на их поляну я посягать не стала, вернулась сюда, к обочине дороги.

Я сижу у костерка, подкидываю хворостинки, смотрю на залитые вечерним солнцем горы, радуюсь нежному ветерку, пишу дневник и ем величайшую сейчас для меня драгоценность – подаренное Максимом яблоко. Вот это жизнь! Вот это – настоящая жизнь, когда ты ценишь каждый её миллиметр и каждую секунду.

Но хворост заканчивается, а мои с Отортена ещё не идут. На дороге я уже весь хворост собрала, вплоть до мизерных сухих веточек, отправляюсь в лес по ту сторону реки. Добыча – полная охотка. Кстати, рядом с костром лежат два круглых полена, видимо, от предыдущих туристов остались. Вот бы топорик, чтобы их разрубить... Отправляюсь к соседям в низинку. Они в ответ на мою просьбу делегируют мне мужчину с топором. Он ловко рубит полешки на дрова. Класс!

Подъезжают два джипа, они едут на Пупы и ищут стоянку на ночлег, отъезжают чуть дальше в траву. Я разложила сухие дрова по ободу костра, хворост заканчивается, но уже не знаю, куда за ним идти. От джипов к реке проходят девушка и девочка, они возвращаются с полными бутылками воды, останавливаются, мы знакомимся и разговариваем. Лена и дочка Соня, папа на полянке, все из Екатеринбурга и их друзья тоже. Говорит, ехать в джипе не сладко. Спят без палаток, в машинах, укладывая кресла. Я рассказываю, что жду группу, они зовут меня с собой, чего типа одной сидеть. Иду. Ребята весёлые, джипы чумазые, на столе арбуз. Меня угощают, и я пропускаю в себя божественный вкус этой ягоды. Какое наслаждение!

Меня спрашивают, а что мы вообще в походе

едим, как готовим, удивляются. И тут Лена предлагает: а давай мы вам помидоров дадим, они у нас при такой тряске-езде по курумнику мнутся и лопаются. Конечно, я соглашаюсь! Мне дают штук 15 помидоров в пакете. Тут появляется Роман, что такое, говорит, возвращаемся, костёр горит, вещи стоят, Оксаны нет. Шутим с попутчиками и идём к себе. Я несу драгоценную ношу – свежие помидоры!

На ужин у нас опять рис. Опять – это третий день. Маша берёт мешок риса и меняет его у наших соседей на спагетти. Вся группа так ей благодарна. Сегодня несказанно вкусный ужин: лапша из спагетти и помидоры.

Ночью ужасно мёрзну.

9 августа, среда. День 11.

Еле открыла глаза – затекли от дыма. Лагерь ещё не встал, но я спать больше не хочу. Дежурные Саша и Марина, помогаю им с хворостом.

Идём. Мне легко идти. Кажется, я натренировалась. И нахожу прелесть в пешеходстве. А на одну горку, последнюю перед обеденной стоянкой и вовсе захожу первой, исключая, конечно, Женю, который прошёл здесь, наверное, ещё полчаса назад. Я, конечно, ушла с привала раньше всех, чтобы, как обычно, у меня была фора, но в этот раз я шла в гору с удовольствием и энергично. Тело привыкло к нагрузкам, а я перестала сокрушаться и истерить, вот так мы с ним вместе и добились того, что я с радостью иду в гору, ноги работают в одном ритме, я даже могу дышать только носом. Чудеса!

После обеда движемся к перевалу Дятлова. На пути – Холотчакль. По плану мы тоже должны совершить восхождение на него. Но сегодня ветер, и 10 человек отказываются покорять эту гору. Мы идём на перевал, а Женя, Алексей и Роман оставляют рюкзаки на обочине и идут совершать подъём.

Приходим на перевал, фотографируемся. Я осматриваюсь – вообще не помню этой местности. А здесь красиво. Склон, по которому сейчас будем спускаться, не крутой, сначала на нём можно видеть крупные камни и небольшие останцы,

а чем ниже, тем более густой становится трава. Потом появляются кусты и далее – лес. Когда мы заходим в него, я вспоминаю те тяжёлые минуты, когда я здесь выдавливала из себя шаг за шагом, чтобы подниматься по грязевой тропе вверх.

Мы быстро доходим до стоянки Вилка-Ложка. Тут уже стоят две палатки и расположились ребята из Зеленограда. Ставим палатки и мы. Дежурные готовят ужин. Как только мы начинаем раскладывать гречневую кашу, приходят наши покорители вершин. Очень вовремя. У меня подъём сил и настроения. Я ем большую порцию, чувствую себя отлично. Сплю хорошо.

10 августа, четверг. День 12.

Проснулась в 6.15. Голова светлая и радостная. Лагерь спит. Встаю в 6.40. Попросила у Ильи спички, разожгла костёр. Тут встал дежурный Дима, пошёл за дровами. На завтрак Лена варит рисовую кашу. Для неё Марина из Екатеринбурга и Кристина чистят морошку и перебирают чернику. Вообще Марина с Ильёй, а это именно они собирали морошку, довольно часто нас баловали чаем из таёжных даров. Они по пути собирали листья смородины, брусники, иван-чая и кто его знает, каких ещё трав. Эти восхитительные отвары я пила с удовольствием, впрочем, как и все, наверное. Как-то в своё дежурство Марина с Ильёй побаловали нас даже супом с щавелем.

Вышли в 10 утра и к половине второго дошли до места первой ночёвки, где делали закладку. Из неё я извлекаю свои ботинки-берцы. После прощального фото на память, носки, мокрые, дырявые и прожжённые, и такие же стельки я сжигаю с благодарностью. Сапоги оставляю под деревом. Здесь красивое место, сливаются две реки, сегодня светит солнце, я ем, жмурясь от удовольствия и солнечного тепла. А потом засыпаю на расстеленном коврике. Также на ковриках отдыхают Илья, Рома с Юлей, кто-то негромко разговаривает у костра, дежурные гремят котелками. Тихое блаженство.

Собираемся. Я с упоением надеваю сухие и удобные после резиновых сапог берцы. Затягиваю шнурки – красота! Иду легко и хорошо. Иду

первая в нашей шеренге. Надо идти и быстро ориентироваться в лесу, ведь тропа постоянно отвлекается, поскольку основная дорожка местами залита водой, и чтобы обойти эти лужи, тропинка петляет между деревьев. А иногда есть несколько тропинок, тогда смотришь, какая посуше, какая попрямее, чтобы меньше тратить сил на перепрыгивания бурелома и петляния между стволов. Через переход спрашиваю Рому – как у него голова не кружится, когда он вот так по лесу ведёт группу, он загадочно улыбается. А ещё через два перехода прошу, чтобы первым пошёл кто-то другой. Идёт Юля. Да, за другим идти проще, но уже не так интересно.

Ах, сколько черники в лесу! Юля идёт первая, как обычно легко отрывается вперёд, а я держу прежний темп, поэтому, пока мы её догоняем, она успевает нарвать черники и съесть. Так и идём – она порхает от ягодки к ягодке, а мы методично шагаем.

В 20.00 мы на месте выброски. Расставляем палатки. Я наслаждаюсь этим последним вечером, стараясь медленно и осознанно впитывать каждую минуту. Вот мы у костра, вот я чищу зубы в заводи с пеной, ухожу в палатку. Как хорошо всё-таки жить!

11 августа, пятница. День 13.

Не сплю с 4.15. Мне тепло. Вижу, что просыпается солнце. Отлично. Встаю, когда слышу звуки ломающегося хвороста – это дежурный Алексей разжигает костёр. Последнее утро... Нет грусти, нет неудержимого желания попасть домой – куда спешить, я тут, на берегу реки, надо и мыслями быть тут. Девочки из Сыктывкара просыпаются, идут к костру и забавно возмущаются своим внешним видом, тем, что болят ноги, что опять спали в холоде. Кристина расчёсывает волосы. Весь поход она прятала их под платком, а они у неё, оказывается, очень длинные и красивые!

Мы поедем на шишиге (ГАЗ 66), водитель и машина тут уже с вечера. Завтракаем, ребята собирают палатки. Я спрашиваю себе место в ка-

бине – хочу поснимать на видео фрагменты нашей езды и воочию увидеть и сполна ощутить, как такая машина преодолевает бездорожье. А в кабине, оказывается, одно пассажирское место! Хотя, когда ехали сюда, в кабину «Урала» втиснулись три человека.

Трогаемся в 9.00 и сразу переезжаем вброд неглубокое русло. От дальнейшей картины замирает сердце. Перед нами едет КамАЗ с пассажирским кузовом. Только кузов не как в шишиге, с мизерными окошками и скамьями вдоль стены, в КамАЗе много больших окон, через которые видно два ряда мягких сидений с высокими спинками – как в автобусе дальнего следования. А это, оказывается, и есть местный рейсовый автобус. Он ходит от Вижая до Ушмы, но не по расписанию, а скорее по необходимости: делается заброска туристов, по пути водитель заезжает в посёлки и предупреждает местное население, когда поедет обратно, они потом и выходят на обочину дороги.

Между тем этот КамАЗ, который выглядит новее и больше нашей шишиги, преодолевает, я даже не назову это лужей – заводь на дороге – длиной метров 30. Причём, объездной путь тоже залит серо-коричневой водой. Я вижу, как КамАЗ едет медленно, переворачиваясь с боку на бок, как сонный недовольный медведь в сказке, а потом накрывается так сильно, что становится страшно, что он завалится на бок. Но проезжает и выбирается на сушу.

Теперь мы. Думаю: наш водитель профессионал, иначе и быть не может, он ведь проехал сюда. Он включает пониженную передачу и трогается. Шишига едет не вслед за КамАЗом, а по объездной, дна не видно, что там – брёвна, камни? Машина подрагивает, чувствуется, что она наезжает на что-то крупное, мы минуем стороной ту яму, где накренился наш оранжевый предшественник и тоже выбираемся на сушу. Ближайшие полчаса я получаю ощутимую порцию адреналина. Наблюдаю за тем, как наша машина переваливается по полусгнившим брёвнам, заезжает на обрывистые обочины, водитель пропускает между колёс огромные камни, как он среди немыслимых ям и провалов выби-

рает поверхность поровнее. Его зовут Пётр, он всю жизнь живёт в Ивделе, эта машина принадлежит ему и кормит его. А эта дорога по его словам – ещё далеко не самая плохая в окрестностях Ивделя. Я постепенно привыкаю к колеям, брёвнам и воде и не сомневаюсь, что мы преодолеем любые антидо-рожные состояния нашего пути.

В 15.00 остановка в посёлке под названием Первый Северный. У магазина. В ста пятидесяти метрах другой магазин. Мы мечемся то в один, то в другой, скупая фрукты, колбасу, печенье. Я покупаю тульский пряник и йогурт. Сажусь на солнышке на отмостку магазина и ем, как ела, наверное, в детстве: руки грязные, пью из бутылки, откусываю большие куски и победно озираю окрестности.

В 16.30 нас выгружают в другой реальности. Ивдель, опрятная улочка, слева – красивое кафе «Губерния» с блестящими иномарками на парковке, справа – торговый центр, а прямо перед нами – яркое с обилием стекла здание под игровой вывеской «Бермуды». Это сауна, где нам предстоит провести следующие три часа. Но сначала в кафе! Заказываем на общий стол, а потом каждый себе. Я нападаю на роллы.

В сауне не то слово красиво – загляденье. Но ни в бассейн, ни в парилку я не иду, не известно, как отреагируют на это распухшие колени, просто помылась и ем.

Переодетые и посвежевшие уезжаем на вокзал на нескольких такси. Вот и почти всё. Через час поезд. Я жду этого момента с удовольствием, но и не тороплю время, оставшееся до посадки. На перроне говорю всем «Пока», не люблю театраль-

ные прощания, и легко шагаю в тамбур вагона и в тот метафизический тамбур, который отделяет две жизни: мою обычную и закончившийся поход.

В вагоне едут ребята из Москвы, с ними в купе Алексей. Я попила у них чаю, пить вино мне неинтересно, я прощаюсь и ухожу к себе. В этом же вагоне едет группа с перевала Дятлова, мы с ними пересекались на маршруте. На верхней полке надо мной расстилает постель девушка из этой группы, другую верхнюю занимает очень пожилой мужчина. Но его молодой человек всё из тех же туристов переселяет на своё нижнее место куда-то вглубь вагона. А молодые долго перешёптываются, лёжа там, под потолком. Я засыпаю. Но ночью, просыпаясь и переворачиваясь, вижу то как он стоит в проходе, сложив локти на её постель и говорит с ней, то как они оба стоят и обнимаются, и в этом объятии такое трогательное слияние породнившихся, но недозволенных друг другу душ и тел...

12 августа, суббота. День 14.

В 5.17 я легко спрыгиваю на перрон родного вокзала, захожу в здание. Я очень хочу увидеть свой город. Открываю двери на площадь – вот он, Тагил, с пригорка, на котором стоит вокзал, я вижу дворы и рельсы, дороги и машины, небо и деревья – Тагил! Я раскидываю руки в стороны так широко, чтобы обнять весь город. Ура, я дома!

Спасибо жизни, что у меня случился такой опыт – поход на Маньпупунёр. Спасибо всем ребятам, что были рядом эти 14 дней, они научили меня многим вещам. Изменили меня и сами горы – и это бесценные перемены во мне.

Разгадать сказку

«Пёрышко Финиста ясна сокола»: из нематериального в материальное

Я ВСЕГДА любила читать сказки, и в детстве, и сейчас. И все сказки мне казались скучными, кроме волшебных, ведь там столько всего чудесного происходит: скатерть сама готовит, ковёр летает, зеркало разговаривает... а персонажи то и дело превращаются в животных, птиц, зверей и даже предметы. Когда вырастешь, приходит понимание, что чудес не бывает. И мне не давала покоя мысль: но ведь в сказке тоже откуда-то взялось чудо, не могли же его просто так взять и выдумать, для этого есть небылицы. И действительно, у каждого чуда в сказке есть причина, это доказал своими захватывающими работами наш учёный В. Я. Пропп. Перечитав их, я начала заглядывать за кулисы волшебных сказок, научилась видеть персонажей без грима – такими, какими они были ещё в мифах и преданиях, предвестниках сказок. И получила ответ на вопрос: откуда появились чудеса в сказках. Картина мира наших предков сильно отличалась от нашей, но их тоже всегда интересовали вопросы о том, куда мы уходим после смерти. Они верили, что мир материальный и мир духов тесно соприкасаются, а в следующей жизни можно родиться не человеком, а животным.

Исходя из этой точки зрения, интересно будет проанализировать сказку «Пёрышко Финиста ясна сокола», где герой ударяется оземь и загадочным образом превращается в сокола. Попробуем исключить сказочный мотив оборотничества и

выясним, что же случилось с Финистом на самом деле.

Итак, почему пёрышко?

Пёрышко этого самого Сокола – непростое, оно по смыслу олицетворяет его самого, знак его рода, то есть на нём есть определённая метка. Так как сокол – хищник, охотник, я предполагаю, это соколиное перо из стрелы Финиста. Но стрела эта тоже необычная, как и сам её хозяин, и вот здесь сказка о многом умалчивает. Поскольку в сказке ничего нет о том, что Марьюшка с Финистом встречались до просьбы пёрышка, вероятно, речь идёт о том же предсвадебном ритуале, что и в сказке «Лягушка-царевна», когда царские сыновья в поиске невест выпускают каждый по стреле. Перо из такой же стрелы – официальное предложение для девушки выйти замуж.

Как известно, Финист – это Феникс. Имя произошло от греческого названия птицы, которая умирает и тут же воскресает. В Древней Греции в Гелиополисе у солнцепоклонников существовал культ бога Вану с головой цапли – именно он стал прообразом вечноживого Феникса-Финиста. Так вот жених Марьюшки не зря носит такое имя, он человек весьма необычный. И мы с вами в этом убедимся. Так как сказка умалчивает об очень важных деталях, можно строить какие угодно гипотезы, особенно о начале сказки, так как о финале столько статей, что он для изучения не особенно интересен.

А кто такая Марьюшка?

Марьюшка и сама необычная девушка. Она сознательная и умная, не допускает в дом чужих (отказалась взять работницу, когда умерла мать), берёт на свои плечи ведение хозяйства, но что самое главное – она не интересуется материальным – одеждой, украшениями, что обычно для девушки несвойственно, особенно учитывая дефицит таких вещей на момент истории. Что ещё странно: сёстры Марьюшки копят платья и платки в приданое, а Марьюшка – нет. Ей интересен не материальный мир, а духовный, этим и объясняется её аскетизм. Именно поэтому они над ней смеются, мол, в девках засидишься, никто замуж не возьмёт.

У Марьюшки же другая тактика. Могу предложить, что она достаточно мудра, чтобы не только вести хозяйство, но и давать советы отцу, именно поэтому она его любимая дочь. Судя по всему, она умеет слушать, собирать информацию, соблюдает традиции и хорошо знает предания. Но есть в сказке фраза, которая намекает на то, что Марьюшка – девушка не простая, а ей помогают духи её рода: «и всё-то у неё спорится, и всё-то у неё ладится». Это вполне определённые знаки удачи, сопровождающие каждого сказочного персонажа, который связан с миром духов, именно эта особенность Марьюшки – источник её мудрости. Словом, Марьюшку можно назвать колдуньей, духовидицей, и, скорее всего, именно от духов она получает информацию о прекрасном Финисте, что не ведает смерти и постоянно возрождается (считалось, что Феникс обладает несравненной красотой, питается только росой).

Итак, получив из мира духов информацию о Финисте, она пытается заполучить символ предложения Финиста о замужестве. Три раза посылает она отца, который собирается в далёкую поездку, достать это самое предложение. Сёстры просят платьев, а Марьюшка просит отца достать заветное пёрышко. Кажется, будто среди огромной массы людей отцу героини требуется отыскать непростого человека, который знает, кто такой Финист на самом деле, сообщить ему о готовности дочери выйти за него замуж и получить

согласие жениха... Вроде пока всё верно? Так, да не так! И сказка снова здесь очень о многом умалчивает. Марьюшка прекрасно знает, где и у кого искать пёрышко, именно туда она посылает отца, но тот раз за разом получает отказ. По факту она сватается к Финисту, и это нонсенс на тот момент, отчасти поэтому два раза её отец возвращается с пустыми руками.

Интересно, что Марьюшка ни разу не расстраивается, когда отец сообщает ей о том, что пёрышко не нашёл. Только отвечает: «Ничего, батюшка; может, в иное время посчастливится». То есть она знает, что точно заполучит пёрышко, но не знает в какой именно момент. Возникает вопрос: откуда она это знает? Ответ один: жених ей сказал об этом сам. А вот как – увидим дальше.

И сам момент покупки пёрышка тоже весьма интересен: шкатулку с символом сватовства отец получает от старичка, который забирает за неё дорогой выкуп. Возможно, в виде старичка, который вручает отцу Марьюшки шкатулку с пером, мог явиться представитель рода Финиста.

Итак, Марьюшка получила согласие жениха, теперь она фактически замужем. И мы переходим к самому главному:

После ужина разошлись все спать по своим светелкам; пришла и она в свою горницу, открыла коробочку – пёрышко Финиста ясна сокола тотчас вылетело, ударилось об пол, и явился перед девицей прекрасный царевич. Повели они меж собой речи сладкие, хорошие. Услыхали сестры и спрашивают: «С кем это, сестрица, ты разговариваешь?» – «Сама с собой», – отвечает красна девица. «А ну, отпрись!» Царевич ударился об пол – и сделался пёрышком; она взяла, положила пёрышко в коробочку и отворила дверь. Сестры и туда смотрят и сюда заглядывают – нет никого!

Если внимательно изучить этот отрывок, то ясно, что физически Финист в спальне Марьюшки не появлялся. Вся эта сложная трансфигурация означает одно: явился к ней его дух (сознание), заключённый в пёрышко. И изначально Финист

принадлежит миру духов, а не материальному миру. Да, он самое настоящее привидение. И, судя по всему, он мёртв. Очевидно, по какой-то неизвестной причине после смерти он не перешёл в потусторонний мир, а кто-то перенёс его дух в пёрышко, и Финист остался жить среди живых. А пёрышко служит ему пристанищем, оно и держит его в нашем, реальном мире, как джинна удерживает волшебная лампа. Сам ли он себя к нему привязал или кто-то другой постарался – этого мы не знаем.

Вот так и выглядит их история знакомства с Марьюшкой: мы помним, что она умеет видеть духов и общается с ними. Поэтому только она среди остальных сестёр и говорит о Финисте, другие сёстры знать о нём не знают, ведь он мёртв и неизвестно, сколько времени он мёртв.

Возникает закономерный вопрос: зачем Марьюшке пёрышко, если она и до этого прекрасно общалась с Финистом?

Судя по всему, когда Финист и Марьюшка познакомились, он рассказал ей о пёрышке, о том, куда отправить её отца, чтобы забрать это ритуальное пёрышко, пока его кто-нибудь случайно или с умыслом не уничтожил. Марьюшка любит Финиста, он нужен ей на этом свете, а не на том, поэтому она присваивает пристанище его духа.

Далее в сказке говорится о том, что Финист по ночам ведёт с Марьюшкой «приятные беседы». Понятно, что для нашей пары они приятные, ведь они добились желаемого, но я считаю, здесь смысл в другом. Эти ночные беседы приятны Марьюшке тем, что Финист обучает Марьюшку переходу в иное состояние, в другой мир. Из материального в нематериальный. Он учит её колдовать и переносить дух из одного предмета в другой. Эту гипотезу подтверждает факт, что когда сёстры Марьюшки убивают Финиста и он улетает в образе сокола, то произносит заветную фразу «Кому я нужен, тот меня найдет. Но это будет нелегко. Тогда меня найдешь, когда трое башмаков железных износишь, трое посохов железных изломаешь, трое колпаков железных порвешь». Эта фраза – кодовая и он произносит её

исключительно для Марьюшки. Только она может понять, куда он уходит, почему, где его искать и как. Он не обвиняет её в произошедшем, а объясняет ей, что нужно сделать, даёт максимально чёткую инструкцию и предупреждает о том, что путешествие будет стоить ей нескольких её жизней в ином мире.

Кстати, об убийстве Финиста. Выше я сказала, что Финист бессмертен, так как всё время возрождается. Он – привидение. Дух в принципе уничтожить невозможно. Как же тогда сёстры Марьюшки смогли убить его? Как нематериальное стало материальным?

Вернёмся к тексту сказки. Есть в ней странная загадка, которая похожа на ошибку в повествовании. Попробуем отгадать её. Изначально Марьюшка получает шкатулку с пёрышком, в котором заключён дух Финиста. И выпускает из окошка утром полетать по тексту сказки она именно пёрышко. Но вот эта фраза:

Ночью прилетел Финист ясный сокол, бился бился – не мог попасть в горницу, только крылышки себе обрезал.

ломает всю логику сюжета сказки. Если прилетело пёрышко, как оно могло порезать крылышки, а уж тем более пораниться?

смотрит – на окне ножи да иглы натыканы, а с них кровь так и капает.

А это значит, что Марьюшка отпускала полетать не пёрышко, а птицу. Но вопрос в том, как пёрышко стало птицей? Точнее, как Финист стал птицей?

Изначально я считала, что отгадка кроется в том, что Марьюшка и Финист пошли на рискованный эксперимент. Сёстры Марьюшки слышали ночные разговоры, и, возможно, были напуганы, ведь когда Марьюшка открывала им дверь, в спальне никого кроме неё не было.

Сестры услышали и сейчас к отцу побежали: «Батюшка! У нашей сестры кто-то по ночам бывает; и теперь сидит да с нею разговаривает».

Здесь дело даже не в защите чести сестры. Скорее всего, сёстры просто желали отомстить млад-

шей, ведь между ними изначально был конфликт, так как сёстры не понимали Марьюшку, смеялись над ней. К тому же, по традиции считалось позором, когда младшая сестра выходила замуж раньше старших. «Рейтинг» старших после такого неуклонно падал и замуж им было выйти проблематично. Да и сама Марьюшка, учитывая её суть, знала, что грядёт что-то очень нехорошее, опасное. Ведь сёстры ещё не сознались и Финист промолчал о виновниках, но она уже знает, кто виноват:

Всплеснула руками: «Ах, боже мой! Знать, сестрицы сгубили моего друга милого!»

Именно поэтому она, возможно, с помощью Финиста провела опасный эксперимент. Она каким-то образом перенесла его дух из пёрышка в животное – в сокола, животное рода самого Финиста. Таким образом, пёрышко стало пустым и, даже если бы сёстры Марьюшки украли его или уничтожили, Финист в любом случае остался бы в безопасности, так как Марьюшка отпускала своего мужа в виде сокола через окно.

А дальше случилась трагедия.

Ночью прилетел Финист ясный сокол, бился-бился – не мог попасть в горницу, только крылышки себе обрезал.

Дух Финиста остался в птице, и раненый сокол улетел, передав Марьюшке на прощание ключ к его спасению. Вероятно, птица погибла от ран, а дух Финиста отправился туда, где и должен быть – в мир духов. Ведь больше его на земле ничто не могло удержать.

А девица спит себе: хоть и слышит сквозь сон эти речи неприветливые, а встать-пробудиться не может.

Очень похоже на сонный паралич, не правда ли? Известно, что при сонном параличе, люди часто видят сверхъестественные явления, что связано с нехваткой кислорода. Если предположить, что на границе сна и яви возможно общение с духами, то Финист вполне мог передать жене эту информацию в момент, когда она ещё не проснулась.

Далее Марьюшка, не теряя ни минуты, бросается на помощь любимому.

В тот же час собралась и ушла из дому. Побежала в кузницу, сковала себе три пары башмаков железных да три посоха чугунных, запаслась тремя каменными просвирами и пустилась в дорогу искать Финиста ясна сокола.

Все вышеперечисленные атрибуты ясно дают понять одно: не в обычную дорогу наша Марьюшка собралась. В. Я. Пропп в книге «Исторические корни волшебной сказки» нам ясно говорит, что все эти предметы – признак того, что героиня отправляется в иной мир.

Из соединения посох+хлеб+сапоги легко выпадает одно или даже два звена. Часто мы имеем один только хлеб («Испеки ему хлеба три пуда». Ж. ст. 275), или одну только обувь («Вели ему тридевять пар шить разных башмак». Сад. 60), или, наконец, один только посох. Хлеб часто рационализируется в сухари, дорожки и др., а посох – в палочку или палицу, которая переосмысливается в оружие, но никогда не играет роли оружия. Это легко установить по таким, например, случаям: «Обутки от песку протираются, шляпка от дождя пробивается, клюка под рукой утоняется» (Сев. 14). Здесь клюка не служит оружием, сохраняя исконную функцию. Или: «Коли хочет, пусть скует три шляпы медных, тогда и поди. Когда истычет копыя и износит шляпы, тогда и меня найдет» (См. 130). Здесь посох превращается в копье, но в копье, которым упираться при ходьбе, а не пользуются в виде оружия. Интересно установить, что этот тройной элемент лучше всего сохранился в женских сказках (Финист и др.). Это потому, что образ женщины не связывается с оружием, и здесь посох стабильно сохранен в своем первоначальном виде.

Можно установить, что обувь, посох и хлеб были те предметы, которыми некогда снабжали умерших для странствий по пути в иной мир. Железными они стали позже, символизируя долготу пути.

Харузин говорит: «В зависимости от представления о пути в загробный мир... находятся и предметы, опускаемые в могилу или сжигаемые с умершим. Вполне естественно, что если мерт-

вещу придется переплывать водное пространство для достижения мира теней, ему положат в могилу ладью. Если ему предстоит далекий путь пешком, ему наденут более крепкую обувь».

Далее в сказке, когда Марьюшка находит Финиста, он уже давно женат на другой и не помнит свою земную жену. Странно, не правда ли? Но по разным сказкам мы знаем, что время в потустороннем мире течёт иначе, чем в нашем (или его там и вовсе не существует). В статье Носковой Юлии Фёдоровны «Время и пространство в русских народных волшебных сказках» говорится:

В сказке всегда ощущается несовпадение времени, в котором находится герой с объективным временем: «Ах, как я долго спал!». Но это «долго» ощущает только герой. Действие же ощущается мгновенно: за одну ночь построен дворец, герой переносится в тридевятое царство.

Именно поэтому Финист в ином мире успел прожить очень много времени, забыть жену и жениться снова. Разным течением времени и объясняется тот факт, что Финист не узнаёт свою Марьюшку в Золотом царстве.

Интересно, что слёзы Марьюшки – это тоже какой-то интересный ритуал, в первый раз она омыла ими кровь на ножах и «стала ещё краше», то есть перешла на ещё один духовный уровень выше. А во второй раз она ими же разбудила Финиста от сонного зелья, которым его поила на ночь вторая жена. Марьюшка пробудила разум и восстановила повреждённую память мужа потому, что сама была из мира живых. А затем она вернулась вместе с его духом в материальный мир, где и поместила снова в его пёрышко.

Очутился Финист ясный сокол со своею суженой возле ее дома родительского; ударился о сыру землю и сделался перышком: красная девица взяла его, спрятала за пазушку и пришла к отцу.

Дальше в сказке идёт троекратное посещение церкви парой Финиста и Марьюшки. Но, исходя из того, что Финиста видят уже все, а не только Марьюшка, можно предположить, что он стал материален. Но как? Если отбросить все философские и сказочные версии вроде «вторая жизнь –

есть награда за испытания и муки», остаётся две версии.

Как Марьюшка вернула Финиста к жизни?

Первая версия. Марьюшка была знакома с Финистом ещё при жизни. Она тайно любила его, а когда он умер, стала искать способы его вернуть. В этом случае они жили недалеко друг от друга, так как для того, чтобы вернуть дух в тело Финиста, Марьюшка должна была знать местонахождение этого тела. Вероятно, оно не было погребено, или же Финист впал в летаргический сон, либо же тело было какое-то время в холодном помещении и хорошо сохранилось.

Вторая версия. Марьюшка познакомилась с Финистом после его смерти, полюбила и захотела его вернуть. Будучи в другом мире, Марьюшка научилась тому, как перенести дух одного человека в тело другого. Тем более, что опыт перенесения духа в тело животного (сокола) у неё уже был. Таким образом, она вполне могла раздобыть тело недавно умершего человека, который при жизни был богат, молод и красив, и поместить в него дух Финиста из пёрышка. Возможно, даже этот человек был из рода сокола, из рода мужа Марьюшки.

Вся эта нелёгкая работа по трансфигурации помещается в одной фразе:

в те поры красная девица вынула свое перышко. Оно ударилось об пол и сделалось прекрасным царевичем.

Касаемо же того, могла ли Марьюшка вернуть дух Финиста в его настоящее тело. Это весьма маловероятно с биологической точки зрения. Во-первых, неизвестно, с какого времени его дух находится в пёрышке, возможно, ему несколько десятком лет, во-вторых, если бы наша пара знала, где тело, они бы занялись таким важным делом в первую очередь, но нет, они вели «приятные беседы», значит, осознавали, что тела нет и вернуть его не получится. И в третьих, пока Марьюшка искала дух мужа в потустороннем мире, проходит довольно много времени в мире реальном:

Очутился Финист ясный сокол со своею суженой возле ее дома родительского; ударился о сыру землю и сделался перышком: красная девица взя-

ла его, спрятала за пазушку и пришла к отцу. «Ах, дочь моя любимая! Я думал, что тебя и на свете нет; где была так долго?»

Судя по тому, что сёстры Марьюшки так и не вышли замуж, возможно, прошло всего несколько лет. Но, тем не менее, включая то время, пока дух Финиста находился вне собственного тела, такое тело явно к использованию пригодно не было. Конечно, можно предположить, что Финист впал в летаргический сон, а дух его был помещён в пёрышко, а затем именно в его тело Марьюшка и поместила дух. К сожалению, никаких доводов, указывающих на это, нет, но если учесть, как течёт время в волшебной сказке, эта версия всё же имеет то же право на существование.

Итак, Марьюшка воскрешает своего мужа. Именно поэтому наш персонаж носит имя Финист (Феникс): потому что он был мёртвым, но воскрес, был рождён заново, возможно, и в другом теле (если он воскрес в чужом теле, возможно, он много раз таким образом перерождался, благодаря каждой новой жене, а возможно, ему просто повезло, что Марьюшка полюбила его так сильно, что подарила ещё одну жизнь). А настоящее имя Финиста мы вряд ли когда-нибудь узнаем.

Естественно, что только материальный Финист смог бы провернуть такой фокус:

Царевич свистнул в окошко – сейчас явились и платья, и уборы, и карета золотая. Нарядились, сели в карету и поехали. Входят они в церковь, становятся впереди всех; народ дивится: какой-то такой царевич с царевною пожаловал?

Таким образом, дальнейшее превращение:

На исходе заутрени вышли они раньше всех и уехали домой; карета пропала, платьев и уборов как не бывало, а царевич обратился перышком.

выглядит обычным отъездом жениха домой, поскольку троекратное совместное посещение церкви относится к забытому ныне предсвадебному обряду:

На Руси ни одна свадьба не могла обойтись без таинства венчания: жених приезжал за невестой и они вместе с гостями отправлялись в храм. По окончании ритуала венчания молодые обедали

каждый в своем родительском доме, а жениху разрешилось забрать невесту только после того, как он получит благословение родителей.

Что, собственно, и происходит после того, как отец Марьюшки узнаёт правду:

Вынула перышко; перышко ударилось об пол и обернулся царевичем. Тут их и обвенчали, и свадьба была богатая!

Таким образом, мы и приходим к настоящим мотивам Финиста и Марьюшки. Финист умер и в виде духа рассказал Марьюшке и о пёрышке, своём пристанище. Влюбившись в Финиста, Марьюшка решила его спасти, достала пристанище и перенесла дух Финиста в сокола. Она сделала это, так как ей руководила одна цель: оживить любимого любой ценой. Возможно, превращение в сокола было промежуточной стадией ритуала превращения в человека. Возможно, Марьюшка просто экспериментировала, так как не была уверена в своих силах.

Конечно, можно завершить статью тем, что мотив этой сказки взят из древнеегипетской мифологии, где богиня Исида спустилась за умершим мужем Осирисом в царство мёртвых, собрала его по частям и вернула в мир живых. Но мне хочется провести аналогию с фильмом «Невидимка» 2007 года. Его сюжет заключается в том, что по вине девушки гибнет парень, и, пока его тело лежит на дне колодца, дух бродит по земле, оставаясь видимым только для девушки. Он просит спасти его, но она медлит, так как это грозит ей тюремным сроком. В финале героиня всё же спасает его, рискуя жизнью, и, что примечательно, проводит тот же ритуал, что и Марьюшка над Финистом: искренне признаёт свою вину и, плача, говорит о том, что любит. Именно это и позволяет духу парня вернуться в тело.

В любом случае стоит признать, что Марьюшка совершила недюжинный подвиг, спасая любимого человека, она рисковала жизнью. Такой поступок достоин того, чтобы о нём передавали из поколения в поколение и изучали, потому что любовь – чудо на все времена: от Древнего Египта до современности.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Реализм фантазии</i>	<i>5</i>
-------------------------------	----------

ПОВЕСТИ

<i>Екатерина Соловьева. Быня</i>	<i>8</i>
<i>Максим Васюнов. Новости</i>	<i>24</i>
<i>Ян Разливинский. Немного золота, немного серебра... ..</i>	<i>36</i>
<i>Владислав Малышев. Тянись к звездам!</i>	<i>60</i>

РАССКАЗЫ

<i>Екатерина Сергеева. Тот, чье имя она не запомнила</i>	<i>75</i>
<i>Эдуард Печенежский. Сноходец</i>	<i>83</i>
<i>Эдуард Печенежский. Дуэль</i>	<i>85</i>
<i>Елизавета Табатчикова. Желтые жизни</i>	<i>90</i>
<i>Екатерина Прямова. Застряла.</i>	<i>94</i>
<i>Екатерина Прямова. Однажды... ..</i>	<i>96</i>
<i>Екатерина Прямова. Огоньки</i>	<i>100</i>
<i>Анна Андросенко. Цветок, ноты и синдром самозванца</i>	<i>102</i>
<i>Анна Суменкова. Секрет</i>	<i>122</i>
<i>Евгений Ставцев. Гербарий</i>	<i>124</i>
<i>Екатерина Сорочкина. Привычка</i>	<i>127</i>
<i>Екатерина Соловьева. Не сворачивай</i>	<i>128</i>
<i>Марина Черемных. История одной лужи</i>	<i>130</i>

ПЬЕСЫ

<i>Никита Скорняков. Тест</i>	<i>133</i>
<i>Борис Телков. Я – не умер!</i>	<i>136</i>
<i>Елена Киселькова. Любовь к трем апельсинам</i>	<i>150</i>
<i>Владислав Малышев. Если что-то ты забыл – начинай сначала</i>	<i>164</i>

ПОЭЗИЯ

Николай Печальник

*Не восход, только сцена печали... – В закрещенном городе Е-мегабурге... – Блюз HDD
«Виртуальный некрополь» – Одуванчик 177*

Елена Хомякова

*Я тот, кто не бывает больше здесь с тобой... – Становиться зверем раскрыва-
ющим пасть... – Однажды она сказала... 178*

Алексей Лебедев

Когда темнеет за окном... Я телефон не отключаю... 179

Алексей Миронов

*Как умирает мир... – Заочные странствия. Одиссея... – Нужно не забывать
спать... 180*

Елизавета Табатчикова

*Я не вижу следов... – По чешуйке от рыбки-колюшки... – Где-то на краешке лета... –
Цепкие пальчики-веточки... – Мне ландышей пришёл от вас букет... – Зепечалился до-
мик-кругляк... – Впередсмотрящий – Ласточки – Синева – Самолётчик – Кто-нибудь,
позвоните на небо... – Я выбираю имя... – Осень как НЛО... – Румяный ротик зацело-
ван... – Ты – замок – Жмурюсь. Под левой лопаткой тепло... – Прожилками течёт
жемчужный перелив... – Домовой – Архипелаг домишек из зефира... – Солнце ласкает
молекулы... 181*

Аля Эри

Кому теперь, метаясь, ты соврешь... – Мне дай момент 188

Анна Захарова

Подобрав слов разбросанных звенья... 189

Наталья Узкова

У тебя есть платье для любви? 189

Екатерина Рид

*«Привет» сменили на холодный взгляд... – Я шепотом спрошу у тишины... – Я – на
свидании с летом... – Тихо-тихо за окном... 190*

Светлана Новгородцева

В квартире, где никто не умирал... – Наши тени остаются – Школьные праздники – Очарование солнечным лучом... – Во вселенском единообразии... – Снег уцелел от прошедшей зимы... – В больнице – Рождество. Числа 191

Юлия Судьина

Очнись на терновых ветках... – За неделю близко... – Мой дом наполняется голосами... – Крылья... от головы до земли... – В общем есть место где я знаю... – Если подождешь – Я люблю тебя бесконечно... – За травой трава... 193

ДЕТЯМ

Ольга Мальцева

Снежная игра – В почётном карауле 196

Оксана Исупова

Квиты! 197

Любовь в зеленом платье 203

Татьяна Шипошина

Летели два Ангела – Башмачок – Туча – Хвостик 208

Эльвира Еникеева

Дело было в школе 210

Ян Разливинский

Как я провел лето 212

Евгений Ставцев

Таймер 213

НЕ

Оксана Марочкина

Дорога на Маньпупуньёр 216

Екатерина Соловьева

Разгадать сказку 229

Литературно-художественное издание

Световой год
литературный альманах из Нижнего Тагила
2020 год. Книга вторая.

редактор, составитель – Я.Разливинский
корректор – А.Зорина
технический редактор – М.Ивлева
оформление – Б. Саломатов
обложка – Е. Табатчикова
титольный лист – С. Ивкин

Подписано в печать 10.12.2020.
Шрифт Times New Roman. Бумага офсетная №1.
Усл.печ. л. – 12,1, тираж 125 экз.
Макет, верстка, оформление – объединение «Союз»,
г. Нижний Тагил
Отпечатано в типографии ТРМ
г. Нижний Тагил, ул.Первомайская, 3
заказ 207